

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Арсений, митр. Киевский и Галицкий

**Толкование на первые 26 псалмов
1 ЧАСТЬ**

Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

A-121
~~4917.~~

ТОЛКОВАНИЕ

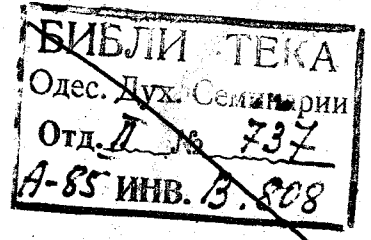
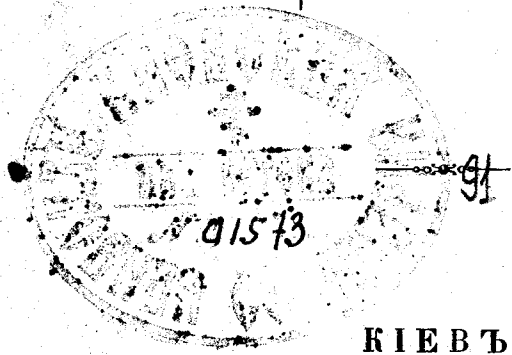
НА ПЕРВЫЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ПСАЛМОВЪ.

ИЗЪ БЕСѢДЪ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНЪЙШАГО АРСЕНІЯ,

МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО И ГАЛИЦКАГО,

говоренныхъ въ г. Варшавѣ.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Киевопечерской Успенской Лавры.

1873 г.

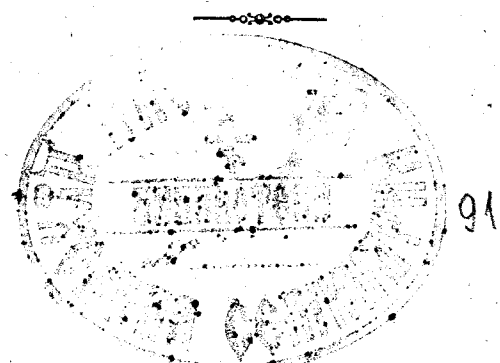

Печатано по опредѣленію Совѣта Киевской духовной Академіи отъ 18 мая 1873 года.

Ректоръ Академіи, *А. Филаретъ*.

Чему не наставитъ тебя Псалтирь?—Ты научишься изъ нея и отличному мужеству, и строгому правосудію, и постоянному воздержанію, и совершенной мудрости, и образу покаянія, и полному терпѣнію; словомъ, ты научишься изъ нея всему доброму. Тамъ есть совершенное богословіе: есть пророчество о пришествіи Иисуса Христа во плоти, есть угроженіе судомъ Божиимъ; тамъ внушается надежда воскресенія, страхъ мученій; тамъ обѣщается слава, открываются тайны; все есть въ книгѣ псалмовъ, какъ въ великой и всеобщей сокровищницѣ.—*Василій великій*, Hom. in 1 Ps. Tom. V. p. 91, edit. Bened.

Книга псалмовъ достойна особеннаго вниманія и занятія предъ другими книгами св. Писанія. Всякій, читающій ее, можетъ найти въ ней, какъ-бы въ раю, все то, что для него нужно и полезно. Книга сія, кажется мнѣ, ясно и подробно излагаетъ всю жизнь человѣческую, всѣ состоянія духа, всѣ движенія ума, и нѣтъ ничего у человѣка, чего бы она не содержала въ себѣ. Хочешь ли каяться и исповѣдываться, угнетаетъ ли тебя скорбь и искушеніе, гонятъ ли тебя или строятъ противъ тебя ковы, уныніе ли овладѣло тобою или безпокойство, или что-нибудь терпишь, стремишься ли ты къ пресѣянію въ добродѣтели и видишь, что врагъ препятствуетъ тебѣ, желаешь ли хвалить, благодарить, славословить Господа? въ божественныхъ псалмахъ найдешь наставленіе касательно всего этого.—*Аванасій великій*, Epist. ad Marcel. Tom. 1. p. 959. 962. Edit. Morel.

ПСАЛОМЪ 1 и 2.

Приступимъ, во имя Божіе, къ исполненію обѣщанія нашего, въ предыдущей бесѣдѣ вамъ даннаго. Празднуемый нынѣ св. церковію благознаменитый день Введенія во храмъ Пренепорочныя Дѣвы Богоматери да будетъ днемъ и нашего вступленія во святилище богодухновенной книги Псалмовъ, или, по переводу съ еврейскаго подлинника, книги хвалений Давидовыхъ, наиболѣе извѣстной христіанамъ подъ именемъ Псалтири царя и пророка Давида. День сей церковь называетъ благоволенія Божія предображеніемъ и человѣкомъ спасенія проповѣданіемъ; ибо въ храмѣ Божіи ясно Дѣва явилась и Христа всѣмъ предвозвѣстила. Да будетъ же онъ и для насъ, по молитвамъ и предстательству всегда готовыя Заступницы нашей Пресвятыя Богородицы, залогомъ и знаменіемъ благодатнаго озаренія и просвѣщенія свыше всякій разъ, когда мы будемъ углубляться въ слово пророческое; ибо и въ семъ словѣ не другой кто либо, какъ тотъ же Христосъ Господь предвозвѣщается и благовѣствуется.

Но дабы войти, сколько возможно, ближе и глубже въ духъ и положеніе священнаго писателя, чтобы живѣе и яснѣе представить и вѣрнѣе изобразить силу и значеніе его писанія и cadaго въ немъ рѣченія; то я прежде всего хотѣлъ бы, чтобы вы вмѣстѣ со мною перенесли вашими мыслями и вашимъ воображеніемъ болѣе, нежели за три

тысячи лѣтъ отъ нашего времени, и слишкомъ за одинънадцать вѣковъ до рождества Христова, чтобы, оставивъ на время Варшаву, переселились умственно въ Иерусалимъ, съ береговъ Вислы на берега Иордана, изъ вашихъ удобныхъ домовъ въ кедровые чертоги Давида, царя израилева, Богомъ и человекѣми прославленнаго, и здѣсь остановились всѣмъ вашимъ вниманіемъ, сюда устремили ваши наблюдательные взоры. Давидъ намъ, слушатели христане, не чужой: св. церковь именуетъ его Богоотцемъ, а мы должны назвать его своимъ праотцемъ по вѣрѣ. Тотъ, чье божественное имя мы носимъ на себѣ, чье ученіе мы повѣдуемъ и чьему вѣруемъ и поклоняемся, яко Творцу и Избавителю своему, произошелъ по плоти отъ чреслъ его, извѣстенъ ему былъ не по имени только, но и по силѣ и дѣяніемъ Его, и нынѣ раздѣляетъ съ нимъ въ преисподнемъ своемъ царствіи ту же славу Отчую, которую общалъ и намъ дать въ томъ же царствіи. Но память отцевъ вообще священна для потомковъ; ихъ жизнь со всѣми ея подробностями, со всѣми даже мелочными обстоятельствами всегда для нихъ занимательна. Съ какимъ сладостнымъ восторгомъ внимаемъ мы рассказамъ о давнихъ предкахъ нашихъ и сколь много сожалѣемъ, когда невѣрное или забывчивое преданіе отказывается удовлетворять нашей любознательности! И такъ поспѣшимъ къ жилищу нашего праотца, станемъ на землю, освященную стопами его. Вотъ крѣпость евусейская, исторгнутая побѣдоносною рукою его изъ рукъ враговъ многочисленныхъ; вотъ знаменитая гора Сіонская, вѣчный памятникъ славы его вѣчныя, а вотъ наконецъ и тотъ кедровый домъ его, въ которомъ онъ, по собственному его признанію предъ пророкомъ Наваномъ, стыдился жить тогда, какъ Богъ обиталъ подъ кожанымъ кровомъ скинии (2 Цар. 7, 36). Правда, домъ сей огроменъ и величественъ, но и во внѣшнемъ, и во внутреннемъ украшеніи его не примѣтно ни особенной

пышности, ни особенной роскоши: не блеститъ здѣсь на каждомъ шагу золото и серебро, не поражаютъ вашихъ взоровъ, ни мраморныя колонны и статуи, ни яшмовыя и порфировыя вазы, ни малахитовыя двери и столы, ни богатоукрашенныя канделябры, ни роскошныя диваны, ни великолѣпныя одры и сѣдалища, не рѣдко оспаривающія цѣну и достоинства у сидящихъ и возлежащихъ на нихъ; не рисуются въ глазахъ вашихъ радужными цвѣтами металлическія зеркала и драгоцѣнныя люстры; не скользитъ нога ваша по лоснящемуся, какъ кристалль, паркету, нѣтъ, — здѣсь больше простоты, соединенной съ величіемъ, нежели изысканнаго великолѣпія, больше приличія, достойнаго царственнаго обитателя, нежели суетной расточительности, свойственной людямъ суетнымъ; здѣсь во всемъ видна бережливо-мудрая рука строителя благочестиваго. Давидъ, отстроивая домъ свой, сберегалъ свои сокровища на замышляемое имъ устроеніе храма Господня, а потому, когда Богъ мира, ему, яко мужу брани, обогрившему руки свои въ крови иноплеменничей, не далъ соизволенія на устроеніе храма сего, предоставивъ оное сыну его Соломону, онъ хотѣлъ участвовать въ томъ по крайней мѣрѣ заготовленіемъ къ тому потребныхъ матеріаловъ. Сколь возвышенна одна сія черта его характера и сколь мало имѣетъ сродства съ настоящими нравами нашими, слушатели! Сколь много между нами такихъ, которые сами будучи частными людьми, живутъ въ зданіяхъ несравненно великолѣпнѣйшихъ, нежели царь израилевъ, и безъ упрека совѣсти оставляютъ храмы Господни непокровенными, полуразрушенными и обнаженными отъ всякаго благолѣпія? Мало ли также и такихъ, которые почитаютъ сіи храмы и вовсе не нужными? Найдется ли наконецъ хотя одинъ изъ тысячи, который, подобно Давиду, получивъ чрезъ служителя Божія столь не деликатный и, можно сказать, обидный отказъ въ постройкѣ храма, не воспылялъ бы на него всѣмъ

ньюсь своимъ, и въ жару благороднаго негодованія своего не прогналъ бы отъ себя столь неблагоприятнаго вѣстника, и не разметалъ бы приготовленныхъ матеріаловъ на четыре стороны, или не употребилъ бы оныхъ на предметы недостойные своего первоначальнаго назначенія, былъ еще менѣе, въ духѣ благочестивой покорности оубо Божіей, рѣшился бы, подобно Давиду, продолжать свои приготовления, по крайней мѣрѣ для будущаго времени? Такъ, возлюбленные чада и братія, Давидъ не поощрялъ насъ, и мы не похожи на него. Но не забудьте, что въ царствѣ Израилевѣ было много похожихъ на Давида; были даже и такіе, которые имѣли дерзновеніе заговаривать ему въ глаза и его временныя слабости. Одинъ изъ посланниковъ Божій, пришедъ къ нему, смѣло сказалъ ему: *ты еси мужъ, сотворивый сіе, и что, яко претворилъ еси слово Господне, еже сотворити лукавое предъ очима Его? И нынѣ не отступитъ мечъ отъ дому твоего до вѣка, за не унижилъ мя еси.* И Давидъ, вмѣсто того, чтобы огорчиться симъ обличительнымъ напоминаніемъ и строгою угрозою, смиренно исповѣдалъ грѣхъ свой, глаголя: *согрѣшихъ ко Господу,* и за то въ то же время услышалъ онъ отрадный привѣтъ: *отъя Господь согрѣшеніе твое, не умреша* (2 Цар. 12, 7. 13). Вотъ новая черта несходства его съ нами! Мы при всемъ ничтожествѣ своемъ слишкомъ горды и надменны, чтобы захотѣли безпрекословно покориться гласу Божію, а Давидъ, при всемъ величій своемъ, слишкомъ умѣлъ смиряться, что охотно внималъ справедливымъ замѣчаніямъ и низкихъ себя. Послѣ сего удивительно ли, что благословеніе Божіе обитало на немъ и на всемъ домѣ его, и весь Израиль во дни его и еще долго потомъ, ради имени его, наслаждался миромъ и спокойствіемъ, довольствомъ и обиліемъ. Послушайте, вотъ что однажды сказалъ ему Богъ, довольный его кротостію и благочестіемъ: *упокою тя отъ*

всѣхъ врагъ твоихъ, и будетъ, егда исполнятся дніе твои и усиеши со отцы твоими, и возставлю съмя твое по тебѣ и уготовлю царство его до вѣка. Азъ буду ему во отца и той будетъ Ми въ сына, и аще придетъ неправда его, обличу его жезломъ мужей и язвами сыновъ человѣческихъ, милости же Моя не оставлю отъ него, якоже оставихъ отъ тѣхъ, ихъ же оставихъ отъ лица Моего. За то сколь трогателенъ и умилителенъ былъ и отвѣтъ Давида: *кто есмь азъ, Господи, мой Господи,* говорилъ онъ ко Господу съ радостію въ сердцѣ и со слезами на глазахъ, *и что домъ мой, яко возлюбилъ мя еси даже до сихъ, и раба твоего ради сотворилъ еси, и по сердцу твоему сотворилъ еси все величество сіе, и что приложитъ еще Давидъ глаголати къ Тебѣ?* (2 Цар. 7, 12. 15. 20. 21). Ахъ, сколь мало сходства его съ нами и въ семъ отношеніи! Мы приедемъ благодѣянія Божіи безъ благодарности, а наказанія терпимъ съ злохуленіемъ. Мы равно нечестивы и въ счастіи и несчастіи.

Но чѣмъ менѣе сходства между нами и нашимъ праотцемъ, тѣмъ болѣе лице его становится для насъ занимательнымъ. Всякая занимательность въ понятіи нашемъ измѣряется новостію; но что можетъ быть новѣе, какъ не древнее благочестіе Давида, не встрѣчающее ничего похожаго въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ? Давидъ при всѣхъ тяжкихъ трудахъ царственнаго управленія находилъ время седмицею днемъ хвалить Господа, а ночью орошалъ молитвенными слезами ложе свое, между тѣмъ какъ мы и при маловажныхъ занятіяхъ, относящихся собственно къ намъ однимъ, едва успѣваемъ въ продолженіи седмицнаго времени одинъ разъ вознести ко Господу жертву хвалы нашей, а ночи всѣ безъ остатка посвящаемъ или сну безпечному, или занятіямъ несравненно постыднѣйшимъ самой безпечности. Колѣна Давидовы изнемогали

отъ поста и молитвы, и плоть его измѣнялась отъ недостатка елѣя, а наша плоть тучнѣетъ и бѣснуется отъ жирныхъ яствъ и вкусныхъ винъ, и колѣна наши, если изнемогаютъ и сокрушаются, тѣ конечно не отъ поста и молитвы, но отъ бѣсовскихъ плясокъ и языческихъ игрищъ. Давидъ не сидѣлъ съ сонмомъ суетныхъ и съ законопреступными не хотѣлъ даже вкушать пищи, а кто наши друзья? съ кѣмъ мы любимъ раздѣлять свою трапезу? Случна для насъ бесѣда праведныхъ, не пріятно общеніе съ братією Христовою.— Но вы доселѣ видѣли, такъ сказать, только внѣшнюю сторону Давида: хотите ли видѣть его внутреннее, читать въ его сердцѣ, слушать его мысли, осязать его чувства? Для сего раскройте ежедневный журналъ его мыслей и чувствованій, читайте книгу, столь много всѣмъ намъ извѣстную, но столь не многими справедливо понимаемую. Это благословенный плодъ благословенныхъ досуговъ его.

Книга сія съ греческаго называется Псалтирюю, а съ еврейскаго книгою хваленій. То и другое названіе совершенно соотвѣтствуетъ своему предмету. Первое заимствовано отъ музыкальнаго инструмента, называемаго *фалтѣрионъ*, которымъ Давидъ любилъ сопровождать свои божественные восторги и вдохновенія, а послѣднее отъ содержанія, потому что большая часть псалмовъ, ее составляющихъ, устремлена къ прославленію Божію.

Достоинство сей книги столь велико, что христіанская церковь приняла ее для ежедневнаго употребленія при Богослуженіи. Она есть сокращеніе всѣхъ священныхъ книгъ; полная совокупность истинъ Богопознанія и Богопочтенія, чистое зеркало духовнаго ученія и житія, которое, будучи одно, соотвѣтствуетъ лицу каждаго; органъ славословій, изъ котораго каждый можетъ извлекать свои звуки; кадило, которымъ каждый можетъ воскурять свои молитвы; совершеннѣйшая ручная книга выс-

шей мудрости для церкви вообще и для членовъ ея въ частности. Таково было понятіе о Псалтири, когда въ познаніи ея и началомъ и концемъ была не одна ученость словесная, но истинная духовная мудрость. Книга Псалмовъ, говоритъ блаженный Августинъ, содержитъ въ себѣ все, что есть полезнѣйшаго въ полномъ видѣ. Св. Василій великій усматриваетъ въ ней совершеннѣйшее богословіе, а св. Афанасій великій видитъ въ ней чудо. Псалтирь имѣетъ, по его словамъ, то особенное чудесное свойство, что всѣ движенія каждой души, всѣ переменны и направленія оныхъ ясно изображаетъ, такъ что всякій можетъ заимствовать изъ нея готовые образы, соотвѣтствующіе его состоянію.

И такъ, и новостъ предмета, при всей своей давности столь мало знакомаго намъ, и столь не сходнаго съ обыкновенными предметами занятій нашихъ, и внутреннее достоинство онаго, единогласно признанное великими мужами, заставляютъ насъ обратить на сей знаменитый памятникъ древности наше полное вниманіе. Давидъ, какъ главный писатель сей книги, и самъ по себѣ заслуживаетъ все наше уваженіе; но онъ въ сей же самой книгѣ сознается, что въ семъ случаѣ былъ только тростию или перомъ книжника скорописца. Кто же управлялъ сею тростию? Кто сей книжникъ и скорописецъ? Это Духъ Святой, который отъ дне помазанія его ношашеся надъ нимъ и потомъ. Онъ управлялъ его умомъ, его сердцемъ, его языкомъ, и потому будемъ внимательны къ каждому его слову, къ каждой мысли и къ каждому чувству. Здѣсь нѣтъ и не должно быть ничего празднаго, ничего излишняго. Слушайте: Давидъ говоритъ Духомъ Святымъ.

Блаженъ мужъ, иже не иде на советъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на съдальщи губителей не съде; но въ законъ Господни воля его, и въ законъ. Его поучитъ день и ноць. Это слова, коими на-

онъ: сію книгу. Замѣчательно, что и Иисусъ Хри-
стосъ началъ свое благовѣстіе проповѣдію о блаженствѣ.
Причина сего согласія заключается частію въ единствѣ
Давидова съ духомъ Христовымъ, а частію въ един-
ствѣ цѣли, которую каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду.
Тотъ и другой имѣлъ наміреніе обратить людей отъ земли
къ небу, отъ міра къ Богу, отъ грѣха къ святости и
добродѣтели, а блаженство, какъ источникъ и основаніе
всѣхъ благъ, есть вѣрное къ тому средство. Кого же
улажаютъ они? Однихъ и тѣхъ же, съ тѣмъ только раз-
личіемъ, что Давидъ именуетъ блаженными вообще рев-
ностныхъ исполнителей закона Божія, а Иисусъ Христосъ
водитъ въ подробности, причисляя къ сему классу ни-
щихъ духомъ и чистыхъ сердцемъ, плачущихъ и изгнан-
ныхъ правды ради, милостивыхъ и миротворцевъ, алу-
щихъ и жаждущихъ правды, кроткихъ и оклеветанныхъ
за Христа и законъ Его. Но какъ слушавшіе Иисуса ска-
зали нѣкогда: *жестоко слово сіе, и кто можетъ его послу-
шати?* такъ, вѣроятно, и нынѣ слушающіе Давида, гово-
рящаго о блаженствѣ столь не сходно съ настоящими
понятіями о блаженствѣ, говорятъ уже въ сердцѣ своемъ:
что это за блаженство, заключившіе въ четырехъ стѣ-
нахъ, день и ночь поучаться одному закону Божію, от-
казаться отъ собраний нечестивыхъ, тогда, какъ тамъ
только и можно найти радости и веселія. Такимъ обра-
зомъ можно умереть со скуки надъ книгою закона! На
все есть свое время. Такъ, возлюбленные мои! У насъ
на все и на всѣхъ есть время, но для помышленія о Богѣ
и законѣ Его у насъ нѣтъ времени. Творецъ времени
лишенъ нами участка своего во времени. Изочтите без-
пристрастно въ жизни своей часы и минуты, посвященныя
Богу и закону Его, сколько ихъ наберется? Увы! Вы за-
трудняетесь набрать нѣсколько мгновений принесенныхъ
въ жертву Богу жизни вашей! Гдѣ же осталась жизнь

ваша? Кому посвящена? На кого расточена? Поймите же
мысль пророка, почему онъ совѣтуетъ убѣгать собраний
нечестивыхъ, и даже не стоять на пути грѣшныхъ и уда-
ляться всякаго съ ними общенія.

Пророкъ израилевъ, разсмотрѣвъ блаженство чело-
вѣка съ отрицательной стороны, далѣе разсматриваетъ оное
съ положительной. Т. е., сказавъ, что нѣтъ сего блажен-
ства въ собраніяхъ нечестивыхъ, далѣе указываетъ, гдѣ
его можно найти. Гдѣ же именно? Страхусь открыть вамъ
отвѣтъ его, слушатели, ибо знаю напередъ, что отвѣтъ
сей не понравится вамъ. Подивитесь, онъ указываетъ бла-
женство въ законѣ Господни, и въ деннонощномъ поученіи
оному: *но въ законѣ Господни воля его*, говоритъ онъ о
блаженномъ человѣкѣ, *и въ законѣ Его поучится день и
ночь* (ст. 2). Тамъ, гдѣ большая часть изъ насъ испыты-
ваетъ одну только утомительную скуку и отягощеніе, про-
рокъ усматриваетъ какое-то блаженство. Удивленіе сіе еще
больше увеличится, когда, испытуя Писаніе, узнаемъ, что
и всѣ другіе Богопросвѣщенные мужи отъ начала міра и
доселѣ, какъ будто нарочно согласившіеся противъ насъ,
единогласно утверждаютъ вмѣстѣ съ Пророкомъ, что внѣ
закона Господня нѣтъ для человѣка блаженства ни на
землѣ, ни на небѣ, и что только въ постоянномъ поученіи
и исполненіи онаго заключается его блаженство, а что всего
важнѣе, и самъ Богъ творецъ и раздаватель сего бла-
женства на ихъ же сторонѣ. *Блаженъ чтый и слышайщій
слова закона Моего*, говоритъ Онъ; *да не отступитъ
книга закона Моего отъ устъ твоихъ, и да поучаешься
въ ней день и ночь, да уразумьши творити вся писан-
ная: и тогда благоуспьши и исправши вся пути твоя*
(Ис. Нав. 1, 8). Вотъ причина, почему Богъ завѣщаетъ
черезъ Моисея Израилю въ столь сильныхъ и убѣдитель-
ныхъ выраженіяхъ, непрестанно помнить и постоянно хра-
пить законъ свой. Онъ желаетъ ему блаженства времен-

наго и вѣчнаго. *Да будутъ словеса сія, яже Азъ заповѣдаю тебѣ днесь, говоритъ Онъ, въ сердце твоемъ и въ души твоей. Возми себѣ и снабди душу твою зломъ и не забуди всѣхъ словесъ, яже видѣста очи твои, и да не отступятъ отъ сердца твоего вся дни живота твоего: и да наставиши сыны твоя и сыны сыновъ твоихъ* (Итор. 6, 6. 4, 9). *Снабди и послушай, присовокупляетъ онъ, и да сотвориши вся словеса, яже Азъ заповѣдаю тебѣ, да благо тебѣ будетъ, и сыномъ твоимъ во вѣки.* Тоже подтверждаетъ чрезъ Соломона. *Сыне, храни законъ Господа Бога твоего, говоритъ сей послѣдній, навяжи его на твою душу присно, и обляжи его о твоей выи; егда ходиши, води его, и съ тобою да будетъ; егда же спиши, да хранитъ тя, да востающу ти, глаголетъ съ тобою: злате свѣтильникъ заповѣдь закона, и свѣтъ и путь жизни, и обличеніе и наказаніе* (Прит. 6, 20—23). *Послѣ сего не болѣе ли удивительно то, что мы одни, имуще только облажающъ насъ облакъ свидѣтелей блаженства, доставляемаго закономъ Господнимъ, остаемся непреклонными къ нему,—что мы одни вмѣсто блаженства находимъ въ занятіи имъ скуку и мученіе, и что убѣжденія самаго Бога, сколь ни сильны и разительны они, нисколько не дѣйствуютъ на насъ и не располагаютъ насъ въ пользу онаго? Кто мы, которые вопреки столь сильнымъ убѣжденіямъ и непреложнымъ обѣтованіямъ Божиимъ, вопреки опытамъ и свидѣтельствамъ мужей, не доступныхъ для лжи и обмана, находимъ законъ сей безвкуснымъ для себя и не достойнымъ нашего занятія? Одинъ изъ нихъ называетъ законъ сей благимъ паче многихъ тысящъ злата и сребра и сладчайшимъ меда и сота устомъ своимъ; другой сравниваетъ его съ драгоценными каменьями, и находитъ еще малымъ сіе сравненіе; одинъ видитъ въ немъ источникъ воды живыя, возвращающей безсмертіе смертнымъ, другой—свѣтильникъ и свѣтъ, разгоняющій тьму невѣжества и за-*

блужденія, и указующій вѣрный путь къ блаженству и славѣ, а мы не усматриваемъ въ немъ даже и такого достоинства, какое охотно уступаемъ и произведеніямъ человѣческимъ! Кто здѣсь справедливѣе? Мы ли, которые на все смотримъ сквозь призму чувственности и самолюбія и непрестанно жалуемся на взаимное пристрастіе въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ, или тѣ, которые жили для истины и запечатлѣли истину своею кровію,—которые хотя на землѣ уже откровеннымъ лицомъ взирали славу Господню, преобразующеся въ той же образъ, яко же отъ Господня Духа, и знали что широта и что глубина, настоящее и грядущее,—были друзьями и присными Богу и въ частыхъ непосредственныхъ собесѣдованіяхъ съ Нимъ почерпали изъ устъ Его небесную премудрость? Мы ли, которые знаемъ законъ Божій только по имени или много, много уже, есля только по буквѣ, или тѣ, которые въ продолженіи цѣлой жизни проникали въ самый духъ онаго, непрестанно пытались и укрѣплялись имъ, какъ небесною пищею? Какъ слабъ и ничтоженъ голосъ нашъ противъ громоноснаго голоса сонма праведныхъ, единодушно восклицающихъ: *коль блазъ законъ твой, Господи, и коль благи оправданія твои! Открой очи наши и уразумѣемъ чудеса отъ закона Твоего.*

Итакъ кто желаетъ быть блаженнымъ и въ жизни и по смерти, тотъ долженъ, по словамъ Пророка, оставивъ нечестивыя собранія, разстроивающія духъ, бесплодно убивающія время, пожирающія богатство и счастье семейственное, обратиться всею душею своею и всѣмъ сердцемъ своимъ къ закону Господню, или, какъ выражается самъ Пророкъ, положить и утвердить въ семъ законѣ волю свою и поучаться въ немъ день и ночь, т. е. не сего-дня или завтра, но каждый день и каждую ночь, не въ молодости только или въ старости, но во всѣхъ возрастахъ и во всѣхъ состояніяхъ, отъ дня рожденія до дня смерти, въ продолженіи цѣлой жизни.

Но что это за законъ, который требуетъ столь долгаго изученія, столь непрерывнаго занятія, столь постояннаго и всецѣлаго усердія? Законъ сей, по изъясненію Иисуса Христа, заключается въ четырехъ словахъ: люби Бога, паче всего, и люби ближняго, какъ самаго себя. Казалось бы, что для изученія столь краткословнаго закона слишкомъ достаточно и нѣсколькихъ мгновений, и мы, повидимому, вполне слѣдуемъ сему правилу. Ибо считите время, обыкновенно употребляемое нами для занятія закономъ Божиимъ, какъ оно мало и ничтожно въ сравненіи съ цѣлою жизнію, въ сравненіи съ довольно огромною массою дней и часовъ, годовъ и мѣсяцевъ, посвященныхъ другимъ занятіямъ, большею частію суетнымъ или даже преступнымъ, рѣдко въ какомъ нибудь отношеніи полезнымъ, а чаще вреднымъ для души и для тѣла. Ахъ! оно едва ли составитъ и нѣсколько мгновений. Но и сіи мгновения всѣ ли безъ остатка и исключительно посвящены одному закону Господню? Не большая ли часть ихъ похищена у него или легкомысліемъ дѣтскаго возраста, который обыкновенно для него назначается, или воспоминаніемъ игръ и забавъ, отъ коихъ дѣти прямо отторгаются къ книгѣ закона, и взаимно отъ сей послѣдней непосредственно переходятъ къ первымъ, или слабостію разсудка, или живостію и раздражительностію чувствъ, или неблагоприятными поступками наставниковъ, или соблазнительными примѣрами отцевъ и матерей? И къ сожалѣнію сей образъ наставленія въ законѣ Божіемъ содѣлался почти всеобщимъ. Отсюда естественно, что мы и въ зрѣломъ возрастѣ и въ глубокой старости остаемся не больше, какъ съ младенческимъ познаніемъ закона сего. Но что я говорю съ младенческимъ? Мы бы еще были довольно счастливы, по крайней мѣрѣ несравненно счастливѣе, нежели теперь, если бы сіе самое младенческое познаніе, сколь оно ни несовершенно и недостаточно, умѣли сохранить до конца жизни

нашей въ его первообразной простотѣ и чистотѣ. Но много ли между нами найдется такихъ, которые не говорю въ цѣлую жизнь, по крайней мѣрѣ до половины оной успѣли сохранить сіе познаніе, безъ всякой приимси предрассудковъ и заблужденій, ложныхъ умствованій и своевольныхъ заключеній, сначала слабо колеблющихся сіе слабое зданіе, потомъ съ теченіемъ лѣтъ, съ усиленіемъ чувственности, съ умноженіемъ порочныхъ навыковъ и наклонностей часть отъ часу болѣе потрясающихъ оное, а наконецъ при какомъ нибудь новомъ усиленномъ порывѣ бури страстей и совсѣмъ разрушающихъ оное, погребая подъ его развалинами новорожденнаго внутренняго челоуѣка, еще млекою только словеснымъ питавагося, но не вкусившаго твердыя пищи вѣры? И чей голосъ воззоветъ къ новой жизни погибшаго? Чья рука возставитъ падшаго? Умертвить легко, но оживить трудно. Взывайте къ умершему сколько хотите: востани, востани спай и воскресни отъ мертвыхъ; но мертвый не слушаетъ васъ: замеръ слухъ его, замкнулись уста, нѣтъ отвѣта на воззванія. Крѣпка смерть и тѣлесная, и кто можетъ разрѣшить ея узы? но смерть духовная столь же крѣпче тѣлесной, сколь крѣпче духъ тѣла, кто же побѣдитъ ее?.. Есть сила, могущая и ее побѣдить, но не вѣдущій закона Господня не вѣдаетъ ея и не прибѣгаетъ къ ней. О! возлюбленные! Вникните въ ваши совѣсти и испытайте самихъ себя, чувствуете ли вы внутри себя въ семъ священномъ мѣстѣ, при семъ великомъ священнодѣйствіи, при сихъ торжественныхъ пѣснопѣніяхъ и молитвахъ радостныя движенія вашего внутренняго челоуѣка точно также, какъ праведная Елизаветъ ощущала во чревѣ своемъ радостное играніе младенца Предтечи, при благодатномъ цѣлованіи Богообрадованной? Если чувствуете, то онъ живъ еще и сѣмя Богопознанія, поверженное на ниву сердець вашихъ, растеть еще и спѣеть во благословеніи; если же нѣтъ, если ощу-

Щете въ себѣ противное, то сядьте при развалинахъ
вашего Боговѣденія, какъ нѣкогда сидѣли іудеи при раз-
валинахъ Іерусалима разрушеннаго, и оплачьте потерю
внутренняго человѣка вашего. *Рахиль плакашеся о ча-
дѣхъ своихъ, и не хотѣше утѣшиться, яко не суть:*
скорѣе ли утѣшитесь вы, погубивъ сына благодати? Таковы
гибельные плоды скороспѣлаго изученія закона Господня.
Нѣтъ, нѣтъ, слушатели! Законъ Господень кратокъ, но
изученіе его не можетъ быть кратковременно; оно должно
продолжиться чрезъ всю жизнь, и полнота жизни самой
погодѣней не исчерпаетъ еще всей полноты его. Сколько
христіанъ посѣдѣлыхъ во днѣхъ своихъ нисходятъ во гробъ
только младенцами о Христѣ! Благодатный человѣкъ спѣ-
етъ медленно, идетъ шагъ за шагомъ, *дондеже дости-
нетъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста испол-
ненія Христова.*

Такъ что же, скажутъ можетъ быть многіе, неужели
въ самомъ дѣлѣ цѣлую жизнь и непрестанно заниматься
однимъ только закономъ Божиимъ, а всѣ прочія занятія
оставить? О! нѣтъ. Законъ Божій не только не препят-
ствуетъ всѣмъ другимъ занятіямъ, но напротивъ предписы-
ваетъ и требуетъ ихъ, какъ необходимыхъ для своего
выраженія и доказательства. Вы слышали уже, что Богъ
законодатель повелѣваетъ заниматься своимъ закономъ
сидя въ дому, идя путемъ, лежа и востая, слѣд. законъ
не воспящаетъ ни занятій домашнихъ, ни путешествій, ни
сна, ни покоя, а желаетъ только во всѣхъ сихъ и по-
добныхъ имъ случаяхъ, или что то же во всѣхъ нашихъ
дѣйствіяхъ, неотлучно присутствовать и участвовать,
какъ другъ и совѣтникъ, какъ управитель и защитникъ.
Ап. Павелъ еще яснѣе выражаетъ сію мысль, говоря:
*аще ясте или піете, или ино что творите, вся во славу
Божію творите;* ибо цѣль закона есть слава Божія. И
такъ непрестанно заниматься закономъ Божиимъ, значить

непрестанно и при всѣхъ занятіяхъ своихъ имѣть его въ
виду, всецѣло покоряться его предписаніямъ, ничего не
предпринимать противнаго ему и все располагать по его
указанію; для сего нужно сколько возможно чаще читать
его, углубляться въ смыслъ его и познавать его тайны,
сокровенныя въ буквѣ. Посему дѣетъ ли кто куплю и
продажу? Пусть помнитъ таковой, что законъ не одобряетъ
мѣрила неправеднаго, а барыши насильственные почи-
таетъ хищеніемъ, за которое угрожаетъ неминуемою ме-
стію. Засѣдаетъ ли въ судѣ? Пусть знаетъ таковой, что
законъ призвалъ его для оправданія невиннаго, для за-
щиты утѣсненнаго, для покровительства несчастному, а не
для собиранія сокровищъ неправедныхъ и даже не для
устроенія семейства своего мздою лихоимною. Поставленъ
ли главою надъ подобными себѣ? Пусть твердо помнитъ
таковой, что онъ поставленъ верховнымъ Владыкою, не
для исполненія своихъ прихотей, не для удовлетворенія
гордости и любочестію, но для устроенія царства Христова
въ тѣхъ, которые подъ рукою его. Вступаетъ ли кто
въ разговоръ? Пусть блюдетъ таковой, да не изыдетъ
изъ устъ его слово, не растворенное солію вѣры. Мы-
слить ли самъ съ собою? Пусть станетъ стражемъ при
дверяхъ души своея, да не возникнетъ въ умѣ его воз-
ношеніе, взимающееся на разумъ Божій. Приступаетъ ли
къ трапезѣ? Пусть прежде благословитъ Бога, дающаго
пищу всѣмъ во благовременіи. Отходить ли ко сну? Пусть
призоветъ въ молитвѣ своей Господа, не дремлющаго,
ниже засыпающаго, да подастъ ему сонъ чистъ и без-
мечтаненъ, и да сохранитъ его отъ дѣйствія сатанина.
Словомъ, пусть во всѣхъ дѣлахъ своихъ и важныхъ и
маловажныхъ имѣетъ онъ предъ очами своими и въ мы-
сляхъ своихъ и въ сердцѣ своемъ законъ Господень,
поучающій и вразумляющій его, наказующій и обличаю-
щій, очищающій и устрояющій въ жилище Духа Святаго.

О! сколь блаженъ таковой человекъ и сколь благоуспѣшны
во дѣла его! Пророкъ сравниваетъ его съ деревомъ, на-
саженнымъ при исходящахъ водѣ, которое даетъ плодъ
во время свое, и котораго листъ не отпадаетъ, — сравне-
ніе, по видимому, простое и весьма естественное, но сила
и выразительность его изумительны, глубина и обширность
включенной въ немъ мысли, можно сказать, не измѣримы.

Употребленное Пророкомъ, для изображенія блажен-
ства человека благочестиваго, сравненіе дѣйствительно
столько съ одной стороны точно и вѣрно, столько же съ
другой весьма сильно и знаменательно. Онъ сравниваетъ
его съ деревомъ не просто растущимъ при водахъ, хотя
и тогда сравненіе это было бы довольно выразительно,
но съ деревомъ, насаженнымъ при исходящахъ водѣ, съ
деревомъ вѣчно зеленѣющимъ, потому что листья съ него
никогда не опадаютъ, съ деревомъ всегда приносящимъ
плоды во время свое, потому что никогда въ немъ не бы-
ваетъ недостатка въ сокахъ плодотворныхъ. Очевидно, что
такого дерева въ природѣ нѣтъ и быть не можетъ; ибо
и растущія при водахъ нерѣдко засыхаютъ, бывъ под-
точены червемъ, или отъ другой какой либо подобной при-
чины; въ извѣстное время года лишаются листьевъ, или
до извѣстной степени измѣняютъ свой видъ, и отъ времени
до времени бываютъ бесплодными, слѣд. это дерево долж-
но быть чудесное; ибо и предметъ здѣсь описываемый
также необычайный и чудесный. Что же хотѣлъ этимъ
сказать пророкъ? То, что благочестіе въ людяхъ не само
собою вмѣстѣ съ тѣломъ рождается, но приобретается тру-
домъ усиленнымъ, постояннымъ и продолжительнымъ. Всѣ
мы, по Апостолу, *естествомъ чада злва*, всѣ дѣти грѣха
и беззаконія, всѣ отъ юности болѣе или менѣе склонны
къ злу. И такъ, чтобы подавить и истребить, или по край-
ней мѣрѣ до извѣстной степени умѣрить сію злую склон-
ность, для сего надобно прежде всего сѣмя благочестія

взять отъ нуды, потомъ посадить его въ твердой и каме-
нистой почвѣ сердца человѣческаго при источникахъ Изра-
илевыхъ и при самыхъ исходящахъ благодати Божіей и
наконецъ, почерная отсюда нелѣпно, по мѣрѣ потреб-
ности, воду чистую, часто ею поливать, напаять и возвра-
щать: сіе сѣмя инородное и иноземное. Только тогда оно
можетъ укрѣпиться, возрасти и принести плоды обильные.
Только при такихъ условіяхъ человекъ, такъ воспитавшій и
образовавшій себя, подлинно *вся, елика аще творить,*
успѣетъ, т. е., во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ, о чемъ ни
замышляетъ, получить вѣрный успѣхъ: потому что всѣ его
замыслы, всѣ желанія и дѣйствія главнымъ образомъ на-
правлены къ одной дѣли, къ его вѣчному спасенію, кото-
рое всемогущій и всеблагій Богъ и даетъ невозбранно и
нелицепріятно всѣмъ, искренно желающимъ, неослабно
ищущимъ и усердно просящимъ его. Дѣла его земныя
идутъ такъ или иначе, выгоды и преимущества веще-
ственные возрастаютъ или умаляются, для него все равно,
потому что въ томъ и другомъ случаѣ равно видитъ онъ
десницу Божію, благоустрояющую судьбу его. Такъ назы-
ваемое счастье и несчастье прямо и непосредственно на
него не дѣйствуютъ; но онъ уважаетъ и дѣлаетъ ихъ только
въ такой мѣрѣ, въ какой они способствуютъ ему къ до-
стиженію главной дѣли бытія его. И первое излишне не
возвышаетъ и не надмеваетъ его, и послѣднее не унижа-
етъ и не низлагаетъ, но то и другое постепенно и не-
престанно движитъ его впередъ на пути избранномъ и
приближаетъ къ дѣли предназначенной. *Любимъ Бога,*
говоритъ Апостолъ, вся споспѣшествуютъ во благое. Но
что это за чудесное дерево, на которое пророкъ намека-
етъ въ своемъ сравненіи? Отцы церкви: св. Аванасій
Великій, Іоаннъ Златоустъ и блаженный Теодоритъ видятъ
въ немъ дерево креста Христова, а въ исходящахъ водѣ, при
которыхъ оно насажено, исходяща воды и крови, изъ

БИБЛИОТЕКА
№ 01573

БИБЛИОТЕКА
Одес. Дух. Семинарии
Отд. 7 № 237
А-95 ИМБ. 13.808

пречистыхъ ребръ Христовыхъ истекшія во спасеніе міра. И дѣйствительно, къ одному только этому древу, какъ особенному и исключительному можетъ быть отнесено во всей силѣ то, что говоритъ о немъ Пророкъ. Бывъ однажды насаждено въ землѣ проклятія, оно не колеблется, не обнажается, не падаетъ, но стоитъ крѣпко и неподвижно силою на немъ Распятаго посреде́ земли, содѣвая спасеніе человѣческое, вѣчно зеленѣетъ, цвѣтетъ и благоухаетъ ароматами неистощимыми и приноситъ неизмѣнно плоды сторичные во времена своя. И такъ, главною причиною блаженнотворнаго состоянія, въ которомъ находитъ пророкъ ублажаемаго имъ мужа, есть вѣра во Христа; она, съ одной стороны, открывая его взору суету міра дольнаго и непостоянство благъ его скоропреходящихъ и тлѣнныхъ, а съ другой—перенося его мыслию и сердцемъ въ міръ невидимый, въ которомъ уготованы для него блага вѣчныя и нескончаемая, блага, *ихъ же око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце чело́вѣку не въздоша*, тѣмъ самымъ побуждаетъ его пренебрегать первыми и всеусильно искать послѣдняго, удалиться отъ собраний нечестивыхъ и углубляться въ тайнахъ боговѣденія, не ходить по путямъ стропотнымъ порока и даже на краткое время на нихъ не останавливаться, но постоянно и неуклонно шествовать вѣрнымъ, хотя тѣснымъ и тернистымъ, путемъ добродѣтели. Что же послѣ сего будутъ, въ приложеніи къ самому чело́вѣку, богато насажденному, исходяща водъ, при которыхъ насажденъ онъ? По разумѣнію тѣхъ же Отцевъ Церкви, это суть таинства крови и воды, или что то же, таинства крещенія и причащенія, очищающія его отъ прирожденной скверны и возвращающія въ жизнь нетлѣннѣя и безсмертнѣя; это суть рѣки Духа Господня, изливающіяся для насъ въ писаніяхъ святыхъ, и потомъ отъ чрева пріемлющихъ оныя, въ видѣ животворныхъ истоковъ изливающіяся на всяку тварь, во всѣхъ

словахъ, мысляхъ и дѣлахъ ихъ. Что благолѣпныя листья, цвѣты и плоды сего древа? Разнообразныя и присноцвѣтущія добродѣтели, коими душа вѣрная украшается и отъ благодати Божіей никогда не отпадаетъ. Сего ради чело́вѣку, тако себя благоустроившему, *вся, елика аще творитъ*, ради креста Христова спѣются.

Не тако нечестивіи, говоритъ далѣе пророкъ, *не тако* (ст. 4), продолжаетъ подтверждать свою мысль. А какъ же, спросите вы, если не такъ же, какъ благочестивые, о свойствѣ и судьбѣ коихъ вы уже получили изъ устъ пророка достаточное понятіе? Удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ сей потрудитесь поискать въ своемъ размышленіи и сознаніи, дабы послѣ имѣть удовольствіе увидѣть подтвержденіе онаго въ словахъ пророка и въ нашемъ толкованіи.

Мы остановились на описаніи судьбы нечестивыхъ, занимающихся дѣлами суетными и ничтожными, и потому уже преступными по противоположности благочестивымъ, день и ночь поучающимся въ законѣ Господни. Я представилъ вашему размышленію угадать мысли пророка, и думаю, что оно уже указало вамъ то, что я долженъ сказать нынѣ, и что сказалъ пророкъ за три тысячи лѣтъ. Вотъ слова пророка: *не тако нечестивіи, не тако, но яко прахъ, его же возметаетъ вѣтръ отъ лица земли* (ст. 4). Что здѣсь замѣчаете? Во-первыхъ, нечестивые противопоставляются благочестивымъ, а сихъ послѣднихъ пророкъ называетъ блаженными, слѣд., судьба первыхъ должна быть крайне несчастна. Во-вторыхъ, какъ благочестивые сравниваются съ многоплоднымъ деревомъ, растущимъ при исходящихъ водъ, такъ нечестивые сравниваются съ прахомъ, или, что то же, съ безплодными плевами, возметаемыми вѣтромъ, слѣдовательно, какъ первые полезны для себя и для другихъ, такъ послѣдніе бесполезны въ томъ и другомъ отношеніи; первые тверды и

остоянны, подобно древу, глубоко утвержденному корнями своими въ землѣ благотворной, а послѣдніе легки и удобопреклонны, подобно плевамъ, при вѣяніи жита легко воздымаемымъ и всюду разсѣваемымъ вѣтромъ. Замѣьте притомъ, что сравненіе нечестивыхъ съ прахомъ или плевами, возметаемыми вѣтромъ, есть самое употребительное у св. писателей. Такъ, тотъ же пророкъ говоритъ въ псалмѣ 34-мъ о нечестивыхъ: *да будутъ они, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра*. Равнымъ образомъ пророкъ Осія о нечестивыхъ Ефремлянахъ предсказываетъ: *сего ради будутъ, яко плевы съ тока и прахъ съ вѣтвія, разсѣваемый вихромъ, яко же дымъ изъ трубы* (Осіи 13, 3). Самъ Иисусъ Христосъ неоднократно употребляетъ то же сравненіе въ подобныхъ случаяхъ. Значитъ, сіе сравненіе тѣмъ большую должно имѣть для насъ важность и силу, тѣмъ менѣе можно сомнѣваться въ истинѣ изображаемаго имъ, что Духъ Святой употребляетъ одно и то же выраженіе при различныхъ случаяхъ для изображенія одного предмета. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ лучше и сильнѣе изобразить всю пустоту мыслей, всю зыбкость началъ, всю измѣнчивость чувствъ, всю суетность занятій и попеченій, все непостоянство надеждъ и обѣтовъ, утѣхъ и радостей нечестивыхъ, ежедневно кружащихся въ вихрѣ свѣта, движущихся подобно машинамъ, по направленію страстей своихъ, то воздымающихся, то ниспадающихъ, смотря по погодѣ, подобно чувствительному термометру, то съ стремительною серны гонящихся за призракомъ своего счастья, то съ ужасомъ удаляющихся отъ мнимаго несчастья, что иное, какъ не прахъ возметаемый вѣтромъ, какъ не плевы, нѣсколько времени носящіяся въ воздухѣ то въ такомъ, то въ другомъ направленіи, и потомъ упадающія на землю или для того, чтобы смѣшаться съ нею, или для того, чтобы послѣ быть преданными огню? Хотите ли видѣть на опытѣ и въ

совокупности всѣ сіи явленія? Для сего поставьте нечестиваго въ состояніе счастья, дайте время раскрыться въ немъ безразсуднымъ его планамъ, возвыситесь мечтамъ его, вознеситесь его сердцу, и тогда, какъ безпокойный умъ его станетъ, повидимому, на твердую точку своихъ замысловъ, а сердце будетъ затрудняться только въ выборѣ желаній, а не въ средствахъ къ удовлетворенію оныхъ, переведите вдругъ его въ состояніе несчастья, и вы увидите, какъ въ одно мгновеніе вся система его поколеблется, всѣ планы его разстроятся, и весь онъ съ своими мечтами и надеждами, съ своими замыслами и предпріятіями обрушится на самого себя и задушитъ самъ себя въ объятіяхъ своего огорченнаго самолюбія, истребится въ огнѣ изступленія и развѣется вѣтромъ отчаянія. Пророкъ неоднократно видѣлъ сей несчастный опытъ и съ прискорбіемъ говоритъ: *видѣхъ нечестиваго, возносящагося и высыщагося, яко кедръ ливанскій, и мимо идохъ, и се не бѣ, и не обрѣтется мѣсто его*. Другой пророкъ видѣлъ нечестиваго бѣгающимъ, *никому же гонящу, ужащающимся самого себя, трепещущимъ предъ собственною тѣнію*. И сколько подобныхъ, столь же или болѣе жалкихъ опытовъ совершается предъ нами самими! Живя въ семъ мірѣ грѣшномъ и прелюбодѣйномъ, что иное можно чаще встрѣтить и чѣмъ болѣе обогатиться, какъ не сими злополучными опытами?

Но сіе злополучное состояніе есть только преддверіе, есть только слабое предображеніе того ужаснаго состоянія, которое испытаютъ нечестивые стоя на судѣ. *Сего ради*, продолжаетъ пророкъ, *не воскреснутъ нечестивіи, или что тоже, не устоятъ, т. е. не оправдаются на судѣ, ниже грѣшницы въ совѣтъ праведныхъ* (ст. 5). О какомъ судѣ говоритъ здѣсь пророкъ? Обыкновенно думаютъ, что здѣсь говорится исключительно о послѣднемъ или страшномъ судѣ Божию. Но ни значеніе еврейскаго слова,

означаючого судъ вообще, ни связь предыдущаго съ послѣдующимъ, ниже другіе какіе либо признаки не ведутъ насъ къ сему заключенію. Слово *судъ* въ еврейскомъ текстѣ стоитъ безъ члена, но нѣтъ примѣра, чтобы слово сіе, стоящее безъ члена, гдѣ либо въ св. писаніи означало послѣдній или страшный судъ; напротивъ, вездѣ, гдѣ только св. писатели хотѣли говорить о семъ послѣднемъ или страшномъ судѣ, прибавляли къ сему слову членъ, который въ славянскомъ переводѣ иногда замѣняется мѣстоимѣніемъ—оный, а иногда оставляется безъ перевода. Такъ у Экклезіаста говорится: *яко все твореніе приведеть Богъ на судъ о всякомъ погрѣшеніи, аще благо и аще лукаво* (Эккл. 12, 14. 2 Кор. 5, 10), гдѣ слово *судъ* употреблено съ членомъ. И такъ нѣтъ никакой надобности ограничивать значеніе слова сего, относя оное исключительно къ послѣднему всемірному суду. Пророкъ не ограничилъ, и мы не должны ограничивать онаго. Слѣдъ, судъ здѣсь разумѣется вообще, не только послѣ-смертный, но и предсмертный, не только Божескій, но и человѣческій, впрочемъ не всякій, но только праведный; ибо онъ, по указанію пророка, въ другомъ полустіиши, долженъ совершаться въ собраніи праведныхъ: *ниже грѣшницы въ совѣтъ праведныхъ*, говоритъ пророкъ. Нечестивые на томъ и другомъ судѣ равно не устоятъ. Не устоятъ они на праведномъ судѣ человѣческомъ; ибо что они могутъ представить въ оправданіе своего нечестія? Обыкновенные ли слабости человѣческія? Соблазнительные ли примѣры другихъ? Или очаровательныя прелести міра? Но праведные въ самихъ себѣ откроютъ имъ обличеніе, постыждающее и посрамляющее ихъ нечестіе. *Спобореть же съ ними и міръ на безумныя*. И мы, скажутъ имъ праведные, были вамъ подобострастные человѣки, и мы въ беззаконіяхъ зачаты и во грѣхахъ рождены, и намъ, также какъ и вамъ, отъ юности прилежало помышленіе на злая, и насъ манилъ

міръ своими прелестями, увлекалъ своими соблазнами: но мы распялись міру и міръ намъ, умертвили въ себѣ тройственную похоть его, похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейскую, побѣдили помышленіе лукавое и покорили себя въ послушаніе вѣры. Вся возмogli о укрѣпляющемъ насъ Христѣ Исусѣ. Съ другой стороны, привычная жалоба на слабости человѣческія и сама въ себѣ слишкомъ несправедлива. Не большаго ли напряженія силъ, не большихъ ли изнуреній, не большихъ ли жертвовацій отъ насъ требуетъ нечестіе, нежели благочестіе? Благочестіе ничего не возлагаетъ на насъ выше силъ нашихъ, а нечестіе? О! оно поступаетъ съ нами, какъ тиранъ жестокой и немолитимый. Оно требуетъ отъ насъ роскоши и великолѣпія, когда мы едва имѣемъ кусокъ насущнаго хлѣба, и горе тому, кто, послѣ долговременной слѣпой покорности ему, сдѣлается ослушникомъ законовъ его. Оно мучитъ насъ дни и ночи безъ сна и покоя, и бѣда тому, кто захотѣлъ бы лучше воспользоваться правами природы, нежели быть раболѣпнымъ поклонникомъ сего бездушнаго истукана. Оно платитъ намъ за великія для него жертвованія, за огромныя издержки, за ежедневныя суеты и безпокойства, злыми насмѣшками, язвительными укоризнами, убійственнымъ презрѣніемъ, и несчастенъ тотъ, кто не перенесетъ сего безропотно. Благочестіе ничего не требуетъ, за что не вознаградило бы сторицею. За постъ вознаграждаетъ здоровьемъ, за молитвы—утѣшеніями благодати, за благотворенія—удовольствіемъ душевнымъ и безсмертіемъ, за поношенія—славою, за несчастія земныя—блаженствомъ небеснымъ, за скорби временныя—радостями вѣчными, за исканіе царствія Божія даетъ сіе царствіе и сверхъ того присовокупляетъ все необходимое для жизни временной. *Ищите прежде царствія Божія*, говоритъ небесный Учитель, *и сія вся*, т. е. потребности жизни, *приложатся вамъ*. А нечестіе все отнимаетъ, но ничего не возвращаетъ; все

расточаетъ, но ничего не собираетъ; изнуряетъ, но не возстановляетъ; умерщвляетъ, но не воскрешаетъ. Столь же справедлива жалоба на соблазнительные примѣры другихъ. Нигдѣ столь мало мы не походимъ на самихъ себя, какъ когда говоримъ о увлекающихъ насъ примѣрахъ. Какъ! мы, для которыхъ самолюбіе назначаетъ высшую степень предъ всѣми подобными намъ, которые другихъ столь рѣдко удостоиваемъ сравненія съ собою, не говорю уже преимуществъ предъ собою, не стыдимся говорить, что мы увлекаемся примѣрами другихъ, что мы раболѣпно подражаемъ другимъ. Несчастные! Развѣ вы не видите, что вы дѣйствуете противъ самихъ себя, противъ собственного самолюбія? Страхните съ себя постыдное иго сіе, если не по другому какому либо болѣе возвышенному чувству, то, по крайней мѣрѣ, по чувству своего самолюбія! А прелести міра? Но ахъ! кто не знаетъ, сколь не многимъ оказываетъ міръ благосклонность свою, и то на долго ли? Укажите мнѣ хотя одного изъ тысячи, который бы постоянно пользовался ею по крайней мѣрѣ до пол-жизни. Но велика ли и вся жизнь наша въ сравненіи съ вѣчностію, для коей мы предназначены? Менѣе, нежели одинъ протекшій мигъ. Что же послѣ сего прелести міра? Однѣ мечты и призракъ. Вмалѣ являютъся и вмалѣ исчезаютъ. *Преходитъ образъ міра сего*, говоритъ апостоль. Кромѣ того, міръ крайне скупъ на любовь свою и щедръ на вражду. Богъ возлюбилъ насъ прежде, нежели мы возлюбили Его, а міръ ненавидитъ насъ и тогда, когда мы любимъ его и ползаемъ предъ нимъ. Богъ благодворилъ намъ, спасалъ насъ и тогда, когда мы были преступниками противъ Него, сынами гнѣва и осужденія, а міръ платитъ намъ презрѣніемъ или равнодушіемъ за всѣ услуги, за всѣ угожденія ему. Нѣтъ, міръ въ семь случаѣ правъ: онъ не влечетъ, но отталкиваетъ насъ; не обольщаетъ, но разочаровываетъ насъ ежедневными измѣнами, постоян-

нымъ посмѣяніемъ надъ нашею къ нему привязанностію. И такъ, нечестивые ни въ себѣ, ни внѣ себя не найдутъ для себя оправданія предъ праведнымъ судомъ человѣческимъ. Что же сказать о судѣ Божіемъ? Гдѣ обрящутся вси творящіи нечестіе въ день оный страшный, когда самые праведные съ трепетомъ предстанутъ предъ грозное судище Христова? И что, кромѣ стыда и позора вѣчнаго, кромѣ тьмы кромѣшной и огня геенскаго ожидаетъ ихъ на ономъ? Устоитъ ли неправда предъ правдою безпредѣльною, нечестіе—предъ святостію совершеннѣйшею? *Оправдишися*, восклицаетъ тотъ же пророкъ къ Богу правосудному, *всегда судити Ти. Аще беззаконія назиши, Господи, кто постойтъ?* Здѣсь нѣтъ мѣста оправданіямъ; уста ихъ замолкнутъ, языкъ будетъ связанъ обличеніемъ совѣсти; они услышатъ только грозное опредѣленіе судящаго: *отидите отъ Мене..... Яко вѣсть Господь путь праведныхъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ* (ст. 6). Вотъ причина, почему Богъ поступитъ такимъ образомъ съ праведными и нечестивыми: потому что Богъ знаетъ путь праведныхъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ. Слово: *знаетъ* употреблено въ сихъ словахъ въ значеніи одобренія, а путь—въ значеніи дѣлъ. То и другое значеніе нерѣдко встрѣчается въ Св. Писаніи. Такъ наприм., *уклоняющагося отъ мене лукаваго не познахъ*, т. е. не одобрялъ его и не входилъ съ нимъ въ сообщество (Псал. 100, 4). Въ другомъ мѣстѣ: *путь неправды возненавидѣхъ*, т. е. дѣла неправедныя возненавидѣлъ.

За симъ стихомъ, по нашему раздѣленію, начинается второй псаломъ, но въ еврейскомъ текстѣ тотъ и другой соединяются въ одинъ, чему благопріятствуетъ, какъ увидите въ послѣдствіи, и единство содержания или смысла; ибо второй псаломъ есть не что иное, какъ продолженіе перваго. Въ семь псалмѣ апостолы: Петръ, Іоаннъ и Павелъ

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

скими словами ¹⁾ указуютъ намъ Богочеловѣка Христа, торжественно приѣмлющаго отъ Бога Отца вѣчное всемірное царство свое. Тщетно нечестивые племена и народы, высокохвальные цари и вельможи востаютъ противу Господа и помазанника Его, сего новаго Царя и Владыки своего (ст. 1, 2); напрасно смятутся освободиться изъ-подъ вліянія всемогущей десницы Его и мнятъ дерзостно расторгнуть спасительныя узы покорности Ему и свергнуть благое и легкое иго Его (3). Живущій на небесахъ и назирающій за враждебными и вмѣстѣ бесполезными ихъ замыслами Господь въ тайнѣ посмѣвается имъ (4); и потомъ, когда дерзость ихъ достигла уже до послѣдней крайности, когда земный престолъ помазанника Господня обогрѣнъ былъ уже Его собственною кровію, Всевышній во гнѣвъ своемъ всемогущимъ своимъ словомъ: *Азъ помазахъ царя моего на Сионѣ, горѣ святой моей* (6), какъ громомъ поражаетъ богоотступниковъ, приводитъ въ смятеніе (5) и разсѣваетъ ихъ (9), а поруганнаго Царя ихъ со славою возводитъ на небеса, спосаждаетъ одесную Себе и снова даруетъ Ему всѣ народы въ наслѣдіе Его и всѣ предѣлы земли въ обладаніе Его,—и торжествующій Богочеловѣкъ въ слухъ цѣлаго міра открываетъ о Себѣ опредѣленіе Господа: *Господь рече ко Мнѣ, вѣщаетъ Онъ, Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесь родихъ Тя. Проси отъ Мене, и дамъ Ти языки достояніе твое, и одержаніе твое концы земли* (7. 8.) Божественный псалмопѣвецъ, созерцая все сіе пророческимъ духомъ, въ заключеніе псалма (ст. 10—12) убѣждаетъ безразсудныхъ мятежниковъ покориться новому Владыкѣ своему и облобызать Сына Божія въ знакъ вѣч-

¹⁾ *Иже Духомъ Святымъ усты отца нашего Давида рекъ еси: вскую шаташася языцы и людіе поучишася тщетнымъ? Предсташа царіе земстїи и князи собрашася купити на Господа и на Христа Его. Собрашася воистину во градъ семъ на святаго отрока Твоего Иисуса, елюже помазалъ еси* (Дѣян 4. 25. 13, 33).

наго Ему повиновенія. *И такъ, цари, вразумитесь, говоритъ Онъ, научитесь, судїи земли: Служите Господу со страхомъ и радуйтесь предъ Нимъ съ трепетомъ. Почтите Сына, чтобы Онъ не прогнѣвался, и вы не пошибли въ пути вашимъ: ибо гнѣвъ Его возгорится вскорѣ.*

Теперь намъ надлежало бы, дабы лучше припомнилось и глубже напечатлѣлось въ умѣ и сердцѣ каждое слово пророка и соотвѣтствующее ему понятіе, прочитавъ оба разсмотрѣнные нами псалма сряду, раздѣльно и со вниманіемъ; но это все можете сдѣлать у себя и сами дома, на свободѣ, безъ помѣхи и развлеченія, съ такими разстановками, какія каждому изъ васъ, для полнаго вразумленія смысла, примѣнительно къ объясненію, отъ насъ слышанному, окажутся нужными, что я совѣтовалъ бы дѣлать вамъ и каждый разъ, какъ готовитесь идти въ церковь и какъ выходите изъ церкви, или вставая отъ сна и отходя ко сну; псалтирь, вѣроятно, у всякаго изъ васъ есть, а если нѣтъ, то пусть купитъ,—книга не дорогая, но спасительная, усладительная въ счастіи и утѣшительная въ несчастіи, отрада и ободреніе для души, охраненіе и врачеваніе для тѣла. Кто ее читаетъ или слушаетъ часто и внимательно, тотъ не падетъ подъ бременемъ скорбей, не поколеблется отъ искушеній, не застоитъ и не погибнетъ на распутьяхъ. А мы между тѣмъ малымъ участкомъ времени, который на нашу долю отъ васъ обыкновенно остается, воспользуемся, чтобы ввести васъ, такъ сказать, въ самое сердце пророка и открыть вамъ, по крайней мѣрѣ до той степени, до какой только это возможно и доступно нашей немощи, самую тайну, какъ пророки пророчествовали. Надобно вамъ знать, что и пророки не всегда находились въ состояніи духа пророческаго, но восторгаемы были въ оное по временамъ и степенямъ отвлеченія отъ чувственнаго и тѣлеснаго и углу-

бленія въ сферу духовную, по мѣрѣ молитвеннаго и дѣятельнаго очищенія, освященія и благодатнаго, по видимому, внезапнаго, но въ то же время издалека и продолжительными подвигами приуготовленнаго озаренія свыше. Такъ великіе во пророцѣхъ Моисей и Самуиль не прежде ощутили въ себѣ духъ пророчественный, какъ когда первый изъ нихъ, по свидѣтельству апостола Павла, *великъ бывъ впроу, отвержеся нарицатися сынъ дщере Фараоноу, паче же изволи страдати съ людьми Божиими, нежели имѣти временную грѣха сладость, большее богатство вмѣшивъ египетскихъ сокровищъ поношеніе Христово: взираше бо на мздовоздаііе, остави Египеть: невидимаго бо, яко видя, терпяше* (Евр. 11, 24—27.), а послѣдній, по сказанію первой книги Царствъ, *бѣ отъ юности служба Господеви въ скинії предъ Іліемъ іеремъ, и возвеличенъ бысть впроу, и Господь бѣ съ нимъ* (1 Цар. 3, 1. 19). Ілія и Елисей не прежде также достигли высоты пророчанія, какъ изучивши трудную науку самоотверженія и богомыслія и оставивъ все земное, даже до пренебреженія самыми первыми потребностями и не обходимыми удобствами въ жизни, приобрѣли высокое, нынѣ почти затерянное искусство и навѣкъ, *выну*—во всякое время, *и на всякомъ мѣстѣ предстоять предъ Господемъ и непорочно, ходитъ предъ лицемъ Его*. Даниль и Іезекіиль сами о себѣ рассказываютъ, что они посѣщены были видѣніями и откровеніями небесными въ то время, когда тотъ и другой, находясь среди плѣненія Вавилонскаго и скорбя душею объ озлобленіи людей своихъ, искали для себя утѣшенія и помощи въ испытаніи божественныхъ писаній и въ молитвахъ своихъ къ Богу избавителю (Дан. 9, Іез. 1). Такимъ же точно путемъ восходилъ къ превыспреннимъ видѣніямъ и откровеніямъ міра духовнаго и пророкоцарственный Давидъ: молитва и постъ, благоговѣйное размышленіе о судьбахъ промысла Божія съ сми-

ренною предъ ними покорностію и жизнь отъ начала до конца посвященная благу человечества и своему спасенію съ обращеніемъ ея въ жертву Богу, вся устроившему и устрояющему, постепенно очищая и освящая, уготовляли его умъ и сердце въ сосудъ благодати пророчественной. Въ разсматриваемыхъ же нами псалмахъ замѣтны даже частные пути и отдѣльные акты переходовъ, по которымъ и чрезъ которые окрыленная Духомъ Божиимъ мысль пророка, съ быстротою молніи перелетая отъ предмета къ предмету, внезапно очутилась за предѣлами міра современнаго, но сотрясенная ужасомъ при видѣ поносной отъ руки человѣковъ смерти Богочеловѣка, пришедшаго спасти странство міра грядущаго въ безпредѣльную область вѣчности, къ самому престолу Вседержителя, гдѣ изумленная и вмѣстѣ восхищенная при неизтъяснимо-сладостномъ созерцаніи того же Богочеловѣка, восходящаго во славу на небеса, срѣтаемаго необъятымъ сонмомъ Ангеловъ; привѣтствуемаго гласомъ Бога Отца; спосаждаемаго одесную Его на престолѣ славы вѣчныя, и приѣмлющаго отъ Него въ наслѣдіе и управленіе свое всѣ концы земли; при семъ, говорю, вождѣлѣнномъ зрѣлищѣ она остановилась, утѣшилась и успокоилась; но, влекомая любовью къ человечеству, хотя и преступному и недостойному, долу, она поспѣшила низойти на землю и явилась тамъ предъ лицемъ благочестивыхъ въ видѣ мирнаго и радостнаго вѣстника, благословляющаго и ублажающаго участь ихъ настоящую и будущую, а предъ лицемъ нечестивыхъ во образѣ судіи и обличителя строгаго, окаяющаго судьбу ихъ во времени и въ вѣчности и угрожающаго имъ судомъ и наказаніемъ Божиимъ, если вскорѣ не обратятся отъ злыхъ дѣлъ и замысловъ своихъ и въ постъ и поканіи, въ вѣрѣ и любви не прибѣгнутъ ко Господу и Христу Его, противъ которыхъ они въ ослѣпленіи сво-

емъ дерзнули возставать. Вотъ точка отправленія и дѣйствительный ходъ мысли пророка, лежащей въ основаніи помянутыхъ псалмовъ! Ея начало на землѣ, продолженіе на небѣ, а окончаніе снова на землѣ. Замѣчаніе это для насъ и для всѣхъ желающихъ понимать книги пророческія весьма важно и нужно; потому что переходы рѣчи пророческой обыкновенно бываютъ быстры и неожиданны, а лица, говорящія и дѣйствующія, большею частію сокрыты, или не ясно указаны, или облечены именами, изъ нижней сферы заимствованными, а весьма рѣдко обозначены явно, что, очевидно, и свойственно писателямъ, находившимся въ состояніи не естественномъ, а восторженномъ, въ состояніи богопросвѣщенномъ, подъ влияніемъ и управленіемъ Духа Господня, Духа всемогущаго, всеобъемлющаго и всевѣдущаго. Значитъ, надобно этихъ лицъ угадать и открыть читателю и толкователю самому, или по внутреннему содержанію пророчества, которое само за себя говоритъ и какъ-бы пальцемъ указываетъ не на тѣ или другія лица неопредѣленно и смѣшанно, но на извѣстныя исключительно, къ которымъ однимъ только во всей полнотѣ и силѣ и можетъ быть примѣнено, или, по указанію того же самаго писанія, только въ другихъ мѣстахъ, какъ мы примѣръ сего видѣли уже во второмъ псалмѣ, который три апостола Петръ, Іоаннъ и Павелъ относятъ ко Христу и Его современникамъ, или по изъясненію св. отцевъ, которыхъ церковь на шестомъ вселенскомъ соборѣ однажды и навсегда признала руководителями въ разумнѣи писанія, говоря: еще будетъ изслѣдуемо слово писанія, то не иначе да изъясняютъ оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учителя церкви въ своихъ писаніяхъ (6 Всел. Соб. 19 правило), сообразно съ чѣмъ мы и поступали, при изъясненіи перваго псалма, сославшись на мнѣніе святыхъ Іоанна Златоуста, Аванасія великаго и блаженнаго Феодорита. Замѣчаніе сіе я дѣлаю въ самомъ

началѣ, при изъясненіи двухъ первыхъ псалмовъ для того, чтобы не имѣть нужды часто возвращаться къ нему при псалмахъ послѣдующихъ и чтобы, имѣя его въ виду, всегда вы могли сами догадываться, что, къ чему и какъ, гдѣ говорится, а безъ того вы, и послѣ нашего объясненія, многого могли бы не понять, въ другомъ поколебаться и усомниться, обманувшись и увлекшись видимою естественностію, которая, говоря мимоходомъ, въ словахъ и дѣлахъ Божіихъ, есть часто дурной и невѣрный признакъ истинной, а иное могло бы показаться вамъ даже страннымъ и несвойственнымъ потому только, что никакъ не подходитъ подъ мѣру вашего привычнаго мышленія.

Чтобы представить вамъ въ видѣ болѣе понятномъ и ощутительномъ быстроту переходовъ мысли и рѣчи пророческой, обиліе и разнообразіе картинъ, взаимно смѣняющихся, частую, иногда, повидимому, не естественную измѣняемость событій и лицъ говорящихъ и дѣйствующихъ, для сего довольно припомнить вамъ, что вы слышали отъ насъ при изъясненіи двухъ первыхъ, довольно краткихъ псалмовъ. О чемъ въ нихъ говорится? О блаженствѣ благочестивыхъ, о злополучіи нечестивыхъ, о мятежѣ послѣднихъ противу Господа и Христа Его, о низложеніи мятежа и мятежниковъ силою Божіею, о возведеніи Христа Господня, неузнаннаго и поруганнаго отъ человѣкъ, въ Его первобытное царское и вмѣстѣ Божеское достоинство, съ порученіемъ Ему власти отъ Бога Отца надъ всею вселенною и съ призываніемъ всѣхъ царей и народовъ земныхъ покориться и поклониться Ему, яко Богу. Кто говорить? Сначала самъ пророкъ во всемъ первомъ псалмѣ до 3-го стиха во второмъ псалмѣ, гдѣ изобразивъ судьбу благочестивыхъ и нечестивыхъ въ картинахъ противоположныхъ и рѣзко поразительныхъ, обращается къ послѣднимъ съ упрекомъ и увѣщаніемъ: *вскую шаташася языци и людие поучишася тщетнымъ? Предсташа царие зем-*

стїи и собралася вкупѣ на Господа и на Христа Его; т. е. почто, при явленїи въ міръ Спасителя міра, мятутся язычники и народы замышляютъ тщетное? Возстали цари земные и князи собрались вмѣстѣ на Господа и на Христа Его (ст. 1. 2.). Нечестивцы же, какъ-бы въ отвѣтъ на горькія для ихъ самолюбія и гордости слова пророка, говорятъ сами съ собою: *расторнемъ узы ихъ и отвержемъ отъ насъ шю ихъ* (ст. 3); т. е. свергнемъ съ себя тяжкое бремя повиновенія Господу и Христу Его и разорвемъ узы покорности имъ. Таковъ обыкновенно языкъ людей, ослѣпленныхъ гордостью и нечестіемъ! Но пророкъ на тайные ихъ помыслы возражаетъ: *живый на небесахъ посмѣется имъ и Господь поругается имъ. Тогда возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ своимъ и яростію своею смятетъ я* (ст. 4. 5); т. е. какъ-бы такъ говорилъ къ нимъ пророкъ: напрасны ваши замыслы, тщетны козни, бесполезно упорство. Живущій на небесахъ Господь видитъ все это и, видя тщету затѣй и хитростей вашихъ, посмѣвается вамъ. Вскорѣ возгорится гнѣвъ Его на васъ и разрушитъ совѣты ваши крамольные и самихъ крамольниковъ яростію своею смятетъ, сокрушитъ и разсѣетъ. Далѣе является самъ Сынъ Божій и какъ-бы въ оправданіе Себя и для устрашенія мятежной толпы, говоритъ: *Азъ поставленъ есмь царь отъ Него надъ Сїономъ горою святою Его.* (ст. 6). Кто же смѣетъ въ моемъ царствѣ крамольствовати? Не чуждый пришлецъ, не самозванецъ я здѣсь, но пославый Мя Отець, Той Мнѣ рече: *Сынъ мой еси Ты: Азъ днесь родихъ Тя. Прѣси отъ Мене и дамъ Ти языки достояніе твое и одержаніе твое концы земли. Упасеши я жезломъ жельзнымъ и яко сосуды скудельничіи сокрушиши я* (ст. 7—9). И потому Мое здѣсь царство, Моя держава; цари и народы ко Мнѣ обратятся и языки земли имутъ на Мя уповати, не покоряющихся же Мнѣ, какъ глиняные сосуды, сокрушу жезломъ жельзнымъ. Въ заключе-

ніе всего выходитъ съ словомъ своимъ снова пророкъ и убѣждаетъ царей и судей земныхъ, а въ лицѣ ихъ и всѣхъ подвластныхъ имъ, понять важность событія, покориться Христу Сыну Божію, почитать и поклоняться Ему, яко Богу, работать Ему со страхомъ и радоваться предъ Нимъ съ трепетомъ, дабы не подпасть Его гнѣву и не сгорѣть отъ Его ярости; ибо только надѣющіеся на Него безопасны и блаженны. *И нынѣ, царіе, взываетъ пророкъ, разумѣйте, накажитесь вси судящїи земли, почитите Сына, да не когда прогнѣвается на васъ Господь* и проч.

Итакъ, видите, возлюбленные, сколько важныхъ событій заключается въ двухъ краткихъ псалмахъ, сколько внезапныхъ, никакимъ внѣшнимъ знакомъ не разграниченныхъ, переменъ времени и мѣста, дѣйствія и лицъ говорящихъ и дѣйствующихъ, съ какою быстротою сцена пророческаго слова переносится съ одного края вселенныя на другой, съ земли на небо и съ неба опять на землю, отъ іудеевъ къ язычникамъ и отъ язычниковъ снова къ іудеямъ, и при всемъ томъ съ какою изумительною точностію и вѣрностію пророкъ выполняетъ свой планъ, или, лучше сказать, планъ, Духомъ Божіимъ составленный и указанный, объясняетъ и утверждаетъ свою основную мысль. Это ведетъ насъ къ заключенію, что ничего въ Писанїи не должно почитать ни излишнимъ, ни недостаточнымъ, что отсутствіе видимой связи между словами и выраженїями или отдѣльными частями пророческихъ сказаній не должно ставить въ вину пророковъ, а должно приписывать скудости нашего разумѣнія, что глубина мысли въ Писанїи есть бездна многа, которую вполне и до конца исчерпать никому и никогда не возможно. Смиримъ же кичливый умъ нашъ предъ глубиною мудрости Господа, глаголющаго къ намъ, и будемъ довольствоваться крупницами, отъ духоносной трапезы слова Божія къ намъ падающими.

Остается еще одинъ вопросъ въ отношенїи къ псал-

мамъ, нами разсмотрѣннымъ: отъ чего церковь назначаетъ ихъ для вечерняго богослуженія на воскресные и праздничные дни? но разрѣшеніе его оставимъ до другаго времени.

ПСАЛОМЪ 3.

Въ третьемъ псалмѣ, какъ показываетъ надписаніе и какъ согласно утверждаютъ древняя христіанская и еврейская церкви, заключается скорбная молитва Давида во время бѣгства его отъ Авессалома, сына своего. Въ ней Давидъ сначала жалуется на множество враговъ своихъ, отовсюду нападающихъ на него (ст. 2. 3.); потомъ ободряетъ себя надеждою на помощь и защиту Божию (ст. 4. 7.); далѣе съ торжественною увѣренностію въ сей защитѣ и помощи взываетъ къ Богу Спасителю о спасеніи своемъ (ст. 8); и наконецъ, свидѣтельствуя о семъ спасеніи, какъ-бы уже совершившемся надъ нимъ, испрашиваетъ благословенія Божія народу своему (ст. 9). Молитва сія, по общему мнѣнію іудейскихъ учителей, а за ними и христіанскихъ, произнесена была Давидомъ въ ту минуту, когда онъ, окруженный небольшимъ числомъ преданныхъ ему людей, перешедши потокъ Кедрскій, съ плачемъ восходилъ босыми ногами на гору Елеонскую. При подробнѣйшемъ изъясненіи сей молитвы мы увидимъ, какъ все въ ней вполне соотвѣтствуетъ означенному времени. Минута, въ которую Давидъ, удрученный лѣтами и скорбію и изнуренный постыднымъ бѣгствомъ отъ сына любимаго, восходилъ, въ самомъ униженномъ видѣ, на гору Елеонскую—свидѣтельница прежняго его величія и пріятныхъ прогулокъ, была самая тяжкая для его сердца отеческаго и царскаго. Здѣсь онъ получилъ горестное извѣстіе о быстрыхъ успѣхахъ Авессалома, о присоединеніи къ нему почти всего Израиля и въ томъ числѣ Ахитофела, военачальника мудраго и опытнаго, но въ сердцѣ

жестокаго и непримиримаго, въ совѣтахъ хитраго и коварнаго, въ злобѣ дерзкаго и неукротимаго, и, наконецъ, о мнимой измѣнѣ Мемфивосеа, сына искренняго друга его, столь много о благодѣтельствованнаго имъ и столько казавшагося ему преданнымъ, что Давидъ не усумнился раздѣлять съ нимъ свою трапезу. Душа его была полна мрачныхъ мыслей и скорбныхъ чувствованій; сердце изнемогало въ неравной борьбѣ съ тысячею болѣзненныхъ ощущеній, слезы невольно текли изъ царственныхъ очей его; но ни одно ропотное слово не исходило изъ устъ его, запечатлѣнныхъ сильною скорбію, ни одинъ жалобный стонъ не исторгался изъ груди его, стѣсненной тяжкою печалію. Давидъ шелъ въ глубокомъ молчаніи, поникнувъ вѣщную главу свою, посыпанную перстію. Но къ довершенію его несчастія, къ усугубленію его горести, при самой подошвѣ Елеона является къ нему нѣкто Семей, сынъ Іеменіевъ, отдаленный потомокъ Саула, одинъ изъ близкихъ къ нему царедворцевъ, и встрѣчаетъ и сопровождаетъ его, идя о страну горы, не изъявленіемъ ему своей вѣрности и преданности, но жестокими упреками и укоризнами; не благословеніями и благожеланіями, но ужасными проклятіями, раздирающими душу его, и безъ того растерзанную. *Изыди, изыди, мужъ кровей и мужъ беззаконный*, вопіетъ онъ въ слѣдъ его. *Возврати на тя Господь вся крови дому Саула, понеже воцарился еси вмѣсто его, и даде Господь царство въ руку Авессалома, сына твоего: и се ты въ злобѣ твоей, яко мужъ кровей ты,—* и вмѣстѣ съ словами мечетъ въ него и окружающихъ его грязь и камни (2 Цар. 16, 7. 8). Казалось бы, что въ сію минуту терпѣніе Давида должно было истощиться и печаль его, удручающая душу, разрѣшиться сильнымъ негодованіемъ на вѣроломство и злобу человѣческую, но Давидъ продолжаетъ сохранять прежнее свое молчаніе и не прежде нарушаетъ оное, какъ когда

динъ изъ скудной его свиты, тронутый съ одной стороны жалкимъ положеніемъ царя своего, а съ другой—низкою неблагодарностію и злобою безпримѣрною его подданнаго, вызывается наказать наглеца вѣроломнаго отъятіемъ главы его. *Почто проклимаетъ пестъ умершій сей, говоритъ онъ, господина моего царя? нынѣ пойду и отъвишу главу его.* Но что сказалъ царь оскорбленный? Думаете ли, что онъ охотно согласился на вызовъ сей? Ахъ, нѣтъ. Давидъ слишкомъ занятъ былъ своимъ внутреннимъ состояніемъ, чтобы думать о вѣшной обидѣ. *Что мнѣ и вамъ, други мои? сказалъ онъ окружающимъ его. Оставьте его, пусть проклимаетъ онъ меня, ибо Господь повелѣлъ ему проклинать Давида; и кто послѣ сего можетъ сказать ему: для чего ты поступилъ такимъ образомъ? Вотъ сынъ мой, изшедый изъ чрева моего, ищетъ души моя, а колыми паче сынъ Іеменіевъ. И такъ, оставьте его проклинать меня, ибо Господь повелѣлъ ему. Быть можетъ, Господь призритъ на смиреніе мое и возвратитъ мнѣ блага, вмѣсто клятвы его во dneшний день.* Такъ умѣютъ праведники принимать самыя жестокия обиды; они видятъ во врагахъ своихъ только орудіе Божіе и смиренно покарятся подъ крѣпкую руку Господа, наказующаго ихъ. За то и Господь не коснитъ избавленіемъ ихъ. Давидъ видѣлъ на себѣ разительный опытъ того и другаго въ настоящемъ случаѣ и предалъ памяти потомства въ разсматриваемомъ нами псалмѣ. Взойдя на гору, онъ рѣшился принять отдохновеніе почти въ виду враговъ своихъ, и, не смотря на то, спасенъ былъ. Обстоятельство сіе ясно замѣчено въ помянутомъ псалмѣ (ст. 6). И такъ несомнѣнно, что псаломъ сей есть изліяніе чувствъ, наполнявшихъ скорбную душу Давида во время восхожденія его на гору Елеонскую и послѣ безопаснаго отдохновенія на оной. Сколько назиданія заключается для насъ въ краткихъ словахъ его! Во-первыхъ онъ научаетъ насъ, что въ несчастныхъ слу-

чаяхъ жизни должно прежде всего прибѣгать съ молитвою къ Богу, вѣрному защитнику и помощнику нашему; во-вторыхъ, что при преслѣдованіи враговъ должно заботиться не объ отмщеніи ихъ, но о смиреніи себя предъ Богомъ, посылающимъ оныхъ; въ третьихъ, что молитва и преданность Богу не должны служить поводомъ и предлогомъ къ бездѣйствію, напротивъ, чѣмъ болѣе мы увѣрены, что Богъ дѣйствуетъ съ нами и за насъ, тѣмъ болѣе мы должны дѣйствовать съ своей стороны, только дѣйствія наши всегда должны быть покорны волѣ и распоряженію Божію; въ четвертыхъ, что успѣхи злыхъ рано или поздно обращаются во зло самимъ злымъ и совѣщанія коварныхъ разрушаются совѣщаніями другихъ болѣе коварныхъ, а иногда даже и простотою незлобивыхъ, безъ вѣдома ихъ, наученныхъ самимъ Богомъ; въ пятыхъ, что, ненавидя порокъ и бѣгая сообщенія съ порочными, должно любить самихъ порочныхъ, какъ челоуѣковъ, и благословлять ихъ благословеніемъ земнымъ и небеснымъ, какъ любилъ Давидъ Авессалома, возставшаго противъ него и искавшаго души его, и благословлялъ народъ свой, вооружившійся противъ него и его преслѣдовавшій.

Но пусть говоритъ самъ Давидъ въ назиданіе наше; пусть его молитва проникаетъ въ нашу душу, оживитъ и освятитъ наши чувства; пусть она научитъ насъ подобной молитвѣ въ подобныхъ случаяхъ!

Господи, что ся умножиша стужающіи ми? восклицаетъ онъ изъ глубины души своея огорченныя. Мнози возстаютъ на мя; мнози глаголютъ души моеи: нѣсть спасенія ему въ Бозѣ его. Какъ свѣтель взоръ Давида на враговъ своихъ! Онъ видитъ ихъ все великое множество, внимаетъ тайнымъ ихъ замысламъ, слышитъ слова ихъ произносимыя въ сердцѣ: нѣсть спасенія ему въ Бозѣ его; но, видя, внимаая и слыша ихъ, нисколько не смущается, хотя въ то же время скорбитъ и болѣзнуетъ.

Праведникъ можетъ скорбѣть и даже плакать, но не уны-
вать и не отчаяваться. Праведный Давидъ во мракѣ тяж-
кой скорби своей усматриваетъ для себя хотя вдалькѣ
отраднѣйшій лучъ утѣшенія; онъ во множествѣ враговъ сво-
ихъ видитъ враговъ Божіихъ: ибо они Бога его не при-
знаютъ своимъ Богомъ: *нѣсть спасенія ему въ Бозѣ его,*
говорятъ они. Гдѣ же Богъ ихъ—несчастливыхъ? Не въ
умѣ ли надменномъ, не въ рукѣ ли сильной, готовой по-
разить неповиннаго, не въ коулѣхъ ли и колесницахъ
бронныхъ, вооруженныхъ огнемъ и желѣзомъ? Ахъ! сей
Богъ ихъ еще менѣе спасетъ ихъ: онъ въ рукахъ Бога
Давидова, и пойдетъ, аможе не хочетъ, и поразитъ, его
же не предъизбра. Остановись, Ахитофель, совѣтникъ гу-
бительный! Твой умъ коварный и гибкій увлечетъ тебя
въ погибель. Куда несешься подобно молніи, Авессаломъ
легкомысленный, честолюбецъ ненасытный, братоубійца
безразсудный, сынъ неблагодарный! Твой быстроногій
мескъ несетъ тебя въ бездну, твои развивающіяся кудри,
которыми ты столько гордишься, готовятъ тебѣ смерть.
Но невѣдущіе Бога не вѣдаютъ внимати словесемъ бла-
гимъ. Богъ ихъ предалъ за ожесточеніе и невѣрствіе ихъ
въ неискусенъ умъ творити неподобная. За то правед-
никъ тѣмъ болѣе укрѣпляется въ надеждѣ и упованіи
своёмъ на защиту и помощь единаго Бога. Такъ Давидъ,
видя, что враги его не положили Бога помощника себѣ,
но всю надежду свою возложили на свои единственно
козни, на свою крѣпость, на свою силу, до такой степени
одушевляется мыслию, что Богъ не оставитъ его безъ
своей помощи и защиты, что перестаетъ болѣе сомнѣ-
ваться въ своей безопасности и смѣло говорить: *Ты же,*
Господи, заступникъ мой еси, слава моя и возносяй
главу мою; видитъ славу свою, когда она еще попра-
на и поругана, слышитъ благовольтельный отвѣтъ, когда еще
только начинаетъ взывать ко Господу. *Гласомъ моимъ*

*взываю ко Господу, и Онъ слышитъ мя отъ горы свя-
тыя своея.* Такъ велика вѣра праведнаго и вѣра Дави-
дова! Столь чутокъ слухъ его къ вѣщаніямъ Божиимъ и
столь привычны его органы къ благодатнымъ общеніямъ
съ живущимъ на небесѣхъ. *Услышу, что речеть о мнѣ*
Господь, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и непосред-
ственно за симъ сказываетъ, что *Господь речеть миръ*
на люди своя и на обращающія сердца къ Нему. Удиви-
тельно ли послѣ сего, что тогда, какъ мы скучаемъ и
тяготимся и рѣдкою и кратковременною молитвою, пра-
ведные жаждутъ непрестанно молиться, находятъ въ семъ
занятіи сладость неизъяснимую и жестоко скучаютъ, когда
что либо отвлекаетъ ихъ отъ онаго. Утонченная хитрость
двора вавилонскаго не могла придумать для пророка
Даніила большаго и жесточайшаго оскорбленія, какъ трех-
дневное запрещеніе троекратно молиться, обращаясь ли-
цемъ къ Іерусалиму, и Даніилъ вполнѣ чувствовалъ всю
жестокость сего оскорбленія и согласился лучше быть
растерзаннымъ львами, нежели лишиться сего высокаго
утѣшенія. Сладостна бесѣда съ лицомъ любимымъ и лю-
бимымъ: сколь же она тысящекратно сладостнѣе съ Бо-
гомъ—любовію безконечною, благостію совершеннѣйшею.
Вкусите и видите, яко благъ Господь, и сладки глаголы
Его паче меда и сота устномъ внимающаго имъ. Давидъ
вкусилъ сладость сію, ощущалъ ея доброту и совершен-
ство и потому седмерицею днемъ хвалилъ Господа, ве-
черъ, за утра и полудне, славословилъ и рано и поздно,
и въ радости и скорби, во дни веселія и печали взывалъ
къ Нему, и Господь слышалъ его и онъ слышалъ своего
Господа. Возвалъ онъ къ Нему и въ настоящемъ слу-
чаѣ, окруженный врагами многочисленными, всею силою
вѣры и любви, всею крѣпостію надежды и упованія, и
Господь услышалъ его и сталъ стражемъ недремлющимъ
во время беззаботнаго сна и покоя, какъ самъ онъ сви-

господствует о себѣ: *ко Господу воззвахъ, и Господь услыша мя отъ горы святыхъ своихъ. Азъ уснухъ, и спяхъ, возстахъ, яко Господь заступитъ мя.* Сими послѣдними словами намекаетъ онъ на то, какъ онъ, сокрушенный скорбію и изнуренный бѣгствомъ труднымъ и непривычнымъ для ослабѣвшихъ отъ старости ногъ его, укрѣпившись надеждою на Бога, хранителя и защитника своего, беззаботно, безъ охранительной стражи, предался отдохновенію со всеми сопровождавшими его, вблизи враговъ своихъ, которые удобно могли прийти и взять ихъ живыхъ, или погубить на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что Семей, напутствовавшій Давида своими укоризнами и проклятіями до самаго убѣжища его, пришедши во Иерусалимъ, вѣрно не умолчалъ о семъ предъ врагами его. Что же сдѣлалъ Богъ въ защиту избраннаго своего? Ослѣпилъ очи враговъ его и смѣшалъ совѣты и разумы ихъ. Одинъ только Ахитофель видѣлъ легкую возможность, и совѣщалъ напасть на Давида врасплохъ и поразить беззащитнаго; но другіе усумнились въ благонадежности совѣта его, и Давидъ спасенъ. Сего не довольно. Обиженная гордость Ахитофела не могла снести посрамленія—быть отринутымъ совѣтникомъ, и онъ самъ на себя возложилъ руки свои, и съ тѣмъ вмѣстѣ убавилъ число враговъ Давидовыхъ болѣе, нежели половиною. Не видите ли, какъ Богъ сокрушаетъ въ одно мгновение, въ одномъ человѣкѣ все множество враговъ праведника? Будьте праведными и тьмы враговъ вашихъ ничто же успѣютъ противъ васъ.

Но Давидъ духомъ крѣпкой вѣры своея видѣлъ уже сокрушеніе враговъ своихъ прежде событія онаго и торжествовалъ уже надъ ними своею пѣснію. *Не убоюся отъ темъ людей, окрестъ нападающихъ на мя,* восклицалъ онъ, радуясь. *Воскреси, т. е. возстань, Господи, спаси мя, Боже мой, яко Ты поразилъ еси вся враждующія ми всуе, зубы грѣшниковъ сокрушилъ еси.* Впрочемъ, и

въ минуту торжества Давидъ не забылся, не приписалъ спасенія Господня самому себѣ, хотя его мощная десница довершила пораженіе враговъ своихъ, хотя отъ его сильного удара конечно сокрушились зубы грѣшниковъ, враждовавшихъ противъ него. Нѣтъ, онъ въ слухъ всѣхъ исповѣдуетъ, что отъ Господа спасеніе его и что онъ только избранное Его орудіе. *Господне есть спасеніе,* взываетъ онъ въ заключеніе псалма, *и на людехъ твоихъ благословеніе твое.*

ст. 3. *Сынове челоуѣчестіи! доколь тяжкосердіи? вскую любите суету и ищите лжи?* Къ кому пророкъ обращаетъ упрекъ сей? По ходу рѣчи очевидно, что онъ говоритъ здѣсь о врагахъ своихъ. Почему же онъ называетъ ихъ сынами челоуѣческими? Развѣ самъ онъ не сынъ также челоуѣчестій? О! что касается до собственнаго чувства пророка о своемъ достоинствѣ, то оно не слишкомъ высоко. Онъ въ чувствѣ самоуничиженія почиталъ себя даже недостойнымъ имени челоуѣка: *азъ есмь червь, а не челоуѣкъ,* говорилъ онъ о себѣ, *поношеніе челоуѣковъ и уничиженіе людей.* Между тѣмъ какъ здѣсь враговъ своихъ называетъ сынами челоуѣческими, а себя, какъ увидите въ послѣдствіи, преподобнымъ или святымъ Божиимъ. Что бы это значило? То, что пророкъ состоялъ подъ вліяніемъ Духа Святаго, что не онъ, а Духъ Святой вѣщалъ устами его и изрекалъ хвалу ему, а упрекъ врагамъ его. Давидъ самъ сознается что онъ былъ только тростию книжника скорописца. Но сей книжникъ и сей скорописецъ могъ говорить и писать одну только истину; ибо онъ былъ Духъ истины, наставляющій на всяку истину. Посему, какъ истинно то, что Давидъ былъ преподобный или святой Божій, такъ истинно и то, что враги его были только сынами челоуѣческими. Замѣтьте, слушатели, что сыны челоуѣчестіи противоплагаются здѣсь преподобному или святому Божию и суть враги сего послѣдняго; слѣд.

БЫТЬ ВЪ НИХЪ НИ СВЯТОСТИ, НИ ЛЮБВИ КЪ СВЯТОСТИ. Что же въ нихъ есть? Все то, что было въ людяхъ предпотопныхъ; ибо они первые названы Богомъ сынами человеческими въ отличіе отъ сыновъ Божіихъ: *вхождаху, повѣствуется въ книгѣ Бытія, сынове Божіи къ дочеремъ человеческимъ и раждаху себѣ*. Сравненіе и сходство не очень лестное! Правда, предпотопные люди обладали многими блестящими качествами. Такъ они были надѣлены совершенствами тѣлесными въ такой мѣрѣ и степени, что и самые сыны Божіи прельстились красотой дочерей ихъ. *Видѣше же сынове Божіи, говоритъ священный дѣеписатель, дочери чловѣчи, яко добри суть, пояша себѣ въ жены* (Быт. 6. 2); были сильны и могущественны: *бяху исполни на землѣ*, продолжаетъ тотъ же дѣеписатель; издавна пользовались славою и уваженіемъ: *бяху иже отъ вѣка чловѣцы именити*, говоритъ онъ далѣе; отличались мудростію и просвѣщеніемъ, знали искусства и художества, умѣли строить города, собирать сокровища, разнообразить удовольствія жизни и возвышать цѣну наслажденій ума и сердца, вкуса и зрѣнія. Но сіи блестящія качества употребили они только въ средство къ своей гибели. Возгордись совершенствами тѣлесными, они не заботились о совершенствахъ духовныхъ; свою силу и могущество обратили на притѣсненіе слабыхъ и немощныхъ; свою мудрость и просвѣщеніе—на уловленіе простыхъ и незлобивыхъ; свои искусства и художества—на растлѣніе нравовъ; свои сокровища—на роскошь и развратъ; свои знанія—на быстрое умноженіе неправдъ и беззаконій. Что же послѣдовало за симъ? *Исполнися земля неправды отъ нихъ, яко растлѣ всяка плоть путь свой на землѣ*. А что за симъ? Богъ поклялся во гнѣвѣ своемъ, погубить всяку плоть, *въ ней же есть духъ жизни подъ небесемъ*. *Видѣ Господь Богъ землю и бѣ растлѣнна, повѣствуетъ дѣеписатель, и рече Господь Богъ къ Ною:*

время всякаго чловѣка приде предъ Мя, яко исполнися земля неправды отъ нихъ, и се Азъ погублю ихъ и землю. Но Богъ, въ самомъ гнѣвѣ своемъ милосердый, не спѣшилъ еще исполнить свою страшную клятву; Онъ далъ имъ время на покаяніе и послалъ къ нимъ проповѣдника. Выслушанъ ли же проповѣдникъ сей? принято ли покаяніе? Ахъ, нѣтъ! Онъ осмѣянъ, и предлагаемое имъ покаяніе съ презрѣніемъ отринуто, а нечестивые современники Ноевы продолжали нечестивать по прежнему, *ядуще и пьюще, желящися и посяюще*, какъ замѣчаетъ самъ Спаситель. За то и гнѣвъ Божій не умедлилъ прійти на нераскаянныя, разверзлись источники бездны, хляби небесныя отверзлись и вода потопная вскорѣ покры землю и взять вся—*отъ чловѣка до скота*. Такова была судьба сыновъ человеческихъ въ мірѣ предъ потопомъ, такова будетъ она и въ послѣдній день міра сего; ибо І. Христосъ время пришествія своего на судъ сравниваетъ съ временемъ потопа. *Яко же бѣху во дни прежде потопа, говоритъ Онъ, тако будетъ и пришествіе Сына чловѣческаго* (Мат. 24, 38. 39). Сколь же много послѣ сего должны мы благословлять свою участь, слушатели-христиане. Сколь много должны благодарить и прославлять Бога, призвавшаго ны подъ знаменіе креста Христова! Ибо и мы были нѣкогда сынами человеческими, но благодатію Божіею содѣлались сынами Божіими; мы *бѣхомъ иногда, по апостолу, естествомъ чада гльва, но вѣрою о Христѣ Исусѣ сыны и наследники Божіи сотворихомся*. *Вси вы сынове Божіи есте*, увѣряетъ тотъ же апостоль христианъ галатійскихъ, *вѣрою о Христѣ Исусѣ*; и мы такъ же, какъ и всѣ сыны падшаго Адама, въ беззаконіяхъ зачаты и во грѣхахъ рождены, но, омытые ба-нею водною въ глаголѣ и отрожденные водою и Духомъ, содѣлались новою тварію во Христѣ, новымъ чловѣкомъ, созданнымъ по образу создавшаго его, который не рабъ

уже, но сынъ Богу Отцу и сонаслѣдникъ Христу. *Самый Духъ спослушествуетъ духови нашему, говоритъ апостоль, яко чада Божіи есмы. Аще же чада и наслѣдницы, наслѣдницы убо Богу, снаслѣдницы же Христу* (Рим. 8, 16. 17). Мы рожденные отъ плоти были плотію со всѣми свойственными ей нечистотами, но, очищенные и освященные благодатными водами крещенія Христова и запечатлѣнные печатію Духа Св. въ миропомазаніи, облеклись во Христа, усвоили себѣ Его высокія заслуги и пріяли въ сердца наши *Духа сыноположенія, о немъ же вопіемъ: Авва, Отче! Елицы во Христа креститесь, говоритъ апостоль, во Христа облекостесь* (Гал. 3, 27). *Не пріятете духа работы паки въ болзнь, но духа сыноположенія, о немъ же вопіемъ: Авва, Отче* (Рим. 8, 15)! Словомъ, мы были рабы презрѣнные, осужденные на вѣчное рабство, но, увѣровавъ въ Сына Божія, учинились свободными отъ сего рабства и получили право именоваться и быть чадами Божіими. *Елицы же пріяша Его, т. е. Сына Божія, свидѣтельствуемъ евангелистъ Іоаннъ, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его, иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася; не отъ сѣмене истлѣнна, но не истлѣнна, словомъ живаго Бога.* Но не забудемъ, возлюбленные братія о Христѣ, что не всѣ, пріявшіе вѣру во Христа, суть истинныя чада Божіи, хотя всѣмъ бы надлежало быть таковымъ, но *елицы Духомъ Божіимъ водятся, сіи суть сынове Божіи* (тамже), тѣ, которые не по плоти живутъ, но по духу; не плотская мудрствуютъ, но духовная; не земная ищутъ, но небесная, не въ словахъ только, но и въ дѣлахъ являютъ свое божественное происхожденіе. Будемъ также твердо помнить и то, что изъ сыновъ Божіихъ легко сдѣлаться сыномъ человѣческимъ, какъ сіе случилось съ предпотопными сынами Божіими, которые, прельстившись красотой дочерей

человѣческихъ, безразсудно смѣшались съ ними, пріяли ихъ нравы и обычаи и общимъ потокомъ нечестія вскорѣ увлечены были въ бездну погибели; не трудно даже сдѣлаться сынами діавола, какъ сіе сбылось надъ іудеями, къ которымъ Иисусъ Христосъ прямо говоритъ: *вы отца вашего діавола есте, и похоти его хотите творити, хотя Израиль по преимуществу назывался возлюбленнымъ сыномъ Божіимъ. Отрокъ мой Израиль, говоритъ Богъ чрезъ пророка своего, его же возлюби душа моя. И такъ, сыны и дщери Божіи! Блюдите себе, како опасно ходите, не яко же не мудрии, но яко же премудрии. Храните достойно званіе и избраніе свое; удаляйтесь всячески общенія съ сынами и дщерями человѣческими; не завидуйте могуществу и славѣ первыхъ и не прельщайтесь красотой послѣднихъ; пусть они спѣютъ въ путяхъ своихъ, преуспѣваютъ бо на горшя, и угліе огненное собираютъ на главы свои; избѣгайте наипаче бесѣдъ и увеселеній ихъ: тлятъ бо обычаи благи бесѣды злы, а веселіе ихъ рано или поздно претворится въ плачь безотрадный; не пріобщайтесь дѣломъ ихъ неплоднымъ тьмы, паче же и обмчайте ихъ; скажите имъ подобно пророку: сынове человѣчестіи! доколь тяжкосердїи? вскую любите суету и ищете лжи? И если вы подобно Ною не успѣете содѣлать ихъ сынами Божіими, то по крайней мѣрѣ сами не содѣляетесь сынами человѣческими и избѣжете злополучной ихъ участи.*

Доколь тяжкосердїи? Замѣчательно, что пророкъ, какъ опытный врачъ начинаетъ врачевать душевные недуги съ самаго источника ихъ—съ сердца: *отъ сердца бо исходятъ помышленія на злая, убійства, прелюбодѣянїя, татьбы и проч. и въ сердцахъ также исходища живота.* Посему-то и Иисусъ Христосъ, говоря ученикамъ своимъ о времени страшнаго суда, сказалъ имъ въ предосторожность: *внемлите себѣ, да не когда отягча-*

ютъ сердца ваша объяденіемъ и пїанствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапно день той (Лук. 21, 34). Изъ сихъ послѣднихъ словъ видно также и то, чѣмъ именно отягчаются сердца наши, т. е. объяденіемъ и пїанствомъ, или, что тоже, плотоугодіемъ и заботами житейскими. Ими они пригвождаются къ землѣ, отъ нихъ грубѣютъ и теряютъ способность возноситься къ горнему. Какъ птица не можетъ взлетѣть на высоту, если будетъ привязана къ землѣ; такъ и сердце не можетъ воспарить въ горняя, если заботы житейскія привязываютъ его къ предметамъ земнымъ. Какъ тѣла легкія, прикрѣпленныя къ тяжелымъ, наприм. перо къ камню, хотя и сильною рукою будутъ брошены вверхъ, не могутъ оставаться на высотѣ, но мгновенно ниспадаютъ долу; такъ и сердце, отягченное плотоугодіемъ, хотя по природѣ своей и стремится къ небесамъ, но, увлекаемое тяжестью плоти, скоро изнемогаетъ въ бесполезной борьбѣ своей и остается неподвижнымъ. Но снимите тяжесть сію, разрѣшите привязь, и тогда сердце, сотворенное для неба, безъ труда и охотно будетъ возноситься къ небу. Тогда молитва и постъ будутъ казаться вамъ не бременемъ, но наслажденіемъ, благодѣяніемъ—удовольствіемъ, прощеніе обидъ—торжествомъ, несчастія источникомъ радостей, уединеніе—верхомъ блаженства.

Вскую любите суету, продолжаетъ пророкъ, *и ищите жижи?* Суетою здѣсь называетъ онъ жизнь нечестивую со всѣми ея выгодами и удовольствіями. Ибо что такое суета? Суета, по изъясненію сего слова съ еврейскаго, есть тоже, что пустота, когда т. е. есть имя, а нѣтъ вещи. Такъ у язычниковъ много было именъ боговъ, но ни одного истиннаго Бога, и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ; есть, наприм., имя богатства, но нѣтъ самаго богатства, есть имя славы, но нѣтъ самой славы; есть имя могущества и власти, но нѣтъ самой власти и могущества, и остается одно только имя. И такъ, кто же будетъ столько

безразсуденъ, что станетъ искать именъ, которыя не имѣютъ вещей означаемыхъ ими, будетъ гоняться за суетою или пустотою, которой должно убѣгать? Не ужели же счастье и удовольствія жизни, скажутъ при семъ многіе, суть таковы же? Не ужели и въ самомъ дѣлѣ все ложь и обманъ? Все, отвѣчаю вамъ, все—и слава и богатство, и сила и могущество, и счастье и удовольствія, все ложь и обманъ, все суета. *Суета суетствій, всяческая суета*, сказалъ Екклезіастъ. Посему-то пророкъ скорбитъ и болѣзнуетъ, ропщетъ и негодуетъ, когда видитъ между людьми такое безуміе. Это все равно, какъ еслибы кто видя другаго убѣгающимъ отъ свѣта и стремящимся во тьму, сказалъ бы сему послѣднему: что ты дѣлаешь, безумный? Такъ и пророкъ говоритъ здѣсь: *вскую любите суету и ищите жижи? Увѣдите, яко удиви Господь преподобнаго своего.* Ни что столько не способствуетъ къ убѣжденію, какъ примѣръ собственный. По сей причинѣ пророкъ, желая отвлечь сыновъ человѣческихъ отъ безразсудной любви и искательства суеты къ познанію Бога, который одинъ только достоинъ нашей любви и искательства, выставляетъ въ примѣръ самаго себя. *Увѣдите*, говоритъ онъ, *яко удиви Господь преподобнаго своего.* Двоякимъ образомъ открываетъ Себя Богъ невѣдущимъ Его, во-первыхъ, чрезъ творенія вообще, во-вторыхъ, чрезъ вѣрныхъ рабовъ своихъ въ частности. О первомъ способѣ познанія говоритъ пророкъ въ другомъ мѣстѣ: *небеса повѣдаютъ славу Божию, твореніе же руку Его возвъщаетъ твердь*, а о послѣднемъ въ разсматриваемомъ нами: *удиви Господь преподобнаго своего.* Первый для всѣхъ равно открытъ, но не для всѣхъ равно удобопонятенъ. Такъ апостоль говоритъ о язычникахъ, что они *невидимая Божія твореньми помышляли* и сквозь виѣшній покровъ тварей усматривали *присносущную силу Его и Божество*, но и самые мудрые между ними *измѣнили нетлѣннаго Бога на подобіе тлѣнна*

человѣка и птицѣ, и четвероногѣ и гадѣ, а послѣдній, по особенному смотрѣнію Божію, назначается только для нѣкоторыхъ, но за то всегда силенъ и поразителенъ. Такъ невѣрующіе, пораженные казнями за Авраама, съ ужасомъ говорятъ ему: *вѣмы, яко царь отъ Бога пришелъ еси къ намъ.* Откуда же они узнали? Изъ силы Божіей, совершившейся надъ ними ради Авраама. Сей способъ отъ начала міра былъ употребителенъ. Богъ по временамъ воздвигалъ и воздвигаетъ въ каждомъ народѣ таковыхъ учителей, какъ-то: Ноя, Авраама, Исаака, Іакова, Мелхиседека, пророковъ и апостоловъ, исповѣдниковъ и мучениковъ, пастырей и благовѣстниковъ. Изъ числа сихъ учителей былъ и Давидъ, который говоритъ врагамъ своимъ: *увѣдите, яко удивилъ Господь преподобнаго своего; чѣмъ и какъ удивилъ его Господь?* Во-первыхъ, защищая и охраняя его, исхищая изъ руки крѣпильшихъ его и поражая окрестъ его тысящи и тѣмы—нападающихъ на него; во-вторыхъ, послушая его, когда онъ взываетъ къ нему. *Господь услышитъ мя, внигда воззвати ми къ Нему,* говоритъ онъ. Какое блаженство имѣть непрестанно Бога помощникомъ и защитникомъ себѣ, и видѣть Его всегда присутнимъ себѣ? Ибо не однажды, не дважды и не трижды, но непрестанно говоритъ онъ о себѣ: *внигда воззвати ми, услышитъ мя Богъ мой.* Замѣйте, слушатели, и здѣсь скорость услышанія молитвы пророка; ибо какъ прежде сказалъ онъ: *внигда воззвати ми, услыша мя Богъ правды моея,* такъ и теперь говоритъ: *услышитъ мя Господь, внигда воззвати ми къ Нему.* Отъ чего же, спросятъ, многіе не бываютъ услышаны? Отъ того, что просятъ безполезнаго, или не столь полезнаго, какъ то, что съ ними послѣдовало. Въ семь случаѣ, если мы не бываемъ услышаны, то должны благодарить Бога, что Онъ не исполнилъ нашего прошенія; ибо Онъ какъ всевѣдущій и всеблагій лучше нашего знаетъ, что намъ полезно, и что

вредно. Просили Іаковъ и Іоаннъ одинъ сѣсти одесную Іисуса, а другой ошуюю, и получили въ отвѣтъ: *не вѣста, чесо просита.* Троекратно просилъ апостоль Павелъ, да отступитъ отъ него *ангелъ сатанинъ,* но ему было сказано: *довольтъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощахъ совершается.* Просилъ и Моисей избавить его отъ посольства къ Фараону, но не былъ услышанъ. Тѣмъ менѣе могутъ быть услышаны тѣ, которые просятъ съ небреженіемъ и злымъ намѣреніемъ. *Просите и не примете, зане злы просите, да въ сластехъ вашихъ изживете.* Такъ все мы теперь просимъ хлѣбнаго урожая, но какъ? и для чего? Одинъ—для дополненія своихъ сокровищницъ, другой—для умноженія средствъ къ роскоши, большая часть—для насыщенія своего чрева безъ благодарности къ Богу-подателю, рѣдкіе—для благотворенія ближнимъ за удовлетвореніемъ нуждъ своихъ, весьма не многіе съ несомнѣнною вѣрою и съ пламеннымъ усердіемъ, а за тѣмъ, все почти съ большимъ довѣріемъ къ силамъ природы, нежели къ силѣ Божіей, съ холодностію и равнодушіемъ, съ разсѣяніемъ и кичливостію. Какого же успѣха ожидать отъ такихъ молитвъ? *Отымите лукавство отъ душъ вашихъ,* говоритъ Богъ чрезъ пророка своего, *и послушаю васъ, престаните отъ грѣхъ вашихъ, и исполню прошенія ваши.*

ПСАЛОМЪ 4.

Четвертый псаломъ, по согласному мнѣнію большей части наилучшихъ толкователей писанія, особенно древнихъ, относится къ тому же времени, какъ и третій, и есть не что иное, какъ слѣдствіе сего послѣдняго. За вѣрность сего мнѣнія ручается какъ содержаніе сего псалма, вполне соответствующее показанному времени, такъ и древній порядокъ, въ коемъ онъ поставленъ. Благочестивый собиратель псалмовъ, давшій ему занимае-

мое имъ мѣсто, безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду сходство обстоятельствъ, изображаемыхъ въ томъ и другомъ псалмѣ. Сверхъ того, будучи недалекъ по времени отъ самаго писателя и вспомоствуемый устнымъ преданіемъ иудейской церкви, ежедневно употреблявшей псалмы при Богослуженіи, и даромъ собственного вдохновенія, никакъ не могъ ошибиться въ расположеніи псалмовъ по порядку времени. Содержаніе сего псалма, сличенное съ обстоятельствами, въ которыхъ пророкъ въ сіе время находился, удаляетъ всякую тѣнь сомнѣнія. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: сначала пророкъ проситъ Бога, спасителя и защитника своего, о ниспосланіи ему помощи противъ враговъ своихъ (ст. 2), потомъ убѣждаетъ самыхъ враговъ оставить свою злобу и ненависть къ нему и прекратить бесполезное противоборство тому, коего самъ Господь защищаетъ (2—7); наконецъ снова обращается къ Богу, умоляетъ Его о продолженіи своихъ милостей къ себѣ и свидѣтельствуеть о своей надеждѣ и упованіи на Его всесильную помощь и охраненіе.

Внегда скорбѣти ми, или, что тоже, воззвати ми, услыша мя Богъ правды моея, взываетъ онъ; въ скорби распространилъ мя еси; ущедри мя и услыши молитву мою. Вникните въ слова пророка, слушатели! Онъ передаетъ ихъ намъ не для того только, чтобы мы знали, что Богъ услышалъ молитву его, но и для того, чтобы научить насъ, какъ мы сами должны молиться Богу, дабы быть скоро услышанными и получить просимое, даже прежде окончанія молитвы. Не сказалъ онъ: когда я воззвалъ, то Богъ услышалъ меня, но сказалъ: когда я еще взывалъ только: *внегда скорбѣти или воззвати ми, услыша мя Богъ*; ибо таково обѣтованіе самаго Бога къ молящемуся: *еще же глаголющу ти ко Миль, реку: се придождь; или что есть* (Ис. 58, 9. 65, 24)? Поелику не многословіе преклоняетъ Бога къ услышанію молитвы, но чистое сердце и

благія дѣла. Посему тѣ, которые ведутъ жизнь нечестивую и думаютъ угодить Богу многословіемъ своимъ, могутъ услышать отъ Него только сей грозный отвѣтъ: *еще умножите моленіе, не услышу васъ, и егда прострете руки ваша ко Миль, отвращу очи мои отъ васъ: руки бо ваша исполнены крове* (Исаі. 1, 15). Итакъ, всякому молящемуся должно имѣть прежде всего твердое упованіе на Бога и правое сердце, такъ какъ Давидъ въ настоящемъ случаѣ не просто сказалъ: *услыша мя Богъ*, но сказалъ: *услыша мя Богъ правды моея*, показывая чрезъ то правость свою предъ Богомъ и сильное на Него упованіе. Да не подумаетъ кто либо, что пророкъ говоритъ такимъ образомъ изъ тщеславія. Нѣтъ, онъ говоритъ сіе не желая прославиться, но желая преподать намъ ученіе важное и наставленіе крайне полезное. Пусть никто также не говоритъ: Давидъ былъ услышанъ потому, что онъ былъ Давидъ, а я не могу быть услышанъ, поелику я человекъ ничтожный и презрѣнный. Въ отвращеніе сего недоумѣнія пророкъ объясняетъ, что какъ его Богъ не безъ причины услышалъ, такъ и тебя услышитъ не безразсудно—не безъ основанія, но въ томъ и другомъ случаѣ Онъ смотритъ на дѣла. Если ты имѣешь сіи дѣла и можешь употребить ихъ въ защиту себя, то безъ всякаго сомнѣнія будешь услышанъ; если же нѣтъ, то хотя бы ты былъ Давидъ, не можешь быть приятель Богу и услышанъ Имъ. Ибо, какъ одержимые страстію сребролюбія не смотрятъ ни на достоинство, ни на таланты, ни на другое что либо, и уважаютъ только тѣхъ, которые имѣютъ деньги: такъ и Богъ, если можно такъ выразиться, страстный любитель правды, всѣхъ, которые приступаютъ къ Нему съ оною, охотно приемлетъ и не отпускаетъ отъ Себя безъ возмездія, равно какъ тѣ, которые не имѣютъ сей правды, сколько бы ни молились, сколько бы ни взывали къ Нему, ничего въ Немъ не успѣютъ. Итакъ, если

ты хочешь въ чемъ либо успѣть у Бога, то представь къ Нему правду твою, которую Онъ такъ много любитъ, или по крайней мѣрѣ покаяніе въ неправдѣ. Подъ именемъ же правды должно разумѣть здѣсь не часть какой либо добродѣтели, но добродѣтель полную, совершенную и всеобщую. Не тотъ добродѣтель, кто отъ одного порока воздерживается, а другому охотно предается, а тотъ, кто любитъ всякое добро, и убѣгаетъ всякаго зла; равно какъ не тѣ вѣсы называемъ мы правильными, въ которыхъ одна часть равна, а другая напротивъ; но тѣ, у которыхъ всѣ части одна другой соразмѣрны. Таковъ былъ праведный Іовъ, который былъ праведнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Не только праведно онъ пользовался богатствомъ своимъ, но велъ себя справедливо и въ отношеніи къ ближнимъ своимъ какъ въ словахъ, такъ и въ дѣлахъ. Не имѣлъ ни гордости, ни надменія, но той и другаго всѣми мѣрами избѣгалъ. Посему-то и говоритъ онъ: *стѣхъ на мѣриль праведнъ, видѣ же Господь незлобіе мое, аще ходихъ съ посмѣятелю, и аще потщася нога моя на ясть; аще презрѣхъ судъ раба моего или рабыни, прѣщимся имѣ предо мною* (гл. 31, в. 6. 13). Таковъ былъ также и пророкъ Давидъ, а потому смѣло и открыто сказалъ: *услыша мя Богъ правды моея*. Но скажетъ кто либо: если я имѣю правду, то не для чего и молиться; ибо достаточно и одной правды, чтобы получить все нужное, тѣмъ болѣе, что тотъ, который долженъ все сіе дать мнѣ, знаетъ и безъ моего прошенія, въ чемъ я имѣю нужду. Напротивъ, молитва нужна тебѣ именно для того, чтобы сію правду твою очистить, освятить, усовершенить и навсегда удержать при себѣ; ибо всякая правда наша, сколь бы она, по видимому, высока ни была, доколѣ не пройдетъ, такъ сказать, чрезъ очистительное горнило молитвы, не совершенна и не чиста. Молитва, вводя насъ въ собесѣдованіе съ Богомъ, не приметнымъ образомъ воз-

водитъ насъ до совершенства, свойственнаго Богу. Какъ чрезъ обращеніе съ людьми умными мы и сами дѣлаемся умнѣе; такъ тѣмъ болѣе чрезъ обращеніе съ Богомъ мы часъ отъ часу дѣлаемся чище и совершеннѣе. Человѣкъ истинно молящійся, говоритъ св. Златоустъ, освобождается отъ узъ плоти, возносится умомъ въ горняя, восходитъ отъ земли на небо, не заботится ни о пищѣ, ни объ одеждѣ, презираетъ все земное и тлѣнное, ищетъ одного небеснаго, дѣлается Ангеломъ во плоти, и представляется къ самому престолу Божию. Здѣсь-то, по ученію святаго Іоанна Дамаскина, онъ Святымъ Духомъ живится, просвѣщается, свѣтлѣется тройческимъ единствомъ священнотайнѣ. И такъ, молитва есть школа божественной мудрости. Чѣмъ кто чаще посѣщаетъ сію школу и болѣе обращается въ ней, тѣмъ болѣе успѣваетъ въ познаніи божественныхъ предметовъ, тѣмъ ближе къ своему спасенію. Школа сія всегда и для всѣхъ открыта; всѣ и во всякое время равно допускаются въ оную и получаютъ назиданіе, и рано, и поздно, и въ утро, и вечеръ, и въ полдень, и въ полночь, и богатые, и бѣдные, и благородные, и худородные. Высокій наставникъ сей школы есть самъ Богъ; Онъ не смотритъ на лица, и всѣхъ равно пріемлетъ; не требуетъ платы, не ищетъ награды, но самъ всѣмъ раздаетъ и всѣхъ награждаетъ; сокровища Его премудрости неистощимы, богатство Его благодати неоскудѣваемо. Онъ никогда не утруждается и никогда не изнемогаетъ; всегда готовъ принять желающихъ, и назидать всѣхъ и каждаго; въ одно время всѣхъ можетъ слышать, со всѣми разглагольствовать, всѣмъ отвѣчать. Не скажутъ здѣсь: теперь не время, прійди послѣ: учитель занятъ другими, или предался отдохновенію. Не услышишь также отвѣта: ты назначаешь малую плату и потому не можешь быть принятъ въ сію школу, или: учениковъ такъ много, что негдѣ помѣстить тебя. Здѣсь принимаютъ

безъ платы; всѣмъ есть мѣсто въ сей школѣ; она безпредѣльно пространна, цѣлый міръ служить ей измѣреніемъ. Всѣ приходите, когда пожелаете въ сію школу и всѣ поучайтесь истинамъ вѣры и умудряйтесь во свое и другихъ спасеніе. Правда, есть родъ людей, которымъ запрещенъ входъ въ сіе всеобщее училище, это—нераскаянные грѣшники или гордые самоправедники. Но и они имѣютъ у себя ключъ къ открытію сего входа. Пусть первые чистосердечно раскаются въ своихъ согрѣшеніяхъ и исповѣдаютъ неправды своя, а послѣдніе покоряютъ свою правду правдѣ Божіей; тогда и они могутъ безтрепетно вступить въ сіе святилище и обогатиться дарами благодати Божіей. Если упоминаемые въ Евангеліи фарисей и мытарь изнесли изъ молитвеннаго святилища первый осужденіе, а послѣдній оправданіе; то именно потому, что первый искалъ противопоставить свою правду правдѣ Божіей, а послѣдній съ сокрушеніемъ сердечнымъ и со слезами исповѣдалъ свои согрѣшенія. А потому у перваго чрезъ гордость и самомиѣніе и правда обратилась въ неправду, а у послѣдняго чрезъ покаяніе и неправда обратилась въ правду. Итакъ, праведные и неправедные зывайте со смиреніемъ къ Богу, и Богъ правды, равно утѣщающійся и смиренною правдою праведника и искреннимъ раскаяніемъ грѣшника, услышитъ смиренную молитву вашу, также какъ Онъ услышалъ подобную молитву праведнаго Давида во дни скорби Его.

Въ скорби распространилъ мя еси, продолжаетъ онъ далѣе. Не сказалъ онъ: ты удалилъ отъ меня скорби и отвратилъ искушенія, но сказалъ: ты оставилъ меня въ скорби, и распространилъ меня. Ибо попеченіе и всемогущество Божіе въ большей мѣрѣ выказывается не тогда, когда Онъ отвращаетъ скорби, но тогда, когда, оставивъ оныя во всей ихъ силѣ, дѣлаетъ способными къ перенесенію ихъ. Съ другой стороны, это гораздо полезнѣе для

тѣхъ, которые подвергаются скорбямъ; ибо чрезъ сіе они дѣлаются болѣе искусными и опытными, когда т. е. и пространство, доставляемое Богомъ, утѣшаетъ угнетаемую душу, и несчастіе возбуждаетъ самаго нерадиваго и предостерегаетъ отъ небреженія. Но спросятъ: какъ могло быть пространство въ скорби или тѣснотѣ? Такъ же, какъ въ седмижды разжженной печи трехъ отроковъ и въ Даниловомъ рвѣ львовъ. Ибо для отроковъ Богъ не погасилъ пламени и не извелъ ихъ на свободу, равно какъ не умертвилъ для Даниила львовъ, но какъ въ первомъ случаѣ въ раскаленной печи, такъ въ послѣднемъ, при всей обыкновенной свирѣпости львовъ, праведные не чувствовали трудности своего положенія и остались невредимыми. Можно также понимать пространство сіе и въ другомъ смыслѣ, когда т. е. душа угнетенная бываетъ свободна отъ смущенія и тяжелой печали; ибо тогда она никакого не чувствуетъ стѣсненія и какъ-бы расширяется. Многіе въ ечастіи предаются сребролюбію, плотоугодію и другимъ тяжкимъ и постыднымъ порокамъ, которые бременяютъ, тѣснятъ и душатъ ихъ душу; но когда внидутъ въ несчастіе, отъ всего того освобождаются и чувствуютъ въ душѣ своей облегченіе. Такъ и пророкъ, когда былъ въ несчастіи, то наслаждался миромъ и спокойствіемъ, котораго ничто внѣшнее не могло возмутить или нарушить. Равнымъ образомъ и мы, если при нападеніяхъ міра не будемъ мучить сами себя, то не почувствуемъ никакого безпокойства. Въ нашей волѣ быть или счастливыми, или несчастливыми. Хотите ли знать, какъ можно изъ несчастія сдѣлать счастье? Послушайте о семъ апостола Павла. *Скорбь, говоритъ онъ, содѣлываетъ терпѣніе, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. 5, 3—5). Не видите ли здѣсь въ тѣснотѣ пространства, въ скорби—начатковъ радости? Скорбь содѣлываетъ терпѣніе, терпѣніе раждаетъ опытность, опытность

производить надежду благъ будущихъ, а блага сіи кого не ободрятъ, кого не восхитятъ, кого не усладятъ, кого не облаженствуютъ въ самомъ ожиданіи ихъ? Теперь понятно, почему праведные въ самыхъ страданіяхъ своихъ радовались и скорбями своими хвалились; почему также Давидъ, будучи окруженъ врагами, уже торжествовалъ духомъ своимъ и хвалился, что Богъ правды услышалъ его и тѣсноту его расширилъ для него. *Услыша мя Богъ правды моя, взываетъ онъ, и въ скорби распространилъ мя еси.* Но послѣ сего торжественнаго воззванія мы вдругъ видимъ пророка, какъ будто сниспавшаго съ высоты своея святости и божественнаго вдохновенія въ толпу людей обыкновенныхъ, людей грѣшныхъ, ибо онъ говорить далѣе: *помилуй мя и услыши молитву мою.* Какъ! прежде упоминалъ онъ о правдѣ своей, а теперь умоляетъ о помилованіи! прежде увѣрялъ, что онъ услышанъ уже Богомъ, а теперь только еще проситъ объ услышаніи! Какую связь имѣютъ слова сіи съ предыдущими? Самую наилучшую. Ибо хотя бы мы имѣли безчисленные добродѣтели, хотя бы достигли самой высшей степени совершенства; но услышаны не можемъ быть иначе, какъ только по милости Божіей и спасены только Его милосердіемъ. Отсюда научаемся мы, что съ праведностію должно быть необходимо соединено сокрушеніе сердечное. Будетъ ли кто грѣшенъ, но если будетъ молиться со смиреніемъ, которое есть часть добродѣтели, весьма много можетъ уснѣть, и обратно, пусть будетъ кто либо праведенъ, но если приступитъ къ молитвѣ съ гордостію, всего лишится: примѣры того и другаго вы видѣли въ мытарѣ и фарисеѣ. Итакъ, надобно знать способъ молиться. Способу сему мы должны учиться у мытаря. Не стыдитесь учиться у такого презрѣннаго, но видимому, учителя, каковъ мытарь. Онъ въ семь дѣлъ столько былъ искусенъ, что одними и тѣ же многими сло-

вами все успѣлъ сдѣлать; когда душа надлежащимъ образомъ предуготовлена, то довольно и одного слова къ открытію неба. Какъ же мытарь предуготовлялъ свою душу? Онъ называлъ себя грѣшникомъ величайшимъ, ударялъ въ перся свои и не смѣлъ очей своихъ возвести на небо. Если и вы будете молиться такимъ же образомъ, то молитву свою содѣлаете легчайшею пера и быстрѣйшею молніи; она тотчасъ долетитъ до неба, проникнетъ своды онаго, достигнетъ престола Вышняго и, по слову Божію, не возвратится къ вамъ тоща. Если грѣшникъ чрезъ молитву содѣлался праведнымъ, то, посудите, какимъ бы содѣлался праведникъ, если бы научился молиться такимъ же образомъ. Вотъ причина, почему и Пророкъ, вдругъ какъ-бы забывши свою праведность, о которой упоминалъ прежде, смиряетъ себя, низводитъ въ число грѣшниковъ и проситъ себѣ помилованія. *Помилуй мя, Господи, и услыши молитву мою,* съ сокрушеніемъ сердечнымъ взываетъ онъ.

Гнѣвайтесь и не согрѣшайте; яже глаголете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитесь (пс. 4, ст. 5).

Что это такое говоритъ пророкъ: *гнѣвайтесь и не согрѣшайте?* Какъ будто можно гнѣваться и не согрѣшать? Господь пророковъ и Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ не тому насъ научаетъ. *Азъ же глаголю вамъ, вѣщаетъ Онъ, яко всякъ гнѣваяйся на брата своего всуче, повиненъ есть суду: иже бо аще речетъ брату своему, рака, т. е. назоветъ пустымъ человѣкомъ, повиненъ есть сонмищу, а иже речетъ, уроде, повиненъ есть гееннѣ огненной* (Мат. 5, 22). Видите, что, по словамъ Господа, всякій гнѣвающийся предается суду сонмища и обрекается въ геенну огненную, а угроза судомъ и геенною конечно не для безгрѣшныхъ. Этого еще мало: и молитва и никакая жертва отъ такого человѣка Богомъ не приемлется. *Аще принесеши даръ твой ко олтарю, глаголетъ Господь*

дальше въ предосторожность нашу, и ту помянешь, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой предъ олтаремъ и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ и тогда пришедъ, принеси даръ твой (Мат. 5, 23. 24). Да и апостолы, какъ вѣрные ученики и послѣдователи Христовы, не то же ли внушаютъ намъ, когда говорятъ, одинъ изъ нихъ: всяка горестъ, т. е. досада, и гнѣвъ и ярость и кличъ и хула да возмется отъ ваяъ со всякою злобою: бывайте другъ ко другу блази, милосерди, прощающе другъ другу, якоже и Богъ во Христѣ простилъ есть вамъ (Еф. 4, 31. 32), а другой: тѣмже, братія моя возлюбленная, да будетъ всякъ человекъ косенъ во гнѣвъ: гнѣвъ бо мужа, правды Божія не содѣловаетъ (Іак. 1, 19. 20)? Но если всякій гнѣвъ, всякая досада и всякое злорѣчіе такъ строго и рѣшительно воспрещены намъ, то, безъ сомнѣнія, потому, что они и сами въ себѣ заключаютъ тяжкій грѣхъ и ведутъ ко множеству грѣховъ. Какъ же, опять вопрошаю я, могло случиться, что пророкъ говоритъ намъ нынѣ: гнѣвайтесь и не согрѣшайте? Возможное ли это дѣло? Возможно ли, прикасаясь къ сажѣ, не очерниться, прикасаясь къ огню, не ожечься, вступая въ воду, не обмочиться? Вѣрно возможно, когда говоритъ это пророкъ, который не могъ противорѣчить ни Іисусу Христу, ни Апостоламъ; потому что какъ въ нихъ, такъ и въ немъ глаголалъ одинъ и тотъ же Духъ Христовъ, Духъ истины, наставляющій на всяку истину. Значить, есть гнѣвъ и безгрѣшный и даже праведный, или по крайней мѣрѣ прямымъ путемъ ведущій къ праведности. Самъ Іисусъ Христосъ, который, по свидѣтельству писанія, грѣха не сотвори, ниже обрѣтеться лестви въ устахъ Его, по временамъ, гдѣ должно, и сколько нужно, гнѣвался и гнѣвался со всею силою своея божественныя ревности. Такъ Онъ гнѣвался при исцѣленіи сухорукаго въ субботу, когда видѣлъ фарисеевъ и книж-

никовъ, лукаво назирающихъ Его и превратно понимающихъ и толкующихъ значеніе субботы. Онъ же, замѣчаетъ евангелистъ, воззрѣвъ на нихъ съ гнѣвомъ, скорбя о окамененіи сердець ихъ, рече имъ: достоинъ ли въ субботу добро творити, или зло творити? душу спасти, или погубити? Посемъ глагола человекъ, суху руку и мущу: прости руку твою, и простре (Марк. 3, 4. 5). Гнѣвался Онъ также, когда увидѣлъ безчиніе въ самомъ храмѣ Іерусалискомъ, и сотворивъ бичъ отъ вервий, изгна изъ церкви вся продающія и купующія, и торженикамъ разсыпавъ пльязи и доски опроверже (Іоан. 2, 15. 16). Не разъ въ жару праведнаго негодованія на беззаконіе нераскаянное увлекались гнѣвомъ Іоаннъ креститель и св. Апостолы, называя лица и вещи, достойныя порицанія, именами, имъ свойственными, каковы суть: порожденія ехиднова, кто сказалъ вамъ бѣжати отъ грядущаго гнѣва (Лук. 3, 7)? или: о исполненне всякія лести и всякія злобы, сыне діаволь, враже всякія правды, не престанеши ли развращая пути Господни правыя? И нынѣ се рука Господня на тя, и будеши слѣпъ (Дѣян. 13, 10. 11), или: бити тя имать Богъ, стѣпно поваленная (Дѣян. 23, 3) и т. под. Съ особенною же силою и разительностію обнаружили свой гнѣвъ апостолы Павелъ и Варнава въ Ликаоніи, когда услышавъ, что суевѣрные ея жители, принявъ ихъ за своихъ боговъ, снисшедшихъ къ нимъ въ видѣ человекъ, готовились принести имъ жертвы, тотчасъ растерзали ризы своя и, стремительно бросившись въ толпу народную, словомъ упрека и убѣжденія остановили безразсудное и вмѣстѣ нечестивое ихъ намѣреніе. Мужіе, сказали они имъ, что сія творите? И мы подобострастни есмы вамъ человекъ, благовѣствующе вамъ отъ сихъ суетныхъ обращаться къ Богу живу, иже сотвори небо и землю и море и вся, яже въ нихъ. (Дѣян. 14, 15). Такимъ образомъ возможность гнѣваться

и не согрѣшать становится очевидною и неоспоримою. Въ понятіяхъ и чувствованіяхъ святыхъ мужей, достигшихъ въ мѣру возраста исполненія Христова, то и другое легко совмѣщаются не только не вреда одно другому, но и взаимно себя поддерживая и усиливая. Вотъ причина, почему апостолъ Павелъ въ то же время и въ томъ же мѣстѣ, гдѣ воспрещаетъ христіанамъ всякую досаду, гнѣвъ и злорѣчіе, приводитъ, какъ-бы въ подтвержденіе своего увѣщанія, точныя слова пророка, нами разсматриваемыя, не опасаясь чрезъ то стать въ противорѣчіе съ самимъ собою, хотя въ буквальномъ значеніи сихъ словъ и примѣчается нѣкоторое какъ-бы несогласіе оныхъ съ основною его мыслию. *Гнѣвайтесь*, говоритъ онъ, *и не согрѣшайте: солнце да не зайдетъ во гнѣвъ вашемъ: ниже дадите мѣста діаволу*. И потомъ вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: *всяка горестъ, и гнѣвъ и клмчъ и хула, да возьмется отъ васъ со всякою злобою* (Еф. 4. 26—32). Словомъ, какъ есть въ дѣлахъ вѣры ревность по разуму—святая и вождедѣнная, и ревность не по разуму—преступная и погибельная, такъ есть гнѣвъ грѣшный и безгрѣшный. Теперь остается только объяснить и указать обстоятельства и случаи, въ которыхъ гнѣвъ бываетъ грѣшнымъ и безгрѣшнымъ, а также можетъ ли, когда и какъ переводимъ быть изъ состоянія грѣшнаго въ состояніе безгрѣшное.

Гнѣвъ бываетъ грѣхомъ тяжкимъ и смертнымъ, когда обращенъ бываетъ на ближняго нашего 1) напрасно—безъ достаточной причины; ибо небесный Учитель сказалъ не просто: *всякъ гнѣвайся на брата своего повиненъ есть суду*, но: *всякъ гнѣвайся всуе*; 2) съ тайною или явною злобою, продолжительно питаемою, и 3) съ желаніемъ мщенія и самымъ мщеніемъ, при удобномъ случаѣ. Каждое изъ сихъ условій приносить въ гнѣвъ свою мѣру тяжести и виновности предъ Богомъ, а все вмѣстѣ взятыя образуютъ изъ него грѣхъ ужасный и крайне

опасный. Отсутствие котораго либо изъ нихъ, конечно, измѣняетъ до извѣстной степени качество грѣха, но не отнимаетъ виновности онаго. Главный вредъ, который причиняетъ намъ гнѣвъ, состоитъ наиболѣе въ томъ, что онъ открываетъ въ наше сердце входъ діаволу и доставляетъ ему легкую возможность утвердиться въ немъ; поселяя же діавола, въ то же время изгоняетъ Духа благодати, который есть Духъ мира и любви, и чрезъ то отчуждаетъ насъ рѣшительно отъ Бога. Посему-то апостолъ въ своемъ увѣщаніи къ гнѣвающимся напоминаетъ имъ: *ниже дадите мѣста діаволу*.

Гнѣвъ бываетъ безгрѣшнымъ, когда возгарается не напрасно, но по причинѣ совершенно достаточной и законно-уважительной. Причиною же къ гнѣву достаточною и законною не могутъ быть никакіе расчеты житейскіе, или потеря выгодъ временныхъ, но должны быть единственно оскорбленіе величія Божія и препинанія на пути ко спасенію нашему и ближнихъ нашихъ. Ибо, если все мы, по апостолу, должны творить во славу Божію и въ свое спасеніе, то, очевидно, только то, что уничижаетъ первую и угрожаетъ послѣдней, должно раздражать и огорчать насъ, все же прочее, какъ не имѣющее для насъ большей цѣны, или имѣющее цѣну только относительную, по примѣненію къ главной цѣли бытія, не можетъ само по себѣ, въ случаѣ утраты или ущерба, давать намъ права на гнѣвъ противу ближнихъ нашихъ, какъ развѣ въ мѣрѣ, соответствующей значенію благъ утраченныхъ въ достиженіи оной цѣли. Такимъ образомъ не грѣшатъ родители, когда, видя безпорядочное поведение своихъ дѣтей, гнѣваются и возносятъ жезлъ отеческій для наказанія строптивыхъ чадъ своихъ къ ихъ исправленію. Не грѣшатъ пастыри церкви, когда, замѣчая въ сынахъ и дщеряхъ своей паствы охлажденіе къ вѣрѣ, пренебреженіе къ святынѣ, нарушеніе правилъ и поста-

новлений церкви о постѣ и молитвѣ и о другихъ видахъ добродѣтели, закоснѣніе во грѣхъ и упорное сопротивленіе слову обличенія и увѣщанія, въ праведномъ негодованіи за ихъ непослушаніе, изъемятъ свой мечъ духовный на пораженіе непокорныхъ *во изможденіе плоти, да духъ спасется.* Не грѣшатъ правители и начальники, когда, встрѣчая въ своихъ подчиненныхъ своеволие и небреженіе, лукавство и мздоимство въ исполненіи обязанностей своего званія, негодуютъ и досадуютъ и свойственными мѣрами наказанія стараются возратить ихъ къ долгу забытому, лишь бы только все это дѣлалось безъ злобы и мщенія—съ искреннимъ желаніемъ блага обществу и пользы наказуемымъ. Не грѣшатъ, наконецъ, господа и домохозяева, когда, огорченные разнаго рода безпорядками домашней и внѣшней прислуги своей, предаются гнѣву и подвергаютъ виновныхъ наказанію заслуженному, лишь бы только въ трудахъ прислуги соблюдалось, сколько возможно, вѣрное уравненіе, а въ наказаніяхъ мѣра человѣколюбія и благоразумнаго снисхожденія къ немощамъ человѣческимъ.

Еще болѣе гнѣвъ становится безгрѣшнымъ, когда вмѣсто ближнихъ нашихъ обращаемъ его на самихъ себя, на свои грѣхи и беззаконія, когда на самихъ себя досадуетъ, скорбимъ, болѣзнуемъ, сокрушаемся и плачемъ, представляя въ умѣ своемъ всю тяжесть грѣховъ и всю неблагодарность свою къ Богу-благодѣтелю. Гнѣвайтесь, говоритъ св. Василій великій въ толкованіи на разсматриваемое нами мѣсто, гнѣвайтесь на своя грѣси и не осуждайте о грѣсѣхъ ближняго своего, да тако осужденія избудете. *Не судите, да не судими будите,* глаголетъ Господь. Только и здѣсь нужна намъ большая надъ самими собою бдительность и мудрая осторожность, чтобы, съ одной стороны, подъ кровомъ тяжкихъ нашихъ скорбей и горькихъ упрековъ самимъ себѣ за паденія внезапныя

и поползновенія случайныя, по извѣстной слабости человѣческой, почти неизбежныя, не закралась въ наше сердце такъ называемая духовная гордость, которая огорчается и сокрушается не тѣмъ, что извѣстнымъ грѣхомъ оскорбленъ Богъ и нарушенъ святой Его законъ, а только тѣмъ, что какъ мы, которые, по нашему мнѣнію, въ духовномъ совершенствѣ стоимъ такъ высоко, могли вдругъ ниспасть такъ глубоко и унизиться до грѣха столь грубаго и столько самолюбію нашему противнаго: въ такомъ случаѣ послѣдняя наша были бы горша первыхъ; а съ другой, чтобы, привыкши постоянно заниматься только самими собою, въ то же время не приобрѣли губительнаго также навыка, равнодушно—безъ вниманія, безъ участія, безъ всякихъ мѣръ предупредительныхъ и исправительныхъ, смотрѣть на проступки тѣхъ изъ ближнихъ нашихъ, которые ввѣрены Промысломъ исключительно нашему надзору и попеченію: въ такомъ случаѣ намъ угрожала бы участь первосвященника Илія, не за свои грѣхи, ибо онъ былъ мужъ кроткій и праведный, но за грѣхи дѣтей своихъ, за которыми не довольно смотрѣлъ и которыхъ не довольно наказывалъ, хотя отеческими наставленіями нерѣдко вразумлялъ, такъ злополучно павшаго.

Но есть средство, и грѣшный гнѣвъ превратить въ безгрѣшный, и пророкъ самъ въ томъ же мѣстѣ указываетъ и пролагаетъ къ тому вѣрный путь. *Гнѣвайтесь,* говоритъ онъ, *и не согрѣшайте,* а если, подразумѣвать должно, и случится вамъ согрѣшить, то, *яже глаголете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитесь.* Св. Іоаннъ Златоустъ въ объясненіи сихъ словъ говоритъ: на ложахъ умилитесь, сіестъ, яже во дни въ сердцахъ мыслите, о семъ истязайте и обличайте совѣсть свою въ покаяніи, на ложахъ хотящія уснути, воспоминающе гробъ, смерть, судъ и геенну. И такъ, вотъ крайній предѣлъ гнѣва безгрѣшнаго: отъ часовъ дневныхъ до захожденія солнечнаго. Ап.

Павель, приводя сіе мѣсто изъ пророка, какъ вы видѣли уже, прямо говорить: *солнце да не зайдетъ во тьмѣ вашей.* Слѣд., кто съ злобою въ сердцѣ на ближняго засыпаетъ, тотъ тяжко согрѣшаетъ; кто съ тою же злобою пробуждается поутру, тотъ находится въ опасномъ, хотя и тогда еще, по милосердію Божію, не безнадежномъ состояніи; а кто и сего-дня, и завтра, и послѣ-завтра, въ теченіи нѣсколькихъ дней и ночей, недѣль и мѣсяцевъ, а, избави Богъ, и цѣлыхъ лѣтъ остается въ прежней злобѣ своей, неумолимой, непреклонной, не ослабляемой временемъ, но со дня на день усиливающейся и возрастающей, тотъ близокъ къ своей гибели. Такой человекъ можетъ быть увѣренъ, что уже не Богъ въ его сердцѣ обитаетъ, а діаволъ свирѣпствуетъ, какъ властелинъ жестокий, какъ повелитель немилостивый, какъ тиранъ безчеловѣчный, ежечасно и ежеминутно свою жертву терзающій. А отъ такого недобраго сосѣдства чего можно ожидать добраго? Припомните судьбу Саула, богоизбраннаго и богоосвященнаго, что стало съ нимъ съ того времени, какъ злоба противъ неповиннаго Давида поселилась въ его сердцѣ? Сколь жалка была его жизнь и сколь несчастный постигнулъ его конецъ! А что еще затѣмъ по ту сторону гроба должно было встрѣтить его! *Смерть грѣшниковъ люта,* взываетъ пророкъ, но лютость бѣдствій и страданій, ожидающихъ ихъ за смертію, какой языкъ выразить, какое перо описать можетъ.

Посему страждетъ ли кто и изъ васъ, возлюбленные о Господѣ чада и братія, недугомъ, подобнымъ Саулову, или, по пылости своего характера и раздражительности самолюбія, чувствуетъ себя къ тому расположеннымъ, то пусть таковой позаботится принять и продолжаетъ принимать, сколько возможно, чаще и врачество противъ сего недуга, пророкомъ предлагаемое. Пусть поставитъ себѣ за правило, каждый вечеръ, когда возляжетъ на ложе

свое, умиляться, т. е. вопрошать и испытывать совѣсть свою, чѣмъ и кѣмъ онъ огорченъ былъ въ продолженіи дня, что думалъ и что говорилъ самъ, согласно ли это съ закономъ Божиимъ, угодно ли Богу и полезно ли ему самому, награды или наказанія можно ожидать за сіе въ вѣчности, и такимъ образомъ встревоженныя чувства его мало по малу успокоятся, страсти умолкнутъ, волненіе утихнетъ и миръ души возстановится. Опасность минетъ!

Пожрите жертву правды и уповайте на Господа (ст. 6). Кстати, пророкъ непосредственно затѣмъ, какъ умиротворилъ насъ, т. е. научилъ охранять отъ грѣха гнѣвъ и изгонять изъ гнѣва грѣхъ, или, что тоже, соблюдать въ самомъ гнѣвѣ безмятежіе мира и скорымъ миромъ прекращать, очищать и покрывать гнѣвъ, призываетъ насъ къ жертвоприношенію. *Пожрите жертву правды,* говоритъ онъ. Симъ онъ вѣрно и точно исполняетъ извѣстную заповѣдь Христову, которая повелѣваетъ не прежде приступать къ жертвоприношенію и молитвѣ, какъ со всѣми примирившись и чрезъ то изгладивши въ себѣ слѣды всякаго гнѣва, злобы и досады. *Аще принесеши даръ твой ко олтарю,* говоритъ Господь, *и ты помянешь, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой, и шедъ прежде смирился съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ, принеси даръ твой.* И такъ, предписанный чинъ и порядокъ жертвоприношенія соблюденъ, препятствія къ тому устранены, приготовленіе сдѣлано: остается только приглашеніе пророка исполнить. *Пожрите убо жертву правды и уповайте на Господа.* Но что это за жертва, которую, по приглашенію пророка, принести намъ должно? Въ ветхомъ завѣтѣ, при жизни пророка и послѣ него, до самаго явленія въ міръ Спасителя міра, который наконецъ самъ Себя принесъ на крестѣ въ жертву за грѣхи міра и тѣмъ прекратилъ жертвы подзаконныя, какъ Его

прообразовавшия, много было жертвъ разнаго рода, какъ-то: всесоженіе, жертва о грѣхѣ, жертва о преступленіи, жертва мира или спасенія и даръ безкровный, но жертвы правды, къ которой призываетъ пророкъ, между ними не видно. Что же это за жертва? По единогласному разумѣнію отцевъ церкви, это есть жертва добродѣтельной жизни и сердце, искреннимъ покаяніемъ сокрушенное и очищенное. Подлинно сія жертва есть истинная жертва правды, т. е. способная оправдать человѣка и поставить его непостыдно предъ Богомъ: *таковыми бо жертвами благоугождается Богъ*. Такое впрочемъ разумѣніе отцевъ церкви подтверждается и ясными словами самаго пророка въ другомъ мѣстѣ: *жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. 50, 19). Не уничижитъ, слѣд. и прославитъ, а если прославитъ, то и оправдаетъ; потому что прославленіе и оправданіе неразрывнымъ союзомъ между собою связаны, такъ что ни первое безъ послѣдняго, ни послѣднее безъ перваго быть не можетъ. *Ихъ же оправда*, говоритъ апостолъ объ избранныхъ Божиихъ, *тѣхъ и прослави* (Рим. 8, 30).

Но и жертва правды не будетъ для насъ оправдательною, коль скоро не будетъ соединена съ упованіемъ на Господа, который *единъ есть*, по апостолу, *наша правда, освященіе и избавленіе*, и виѣ котораго и самая большая правда праведника будетъ не больше, какъ только фарисейскою самоправедностію, достойною осужденія на землѣ и на небѣ, и потому-то пророкъ вслѣдъ за словами: *пожрите жертву правды*, тотчасъ прибавляетъ: *и уповайте на Господа*. Уповайте убо на Господа, возлюбленные братія, но уповайте твердо и рѣшительно, ни мало не колеблясь, и ничѣмъ не тревожась и не смущаясь, но всю вашу печаль и всѣ ваши недоумѣнія и опасенія отъ всей души и отъ всего сердца на Него возверзая и отъ Него единаго ожидая себѣ помощи и заступленія; *ибо*

упованіе, какъ говоритъ апостолъ, *не посрамитъ*, или какъ самъ же пророкъ выражается въ другомъ мѣстѣ: *не постыдятся вси уповающіи на Него*. Господь и грѣхи ваши, въ которыхъ искренно раскаяваетесь и за которые справедливо опасаетесь, по милосердію своему, покроетъ, и добродѣтели, къ которымъ ревностно стремитесь, но въ которыхъ не довольно успѣваете, освятитъ и утвердитъ своею благодатію.

Мнози глаголютъ, говоритъ пророкъ далѣе, *кто явитъ намъ благая? знаменася на насъ свѣтъ лица твоего, Господи. Далъ еси веселіе въ сердце моему. Отъ плода пшеницы, вина и елея своего умножишася* (ст. 7. 8).

Мысль пророка объ упованіи на Господа, которое въ сильной степени онъ ощущалъ въ себѣ, и къ которому, по свойственной ему любви къ человѣчеству, призывалъ другихъ, привела его къ мысли о нѣкоторыхъ людяхъ, на людей не похожихъ, хотя и человѣческій видъ имѣющихъ, поступающихъ совѣмъ противнымъ образомъ, т. е. не на Бога, а на себя и на свои силы надѣющихся, всего отъ своего ума, отъ своей распорядительности и дѣятельности ожидающихъ, и все себѣ исключительно приписывающихъ, а потому въ счастіи превозносящихся и надмевающихся, а въ несчастіи упдающихъ духомъ и отчаявающихся въ милости Божіей. Поелику же такихъ людей въ мірѣ больше, нежели первыхъ—худое какъ-то всегда и вездѣ бываетъ плодовиѣе,—то пророкъ сей родъ людей обозначаетъ словомъ: *многіе*. *Мнози*, говоритъ онъ, *глаголютъ*. Что же глаголютъ они? Глаголютъ: *кто явитъ намъ благая?* Глаголы безумные! глаголы безстыдно-лживые! глаголы богохульные! Кто явитъ намъ благая? Могутъ ли слова сіи безъ страха и трепета повторить существа, одаренныя смысломъ и разумомъ, сердцемъ и чувствами? Какъ, кто? спросилъ бы я этихъ людей.—Вы не знаете, кто явитъ вамъ бла-

гая? Значить, не знаете и Того, кто являлъ и являетъ вамъ оныя доселѣ. Подумайте же, что вы говорите и чѣмъ себя неожиданно, вопреки своему самолюбію великому, дѣлаете? Вы ставите себя ниже безсловесныхъ животныхъ, которыя хорошо знаютъ и никогда не ошибаются въ распознаніи того, кто ихъ купилъ и кто ихъ кормить и ласкаетъ, и къ нему же снова обращаются, отъ него ожидаютъ себѣ помощи, когда чувствуютъ потребность въ пищѣ и питіи. *Позна волю стяжавшаго его и оселъ ясли господина своего*, утверждаетъ писаніе (Иса. 1, 3). А вы, высокоумные, не знаете, не доумѣваете и колеблетесь понять и признать, кто явить вамъ благая? Спросите лучше самихъ себя, кто являлъ вамъ и являетъ благая своя до нынѣ; кто привелъ васъ изъ небытія въ бытіе; кто далъ вамъ душу и тѣло, умъ и сердце, кто возставилъ васъ падшихъ, воскресилъ умершихъ грѣхомъ, кто обновилъ, освятилъ и благоукусилъ дарами благодати? Сами ли вы? Нѣтъ, ибо такъ думать, и по вашему суду, было бы не возможно и нелѣпо. Такъ кто же? Кто, кромѣ Бога единого, Творца, Промыслителя, Избавителя и Спасителя нашего, которымъ всѣ мы, по свидѣтельству писанія, *живемъ, и движемся, и существуемъ*, который *всѣмъ даетъ жизнь, дыхание и вся*, который *одѣваетъ небо облаки, уготовляетъ землѣ дождь, прозлбаетъ на горахъ траву и злакъ на службу челоуькомъ, посылаетъ скотамъ пищу ихъ и птенцамъ враковымъ, призываетъ Его* (Псал. 146, 9). Отъ чего же и послѣ сего еще является въ васъ недоумѣніе и сомнѣніе: кто явить вамъ благая? Кто являлъ вамъ благая своя доселѣ, тотъ же будетъ являть оныя и послѣ, и всегда, коль скоро будете способны и достойны Его милостей. Еще рука Его не сократилась, мышца еще простерта, дары еще не истощились. *Онъ есть дѣйствующій вся во всѣхъ о благоволеніи, Имъ и въ Немъ вселенская состоится.*

Онъ, какъ прежде, такъ и нынѣ, солнце свое сіяетъ на благія и злыя и дождитъ на праведныя и неправедныя. И такъ, къ Нему обратитесь, въ Немъ ищите, отъ Него ожидайте и отъ Него просите себѣ помощи, защиты, помилованія, спасенія, всего потребнаго для жизни временной и вѣчной. *Просите и дастся вамъ, ищите, и обрящете* благая Его на землѣ и на небѣ. Тогда и вы, подобно пророку и, вмѣстѣ съ пророкомъ, въ глубокомъ чувствѣ благодарности скажете:

Знаменася на насъ свѣтъ лица Твоего, Господи. Но Бога, собственно говоря, по словамъ небснаго Учителя, *никто же видѣть, ниже видѣти можетъ*, слѣд., и лица Его видѣть и свѣтомъ Его знаменаться никто изъ земнородныхъ не можетъ. Да и самъ Онъ въ бесѣдѣ своей съ Моисеемъ прямо сказалъ ему: *не возможеша видѣти лица моего, не бо узритъ челоуькъ лице мое и живъ будетъ. Точію задняя моя узриши, лице же мое не явится тебѣ* (Исх. 33, 20—23). Тѣмъ не менѣе, однакожъ, пророкъ говоритъ, что свѣтъ лица Божія на немъ и на всѣхъ ему подобныхъ знаменался и знаменуется, т. е. отражался и отражается, оставляя по себѣ глубокіе слѣды своего озаренія. *Знаменася на насъ, смѣло говоритъ онъ, свѣтъ лица твоего, Господи.* Что же бы это значило? Какъ могъ пророкъ знаменаться свѣтомъ лица Божія, когда самага лица не видѣлъ и не могъ видѣть? Недоумѣніе сіе могло бы еще имѣть мѣсто для ветхозавѣтныхъ испытателей писанія; но для насъ, которые озарены и просвѣщены сугубымъ свѣтомъ евангельской истины, для насъ оно не существуетъ, или, по крайней мѣрѣ, не должно существовать; для насъ и невидимый Богъ сталъ видимымъ челоуькомъ и отъ вѣка вѣковъ неявленное лице Божіе въ послѣдокъ днѣй явилось въ лицѣ Христа Богочелоуька, *иже, по апостолу, съи сіяніе славы Божія и образъ Упостаси Его, не восхищеніемъ*

Ипещева быти равенъ Богу, но Себе умалил, зракъ раба приимъ, въ подобіи чловчествъ бытъ, и образомъ обрѣтесе яко же чловкъ; смирилъ Себе, послушмвъ бытъ даже до смерти, смерти же крестныя; тьмъ же и Богъ Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени, да о имени Иисусовъ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Иисусъ Христосъ во славу Бога Отца (Фил. 2, 6—11). Такимъ образомъ невидимое, неприступное и недосязаемое лице Божіе открылось намъ и содѣбалось не только видимымъ, но и осязаемымъ для насъ въ лицѣ Христа Сына Божія, и мы, скажемъ словами Іоанна Богослова, славу Его видѣхомъ, славу, яко едиnorodнаго отъ Отца, исполнь благодати и истины (Іоан. 1, 14), и руки наша осязаша о Словеси животнмъ, и видѣхомъ и свидѣтельствуемъ и возъпцаемъ вамъ животъ вѣчный, иже бѣ у Отца и явися намъ (1 Іоан. 1, 1. 2). Познавъ Его, мы познали Отца, увидѣвъ Его, мы увидѣли невидимаго Бога: ибо Онъ, какъ Сынъ, сый въ лоиъ Отци, той исповѣда Его (Іоан. 1, 18) такъ ясно, такъ полно и совершенно, что, по Его собственнымъ словамъ, видѣвый Его, видѣ и Отца; ибо Онъ и Отецъ едино суть, яко же Отецъ въ Немъ, тако и Онъ во Отцѣ. Словомъ, лице Господне, о которомъ упоминаетъ здѣсь пророкъ, есть лице Христово. А что такое свѣтъ лица сего, знаменіемъ коего пророкъ хвалится и радуется? Свѣтъ лица Христова, по своему божественному естеству, неизмѣримо великъ, необъятенъ, неувимъ; онъ въ высшихъ сферахъ небесныхъ непрестанно отъ вѣка ліется бозчисленными струями на горнихъ духовъ, озаряя, просвѣтляя и возвышая ихъ сотворенную природу, и никогда не истощается, и въ то же время нистекая на землю обильными, хотя и невидимыми потоками, проникаетъ, освѣщаетъ, согрѣваетъ, живить, созидаетъ, преобразуетъ и

благоустраиваетъ все сущее подъ солнцемъ и луною. Но сей свѣтъ въ этомъ состояніи для насъ недоступенъ, слѣд. и знаменаться мы имъ не можемъ. Что же дѣлаетъ благодать Господа? Онъ нисходитъ самъ на землю и вмѣстѣ съ тьмъ и свой свѣтъ, такъ сказать, воплощаетъ въ виды вещественные, для насъ доступные и удобопріемлемые, открывая оный прежде всего въ своей жизни и смерти, въ словахъ и дѣлахъ, даже въ каждомъ взглядѣ и движеніи. Не приувеличиваю я предмета; но еще далеко не достигаю высоты и пространства онаго, когда говорю вамъ, что Христосъ Господь не только въ дѣлахъ своихъ, но и въ каждомъ словѣ, взглядѣ и движеніи открывалъ и проливалъ въ обилии свой свѣтъ божественный: ибо Онъ бѣ, по свидѣтельству Евангелиста и Богослова, свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго чловка, грядущаго въ міръ, и во тьмѣ свѣтящійся и тьмою не объемлемый, слѣд., и никакое движеніе Его не могло обойтись безъ прямого или косвеннаго отраженія или преломленія лучей Его. А чтобы ближе и вѣрнѣе вамъ убѣдиться въ семъ, то припомните только, что достаточно было одного слова Его: *Марія*, чтобы Магдалину, омраченную скорбію жестокою и темнотою noctною, вывести изъ ея заблужденія о Его присутствіи,—одного взгляда на апостола Петра, трикраты съ клятвою отъ Него отвергшагося, чтобы пробудить въ немъ совѣсть крѣпко усыпленную и заставить ее излиться въ горькихъ слезахъ покаянія,—одного непонятнаго и необъяснимаго движенія предъ учениками, шедшими въ Эммаусъ, чтобы вдругъ отверзлись очи ихъ, да познають Его воскресшаго, между тьмъ какъ до сей минуты и долго шли и разговаривали съ Нимъ, но не познали Его. Центральная точка сего свѣта заключается въ крестныхъ страданіяхъ и смерти Христовой, и потому Онъ, приближаясь къ нимъ, говоритъ торжественно въ молитвѣ своей ко Отцу: *ныиъ прославися Сынъ чловч-*

ческий, а въ бесѣдѣ съ учениками своими: *видѣхъ сатану, яко молнію съ небесе спадшаю, и мѣнь князь міра сего изгнаць будетъ вонъ, наконецъ въ разговорѣ съ іудеями: отсель узрите небо отверсто и Ашемы Божіи, восходящія и нисходящія надъ Сына человеческого.* Отъ сего свѣтоноснаго средоточія исходятъ въ видѣ лучей или проводниковъ всѣ таинственные пути благодати Божіей, возраждающей, освящающей, разрѣшающей, очищающей, укрѣпляющей, сокровенныя подъ вещественными видами обыкновенной воды, хлѣба, вина, мура, елея и проч., или, что тоже христіанскія церковныя таинства, каковы суть: Крещеніе, Муропомазаніе, Покаяніе, Причащеніе, Священство и проч., въ коихъ подъ видимыми знаками преподается невидимая благодать Божія. Посему знаменіе свѣтомъ лица Господня будетъ не что иное, какъ знаменіе крестомъ Христовымъ, или, что тоже, осѣненіе себя крестнымъ знаменіемъ. Вотъ что разумѣлъ пророкъ подъ словами, нами разсматриваемыми. Онъ видѣлъ върою издалека сіе благотворное и спасительное для человѣчества знаменіе, отъ котораго трепещуть демоны, низлагаются враги, утихаютъ бури, укрощаются звѣри, теряютъ силу свою яды, врачуются болѣзни, смиряются страсти, видѣлъ и радовался: *знаменася... Далъ еси весел...* Послѣдующія за симъ слова пророка еще болѣе утверждаютъ насъ въ семъ разумѣніи. Согласно съ симъ разумѣли сіе мѣсто и Отцы церкви. Такъ Аѳанасій Великій пишетъ: «Лице Бога Отца есть Христосъ Господь, свѣтъ Христовъ—крестъ Его святыи, имъ же въ крещеніи святѣмъ вселенная просвѣтится и вси върніи на душахъ и тѣлесѣхъ знаменани именуются истинніи христіане». Какъ счастливы мы, братія, что родились, воспитались и возрасли подъ симъ чудодѣйственнымъ знаменіемъ! да сподобитъ насъ Господь съ нимъ же въ рукѣ и сердцѣ и умереть и предстать не постыдно на страшномъ судѣ Христовомъ! Св. церковь

понимаетъ цѣну сего високаго благодѣянія и потому ежедневно молится за насъ и съ нами взывая: *Христе свѣте истинны... да знаменася на насъ свѣтъ лица Твоего.* Еже буди, буди.

Отъ плода пшеницы, вина и елея своего умножася (ст. 8). Здѣсь всѣ слова, какъ отдѣльно взятыя, такъ и въ совокупности, весьма просты и совершенно понятны: ибо кто изъ насъ не знаетъ, что такое пшеница, вино и елей, что плодъ ихъ, какое его употребленіе и какія отъ того послѣдствія? Но мысль, въ этихъ словахъ заключающуюся, открыть не легко. Главное затрудненіе здѣсь происходитъ отъ того, что слова сіи, означая собою предметы земные и вещественные, вставлены между словами, высшаго, духовнаго и небеснаго значенія. Впереди, какъ припомните вы, говорилось о людяхъ, знаменующихся свѣтомъ лица Господня, а позади, какъ увидите послѣ, будетъ сказано о мирѣ и покоѣ челоуѣка, уповающаго на Господа. Очевидно, что для людей того и другаго рода пшеница, вино и елей, въ простомъ и обыкновенномъ ихъ значеніи, суть вещи не слишкомъ важныя и нужныя, и къ умноженію ихъ нисколько не способствуютъ, а если онѣ подлинно необходимы и важны для нихъ и дѣйствительно способствуютъ къ умноженію и возрастанію ихъ, то развѣ въ другомъ какомъ либо видѣ и значеніи, а не въ простомъ и обыкновенномъ. Это при взглядѣ на сіи слова въ такой связи, въ какой поставилъ ихъ пророкъ, неволью и естественно приводитъ насъ къ той же мысли, къ какой приведенъ былъ апостоль Павелъ при чтеніи во Второзаконіи Моисеевомъ словъ: *да не обратиши вола молотяща* (Втор. 25, 4.). Въ Моисеевѣ законѣ писано, говоритъ онъ, *да не заградиши устенъ вола молотяща. Еда о вольхъ радить Богъ? Имъ насъ ради всяко глаголетъ? Насъ бо ради написася, яко о надеждѣ дол-*

женъ есть орлий, орати и молотий съ надеждою своего упованія причащаются, примѣняя сей законъ къ пастырямъ и служителямъ церкви, которыхъ паства обязана пропитывать. Тако и Господь повель, заключаетъ онъ далѣе, проповѣдающимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жити (1 Кор. 9, 9—14). Подобно сему и мы можемъ спросить: еда Духъ Святой, глаголавшій устами пророка, говоря о избранникахъ неба, знаменанныхъ свѣтомъ лица Господня, яко отъ плода пшеницы, вина и елея умножшася, еда заботился при семъ о пшеницѣ, винѣ и елеѣ для нихъ? и потомъ имѣемъ полное право заключить: нѣтъ, не простую и обыкновенную пищу и питіе имѣлъ въ виду Духъ Святой, когда говорилъ такимъ образомъ, но пищу нетлѣнную и питіе духовное, подъ видами только плода пшеничнаго и винограднаго и подъ образомъ елея преподаемья, т. е. разумѣлъ онъ Христіанскія таинства тѣла и крови Христовой, равно какъ Муропомазанія и Елеосвященія. Отъ употребленія сего духовнаго брашна и питія и сего святаго помазанія знаменующіеся свѣтомъ лица Господня, или, что то же, изображающіе на себѣ и въ себѣ спасительное знаменіе креста Христова—человѣки на земли небесные, во плоти живущіе, но не плотская мудрствующіе, точно растутъ и множатся и съ какою изумительною силою и быстротою! Едва не многіе изъ земнородныхъ удостоились вкусить сего брашна духовнаго и сего питія небеснаго и пріять сіе святое помазаніе, какъ вслѣдъ за ними сотни и тысячи и тмы подобныхъ имъ устремились къ сему новооткрытому источнику жизни и спасенія. По вся же дни терпяще: единодушно въ церкви, повѣствуетъ писаніе о сихъ людяхъ, и ломяще по домоу хлѣбъ, примаху пищу въ радости и въ простотѣ сердца, хваляще Бога и имуще благодать у всѣхъ людей. Господь же прилагаше по вся дни церкви спасающіяся (Дѣян. 2, 46. 47). И въ другомъ мѣстѣ: Слово

Божіе растяше и множашеся число ученикъ во Иерусалимѣ зело; многъ же народъ священниковъ послушаху въры (Дѣян. 6, 7). И не въ Иерусалимѣ только, и даже не въ Иудеѣ одной было такимъ образомъ, но и вездѣ—во всѣхъ концахъ вселенныя въ теченіи вѣковъ повторялось и повторяется то же чрезвычайное явленіе. Довольно было, чтобы хотя одно зерно сей чудной пшеницы какимъ либо благопріятнымъ вѣтромъ занесено было въ самый отдаленный и дотолѣ безвѣстный уголокъ земли, чтобы хотя одна капля сего благословеннаго вина и елея канула на почву самую грубую и невоздѣланную, нерѣдко каменистую или тѣсно поросшую волчцами и терніемъ, и за тѣмъ вскорѣ на мѣстахъ глухихъ и заброшенныхъ, или непрístupныхъ, жатва являлась обильная—цѣлыя сонмы земныхъ небожителей съ именемъ и силою Христовою въ еердцѣ и устнахъ возникали какъ-бы изъ-подъ земли, и своимъ словомъ и примѣромъ раждали въ свою чреду новыхъ чадъ себѣ подобныхъ, и цѣлыя страны принимали въ свое одержаніе. Такъ, по случаю воздвигнутаго въ Иерусалимѣ на Христіанъ гоненія, діаконъ Филиппъ уходитъ въ сосѣдственную Самарію, проповѣдуетъ слово Евангелія, и Самарія, по его проповѣди, вдругъ перераждается и дѣлается изъ страны враждебной Христу достояніемъ Христовымъ. Филиппъ, повѣствуется въ книгѣ апостольскихъ Дѣяній, (гл. 8, 5—12) сошедъ во градъ Самарійскій, проповѣдаше Христа, внимаху же народи глаголемыи отъ Филиппа единодушно и, впровавшие ему благовѣствующую, яже о царствіи Божіи и о имени І. Христовѣ, крещахуся мужіе же и жены. Подобно сему другіе изъ братіи, по свидѣтельству тойже книги Дѣяній, разспышшии отъ скорби, бывшии при Стефанѣ, проидоша даже до Финикіи и Кипра, и шедше во Антиохію, глаголаху къ Иудеямъ и Еллинамъ, благовѣствующе Господа Іисуса, и бѣ рука Господня съ ними: многое

жє число впровадше, обратившася ко Господу и наречени быша прежде во Антіохіи ученики христіаны (Дѣян. 11, 19—26). Такъ легко и удобно знаменаные свѣтомъ лица Божія, Господу послѣдствующую и слово утверждающую послѣдствующими знаменами, отъ таинственнаго плода пшеницы, вина и елея умножились и умножаются донинѣ, хотя не столь видимымъ и ощутительнымъ образомъ, и такой именно смыслъ въ сихъ словахъ пророка видятъ и открываютъ намъ посвященные въ тайны слова Божія отцы церкви, Аѳанасій Великій, Діонисій Ареопагитъ и блаженный Августинъ.

Послѣдующія за симъ слова пророка: *Въ мирѣ вкупу усну и почию, яко Ты, Господи, единого на упованіи вселилъ мя еси* (ст. 9), по изъясненію тѣхъ же толкователей писанія, могутъ быть двояко понимаемы, поколику могутъ быть относимы и къ самому пророку, а въ лицѣ его и ко всякому благочестивому человѣку, и къ его великому потомку—Христу, коего онъ, по указанію самаго Господа, служилъ прообразомъ въ разныхъ отношеніяхъ къ своему званію и положеніяхъ въ жизни, точно такъ же, какъ пророкъ Іона трехдневнымъ пребываніемъ во чревѣ китовѣ прообразовалъ тридневную смерть и погребеніе Его. Въ первомъ случаѣ смыслъ этихъ словъ будетъ таковъ: хотя я и между гонителями живу; хотя опасности и подыски, искушенія и бѣдствія со всѣхъ сторонъ угрожаютъ мнѣ; но подъ охраненіемъ твоего, Господи, спасительнаго покрова, подъ защитою Твоея всемогущія десницы, никого и ничего не боюсь и не смущаюсь, не колеблюсь и не беспокоюсь, и потому мирно и безмятежно могу уснуть и почить въ надеждѣ жизни вѣчнаго,—а въ послѣднемъ будетъ выражаться та мысль, что Христосъ Спаситель вольною смертію уснулъ на крестѣ и по кровавымъ страданіяхъ своихъ почилъ во гробѣ, но яко Богъ всеильный возсталъ изъ гроба и восшелъ на небеса, примиривъ

чрезъ то Собою земная съ небесными. Въ семь состояніи Христа Богочеловѣка, конечно, всего болѣе приличны Ему и окончательныя слова разсматриваемаго нами псалма: *яко Ты, Господи, единого вселилъ мя еси на упованіи*. Можетъ быть для того особенно и прибавлено здѣсь слово: *единого*, чтобы показать тѣмъ, что здѣсь рѣчь исходитъ отъ лица Сына Божія преимущественнаго и единственнаго, Сына Единороднаго и Единосущнаго Богу Отцу, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ сыновъ Божіихъ, не по существу и естеству, но по благодати. Тѣмъ не менѣе и каждый изъ насъ сіи же самыя слова можетъ употреблять въ молитвѣ своей къ Богу какъ потому, что Онъ и всѣмъ намъ есть также Отецъ, хотя въ другомъ отношеніи и степени, да и небесный Учитель прямо указалъ имъ въ молитвахъ именовать Бога Отцемъ: *Сице молитесь*, сказалъ Онъ намъ: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ*,—такъ и потому, что Единородный Сынъ Божій для того и низшелъ съ неба на землю, чтобы въ своихъ словахъ и дѣлахъ преподавать намъ, усыновленнымъ отъ Бога, образъ, да, яко же Онъ творилъ, и мы творимъ тако же.

Благо убо намъ, возлюбленные о Господѣ чада и братія, яко и всѣхъ насъ вселилъ есть Господь на упованіи. *Сего ради не убоимся, ниже смутимся, внигда смущается земля и прелагаются горы въ сердца морская: яко Богъ намъ приближище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ обрѣтшимъ ны зъло* (Псал. 45, 2. 3); *не убоимся отъ темъ людей, окрестъ нападающихъ на насъ, яко Господь защититель живота нашего: что сотворитъ намъ человекъ* (Псал. 3, 7. 55, 12)? Послужимъ убо паче Богови, нежели человѣкамъ; повинемся паче Его святымъ законамъ и велѣніямъ, нежели правиламъ и обычаямъ міра тлетворнаго: *намъ бо прильплѣмся Богови благо есть, благо есть полагати во Господь упованіе спасенія нашего*.

ПСАЛОМЪ 5.

Пятый псаломъ имѣетъ надъ собою надписаніе слѣдующее: *псаломъ Давидовъ о наслѣдствующемъ*. Но кто этотъ наслѣдствующій, котораго пророкъ имѣлъ въ виду при составленіи псалма сего? Мнѣнія о семъ предметѣ различны; но мы предпочитаемъ всѣмъ другимъ мнѣніе блаженныхъ Іеронима и Августина и Евѣимія Зигабена, которые подъ именемъ наслѣдствующаго понимаютъ весь родъ человѣчскій, имущій, по ихъ словамъ, своими добродѣтелями наслѣдовать животъ вѣчный, благодатию Христа Иисуса, о Немъ же порождени есмы въ наслѣдіе нетлѣнно и не увядаемо, соблюдено на небесѣхъ; въ самомъ же псалмѣ видятъ прежде всего самаго царя и пророка Давида, молящагося Богу о избавленіи его отъ гоненія Саулова и всѣхъ прочихъ враговъ его, а за нимъ и въ лицѣ его, на необозримомъ пространствѣ вѣковъ и мѣстъ до скончанія міра, усматриваютъ и всю святую церковь и каждого вѣрующаго въ особенности, подобно ему страждущихъ и подобно ему съ молитвою къ Богу обращающихся о избавленіи ихъ отъ враговъ тьмочисленныхъ и такъ же какъ и онъ, желающихъ изыти изъ сего житія многоятежнаго и внити въ наслѣдіе покоя вѣчнаго. Вообще должно при семъ однажды и навсегда замѣтить, что пророки и всѣ святые мужи, какъ тайно водимые Духомъ Божіимъ, никогда о себѣ и для себя исключительно не молятся, хотя и выражаются иногда по обычаю въ первомъ лицѣ и числѣ единственномъ, но всегда, по любви и благожеланію къ человѣчеству, имѣютъ въ виду все человѣчество, себѣ же исключительно усвояютъ только общія всѣмъ человѣкамъ слабости и недостатки, выражая тѣмъ предъ Богомъ свое смиреніе и самоуничиженіе, какъ основное качество и необходимое условіе духа молитвеннаго. Посему-то и каждому изъ насъ заповѣдано отъ Господа въ молитвѣ къ

Отцу небесному взывать: *Отче нашъ*, а не *Отче мой*, такъ чтобы мы, моляся о себѣ и о другихъ, въ ходатайствѣ предъ Богомъ взаимно другъ другу помогали и другъ друга возбуждали и поощряли. Съ сей именно точки зрѣнія мы будемъ смотрѣть и на слова пророка въ избранномъ нами псалмѣ, будетъ ли онъ говорить въ числѣ единственномъ, или во множественномъ.

Глаголы моя внуши, Господи, такъ начинается пророкъ свой молитвенный псаломъ, *разумный званіе мое, вонми гласу моленія моего, Царю мой и Боже мой, яко къ Тебѣ помолюся, Господи* (ст. 2. 3). Какая умиленная трогательность въ словахъ пророка, приступающаго къ молитвѣ, какая живость и нѣжность чувства, какая глубина мысли и сила убѣжденія! Это языкъ не холоднаго размышленія и не притворной и приторной восторженности, которая нерѣдко случается встрѣчать въ молитвахъ новомоднаго покроя—чисто человѣческихъ, иногда даже съ важными и грубыми погрѣшностями противъ чистоты и святости вѣры, но языкъ искренняго чувства, выходящаго изъ глубины души и потрясающаго душу внимающаго ему, языкъ сердца, глубоко проникнутаго своимъ положеніемъ и, такъ сказать, неволью вызывающаго на участіе въ немъ. Не безъ особенной цѣли и значенія употреблены здѣсь слова, повидимому, тождественныя, каковы суть: *глаголы, званіе, гласъ моленія*, также: *внуши, разумный и вонми*. Всѣ они, конечно, выражаютъ одинъ и тотъ же предметъ, т. е. *услыши, Господи, молитву мою*; но мысль и чувство, проходя чрезъ сіи слова, постепенно возрастаютъ, усиливаются и возвышаются до той мѣры, какая потребна для возбужденія вниманія и участія въ слушающемъ оныя. Такимъ образомъ, въ нихъ, при видимомъ ихъ тождествѣ, ощутительно обозначаются различныя степени молитвеннаго воззванія въ восходящей линіи. Та же постепенность силы возрастающей изображается и въ повтореніи однихъ

и тѣхъ же, или въ совокупленіи различныхъ именъ Божіихъ, какъ-то: *Господи, Господи, Царю мой и Боже мой*. Называя Бога Господомъ, мы признаемъ Его владычество надъ собою и надъ вселенною; называя Царемъ, благодарственно исповѣдуемъ Его воцареніе въ дѣлѣ искупленія человѣческаго рода, какъ о семъ тотъ же пророкъ въ другомъ мѣстѣ ясно говоритъ: *Господь воцарится, да радуется земля, да веселятся острова мнози, да постыдятся кланяющіеся истуканнымъ, хвалящіяся о идолѣхъ своихъ* (псал. 96, 1. 7); называя наконецъ Богомъ, мы сознаемъ Его всемірное творчество, управление и провидѣніе. Поступая такимъ образомъ, т. е. совокупляя въ молитвѣ нашей сіи досточтимыя имена во едино, мы тоже самое дѣлаемъ, что дѣлаетъ умное дитя въ отношеніи къ своему отцу и матери, когда, желая чего либо испросить у нихъ, ублажаетъ ихъ всѣми именами, какія только дѣтская смысленость можетъ придумать, или память припомнить. Самая же верхняя степень молитвенной лѣтвицы указана пророкомъ въ слѣдующемъ стихѣ.

Заутра услыши гласъ мой, говоритъ далѣе пророкъ, *заутра предстану Ти и узриши мя* (ст. 4). Подъ словомъ *заутра* здѣсь не должно разумѣть завтренняго дня, ибо назначать Богу срокъ для услышанія молитвы нашей, было бы странно и нечестиво: Богъ, какъ существо верховное и ни отъ кого не зависимое, *творитъ вся, елика и егда хоцетъ*; не должно также разумѣть исключительно и одного утренняго времени, хотя сіе время, какъ обыкновенно предваряемое нощнымъ сномъ и покоемъ и еще свободное отъ дневной суеты и разсѣянія, и признается наиболѣе способнымъ и благопріятнымъ для молитвы, и чѣмъ ранѣе, тѣмъ лучше, ибо безопаснѣе отъ всякаго рода житейскихъ помѣшательствъ, и пророкъ любилъ имъ пользоваться для своихъ Богоугодныхъ занятій, какъ это видно изъ его собственныхъ словъ: *Готово сердце мое,*

Боже, готово сердце мое: воспою и пою во славу мою, востану рано. Исповѣмся Тебѣ въ людехъ, Господи, пою Тебѣ во языцѣхъ (псал. 107, 2—4). Но должно разумѣть преимущественно разсвѣтъ духовный, разсвѣтъ души, дотолѣ объятай мракомъ невѣденія или самозабвенія; прозрѣніе съ ужасомъ во глубину собственного растлѣнія, пробужденіе отъ сна грѣховнаго въ сокрушеніи сердечномъ и въ слезахъ покаянія и внезапное озареніе благодатию свыше. Этотъ-то разсвѣтъ въ соединеніи съ разсвѣтомъ вещественнымъ или дневнымъ и составляетъ то вождельное утро, котораго желаетъ и ищетъ пророкъ, которое обѣщаетъ посвятить на молитву и въ которое намѣренъ предстать предъ лице Божіе и надѣется быть благоволительно отъ Господа увидѣннымъ. *Заутра*, говоритъ онъ, *услыши гласъ мой, заутра предстану Ти, и узриши мя*. Безъ сего разсвѣта или утра въ душѣ нашей сердцеѣдецъ Богъ и среди свѣта полуденнаго не увидитъ и не примѣтитъ насъ, а въ дѣлѣ молитвы милостивое взорѣніе Божіе на молящагося есть самое главное. Посему-то Богъ у пророка Исаи, во гнѣвѣ своемъ на недостойныхъ молитвенниковъ, угрожаетъ имъ, какъ самую тяжкою казнію, тѣмъ, что Онъ во время молитвы ихъ отвратитъ очи свои отъ нихъ. *Егда прострете, глаголетъ Онъ къ нимъ, руки ваша ко Миль, отвращу очи мои отъ васъ, и аще умножите моленіе, не услышу васъ* (Ис. 1, 15). Ту же мысль выражаетъ и пророкъ Михей, когда говоритъ: *такъ возопіютъ ко Господу и не послушаетъ ихъ, и отвратитъ лице свое отъ нихъ* (Мих. 3, 4). Да и небесный Учитель, убѣждая учениковъ своихъ къ тайной и уединенной молитвѣ, въ противоположность фарисейской лицемѣрно открытой, въ доказательство преимущественнаго достоинства первой предъ послѣднею, выставляетъ особенно то, что Отецъ небесный молящагося такимъ образомъ непремѣнно увидитъ и по его прошенію сотворитъ,

между тѣмъ какъ къ молящемуся фарисейски не склонить ни взора, ни слуха своего, и даже съ пренебреженіемъ и гнѣвомъ его отвергнетъ. *Ты же, егда молишия, говорить Онъ имъ, вниди въ клятвѣ твою и, затворишь двери твоя, помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ: и Отецъ твой видя въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явлѣ* (Матѣ. 6, 6).

Слѣдующій за симъ стихъ заключаетъ въ себѣ причину, почему пророкъ, приступая къ молитвѣ, требуетъ отъ себя и отъ другихъ такого внутренняго очищенія сердца, такой самособранности духа и неразвлекаемости мыслей, избирая для сего утреннее время, какъ наиболѣе къ тому удобное, и предлагаетъ оныя Богу въ видѣ убѣжденія и какъ-бы нѣкотораго права на благосклонное пріятіе его молитвы и удовлетвореніе оной. *Яко Богъ, не хотяи беззаконія, Ты еси*, говоритъ пророкъ, обращаясь къ Богу; *не приселится къ Тебѣ лукавнуяи* (ст. 5). Т. е. потому я, Господи, хочу предстать къ Тебѣ въ молитвѣ, завтра никѣмъ и ничѣмъ неразвлекаемой и не смущаемой, съ душею очищенною и сердцемъ успокоеннымъ, что знаю Твою высочайшую святость и чистоту, тѣмами темъ солнца свѣтлѣйшую; знаю, что Ты не любишь неправды, не терпишь беззаконія, гнушаешься лукавнующихъ и прегражденъ путь къ Тебѣ для нечествующихъ; *ибо кое общение свѣта ко тѣмъ, и правдѣ—къ беззаконію?* Въ семъ случаѣ пророкъ дѣлаетъ то же, что дѣлалъ въ свое время апостолъ Павелъ, когда, въ посланіи къ евреямъ, прося молитвѣ ихъ о себѣ, между прочимъ написалъ: *молитесь о насъ, уповаемъ бо, яко добру совѣсть имамы, во всѣхъ добръ хотяще жити* (Евр. 13, 18). Смыслъ словъ апостола есть таковъ: не лѣнитесь и не опасайтесь молиться о насъ; потому что мы увѣрены въ своей доброй совѣсти и желаемъ во всемъ вести себя честно. Ибо иначе молитва ваша за насъ была бы безуспѣшна и трудъ вашъ былъ бы напрасенъ.

Такимъ же образомъ долженъ поступать и каждый изъ насъ, возлюбленные о Господѣ чада и братія; хотимъ ли молиться мы сами, или просимъ молитвѣ за себя у другихъ, должны прежде всего позаботиться о своей доброй совѣсти и положить твердое и рѣшительное намѣреніе вести себя честно и неукоризненно во всемъ, да не будетъ молитва наша о себѣ и другихъ объ насъ, *яко мѣдъ звѣняща, или яко кимвалъ звѣчающа*, всеу точію воздухъ біяи.

Ниже пребудутъ беззаконницы предъ очима Твоима: возненавидѣлъ еси вся дѣлающія беззаконіе, погубиши вся глаголющія лжу: мужа кровей и лстива гнушается Господь (пс. 5, ст. 6. 7).

Слова сіи составляютъ продолженіе предыдущихъ и заключаютъ въ себѣ частію объясненіе, а частію подтвержденіе и усиленіе мысли, изложенной въ пятомъ стихѣ. Тамъ представляется Богъ не хотящимъ беззаконія и не допускающимъ къ Себѣ лукавнующихъ, а здѣсь до того не терпящимъ беззаконниковъ, что они, такъ сказать, и на глаза къ Нему явиться не могутъ, и до того ненавидящимъ ихъ, что не только творящихъ беззаконіе, но и говорящихъ ложь погубляетъ, и людей, какъ жестокихъ и мстительныхъ, такъ и лукавыхъ и ласкательныхъ, гнушается. При такомъ грозномъ пророческомъ описаніи Бога правосуднаго, невольно раждается въ душѣ вопросъ, подобный тому, какой возникъ нѣкогда въ умѣ апостоловъ, при слушаніи бесѣды Христовой о крайнемъ неудобствѣ и почти невозможности для богатыхъ внити въ царствіе Божіе: *аще сія тако суть, то кто убо спасенъ быти можетъ* (Лук. 18, 26)? Особенно для многихъ, думаю, изъ насъ, по растлѣннымъ правамъ и обычаямъ нашего времени, можетъ представиться страннымъ и непонятнымъ, и даже съ существомъ Божіимъ несообразнымъ то, что Богъ, по словамъ пророка, и простую ложь, и искусный

обманъ, и остроумное лукавство, и притворно-привѣтливое, или намѣренно-льстивое слово, безъ которыхъ мы нынѣ, особенно въ высшихъ слояхъ общества, ни жить, ни ступить не можемъ, не извиняетъ и не прощаетъ; но всѣхъ въ томъ виновныхъ, наравнѣ съ мужами кровей и беззаконія, самаго грубаго, осуждаетъ и обрекаетъ на вѣчную погибель. Какъ, скажутъ вѣроятно въ одинъ голосъ многіе, за нѣсколько ласкательныхъ словъ, сказанныхъ въ утѣшеніе ближнему, недугомъ самолюбія страждущему, и съ не малою пользою для себя, за изворотливый обманъ, которымъ пріобрѣтены, или обезпечены для насъ значительныя выгоды, за маленькое лукавство, которое оказалось необходимымъ для восторжествованія надъ досаднымъ соперникомъ, за искусную, часто забавную ложь, отъ которой пострадалъ одинъ, а получили удовольствіе многіе, быть осужденными отъ Бога, безпредѣльно милосердаго, на погибель временную, или вѣчную! Возможно ли это? Скажите лучше, други мои, возможно ли избѣжать въ семъ случаѣ подобнаго осужденія, какъ кары, нами сугубо заслуженной? Если Богъ безпредѣльно милосердъ, то вмѣстѣ и безпредѣльно правосуденъ. Если же Онъ милосердъ къ намъ, то милосердъ и ко всѣмъ другимъ, а въ томъ числѣ и къ жертвамъ нашей лжи и обмана, ласкательства и лукавства. Какое же послѣ сего имѣемъ мы право себя подводить подъ Его милосердіе, а ихъ исключать изъ онаго? Не оскорбленъ ли Онъ нашими поступками, сколь бы они ни казались намъ легки и мало-важны, но тѣмъ не менѣе противны закону Его, какъ закону истины, ибо Богъ есть самосуцающая истина,—не оскорбленъ ли, говорю, Онъ нами сугубо—и въ лицѣ ихъ, и въ лицѣ даже собственно нашемъ, какъ общій нашъ творецъ и искупитель, судія и защитникъ, въ лицѣ ихъ, какъ нами обиженныхъ, а въ насъ самихъ, какъ искажившихъ и обезобразившихъ въ себѣ образъ и подобіе

Божіе, чрезъ привнесеніе въ него черты чуждой и несвоейственной, такъ, что мы въ одно мгновеніе уже теряемъ свое богоподобіе, которымъ до сего времени были столь возвышены? Но сего еще не довольно: не униженъ ли и не поруганъ ли въ семъ случаѣ и Онъ Самъ лично и непосредственно? Ибо что такое ложь? Уклоненіе отъ истины, или искаженіе и извращеніе ея. А Богъ, какъ извѣстно вамъ, есть первообразная истина и единственный источникъ всякой истины, слѣд., говорящій ложь какую бы то ни было, легкомысленно или злонамѣренно, поражаетъ Бога, такъ сказать, въ самое сердце. Откуда ложь явилась въ мірѣ, кто ея отецъ? По свидѣтельству Христову, отецъ лжи есть діаволь и онъ первый принесъ ее въ міръ: *вы отца вашего діавола есте*, говоритъ Господь къ іудеямъ лжелюбивымъ, *и похоти отца вашего хотите творити: онъ челоукоубійца бѣ искони и во истинѣ не стоитъ, яко нѣсть истины въ немъ: егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ, яко ложь есть и отецъ лжи* (Іоан. 8, 44), или, какъ выражается св. Іоаннъ Богословъ, *яко діаволь исперва согрѣшаетъ* (1 Іоан. 3, 8). Слѣд., мы, говоря ложь, оставляемъ Бога благодѣтеля и переходимъ на сторону врага Его и нашего—діавола. Теперь, судите сами, легко ли это, мало-важно ли въ отношеніи къ Богу, благоразумно ли и разсудительно ли въ отношеніи къ намъ? Какимъ именемъ назвать нашъ поступокъ? Гдѣ себя поставить, не говорю уже на судѣ Божіемъ, но даже на судѣ собственной совѣсти? Милосердію ли здѣсь мѣсто, или правосудію? А что такое разнаго рода хитрости, обманы, ласкательство, челоукоугодіе и лукавство, получившія нынѣ въ нашихъ образованныхъ обществахъ какъ-бы право на почетное гражданство,—что иное, какъ не видоизмѣненія одной и той же лжи, столь душевредной и столь богопротивной? И это ли грѣшки, такъ называемые, легкіе, неизбѣжныя,

преходящіе и почти невинные? Нѣтъ, не то видѣлъ въ нихъ и не такъ судилъ объ нихъ богопросвѣщенный пророкъ. *Погубить Господь, говорилъ онъ, вся глаголющія лжу. Мужа кровей и льстива жушается Господь. Кости челоукоугодниковъ Богъ разсылетъ, и гдѣ притомъ? При адъ (Псал. 52, 6. 140, 7).* О! я ни мало не удивляюсь послѣ сего, что пророкъ, по своему царственному званію, поставленный судьбою, такъ сказать, подъ самыми выстрѣлами лжи, крайне боялся ея, всемірно остерегался отъ нея самъ и многократно и ревностно молилъ о томъ Бога. *Господи, взывалъ онъ, избави душу мою отъ устенъ неправедныхъ и отъ языка льстива. Что дастся тебѣ, или что приложится тебѣ къ языку льстиву? (Псал. 119, 2. 3).* И въ другомъ мѣстѣ: *не уклони сердце мое въ словеса лукавствія (Псал. 140, 4).* Онъ хорошо зналъ, какое великое зло ложь, и какія гибельныя отъ нея послѣдствія. При такомъ только условіи и въ такомъ расположеніи духа пророкъ могъ смѣло усвоить себѣ надежду на милосердіе Божіе, и право на внитіе въ домъ Господень. Потому-то пророкъ и говоритъ далѣе: *Азъ же множествомъ милости Твоея вниду въ домъ Твой и поклонюся ко храму святому Твоему, во страхъ Твоемъ (ст. 7).* Замѣйте, слушатели, что пророкъ надѣется войти въ домъ Господень не иначе, какъ только по великой милости Божіей. Такъ ли поступаемъ мы? Нѣтъ ли между нами напротивъ такихъ, которые, посѣщая домъ Божій изрѣдка, иногда черезъ недѣлю, иногда черезъ двѣ и болѣе, думаютъ, что они дѣлаютъ великую милость и одолженіе Богу посѣщеніемъ дома Его, и даже имѣютъ иногда дерзость и глупость хвалиться предъ ближними своими, что они ни одного воскреснаго или праздничнаго дня не пропускаютъ безъ посѣщенія дома Господня. Други мои! Не хвалиться и тщеславиться намъ должно симъ, но радоваться и благодарить Бога, что Онъ удостоилъ

насъ пріятія въ домъ своемъ. Не радуемся ли мы и не благодаримъ ли царя земнаго, когда онъ удостоиваетъ насъ своего ласковаго слова, а тѣмъ еще болѣе, и своей царской трапезы? Но здѣсь Царь царей и Господь господей пріемлетъ насъ въ домъ свой, милостивно бесѣдуетъ съ каждымъ изъ насъ и независтно съ нами раздѣляетъ трапезу свою, и изъ какого брашна и питія уготованную? Изъ пречистыя плоти и крови Единороднаго Сына Своего, коихъ и одна крупца и одна капля, достойно пріемлемыя, доставляютъ намъ право на наслѣдіе жизни вѣчныя и благъ нескончаемыхъ и неизреченно сладостныхъ. Замѣйте также, что пророкъ радуется, что можетъ поклониться не во храмъ Божіемъ, ибо для него, какъ царя мірянина, не было мѣста во храмъ или святилищѣ, которое исключительно предоставлено было священникамъ, а только ко храму, и притомъ какъ? во страхъ и благоговѣніи, достойномъ величія Божія. Что же послѣ сего подумать и что сказать о тѣхъ безстрашныхъ посѣтителяхъ храма въ наше время, которые, представъ предъ лице Божіе, думаютъ не о Богѣ, а о самихъ себѣ и окружающихъ ихъ, не постоятъ спокойно на мѣстѣ, переступаютъ съ ноги на ногу и принимаютъ различныя, часто странныя положенія тѣла, обращаютъ взоры и мысли свои сѣмо и овамо, и, усмотрѣвъ вокругъ себя то друзей и знакомыхъ, то людей въ какомъ либо отношеніи интересныхъ для нихъ, или лично враждебныхъ, или съ одними подобострастно раскланиваются, а съ другими нѣжно улыбаются и перемигиваются, къ инымъ протягиваютъ руку съ большимъ запасомъ привѣтствій и разговоровъ, а къ другимъ обращаются съ презрительнымъ взглядомъ, или горькою насмѣшкою, что, говорю, должно объ этихъ людяхъ сказать и подумать? Что иное, какъ не то же, что изрекъ нѣкогда пророкъ о подобныхъ имъ, *яко нѣсть страха Божія предъ очима ихъ, и угліе огненное соби-*

раютъ на главы свои, яко всуе приходятъ попирають дворы Господни, сего ради погибель ихъ не дремлетъ и огонь ихъ не угаснетъ? Что иное, какъ не то же, что сказалъ къ таковымъ пророкъ Исаія: *еда мало вамъ есть трудъ даяти челоуькомъ, како Господеви даете трудъ* (Ис. 7, 13)? Или, еще лучше, что самъ Господь во гнѣвѣ своемъ къ презрителямъ святыни храма проглаголаъ: *домъ мой домъ молитвы есть, вы же соористе его вертепъ разбойниковъ. Аще же кто растлитъ храмъ Божій, прибавляетъ апостоль, растлитъ сего Бога.*

Впрочемъ къ чести челоуьчества и къ стыду нашему должно сознаться, что такое безстрашіе и такое неуваженіе къ храмамъ Господнимъ и къ Богу, въ нихъ невидимо присущему, есть зараза почти только нашего времени. Предки наши такъ не поступали. Не только во храмахъ пребывали они со страхомъ и благоговѣніемъ, въ глубокомъ молчаніи и сокрушеніи сердечномъ, не позволяя себѣ ни слова, ни взгляда, ни движенія, святости мѣста неприличныхъ, но и мимо храмовъ, даже на далекомъ разстояніи, съ главами покровенными и не осѣнивши себя крестнымъ знаменіемъ не проходили. Не безъ утѣшительныхъ исключеній, конечно, и нынѣ; есть и нынѣ души богоизбранныя, которыя вѣрно и ненарушимо соблюдаютъ отеческія преданія. Но какъ онѣ съ тоду на годъ становятся рѣдки и для челоуьческаго взора мало примѣтны! О, да ублажить Господь новаго Сіона и разрушающіяся стѣны Іерусалима да созиждутся. Да возраститъ и умножитъ сѣмя святое свое, яко звѣзды небесныя и яко песокъ морской!

Господи, настави мя правдою Твоею, врагъ моихъ ради исправи предъ Тобою путь мой (Псал. 5, 9).

Пророкъ для полного обезпеченія себя со стороны враговъ своихъ придумалъ новое и совершенно вѣрное

средство: онъ рѣшается устроить жизнь свою такъ, какъ сего требуетъ правда Божія, или, что тоже, законъ Божій. Но поелику сознаетъ и чувствуетъ, что онъ самъ собою, своими собственными силами, сего сдѣлать не можетъ; ибо *прилежитъ челоуьку*, по свидѣтельству писанія, *отъ юности его помышленіе на злая*, или, какъ говоритъ апостоль, *еже хотѣти доброю, прилежитъ ему, а еже содѣлати доброе, не обрѣтаетъ онъ въ себѣ ни силъ, ни рѣшимости и твердости* (Рим. 7, 18): то для сего обращается онъ съ молитвою къ Богу, испрашивая отъ Него себѣ наставленія и помощи. *Господи, взываетъ онъ, настави мя правдою Твоею, ради врагъ моихъ исправи путь мой предъ Тобою.* Поступая такимъ образомъ, пророкъ въ одно и то же время однимъ, такъ сказать, движеніемъ духа своего приобрѣтаетъ для себя двойную выгоду. Во-первыхъ, поставивъ себя чрезъ молитвенное обращеніе къ Богу въ невидимое Его присутствіе, онъ чрезъ то какъ-бы удаляется въ неприступную крѣпость, въ которой онъ со всѣхъ сторонъ безопасенъ и къ которой враги его и подойти не могутъ, а тѣмъ еще болѣе вредить ему, или, по его же выраженію въ другомъ мѣстѣ, *въ кровь криль Господнихъ и въ тайны лица Божія* сокрывается такъ, что въ семь убѣжищъ *не убоится онъ ни страха пощиаго, ни стрѣлы летящія во дни, ни вещи, во тьмѣ преходящія, ни сряца и бѣса полуденнаго; падетъ тогда отъ страны его тысяща и тьма одесную его, къ нему же не приблизится: не придетъ къ нему зло и рана не приблизится тѣлеси его* (Псал. 60, 5. 90, 5—10). Во-вторыхъ, ставъ, при помощи и наставленіи свыше, на путь указуемый правдою или закономъ Божиимъ, онъ вдругъ отнимаетъ чрезъ то у враговъ своихъ всякій случай и поводъ къ нападеніямъ на него; ибо враги наши, сколь бы ни были сами въ себѣ нечестивы, для своихъ напа-

дений, каковы наприм. суть упреки, хулы, порицанія и пересуды, подозрѣнія и происки, обыкновенно ищутъ въ насъ не добродѣтелей, которыя составляютъ матеріалъ для нихъ вовсе бесполезный, а пороковъ, или по крайней мѣрѣ слабостей и неосторожностей, которыми всегда умѣютъ ловко, для своихъ видовъ, пользоваться. И такъ, собственно говоря, не враги наши опасны намъ, но живущій и разнообразно дѣйствующій въ насъ грѣхъ, онъ одинъ можетъ подлинно вредить намъ; это есть въ рукахъ враговъ всегда готовое оружіе въ насъ противъ насъ; безъ него вся ихъ злоба и коварство, всѣ происки и козни остались бы безуспѣшны. Вотъ почему Богочеловѣкъ Иисусъ въ примѣрѣ и наученіе наше сказалъ о князѣ злобы поднебесной: *грядетъ міра сего князь, но во Мнѣ не имать ничесоже*, т. е. не найдетъ во Мнѣ грѣха, которымъ бы могъ узавить Меня. Къ тому же стремится и пророкъ, намѣреваясь противопоставить врагамъ своимъ жизнь по закону Божію, жизнь безгрѣшную. Конечно, клевета враговъ умѣетъ недостатокъ грѣховъ дѣйствительныхъ восполнять и замѣнять грѣхами вымышленными; но и клеветѣ не легко вымышлять преступленія, безъ всякаго въ насъ основанія, и потому она всегда старается найти въ насъ что либо такое, къ чему можетъ прицѣпить свой вымысль. Если же она доходитъ иногда и до такого безстыдства, что сама отъ чрева своего изобрѣтаетъ и основаніе и преступленія, усвояемая намъ; то въ такомъ случаѣ торжество, правда, тяжкое и болѣзненное, но за то тѣмъ блистательнѣйшее и совершеннѣйшее, остается уже не на сторонѣ клеветующихъ, но на сторонѣ оклеветаемыхъ. Сердцевѣдецъ Богъ, выну назирающій пути и мысли человѣческія, рано или поздно посрамить и сокрушитъ первыхъ, превознесетъ и прославить послѣднихъ. *Ты же, говоритъ Богъ чрезъ пророка къ клеветнику, судя, на брата твоего клеветалъ*

еси и на сына матере твоя полагалъ еси соблазнъ. Сія сотворилъ еси, и Азъ умолмахъ, ты же вознепещевалъ еси беззаконіе, яко буду тебѣ подобенъ; но обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя (Псал. 49, 20. 21), *и устнама твоима ятъ будещи и поползнешися въ нихъ* (Сир. 23, 7). *Блаженни есте, взываетъ Господь къ оклеветаемымъ, егда поносятъ вамъ и ижденутъ и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжуще, Мене ради: радуйтесе и веселитесе, яко мзда ваша многа на небесехъ* (Матѣ. 5, 11. 12). Но что это за враги, отъ нападенія которыхъ такъ заботливо ограждаетъ себя пророкъ? Это суть, по словамъ св. Аванасія Великаго и блаженнаго Теодорита, демоны и вси нечестивіи челоуѣцы, во грѣхъ челоуѣка влекущій. Потому что въ такомъ случаѣ и челоуѣки, созданныя по образу Божію, какъ творящіе волю демоновъ, сами, по словамъ Христовымъ, преобразуются въ демоновъ. Подлинно такіе враги стоятъ того, чтобы всемѣрно позаботиться или укрыться отъ нихъ, или поставить себя въ такое положеніе, въ которомъ бы могли мы смѣло и отважно, рѣшительно и побѣдоносно *противитися имъ въ день лютъ и вся содѣлаше стати.*

Яко ильсть во устѣхъ ихъ истины, пророкъ такъ изображаетъ ихъ далѣе, сердце ихъ суетно, гробъ отверсть гортанъ ихъ, языки своими лщаху (ст. 10). Изображеніе достойное лицъ изображаемыхъ! Припомните, что здѣсь рѣчь идетъ о врагахъ пророка, которые суть вмѣстѣ и враги Христовы, не только потому, что пророкъ, какъ извѣстно, прообразовалъ собою лице Христова, но и потому, что всѣ возстающіе противъ святыхъ Божіихъ суть личные враги самаго Бога и Христа Его. *Не прикасайтесе помазаннымъ моимъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и во пророцѣхъ моихъ не лукавуйте: зане касайся ихъ, яко касайся въ зѣницу ока моего* (Псал.

104, 15; Захар. 2, 8). Возможно ли же лучше, вѣрнѣе и сильнѣе изобразить ихъ, нежели какъ изображаетъ ихъ пророкъ? *Нѣсть истинны*, говоритъ онъ, *во устьхъ ихъ. Сердце ихъ суетно!* Почему? Потому, что истина есть свѣтъ, а враждующій противъ ближняго своего, по свойству самой вражды, не можетъ оставаться во свѣтѣ и переходитъ во тьму: *глаголай себе во свѣтъ быти*, богословствуетъ св. апостолъ Іоаннъ, *а брата своего ненавиждай, во тьмѣ есть досель, и во тьмѣ ходитъ, и не вѣсть, камо идетъ, яко тьма ослѣпи очи его* (1 Іоан. 2, 9—11), и въ другомъ мѣстѣ еще яснѣе и рѣшительнѣе: *аще кто речеть, яко люблю Бога, а брата своего ненавиждитъ, ложь есть и истинны нѣсть въ немъ.* (1 Іоан. 4, 20). Но если враждующіе противъ ближнихъ своихъ суть сами въ себѣ ложь и во тьмѣ ходятъ, а истина есть свѣтъ, непричастный тьмѣ, то, естественно, и въ сердцѣ своемъ содержать истины и устами своими износить ее не могутъ. *Сердце ихъ*, по словамъ пророка, *суетно*, т. е. пусто для истины, но не пусто для лжи и обмана. Превратныя понятія, фальшивыя представленія, мечтательные страхи, обманчивыя ощущенія, мрачныя подозрѣнія, коварные вымыслы и замыслы, хитрые подыски и планы, клевета и ласкательство, тайная злоба и скрытая ненависть и прочее тому подобное сверху до низу наполняютъ его; но тьмѣ не менѣе вся эта многосложная и безобразная рухлядь не только не уничтожаетъ пустоты его, но напротивъ какъ-бы еще расширяетъ ее: суета суетствій, или, что тоже, пустота пустотъ открывается въ немъ и послѣ того. Такимъ образомъ суетно сердце человѣческое, когда мыслитъ и чувствуетъ не то, что должно, и не такъ, какъ должно; когда занимается плотскимъ, а не духовнымъ, земнымъ, а не небеснымъ, не божественнымъ, а человѣческимъ и даже скотскимъ; когда помышляетъ не о опасеніи, а о растлѣніи; не о пользѣ

ближняго, а объ его пагубѣ, не о служеніи Богу, а объ удовлетвореніи своихъ страстей и похотей; когда допуская грѣхи и тайные и явные, не вмѣняетъ ихъ себѣ въ грѣхи, но приискиваетъ для нихъ благовидныя предлоги и изворотливыя оправданія, или искусно слагаетъ на другихъ. Таково сердце нечестивыхъ!

Гробъ отверстъ, по выраженію пророка, *гортань ихъ*. Гробъ закрытый, окуренный еніаіомомъ и со внѣ украшенный, еще можетъ быть довольно сношенъ для присутствующихъ при немъ, но къ гробу отверстому, изъ котораго исходитъ смрадъ и зловоніе гніющаго трупа, кто можетъ безъ омерзенія приблизиться, а тьмѣ болѣе долго при немъ находится? Такова гортань нечестивыхъ, изрыгающая слова, дышущія зловоніемъ грѣха и смрадомъ беззаконія. Но изъ всѣхъ злосмрадныхъ словъ, изрыгаемыхъ гортанію нечестивыхъ, пророкъ указываетъ преимущественно на слова ласкательныя: *языки своими льщаху*, говоритъ онъ далѣе. Значитъ, ласкательство, при всей его наружной благовидности и нерѣдко украшенности, для тонкаго и чуткаго обонянія людей благодатно очищенныхъ, наиболѣе смердитъ, скорѣе заражаетъ и глубже растлѣваетъ: это есть тонкій, но сильный ядъ, въ одно время отравляющій и подающаго и приемлющаго, и хотя медленно, но всегда вѣрно убивающій того и другаго, или, по выраженію пророка, есть бритва, съ обѣихъ сторонъ изощренная и потому обосѣнная. Вотъ почему пророкъ Израилевъ какъ самъ всевѣрно остерегался ласкательства и призывалъ Бога во свидѣтеля, *яко нѣсть лъсти въ языкъ его* (Псал. 138, 4), такъ и другихъ убѣждалъ къ тому же: *уклони языкъ твой отъ зла, говорилъ онъ, и устни твои, еже не глаголати лъсти* (Псал. 34, 14), и многократно молилъ Господа, избавить душу его *отъ устенъ неправедныхъ и отъ языка лъстива* (Псал. 119, 2). Богопросвѣщенный пророкъ, безъ сомнѣ-

нія, хорошо зналъ, что говорилъ и дѣлалъ. Отъ чего же мы, на ласкательныя слова такъ падки и склонны, какъ мухи на медъ, въ которомъ погибають, и какъ рыбы на искусно приправленную уду, которую уловляються и здѣсь находятъ себѣ смерть?... Одно неразуміе наше причиною тому, одно ослѣпление своею страстію и самообольщеніемъ до самозабвенія закрываетъ предъ нами бездну, въ которую мы готовы низринуться. А исконный врагъ Бога и человѣка — дѣволъ, симъ путемъ ежедневно уловляя безчисленное множество сыновъ Адамовыхъ, того только и хочетъ, о томъ только и заботится и, ежедневно успѣвая въ томъ, съ своими клеветами радуется. Остережемся же, возлюбленные, оградимъ себя сюду и сюду страхомъ Божиимъ и памятію о своемъ ничтожествѣ и смиренномудріемъ и не попустимъ врагу Божію и нашему возрадоваться о нашей гибели. Положимъ себѣ за правило, всякій разъ, когда услышимъ о себѣ слово ласкательное, прикрывать себя смиреннымъ молчаніемъ, припоминая въ душѣ своей предостерегательное слово пророка: *сыне чловѣчь, посреди сътей ходиши; уклони ногу твою отъ строптиваго.*

Суди имъ, Боже, да отпадутъ отъ мыслей своихъ, по множеству нечестія ихъ изрини я, яко преогорчиша Тя, Господи (Пс. 5, ст. 11).

Наконецъ огорченный пророкъ и многими тяжкими и долговременными обидами и притѣсненіями со стороны враговъ своихъ выведенный какъ-бы изъ терпѣнія, проситъ имъ у Бога суда и наказанія. *Суди имъ, Боже*, взываетъ онъ, *и изрини я*. Но и здѣсь, смотрите, удивляйтесь и учитесь мудрости, кротости, великодушію, чловѣколюбію и благочестію св. мужей; смотрите и удивляйтесь, какъ любовь къ Богу и ближнему все въ нихъ побѣждаетъ и надъ всѣмъ владычествуетъ. Чувство тяжелой скорби и долговременнаго страданія исторгаетъ у нихъ жалобныя вопли къ Богу правосудному противъ несправедливо ненавидящихъ и преслѣдующихъ ихъ, но любовь къ ближнимъ удерживаетъ порывы негодованія ихъ и заставляетъ ихъ желать и просить только вразумленія зломыслящихъ и исправленія заблуждающихъ, ревность къ славѣ Божіей, нечестіемъ

униженной и поруганной, заботится только о возстановленіи ея чрезъ изриновеніе нечестующихъ; не обременяють они своихъ обидчиковъ упреками, хуленіями и проклятіями, не вызываютъ на пораженіе ихъ громовъ и молній, не жаждутъ ихъ конечной гибели, но ищутъ только въ правосудіи Божіемъ средствъ для обращенія ихъ на путь правды и истины, желаютъ только, чтобы они своими незаконными поступками не огорчали болѣе Бога милосердаго и долготерпѣливаго. *Суди имъ, Боже*, вопіетъ пророкъ о врагахъ своихъ, но для чего? *да отпадутъ отъ мыслей своихъ*, отвѣчаетъ онъ, т е., для того, чтобы они оставили свои злыя мысли, преступныя желанія, незаконныя намѣренія и богопротивныя дѣянія и, обратившись на лучшее, избѣжали чрезъ то осужденія вѣчнаго. *Изрини я*, продолжаетъ пророкъ, исторгни ихъ отъ мѣста своего, которое они содѣлали вмѣстилищемъ неправды, убѣжищемъ порока, вертепомъ беззаконія, и низвергни съ высоты, на которую Ты ихъ поставилъ, для того, чтобы они удобнѣе могли видѣть скорби и нужды бѣдствующихъ собратій своихъ и спѣшили помогать имъ, между тѣмъ какъ они, ставъ на ней, увидѣли только въ болѣе свѣтломъ и блестящемъ видѣ самихъ себя, свои мечтательныя совершенства и достоинства, и, создавъ изъ своей самообольщенной личности родъ божества, поклонились ему прежде всего сами, а потомъ того же поклоненіе потребовали и отъ другихъ. *Изрини ихъ*, говоритъ пророкъ, и опять не потому, что они жестоко гнали, поносили и преслѣдовали его, а потому, что множествомъ нечестія своего преогорчили Господа; *по множеству нечестія ихъ изрини я, яко преогорчиша Тя, Господи.*

И да возселятся вси уповающи на Тя, во вѣкъ возрадуются и вселѣтся въ нихъ и похвалятся о Тебѣ любящии имя Твое (ст. 12). Когда праведники страдаютъ, а нечестивые благоденствуютъ, когда первые въ разныхъ случаяхъ жизни своей встрѣчаютъ затрудненія, неудачи и потери, пораженія и бѣдствія, а послѣдніе, что ни дѣлають, что ни предпринимають, всегда и во всемъ получаютъ успѣхъ и живутъ въ обиліи и роскоши, счастливо и покойно; тогда представляется, что какъ-будто самъ Богъ оставилъ первыхъ и между ними болѣе не житель-

ствуешь, а возлюбилъ послѣднихъ и имъ на всѣхъ путяхъ покровительствуешь. Зрѣлище это такъ прискорбно, поразительно и болѣзненно, что и самые великіе праведники, при видѣ его, нерѣдко, хотя и на краткое время, соблазняются, смущаются и колеблются. *Мои же вѣмалъ, сознается благочестивый сынъ Иессевъ, не подвижастся нозъ, вѣмалъ не проляшася стопы моя. Яко возревновашъ на беззаконныя, миръ грѣшниковъ зря, яко нѣсть воскленія въ смерти ихъ и утвержденія въ ранъ ихъ, въ трудѣхъ человеческихъ не суть и съ челоуки не приемятъ ранъ* (Псал. 72, 2—5). *Сынове ихъ, яко ново-сажденія водруженная въ юности свей, дщери ихъ удобренны, преукрашены, яко подобіе храма, храмища ихъ исполнена, овцы ихъ многоплодны, волове ихъ толсти, нѣсть паденія оплоту, ниже прохода, ниже вопля въ стомахъ ихъ. Ублажиша люди, имъ же сія суть* (Псал. 143, 12—15). Посему естественно, что когда мѣра долготерпѣнія Божія для нечестивыхъ исполнится и Его правосудіе вѣчно вступитъ въ права свои; когда Господь, крѣпкій и сильный въ брани, ставъ о страну праведника, оскорбляемаго и обидимаго, въ защиту его *оружіе свое очиститъ и мукъ свой напряжетъ* на поражение озлобляющихъ его, тогда очевидно сцена переименится и настанетъ торжество для всего сонма мужей праведныхъ. Сіе-то торжество имѣя въ виду, пророкъ, при мысли объ испрашиваемой имъ себѣ у Бога защитѣ и помощи, и сказалъ, въ родѣ убѣжденія къ благосклонному пріятію молитвы его, вышеприведенныя слова: *да возвеселятся вси уповающи на Тя, во вѣкъ возрадуются, и вселѣшися въ нихъ и похвалятса о Тебѣ любящии имя Твое*. Т. е., какъ-бы такъ сказалъ пророкъ: если я самъ не себѣ и не заслуживаю того, чтобы Ты, Господи, вступился за меня, наказавъ враговъ моихъ, но поелику я на Тебя единого надѣялся, на Тебя уповалъ, къ Тебѣ приверженъ былъ отъ чрева матери моея и Твоимъ именемъ хвалился; то защити меня не для меня, но для всего свѣтлаго сонма уповающихъ на Тебя и любящихъ имя Твое, дабы они, видя Твою мнѣ защиту и поражение враговъ моихъ, возвеселились и возрадовались за меня и за себя,—за меня,

что Ты не оставилъ надежды и упованія моего на тебя тщетными,—а за себя, что Ты въ защитѣ моей и низложеніи враговъ моихъ далъ имъ новое увѣреніе въ своей къ нимъ милости и въ своемъ невидимомъ при нихъ и среди ихъ присутствіи и всегда готовомъ охраненіи ихъ. Ибо наибольшая радость праведныхъ состоитъ въ увѣренности, что Господь съ ними и въ нихъ пребываетъ и содѣлалъ ихъ своимъ домомъ или селеніемъ, по обѣтованію своему: *вселюся въ нихъ и похожду, и буду имъ Богъ и тѣи будутъ Милъ люди* (2 Кор. 6, 16), и наилучшая ихъ похвала есть безопасность подъ охраненіемъ всемогущія десницы Божіей въ жизни временной, и вѣнецъ славы неувыдаемая въ жизни вѣчной. За вѣрность сего изъясненія ручается самъ пророкъ въ послѣдующихъ словахъ, въ которыхъ онъ, продолжая предыдущую мысль, частію объясняетъ, а частію подтверждаетъ оную. *Яко Ты благословиши праведника, Господи*, говоритъ онъ далѣе, *яко оружіемъ благоволенія вѣнчалъ еси насъ* (ст. 13). Благословеніе Божіе и оружіе Его благоволенія суть выраженія почти совершенно тождественныя, только одно собственное, а другое переносное, означающія особенную милость и любовь Божію. Въ настоящемъ мѣстѣ они отнесены исключительно къ праведникамъ и заключаютъ въ себѣ ту мысль, что праведники, видя подобнаго себѣ праведника, отъ обидъ и оскорбленій защищеннаго, а враговъ его сокрушенныхъ и разсѣянныхъ, не могутъ не веселиться и не радоваться о немъ, потому что видятъ на немъ, а въ лицѣ его и на самихъ себѣ, благословеніе Божіе—источникъ всякаго блага и блаженства на землѣ и на небѣ, и потому, что, къ утѣшенію своему, узнаютъ при семъ объ особенномъ къ себѣ благоволеніи Отца небеснаго, который *не оставитъ ихъ искушиться паче, неже возмоци имъ понести, но сотворитъ имъ со искушеніемъ и избытіе и, по множеству болѣзней ихъ возвеселитъ*

душу ихъ (псал. 93, 19), а легкое печали нынѣшняго вѣка обратитъ для нихъ въ тяготу вѣчныя славы. Такимъ образомъ, соединивъ сію мысль съ предыдущею, мы получаемъ полный составъ рѣчи пророческой въ слѣдующемъ видѣ: да возвеселятся надѣющіеся на Господа, потому что Господь благословляетъ праведника и благоволитъ къ исполняющимъ законъ Его. Значитъ, истинная причина радости и веселія праведныхъ заключается въ томъ, что они въ духѣ своемъ слышатъ и ощущаютъ, по апостолу, свидѣтельство Духа Божія о благословеніи и благоволеніи къ нимъ Божиимъ. *Самый Духъ*, говоритъ апостоль Павелъ, *спослужествуетъ духови нашему, яко чада Божія есмы, аще же чада, и наслѣдницы: наслѣдницы убо Богу, снаслѣдницы же Христу* (Рим. 8, 17). Но о какомъ благословеніи и благоволеніи Божиимъ говоритъ здѣсь пророкъ? О всякомъ вообще, и временномъ и вѣчномъ, въ частности же, безъ сомнѣнія, имѣтъ въ умѣ своемъ то особенно важное, безмѣрно-великое и вѣчно-блаженнотворное благословеніе Божіе, которымъ Христосъ Богочеловѣкъ на послѣднемъ судѣ своемъ огласитъ сущихъ одесную Его праведниковъ, глаголя: *приидите, благословеннии Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*; и то чудное, необычайно сильное, или, лучше сказать, всемогущее оружіе благоволенія Божія, которымъ Отецъ небесный увѣнчалъ весь родъ человѣческой, т. е. крестъ Христовъ; ибо ни въ чемъ милосердый Богъ не показалъ болѣе любви своей къ роду человѣческому, какъ предавши за спасеніе его Сына Своего Единороднаго на крестныя страданія и смерть поносную. *Тако возлюби Богъ міръ*, свидѣтельствуется самъ Господь, *яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16). По сей причинѣ апостоль Павелъ ничѣмъ болѣе не хотѣлъ хвалиться, какъ только крестомъ Христовымъ: *миль же,*

писалъ онъ къ Галатійцамъ, *да не будетъ хвалиться, точию о крестѣ Господа нашего І. Христа, имъ же миль міръ распяся, и азъ міру* (Гал. 6, 14). По сей также причинѣ истинные хрістіане всѣхъ временъ и народовъ столько дорожили крестомъ Христовымъ, что всѣмъ охотно для него жертвовали, оставляли имущество, дома, женъ и дѣтей, честь и славу, безтрепетно шли на огонь и мечъ и радостно проливали кровь свою. По той же, наконецъ, причинѣ крестное знаменіе, какъ выразительнѣйшій символъ любви и благоволенія къ намъ Божія, содѣлалось необходимою принадлежностію всѣхъ молитвъ нашихъ къ Отцу небесному, дабы подъ сею печатію, столь Ему знакомою и вождедѣнною, онѣ благопріятнѣе были отъ Него приняты и благоволеннѣе выслушаны и исполнены. Сколь посему благъ и милостивъ Господь, что самъ далъ намъ сіе оружіе своего благоволенія, для побѣжденія своего правосудія, всегда готоваго карать наши беззаконія, но предъ симъ оружіемъ охотно отступающаго и дающаго свое мѣсто милосердію!

ПСАЛОМЪ 6.

Шестой псаломъ надписывается такъ: *Въ конецъ въ пѣсньхъ, о осьмомъ, псаломъ Давиду*. Надписаніе для разумѣнія весьма трудное и почти неразрѣшимое, и потому объясненіе онаго можетъ быть только догадочное. Догадокъ же о значеніи сего надписанія такъ много, что и одно перечисленіе ихъ много бы отняло у насъ времени, а его между тѣмъ для собесѣдованія съ вами у насъ такъ мало имѣется. Впрочемъ, вѣроятнѣйшимъ представляется мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что надписаніе сіе выраженіемъ: *въ конецъ въ пѣсньхъ*, указываетъ на употребленіе псалма во храмѣ, по окончаніи извѣстнаго рода пѣсней, а словомъ: *о осьмомъ*, на содер-

жання его, приблизительно къ осьмому періоду міробытїя, періоду, долженствующему начаться обновленіемъ міра во всемъ его составѣ и послѣднимъ судомъ Христовымъ и продолжаться вѣчно, и такъ думали особенно древніе, не любившіе въ писаніи останавливаться на одномъ внѣшнемъ выраженіи, но всегда подъ буквою искавшіе и умѣвшіе находить глубину сокровенной мысли и таинства. На чемъ же основано заключеніе, что осьмой періодъ міробытїя долженъ быть періодомъ разложенія или скончанія и вмѣстѣ обновленія міра стихійнаго и эпохою страшнаго суда Христова? На трехъ доказательствахъ, не со всѣмъ, правда, твердыхъ и рѣшительныхъ, но довольно любопытныхъ и отчасти не лишенныхъ догматической важности. Первое изъ нихъ выводится изъ соображенія дней мірозданія, которые, какъ извѣстно, заключаюсь въ числѣ семи, т. е. шести дней творенія и седмаго дня покоя, осьмому не даютъ мѣста въ предѣлахъ времени, слѣд. поставляютъ его внѣ онаго. А какъ внѣ времени ничего болѣе нѣтъ, кромѣ одной вѣчности, то соображатели полагаютъ, что симъ числомъ гадательно указывается какъ на продолженіе бытїя міра въ теченіи седми періодовъ неопредѣленнаго числа лѣтъ, такъ и на скончаніе его въ періодъ осьмой. Отсюда-то рсдилось извѣстное въ первенствующей Христіанской Церкви мнѣніе, что преставленіе свѣта будетъ въ осьмую тысячу лѣтъ отъ сотворенія міра; но какъ *тысяча лѣтъ*, по словамъ пророка, *предъ очами Божіими, яко день одинъ*, и Небесный Учитель прямо сказалъ, что *нѣсть наше разумѣти времена и лѣта, яже Отець положи во власти своей*; то опредѣлять время кончины міра и втораго пришествія Христова на судъ, какимъ бы то ни было количествомъ лѣтъ и вѣковъ, было несогласно съ волею Божіею, и потому мнѣніе сіе нынѣ оставлено. Второе доказательство образуется изъ замѣчанія о событіи воскресенія Христова въ день недѣльный,

который въ порядкѣ дней есть первый и вмѣстѣ осьмой. На семъ основаніи думаютъ, что какъ первое преобразование и обновленіе вселенныя, послѣдовавшее за воскресеніемъ Христовымъ, совершилось въ осьмой день, такъ и второе, окончательное преобразование и обновленіе ея должно послѣдовать также въ осьмой періодъ времени. Третье доказательство заимствуется изъ Откровенія Іоаннова, въ которомъ очевидно изображена будущая судьба міра и церкви. Св. Іоаннъ пишетъ о себѣ, что онъ былъ въ духѣ въ день недѣльный, слѣд. опять осьмой. Что же онъ слышалъ и видѣлъ при семъ? *Слышалъ за собою*, говоритъ онъ, *гласъ велий, яко трубы глаголющія: Азъ есмь Алфа и Омега, первый и послѣдній, и живый, и быхъ мертвъ и се живъ есмь во вѣки вѣковъ, и имамъ ключи ада и смерти* (Апок. 1, 10. 18). *Посемъ видѣхъ мертвецы малыя и великія, столиця предъ Богомъ, и книги разнушася, и судъ прїаши мертвецы отъ написанныхъ въ книгахъ, по дѣломъ ихъ* (20, 12). *И видѣхъ небо ново и землю нову: первое бо небо и земля первая прїодошѣ и моря нѣсть къ тому. И азъ Іоаннъ видѣхъ градъ святыи Іерусалимъ новъ, сходящїи отъ Бога съ небесе, приготовавъ яко невѣсту, украшену мужу своему, и слышахъ гласъ велий съ небесе глаголющїи: се скинія Божїя съ челоувки, и вселитъ ся съ ними, и тѣмъ людїе Его будутъ, и самъ Богъ будетъ съ ними Богъ ихъ* (21, 1—3). Значитъ, онъ слышалъ гласъ Господа Іисуса, второе пришедшаго въ міръ судити живымъ и мертвымъ, и видѣлъ вселенную измѣнившуюся и обновленную, иначе сказать, онъ видѣлъ открытіе послѣдняго суда Христова и явленіе царства славы. Доказательство сіе имѣетъ болѣе силы убѣжденія, нежели два предыдущія; ибо наибольшее представляетъ сближеніе осьмаго числа со временемъ суда Христова; но за всѣмъ тѣмъ и изъ него ничего нельзя вывести рѣшительнаго. Какъ бы то впрочемъ ни было, но вѣрно и неоспоримо то, что

какъ седмое число прие́млетъ въ писаніи мѣроу и выраже́ніемъ совершенства въ состояніи, образованіи и дѣйстви какой либо силы или способности, такъ и число осьмое изображаетъ окончательный актъ процесса усовершенности въ такомъ или другомъ родѣ, а посему естественно, что какъ первое имѣетъ прямое, хотя таинственное и теперь для насъ непостижимое, отношеніе къ продолженію бытія міра, въ которомъ силамъ природы и свободной волѣ существъ разумно-свободныхъ отъ премудраго и всеблагаго Творца предназначено, каждой въ своей сферѣ, совершить опредѣленный путь, такъ и послѣднее имѣетъ подобное же отношеніе къ кончинѣ міра и суду Христову, на которомъ великая задача мірозданія должна, такъ сказать, разрѣшиться окончательно. Для примѣра укажемъ, между прочимъ, на іудейскіе праздники и жертвоприношенія, которыя всѣ учреждены были по особымъ повелѣніямъ Божиимъ, и въ которыхъ число седмое и осьмое составляли необходимую принадлежность, первое—для указанія времени празднествъ и опредѣленія количества и качества жертвъ, а послѣднее—для торжественнѣйшаго заключенія оныхъ, такъ что были у евреевъ праздники седмидневій, т. е. суббота, седми седмицъ, т. е. пятидесятница, седмилѣтій, т. е. субботный годъ, и седми субботныхъ годовъ, т. е. юбилей; жертвы же для важнѣйшихъ изъ нихъ требовались седмочисленныя, по количеству, и седмидневныя, по возрасту и качеству жертвенныхъ животныхъ, а осмой день въ порядкѣ дней праздничныхъ всегда былъ окончательный и торжественнѣйшій. *Въ мѣсяцъ седмый, говоритъ законодатель іудейскій, первый день мѣсяца нарочитъ, святъ да будетъ вамъ. Сотворите всесоужженія въ волю благовоія Господу—агнцевъ единолѣтнихъ семь непорочныхъ. И пятыйнадесять день седмаго мѣсяца сего святъ да будетъ вамъ и празднуйте той праздникъ Господеву седмь дней. И въ день осмый исходъ будетъ вамъ, вся-*

каго дѣла службы не сотворите въ оны, и да принесете всесоужженія—агнцевъ единолѣтнихъ семь непорочныхъ (Числ. 29, 1. 2. 12. 35). Такое предпочтительное въ учрежденіяхъ Божіихъ, столь высокой важности, каковы суть празднества церкви іудейской, избраніе числъ седмаго и осьмаго, конечно не могло быть безъ цѣли и случайнымъ; ибо Богъ ничего напрасно не говоритъ и не дѣлаетъ, и скорѣе, по словамъ Христовымъ, *небо и земля прейдутъ, нежели іота едина, или едина черта отъ закона Божія преидетъ* не исполнившись (Матѣ. 5, 18), слѣдов., сіи числа, какъ въ помянутомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ, должны имѣть свою силу и значеніе. А какъ изъ всего сказаннаго доселѣ вы могли убѣдиться, что послѣднее изъ сихъ чиселъ въ частности означаетъ окончательный актъ состоянія или дѣйствія, въ своемъ постепенномъ ходѣ и развитіи достигшаго опредѣленной черты совершенства и зрѣлости, слѣдовательно, по приращенію къ міру видимому, будетъ означать его кончину и послѣдній судъ Христовъ: то ничто не препятствуетъ намъ допустить, что оно то же самое значеніе имѣетъ и въ надписаніи разсматриваемаго псалма. И такъ будемъ смотрѣть на псаломъ сей, какъ на молитву пророка, имѣвшаго въ виду кончину міра и страшный судъ Господень, или, какъ на молитву чело́вѣка, готовящагося предстать предъ Богомъ на судъ и произносящаго оную на-кануи́ сего суда. По крайней мѣрѣ такъ смотритъ на псаломъ сей св. церковь и для того поставляетъ его первымъ въ числѣ покаянныхъ. Приготовьтесь же и вы, возлюбленные, въ томъ же духѣ и съ тѣми же чувствами умиленія и сокрушенія сердечнаго выслушать изъясненіе его при слѣдующихъ богослуженіяхъ.

Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ, накажеши мене (ст. 2).

Это не простая только и обыкновенная мольба бѣднаго смертнаго къ Богу всебогату въ нуждахъ своихъ обращающагося, но это сильный и крѣпкій и едва не отчаянный вопль души, внезапно потрясенной и безмѣрно утраченной близкою опасностію конечной гибели. Быть обличеннымъ отъ Бога во грѣхахъ своихъ, — это еще не бѣда, ибо кто, скажемъ словами праведнаго Юва, *кто чистъ будетъ отъ скверны? Никто же, аще и единъ день житія его на земли. Еда чистъ будетъ человекъ предъ Богомъ, или въ дѣлахъ своихъ безъ порока (Юв. 14, 4. 5. 4, 17)?* Еще менѣе бѣды быть наказуемымъ отъ Бога. Св. мужи не только никогда не страшились и не убѣгали наказаній Божіихъ, а напротивъ усердно желали и просили Бога о ниспосланіи оныхъ: *искуси мя, Господи, взывалъ многократно пророкъ, и испытай мя, разжжи утробы моя и сердце мое, да не погубиши съ нечестивыми душу мою и съ мужи кровей животъ мой (Псал. 25, 2. 9);* ибо они хорошо знали и вполне были увѣрены, что наказанія Божія суть сильное и дѣйствительное врачевство противъ обычныхъ болѣзней и немощей естества человѣческаго и наилучшее предохранительное средство отъ всякихъ попятствованій ко грѣху, *заже пострадавый плотию, во свидѣтельствѣ апостола Петра, преста отъ грѣха (1 Петр. 4, 1),* и составляютъ неоспоримое доказательство и вѣрный залогъ любви и благоволенія къ нимъ Божія: *его же бо любитъ Господь, говоритъ апостоль Павелъ, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ. Аще убо наказаніе терпите, прибавляетъ онъ, яко же сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ: который бо есть сынъ, его же не наказуетъ отецъ? Аще же безъ наказанія есте, ему же причастницы быша вси: убо прелюбодѣйшицы есте, а не сынове (Евр. 12, 6—8).* Когда

же таковыхъ наказаній отъ Бога удостоивались, то внутренне сему радовались, благодарили за то Бога и хвалились тѣмъ. сами: *благо мнѣ, вопіялъ въ благодарной молитвѣ своей къ Богу Пѣснопѣвецъ Израиля, яко смирилъ мя еси: наказуя наказалъ мя еси, смерти же не предалъ еси мя (Псал. 118, 71. 117, 18),* и ублажали за то другихъ: *блаженъ человекъ, говоритъ одинъ изъ нихъ, его же аще накажеши, Господи, и отъ закона Твоего научиши его (Псал. 93, 12).* А потому и въ настоящемъ псалмѣ пророкъ, вопія къ Богу: *Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене,* не обличенія и наказанія страшится, и не о томъ просить и молить Господа, чтобы того и другаго избавилъ его, а о томъ, чтобы обличилъ его, но не яростию, и наказалъ его, но не гнѣвомъ. Между обличеніемъ и обличеніемъ, между наказаніемъ и наказаніемъ Божіими есть великая и даже безмѣрно великая разница: одно есть слѣдствіе отеческаго милосердія и любви Божіей, а другое есть слѣдствіе праведнаго суда и осужденія Божія; первое обличаетъ и наказуетъ временно, но щадитъ и милуетъ вѣчно, а послѣднее щадитъ и терпитъ временно, но осуждаетъ и наказуетъ вѣчно; въ первомъ дѣйствуетъ гнѣвъ преходящій, растворенный милостию и человѣколюбіемъ, а въ послѣднемъ — гнѣвъ окончательно утвердившійся, за переполненною мѣрою долготерпѣнія послѣдующій, и потому милосердію вовсе непричастный, иначе яростию Господнею называемый. *Безмилостивна ярость, говоритъ Премудрый, нечестивымъ же до конца безъ милости ярость найде (Прит. 27, 4. Прем. 19, 1). Воздастъ Господь въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда, благовѣствуетъ апостоль, кому-ждо по дѣломъ его, а иже по рвенію противляются убо истинь, повинуются же неправдѣ, ярость и гнѣвъ (Рим. 2, 5—8).* Посему-то тайновидецъ Іоаннъ, видѣвшій

и изобразившей въ Апокалипсисѣ конечную судьбу нечестія нераскаяннаго, о поклоняющемся звѣрю и иконѣ его сказалъ: *и той имать пити отъ вина ярости Божія, вина неразтворена въ чаши гнѣва, и будетъ мученъ огнемъ и жупеломъ предъ Ангелы святыми и предъ Лицемъ* (Апок. 14, 10). Словомъ, ярость и гнѣвъ Божій, о которыхъ пророкъ говоритъ въ вышепомянутыхъ словахъ, суть ярость и гнѣвъ въ послѣдней степени, нестерпимые, неотразимые, вѣчные, нескончаемые.

Ихъ-то боится пророкъ и объ нихъ просить Бога, чтобы Онъ не обличалъ его яростію и не наказывалъ гнѣвомъ своимъ; ибо *страшно есть, по словамъ апостола, еже впасти въ руцъ Бога живаго*. Иначе сказать, просить избавить его отъ наказаній вѣчныхъ и вмѣсто того наказатъ его лучше временно: *тѣлесная бо мученія, какъ говоритъ св. Евстратій, суть веселія работъ Господнимъ* (мол. въ полунощ. суб.).

Помилуй мя, Господи, вопіеть онъ далѣе, яко немощенъ есмь: исцѣли мя, Господи, яко смятошася кости моя (ст. 3). Просить помилованія, изъ снисхожденія къ немощи его, просить исцѣленія себѣ изъ состраданія къ его жестокииъ страданіямъ, при одной мысли объ угрожающихъ ему гнѣвѣ и ярости Божіей, въ такой силѣ и степени открывшихся, что не только сердце его содрогнулось и душа вострепетала, но и самыя кости его и всѣ составы ихъ подвинулись отъ мѣстъ своихъ, сокрушились и переиѣшались. *Смятошася вся кости моя, и душа моя смятеся зло*. Такъ живо и сильно святые мужи умѣютъ понимать вещи и глубоко чувствовать! Всѣ ихъ мысли, понятія, представленія и ощущенія столько же разнятся отъ нашихъ, сколько небо отъ земли, или свѣтъ отъ тьмы.

Наши обыкновенно скользятъ только по поверхности предметовъ, не достигая ихъ сущности, или слегка только

касаясь оной, а ихъ проникаютъ въ самую глубину предметовъ и исчерпываютъ, такъ сказать, всю полноту оныхъ; наши преходящи и измѣнчивы, ихъ постоянны и непреложны; наши сбивчивы, смѣшанны и неопредѣленны, ихъ свѣтлы и ясны, раздѣльны и рѣшительны; наши появляясь въ умѣ и сердцѣ, подобно блуждающимъ огнямъ, мгновенно исчезаютъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ, ихъ—подобно молніи, *проходя до раздѣленія души же и тѣла, членовъ же и мозговъ*, проводятъ за собою глубокія бразды, никогда не закрывающіяся, но всегда, при каждомъ новомъ сотрясеніи, обновляющіяся, и чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе дающія себя чувствовать. Оттого, какъ любовь ихъ къ Богу есть любовь крѣпкая, какъ смерть, пламенная, какъ огонь, всеобъемлющая и всепроницающая, какъ солнечный свѣтъ—отъ всей души, отъ всего сердца, отъ всего ума и помышленія, такъ и страхъ ихъ къ Богу и суду Его есть страхъ полный и совершенный, поражающій какъ громъ, потрясающій и сокрушающій, какъ бурное дыханіе вѣтра, и непреодолимо влекущій къ подножію престола Вышняго, дабы повергшись въ прахъ своего ничтожества, изъ глубины смиренія умолятъ Его благость о помилованіи. Этотъ-то именно страхъ и есть тотъ самый, который зачавши человѣкъ во чревѣ своемъ, родитъ непремѣнно духъ спасенія. *Страха ради Твоего, Господи, говоритъ пророкъ Исаія, во чревь пріяхомъ и побольхомъ и родихомъ духъ спасенія Твоего, его же сотворихомъ на земли: не надемся убо, но падутся вси живуции на земли* (Иса. 26, 18). Этотъ также страхъ овладѣлъ всѣмъ существомъ пророка, когда онъ взывалъ къ Господу: *помилуй мя, яко немощенъ есмь, исцѣли мя—облегчи скорбь и болѣзнь, яко смятошася кости моя*. Это, наконецъ, есть то, что на языкѣ апостола называется *вкуситъ силы грядущаго вѣка* (Евр. 6, 5), т. е. еще на землѣ испытывать небесное, еще до пришествія страш-

наго суда Христова уже ощущать во всей силѣ страхъ сего суда. Если мы бываемъ холодны и невнимательны къ Богу и Его закону, не внемлемъ Его заповѣдямъ, не страшимся угрозъ Его, легко увлекаемся обольщеніями свѣта, охотно и скоро преклоняемся на желанія плоти и крови, то это отъ того, что мы не поняли, не постигли, не уразумѣли, не вкусили, не ощутили внутри себя силы грядущаго вѣка. А если когда либо и причастились сея благодотворныя силы, то вѣрно давно уже, отъ долговременнаго неупотребленія сей небесной пищи, потеряли вкусъ ея и забыли производимое ею ощущеніе. Иначе не могло бы случиться съ нами того, что ежедневно съ нами случается, и грѣхъ потерялъ бы для насъ всю свою прелесть. Ибо вѣренъ и истиненъ совѣтъ Премудраго: *помни послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши*. О! мы тогда страшились бы грѣха, яко яда змїина, мы убѣгали бы и трепетали предъ нимъ болѣе, нежели предъ самою смертію; ибо и смерть страшна не сама по себѣ, но по причинѣ только грѣха, *зане жало смерти*, какъ говоритъ апостолъ, *грѣхъ есть*. Мы тогда въ ужасѣ и слезахъ горькихъ воіцѣили бы съ апостоломъ ко Господу: *О, окаяннїи есмы челоувѣцы! кто насъ избавитъ отъ тѣла смерти сего?* или съ церковнымъ богословомъ: како возможемъ избыти отъ грѣха, грѣхолюбивы суще? Какъ предстанемъ на судъ Христовъ, что речемъ и чимъ оправдимся предъ Нимъ? Но милосердѣ буди къ намъ, Господи, и заступи насъ Твоею благодатію; пощади насъ ради имени Твоего святаго, еже на насъ нарицается, и не вниди въ судъ съ рабами Твоими. Аще же обличенія и наказанія достойны сотворихомся, то обличи насъ, но не яростію Твоею, накажи, но не гнѣвомъ Твоимъ, и очисти насъ, ими же вѣси судьбами, прежде, даже не возьмеша насъ отсюда.

И Ты, Господи, доколь? (пс. 6, ст. 4).

Послѣ многихъ и различныхъ убѣжденій, которыми пророкъ возбуждалъ и призывалъ къ себѣ милосердіе Божіе, то напоминаямъ о своей немощи, то представленіемъ своихъ страданій, то изображеніемъ смятенія души и болѣзнованія сердца, но которыя одинако какъ-будто оставались тщетными, онъ усиливаетъ свой голосъ, возвышаетъ чувство и умножаетъ мольбу, вопрошая Господа: *и Ты, Господи, доколь?* Долокъ не сжалишься надо мною? Долокъ будешь продолжать гнѣвъ Твой на меня, отвращать лице Твое отъ меня, не внимать моимъ моленіямъ?

Обратися, Господи, избави душу мою, спаси мя ради милости Твоея: яко нѣсть въ смерти поминаай Тебе, во адѣ же кто исповѣстся Тебѣ (ст. 5. 6)?

Обратися, Господи, отъ правосудія къ милосердію, отъ гнѣва и ярости къ милостямъ и щедротамъ Твоимъ, избавь душу мою отъ смятенія грѣховнаго, отъ волненія страстей и отъ суеты міра многомятежнаго, устрой ее въ благодотвореніе и водвори въ ней миръ и тишину благочестія. Не ради меня помилуй меня, но ради милости Твоей спаси меня. Пусть вѣдущіе законъ Твой, увидѣвъ меня, спасеннаго рукою Твоею крѣпкою и мышцею высокою, удивятся и возрадуются и прославятъ благодотъ Твою, спасающую мя отъ малодушія и бури, глаголюще въ самихъ себѣ: *коль блазъ и милостивъ Господь, долотерпѣливъ и много-милостивъ всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ* (Пс. 85, 5). Но если я подъ тяжестію гнѣва и ярости Твоей паду, если смерть восхититъ меня во грѣхѣ изъ среды живыхъ, если правда Твоя неумытная низринетъ меня во адъ; то я погибну тогда на вѣки для себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно также потеряю буду и для Тебя, для прославленія Твоего имени, для восхваленія Твоего челоувѣколюбія. Почему же это такъ? Потому, отвѣчаетъ пророкъ, *яко нѣсть въ смерти поминаай Тебе, во адѣ же*

кто исповьтсѣ Тебѣ? Потому, прибавляютъ въ единогласномъ толкованіи на сіе мѣсто св. отцы церкви, Аѳанасій Великій, Дамаскинъ, Златоустъ и Θεодоритъ, потому, что по смерти нѣтъ ни исповѣданія, ни покаянія, и во адѣ грѣшникъ милости Божіей, подобно упоминаемому въ Евангеліи богачу, во вѣки не обрящеть. Слѣдовательно, отъ умершихъ во грѣхѣхъ и сущихъ во адѣ ни хвалы, ни пѣнопѣнія, ни славословія, ни благодаренія Богу нѣтъ и быть не можетъ, по самой простой и естественной причинѣ: вообще грѣшники, по свидѣтельству небеснаго Учителя, даже здѣсь—на землѣ—суть уже болѣе или менѣе дѣти діавола, потому что усвоили себѣ его качества и охотно исполняютъ волю его: *вы отца вашего діавола есте, сказалъ нѣкогда Господь Іисусъ іудеямъ, и похоти отца вашего хотите творити* (Іоан. 8, 44), *и всякъ творяй грѣхъ, отъ діавола есть, яко діаволъ исперва согрѣшаетъ*, утверждаетъ тайновидецъ Іоаннъ (1 Іоан. 3, 8), только эти дѣти до самой смерти своей суть еще несовершеннолѣтніе, скончавши же жизнь свою въ ожесточеніи и нераскаянности и чрезъ то достигши какъ-бы въ мѣру возраста исполненія діавола, они являются мужами въ своемъ родѣ, т. е. во злѣ совершенными, а перешедши въ такомъ состояніи въ вѣчность и бывъ низвержены во адъ, по слову Христову, *къ діаволу и ангеломъ его*, гдѣ ожидаетъ ихъ плачь и скрежетъ зубомъ, они въ злыхъ навыкахъ своихъ только укрѣпляются и утверждаютъ до ожесточенія въ полномъ смыслѣ діавольскаго, такъ что не хвалы и славословія Богу вышнему, но только хулы и порицанія могутъ исходить изъ богохульныхъ устъ ихъ, подобно тому, какъ это случилось на опытѣ съ сатаною и его сообщниками, которые изъ Ангеловъ свѣта содѣлавшіися ангелами тьмы, не престають до нынѣ и вѣчно будутъ богохульствовать, а потому и переходъ ихъ въ состояніе лучшее, изъ ада въ рай, изъ царства сатаны

въ царство Божіе, по самому свойству ихъ, совершенно не возможенъ, что впрочемъ ясно показано самимъ Іисусъ Христомъ въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ, гдѣ Авраамъ говоритъ первому: *и надъ всеми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящии прейти отсюда къ вамъ, не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ* (Лук. 16, 26). Хотѣлъ бы я при семъ воспользоваться мимоходомъ нашихъ добрыхъ сосѣдей, легковѣрныхъ въ вѣрѣ послѣдователей Рима многозатѣйливаго: куда и какъ отъ сихъ прямыхъ и рѣшительныхъ словъ Христовыхъ, Пророческихъ и Отеческихъ, а сверхъ того и отъ тысящелѣтняго преданія всей Христіанской Церкви, на нихъ же съ упрекомъ въ нововведеніяхъ возстающей, думали бы они укрыться съ своимъ, такъ называемымъ, очистилищемъ и при немъ папскими индульгенціями, которыя для того именно и выдуманы, чтобы сей невозможный переходъ отъ мѣста мученія на мѣсто покоя и блаженства сдѣлать возможнымъ, по изволенію папы, за деньги? Знаю, что они способны наговорить намъ много и долго; но если и весь этотъ словесный хламъ и всѣ другія подобныя ему повергнуть въ указуемую Христомъ Спасителемъ пропасть великую и бездонную, то пропасть сія отъ того нисколько не наполнится и останется непроходимой по прежнему. И на какомъ основаніи допущены сіи нелѣпые вымыслы? Я стыдился бы говорить о семъ съ церковной кафедры; но званіе пастыря православної церкви, насажденной и обуреваемой среди иновѣрія, вынуждаетъ меня сказать о томъ хотя нѣсколько словъ. Святыхъ у Бога, говорятъ защитники римской вѣры, много, а у нихъ добрыхъ дѣлъ или заслугъ предъ Богомъ еще больше; папа же у сихъ духовныхъ сокровищъ поставленъ яко бы приходорасходчикомъ. Поелику же по расчету приходорасходчика, а не по суду Божію, который никому кромѣ Бога не извѣстенъ и предъ кото-

рымъ, по словамъ писанія, собственными заслугами не оправдятся всякъ живой, оказалось, что яко бы многіе святые имѣють много добродѣтелей, для ихъ собственнаго спасенія не нужныхъ; то приходорасходчикъ, какъ хорошій хозяинъ, заблагоразсудилъ излишнія заслуги святыхъ въ пользу грѣшниковъ, осужденныхъ на мученія въ чистилищѣ, продать, съ предоставленіемъ имъ въ своихъ индульгенціяхъ права перейти затѣмъ въ рай. Боже мой! Это ли святая, евангельская истина? Таково ли подлинно ученіе Христова высочайшее, чистѣйшее, небесное? И однакожъ есть въ мірѣ люди, которые, каждый по своимъ частнымъ видамъ, никакой связи съ спасеніемъ души не имѣющимъ, симъ нелѣпымъ бреднямъ разстроеннаго воображенія вѣрятъ, и отъ мнимаго чистилища всѣми мѣрами откупаются! Но да не возлагаютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ (псал. 16, 4). Обратимся лучше снова къ пророку и оживимъ себя чистымъ дыханіемъ устъ его, Духомъ Господнимъ дышущихъ и глаголы живота вѣчнаго отрыгающихъ.

Утрудихся воздыханіемъ моимъ, говоритъ онъ далѣе, *измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (ст. 7). Такъ пламенна, такъ глубока и сильна, такъ постоянна и неумолкаема была молитва пророка къ Богу, для отвращенія гнѣва и ярости Его. Воздыханія его такъ были часты и тяжки, что онъ утруждался и изнемогалъ подъ бременемъ ихъ; слезы такъ обильны, что онъ, можно сказать, утопалъ въ нихъ; ни днемъ, ни ночью, доколѣ не получилъ себѣ милости Божіей, не давалъ себѣ покоя. Какъ близко онъ, не смотря на огромное разстояніе времени, стоялъ къ начальнику вѣры и совершителю нашего спасенія Господу Иисусу, который, по словамъ апостола, *во днѣхъ плоти своея моленія же и молитвы къ могущему спасти Его отъ смерти съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами принесъ*

и услышанъ бывъ отъ благоговѣнства (Евр. 5, 7), а по свидѣтельству Евангелія, *бывъ въ подвижъ мнозѣ, прильжнѣе моляшеся, бысть же потъ Его, яко капли крове, каплющія на землю* (Лук. 22, 44). И какъ, напротивъ далеко отстоимъ мы отъ того и другаго съ нашими холодными и невнимательными, разсѣянными и прерывистыми, рѣдкими и краткими молитвами? Но чтобы глубже и вѣриже постигнуть внутренней смыслъ каждаго слова пророческаго, то опредѣлимъ, по указанію Отцевъ церкви, значеніе каждаго выраженія. Трудъ и воздыханіе, о которыхъ говоритъ здѣсь пророкъ, есть, по изъясненію св. Аѳанасія Великаго, трудъ и воздыханіе за грѣхи, ложе—совѣсть, постеля—плоть, всякая ночь—всякая темная дѣла, яже слезами покаянія измываются и бываетъ душа отъ влаги слезныя благоплодоносна. Той, говоритъ св. Златоустъ, ложе и постелю слезами омочаетъ, кто, возлегая на одръ свой и востая, плачетъ о грѣхахъ своихъ.

Смятеса отъ ярости око мое: обетшахъ во всѣхъ вразѣхъ моихъ (ст. 8). Подъ именемъ ока разумѣется здѣсь не тѣлесное только, но и духовное видѣніе, которое тайные грѣхи свои непрестанно предъ собою видитъ, и трепеща за нихъ гнѣва Божія, смущается, ужасаясь казни геенскія; выраженіе же: *обетшахъ во всѣхъ вразѣхъ моихъ*, по толкованію св. Златоуста, значить: во всякихъ грѣхахъ, яже присно борють человѣка отъ юности даже и до старости, я состарѣлся, укрѣпился, укоренился. Само, впрочемъ, собою разумѣется, что пророкъ какъ здѣсь, такъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ принимаетъ на себя видъ великаго грѣшника не потому, чтобы онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ таковымъ,—иначе онъ не былъ бы и пророкомъ, не былъ бы мужемъ по сердцу Божію, какъ самъ Богъ объ немъ отзывался,—но потому, что глубокое смиреніе, которое всѣмъ святымъ мужамъ свойственно и составляетъ необходимое качество души ихъ, въ такомъ

видѣ ему представляло его точно такъ же, какъ апостоль Павель, хотя былъ избранный сосудъ благодати Божіей и величайшій изъ святыхъ, восхищенный даже до третяго небесе, называлъ себя, по тому же смиренію, первымъ изъ грѣшниковъ: *вѣрно слово, писалъ онъ къ Тимоѳею, и всякаго пріятія достойно, яко Христосъ Іисусъ приде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ* (1 Тим. 1, 15). Притомъ же совѣсть истинно святыхъ людей такъ бываетъ тонко-разборчива и нѣжно-чувствительна, что и малѣйшія погрѣшности и самыя обыкновенныя слабости принимаетъ за грѣхи тяжкіе и ужасающіе, и въ этомъ не ошибается; ибо, строго судя, и малое нарушеніе закона есть безмѣрно великое оскорбленіе Бога вышняго. Удивительно ли послѣ сего, что святые и о малыхъ грѣхахъ своихъ, о грѣхахъ даже неосмотрительности и невѣденія, жестоко скорбятъ, болѣзнують, сокрушаются и плачутъ, какъ о грѣхахъ самыхъ важныхъ и тяжкихъ? *Грѣхъ юности и невѣдѣнія моего не помани, взывалъ пророкъ Израилевъ, по милости Твоей помани мя Ты, ради благодати Твоея, Господи* (Иса. 24, 7). Такъ для добраго сына или дочери и одинъ нѣсколько суровый взглядъ, строгая мина и неодобрительное движеніе отца или матери гораздо тяжелѣе и чувствительнѣе, нежели самыя жестокія замѣчанія, упреки и выговоры, подтвержденія и угрозы и даже тѣлесныя наказанія для дѣтей нравовъ испорченныхъ.

Отступите отъ мене вси дѣлающіи беззаконіе, яко услыша Господь гласъ плача моего, услыша Господь моленіе мое, Господь молитву мою пріятъ (ст. 9).

Откуда произошла въ пророкъ такая внезапная и неожиданная перемена? Недавно онъ, именно въ предъидущихъ стихахъ, окаявалъ себя, представляя изъ себя великаго грѣшника, трепещущаго предъ судомъ гнѣва и

ярости Божіей и умоляющаго Бога правосуднаго о пощадѣ и помилованіи себя, а теперь вдругъ самъ является какъ-бы жестокимъ и нетерпѣливымъ въ отношеніи къ подобнымъ ему грѣшникамъ, прогоняя ихъ отъ себя и отказывая имъ во всякомъ съ ними общеніи. *Отступите отъ мене*, взываетъ онъ, съ видомъ своего негодованія и отвращенія, *вси дѣлающіи беззаконіе*. Причину сей перемены указываетъ самъ же пророкъ въ слѣдующихъ словахъ: *яко услыша Господь*, говоритъ онъ далѣе, *гласъ плача моего, услыша Господь моленіе мое, Господь молитву мою пріятъ*. Что же это значитъ? То, что, пріимѣтно, пророкъ не разъ слыхалъ беззаконныхъ людей, нечестиво разсуждающихъ о Богѣ и молитвахъ къ Нему обращаемыхъ, хулящихъ Его правосудіе, какъ-будто жестоко и сверхъ мѣры наказующее грѣшниковъ, порицающихъ премудрость Его, какъ-будто не умѣющую распорядиться въ мірѣ, Имъ созданномъ, ко благу и пользѣ твореній своихъ, и многое въ немъ оставляющую бездушному механизму и слѣпому случаю, отвергающихъ важность и силу молитвы и надъ молящимися посмѣвающихся, отъемля у нихъ надежду и упованіе и повергая въ отчаяніе. Посему пророкъ, какъ скоро, вопреки богохульнымъ внушеніямъ ихъ, ощутилъ въ духѣ своемъ милость и благоволеніе къ себѣ Божіе и чрезъ то ясно уразумѣлъ, что молитва его услышана, тотчасъ, въ восторгѣ благодарнаго чувства къ Богу и въ справедливомъ негодованіи на беззаконниковъ, даетъ внутренно твердый обѣтъ Богу—прервать всякую связь съ людьми, творящими беззаконіе, удалиться отъ нихъ самому и удалить ихъ отъ себя. И какъ святые мужи исполненія обѣтовъ своихъ до другаго времени не любятъ откладывать, то и пророкъ въ то же время, какъ изрекъ внутренно обѣтъ свой, уже приступаетъ къ исполненію онаго, и голосомъ твердымъ и рѣшительнымъ вопіетъ въ слухъ

цѣлаго міра нечестивимъ: *отступите отъ мене вси дѣлающіи беззаконіе, яко услыша Господь гласъ плача моего и молитву мою пріять.* Вы, которые не разъ говорили мнѣ, на Бога клеветуеще: *не узритъ Господь, ниже уразумѣтъ Богъ Іаковль.* Разумѣйте же безумніи въ людехъ и буйи нѣкогда умудритесь. *Насаждей ухо не слышитъ ли? или создавый око не смотрѣетъ ли* (Псал. 93, 7—9)? *Се узрѣ Господь смиреніе и трудъ мой* (Псал. 24, 18), *услыша моленіе мое,* отвратилъ лице свое отъ грѣхъ моихъ и вся беззаконія моя очистилъ, далъ слуху моему радость и положилъ въ сердце веселіе спасенія своего. Отступите убо отъ мене вси глаголющія лукавая и творящія беззаконная. Я не хочу отнынѣ ничего имѣть съ вами общаго, ни слушать васъ, ни говорить съ вами, ни раздѣлять съ вами трапезы моей, ни вкушать отъ вашихъ брашнъ и елей вашъ *да не намаститъ главы моя* (Псал. 140, 5), да не приобщусь дѣломъ вашимъ неплоднымъ тьмы: *ядъ аспидовъ подъ устнами вашими* (Псал. 139, 3) и въ конобѣ вашихъ орашенъ смерть. Единъ отнынѣ Господь, единъ Богъ будетъ *часть достоянія моего на земль живыхъ, часть моя во вѣкъ* (Псал. 15, 5. 72, 26. 141, 6). Словомъ, здѣсь пророкъ точно также поступилъ, какъ поступалъ онъ въ другомъ подобномъ, равно покаянномъ псалмѣ, гдѣ, прося себѣ у Бога прощенія и помилованія въ содѣянномъ прегрѣшеніи, въ то же время общаетъ Ему научить беззаконныхъ и обратитъ нечестивыхъ. *Помилуй мя, Боже,* сначала вопіетъ онъ, *по величій милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ очисти мя,* а потомъ, въ слѣдъ затѣмъ, черезъ нѣсколько строкъ, *взываетъ: научу беззаконныя путемъ Твоимъ, и нечестивіи къ Тебѣ обратятся* (Псал. 50, 3. 15). Да и вообще всѣ святые въ содержаніи и расположеніи предметовъ молитвъ своихъ тотъ же самый порядокъ соблюдаютъ,

обыкновенно выставляя на видъ убѣжденія или добродѣтели, на самомъ дѣлѣ уже исполненныя и исполняемыя, какъ напричѣтъ: *помяни, Господи,* вопіялъ благочестивый Езекиа, *како ходихъ предъ Тобою со истинною и сердцемъ сокрушеннымъ, и угодная предъ Тобою сотвори хъ* (Иса. 38, 3), или—благія желанія и предпріятія, твердымъ обѣтомъ и рѣшительнымъ намѣреніемъ воспріемлемыя и утверждаемыя. Такъ кающійся Манассія молился: *ослаби ми, Господи, ослаби ми, и восхваляю Тя выну во днѣхъ живота моего* (Молит. Манассіи на Вел. повечеріи); такъ и апостоль Павель, прося учениковъ своихъ изъ евреевъ молиться за него, писалъ къ нимъ: *молитесь о насъ; уповаемъ бо, яко добру совѣсть имамы, добръ хотяще жити* (Евр. 13, 18). Мысль апостола здѣсь та, что безъ этой доброй совѣсти и безъ сего святаго хотѣнія и молитва неумѣстна и бесплодна. Такъ необходима въ составѣ молитвы непорочная жизнь, или, по крайней мѣрѣ, твердый и непреложный обѣтъ, уклониться отъ зла и творить благо. *Да постыдятся и смятутся вси врази мои, да возвратятся и устыдятся злю вскорь* (ст. 11). Такъ заключаетъ пророкъ покаянный псаломъ свой. Но не допускаетъ ли здѣсь онъ, въ заключеніе своего покаянія, грѣха тяжкаго, когда желаетъ и даже проситъ у Бога стыда и посрамленія врагамъ своимъ, вопреки извѣстной заповѣди небеснаго Учителя: *любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ напастъ и изгонящихъ вы* (Матѣ. 5, 44)? Нисколько: враги пророка суть вмѣстѣ враги Божіи, враги вѣры и добродѣтели, и не о себѣ самомъ заботится онъ, желая и прося у Бога постыднаго для нихъ и скорого конца ихъ злымъ предпріятіямъ, какъ это видно изъ собственныхъ словъ его: *истаяла мя есть ревность Твоя, яко забыша слова Твоя врази мои* (Псал. 118, 139). Такихъ враговъ

не любити і даже ненавидіть і молитися о скоромъ сокрушеніи ихъ не только простительно, но і совершенно законно і благочестиво, какъ всѣ святые мужи дѣйствительно і поступали. *Не ненавидящія ми Тя, Господи, возненавидѣхъ*, говорить одинъ изъ нихъ, *и о'вразыхъ Твоихъ истаяхъ? совершенною ненавистію возненавидѣхъ я: во враги быша ми* (Псал. 138, 21. 22). Враговъ собственно такихъ, лично насъ самихъ непосредственно или посредственно оскорбившихъ и обидѣвшихъ, любити, прощать, благословлять и благотворить имъ мы можемъ, по заповѣди Христовой, и должны неотложно; но враговъ Божіихъ, враговъ вѣры и церкви, хотя бы они вмѣстѣ съ тѣмъ были и наши личные враги, ни любити, ни прощать, ни благословлять мы не имѣемъ права: ибо чѣмъ мы можемъ любити ихъ, когда сердце наше—единственный органъ любви, все безъ остатка должно принадлежать одному Богу, противъ котораго они враждуютъ? *Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душею твоею и всею мыслію твоею*, заповѣдано намъ (Мат. 22, 37); *Дажде Ми, сыне, сердце твое*, глаголетъ Господь у Приточника (Прит. 23, 26). Гдѣ взять намъ права на прощеніе оскорбленій Бога вышняго, когда мы сами предъ Нимъ всѣ до одинаго не больше, какъ должники и подсудимые, имѣющіе нужду въ подобномъ для себя прощеніи? Откуда намъ заимствовать для нихъ благословеніе, когда источникъ всякаго благословенія находится въ единомъ Богѣ (Еф. 1, 3), а Богъ, по свидѣтельству писанія, благословляетъ только благословляющія Его и освящаетъ освящающія Его, въ насъ же самихъ ничего нѣтъ, кромѣ большаго запаса проклятія; ибо *всѣ мы*, по апостолу, *естествомъ чада гнѣва* (Еф. 2, 3). Благотворить впрочемъ имъ, изъ уваженія къ присущему въ нихъ образу Божію, хотя сокрушенному и обезображенному, мы конечно можемъ; но только въ такой мѣрѣ, какая потребна для

поддержанія и распространенія славы Божіей, для блага вѣры и пользы человечества, въ противномъ же случаѣ—за сею граничною чертою наше благотвореніе будетъ уже не благотвореніе; ибо расточать дары Бога своего на враговъ Его не значить ли коварно измѣнять Ему и возставать на Него, производить въ Его царствѣ мятежъ и богохульно разрушать Его планы и намѣренія? Кто не видитъ послѣ сего, что пророкъ, прося въ молитвѣ своей Бога о скоромъ постыженіи, смятеніи и низложеніи враговъ своихъ, совершенно правъ? Не поколеблемся же вслѣдъ за нимъ и мы взывать къ Богу о врагахъ нашихъ, если только они подлинно, также какъ враги пророка, суть вмѣстѣ и враги Божіи: *да постыдятся и смятутся, да возвратятся и устыдятся зѣло вскорѣ. Да разрушатся злые совѣты ихъ, да сокрушатся ихъ оружія въ конецъ и да внидутъ въ сѣть свою, юже скрытно поставиша намъ. Только не забудемъ въ нихъ подобныхъ намъ челоуѣковъ, хотя и заблуждшихъ и разстроенныхъ, и своими благотвореніями въ мѣрѣ, Богу не противной, позаботимся возвратити ихъ на лучшее, наказующе съ кротостію: *еда како дастъ имъ Богъ покаеніе въ разумъ истинны, и возникнутъ отъ дьявольскія съти, живи уловени отъ него въ свою его волю* (2 Тим. 2, 25. 26). Личнымъ же врагамъ нашимъ, въ чѣмъ бы и какъ бы они ни оскорбили, ни обидѣли насъ, вся простимъ, вся покроемъ любовію, милосердующе о нихъ, по примѣру и заповѣди нашего Господа, который и бывъ на крестѣ, молился за своихъ распинателей, взывая къ Отцу своему небесному: *Отче, прости имъ, не вѣдѣтъ бо, что творятъ*, хотя правосудіе Отца и не простило ихъ, но однихъ наказало посрамленіемъ и безчестіемъ, низложеніемъ и сокрушеніемъ, другихъ потребило отъ земли живыхъ, иныхъ разсѣяло и развѣяло по всѣмъ странамъ свѣта, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра, а всѣхъ*

вообще лишило отечества земнаго и небеснаго, предавъ конечному отверженію, доколѣ не увѣруютъ во Христа Распятаго и чрезъ то не войдутъ въ сонмъ избранныхъ Божіихъ. Замѣчательно притомъ, что тотъ же милосердый и человеколюбивый Господь на сихъ же самыхъ враговъ своихъ еще прежде сего изрекъ проклятіе: *се оставляется*, сказалъ Онъ имъ, *домъ вашъ пуста* (Лук. 13, 35): сими словами осужденъ Іерусалимъ со всѣми его чадами на вѣчное запустѣніе. Это значить, что въ первомъ случаѣ Господь Іисусъ дѣйствовалъ въ качествѣ человека Іисуса, молясь за убійцъ своихъ и прощая имъ свою личную обиду, а въ послѣднемъ каралъ ихъ въ качествѣ Богочеловѣка Судіи за оскорбленіе Бога Отца, въ отверженіи Христа Спасителя. *Имъль уши слышати, да слышатъ* и уразумѣть тайну любви божественной.

ПСАЛОМЪ 7.

Мы остановились на седмомъ псалмѣ. Оцъ воспѣтъ былъ Давидомъ Господу, какъ говоритъ его надписаніе, *о словесехъ Хусіевыхъ, сына Іеменина*. Но кто зтотъ Хусій, и что за слова, по случаю которыхъ воспѣтъ былъ Господу псаломъ сей? Хусій, какъ видно изъ второй книги Царствъ, былъ первый другъ Давидовъ, благородный царедворецъ, вѣрно служившій своему государю и во дни его счастья и славы, и въ годину бѣдствія и уничтоженія; и въ то время, какъ облеченный во всѣ царскія утвари, среди двора роскошнаго и среди пышной прислуги своей, онъ величественно возсѣдалъ на великолѣпномъ престолѣ своемъ и щедрою рукою раздавалъ дары и почести окружающимъ его, и тогда, какъ лишенный царства и крова, и оставленный войскомъ и народомъ, въ одеждѣ раздранной, съ перстію на главѣ и слезами въ очахъ, въ сопровожденіи небольшого числа слугъ, ему предан-

ныхъ, босыми ногами шель онъ поспѣшно въ пустыню искать безопаснаго себѣ убѣжища; и сіе-то послѣднее достоинство, столь рѣдкое въ царедворцахъ, особенно и прославило Хусія и предало имя его памяти потомства; и вотъ обстоятельства, въ которыхъ открылось оно въ полномъ блескѣ и величіи. Противъ Давида, въ его старости, возсталъ любимый, но недостойный любви, сынъ его Авессаломъ, объявивъ себя внезапно царемъ; народъ и войско къ нему пристали, всѣ города отъ Хеврона до Іерусалима охотно ему сдались; услышавъ о семъ, Давидъ, нисколько не готовый ко встрѣчѣ непріятеля, принужденъ былъ для спасенія своей жизни бѣжать изъ дворца въ пустыню; его семейство и нѣкоторые изъ военачальниковъ и придворныхъ, оставшись вѣрными своему долгу, за нимъ послѣдовали; въ числѣ послѣднихъ явился къ Давиду и Хусій. Но посмотрите, какъ принимаетъ его Давидъ? Если ты пойдешь со мною, говорилъ онъ ему, то будешь мнѣ въ тягость. Если же возвратишься въ городъ и скажешь Авессалому: я видѣлъ твоихъ братьевъ и царя, отца твоего, за ними выходящимъ изъ города, но не пошелъ въ слѣдъ ихъ, а явился къ тебѣ, государь, съ моею покорностію; теперь я рабъ твой; пощади жизнь мою, я былъ рабомъ отца твоего до нынѣ, а теперь я твой рабъ, государь. Сказавъ сіе, Давидъ присовокупилъ: разрушь мнѣ совѣтъ Ахитофеловъ. Ахитофель былъ знаменитый военачальникъ Давидовъ, предавшійся на сторону Авессалома; Давидъ зналъ его опытность въ войнѣ и искусство въ дѣлахъ, и потому больше боялся его одного, нежели Авессалома со всѣми его войскомъ, вотъ почему просилъ онъ Хусію разрушить совѣтъ Ахитофеловъ, и Хусій покорствовалъ волѣ несчастнаго государя своего, и пошелъ противъ воли своей въ городъ почти на явную смерть; ибо нельзя было угадать, какъ приметъ его Авессаломъ, знавшій предан-

ность его Давиду, и как встрѣтитъ его свита Авессаломова, въ которой онъ, вѣроятно, имѣлъ и личныхъ враговъ своихъ. Если его не пригласили къ участию въ возмущеніи, то, безъ сомнѣнія, потому, что на него не надѣялись: не больше ли онъ представится подозрительнымъ теперь, когда, такъ сказать, невольно присоединяется къ сторонѣ торжествующей. Но для Хусія, исполнить волю государя своего было закономъ, и онъ, въ надеждѣ на помощь Божію въ дѣлѣ правомъ, отважно идетъ на всѣ опасности и на самую смерть. Что же ожидало его во дворцѣ Авессаломова? Колкій и жестоко-оскорбительный упрекъ самаго Авессаломова въ измѣнѣ и предательствѣ Давиду, и причиною сего упрека былъ не столько Авессаломъ, сколько самъ Давидъ, вызвавшій Хусія на сей двуличный поступокъ. Едва Хусій успѣлъ сказать обыкновенное привѣтствіе новому царю, какъ Авессаломъ съ коварною насмѣшкою сказалъ ему: такова ли милость твоя къ другу твоему, т. е. къ Давиду? Почему ты не пошелъ вмѣстѣ съ другомъ твоимъ? За мѣтете, слушатели, преступный сынъ боится произнести имя своего отца, называя его только другомъ Хусинымъ. Измѣнникъ и предатель легко предполагаетъ и въ другихъ измѣну и предательство и не стыдится упрекать другихъ въ томъ, въ чемъ самъ всего болѣе виноватъ. Таково обыкновенное свойство порочныхъ, которые во всѣхъ видятъ самихъ себя, и не терпя себя въ другихъ, тѣмъ больше пристращаются къ себѣ и отъ того обыкновенно дѣлаются безразсудными и легкомысленными до ослѣпленія едва вѣроятнаго, какъ это увидимъ и на Авессаломѣ. Хусій впрочемъ нисколько не смутившись симъ упрекомъ, какъ къ нему не относящимся, хотя и къ нему лично обращеннымъ, спокойно отвѣчалъ: нѣтъ, государь, но я прихожу къ тому, кого избралъ Господь, кого избрали сн люди и всѣ мужи Израилевы; тому и я

принадлежу, съ тѣмъ и я буду; притомъ же кому я буду служить теперь, не сыну ли того, которому служилъ я прежде? Какъ я служилъ отцу твоему, такъ буду служить и тебѣ. Сихъ словъ довольно было для легкомысленнаго Авессаломова, чтобы принять Хусія въ число первыхъ друзей своихъ, и потому, когда, въ слѣдъ за симъ, собранъ былъ военный совѣтъ для совѣщанія, что должно предпринять къ утверженію новаго царя и царства, и когда Ахитофель, какъ опытный военачальникъ и прозорливый политикъ, подалъ свое мнѣніе—немедленно преслѣдовать Давида, изумленнаго событіемъ, утомленнаго отъ пути и не готоваго къ защитѣ и, симъ нечаяннымъ нападеніемъ поразивъ его совершенно и самаго его предавъ смерти, тѣмъ кончить все дѣло,—позванъ былъ на совѣщаніе и Хусій, который, выслушавъ мнѣніе Ахитофела, съ притворнымъ изумленіемъ опрометчивости его, сказалъ Авессалому: совѣтъ этотъ не хорошъ, и я удивляюсь, отъ чего это такъ: Ахитофель всегда, бывало, подавалъ совѣты мудрые. Ты знаешь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Авессалому, отца твоего и мужей, которые находятся съ нимъ, какъ они сильны и жестоки во гнѣвѣ своемъ? это тоже, что медвѣдица, у которой отняли дѣтей; тоже, что свирѣпый вепрь, который водится въ дубравѣ; отецъ твой человекъ отважный и мужественный, онъ не дастъ спать своимъ людямъ, теперь онъ укрылся на какомъ нибудь холмѣ или въ какой нибудь долинѣ, и если напасть на него въ началѣ, то, узнавъ о семъ, вѣрно онъ скажетъ: въ войскѣ Авессаломовомъ произошло возмущеніе; тогда онъ бросится на насъ, какъ разъяренный левъ и сокрушитъ насъ въ конецъ: всему Израилю извѣстно, какъ онъ силенъ, и какъ сильны мужи, при немъ находящіеся. По моему мнѣнію, лучше собрать многочислѣннѣйшее войско изъ всего Израиля отъ Дана до Варсавіи, какъ песокъ морскій; тогда мы подѣ твоимъ

личнымъ предводительствомъ пойдѣмъ, и тамъ, гдѣ найдемъ его, ополчимся на него, подобно росѣ, падающей на землю, и истребимъ его и всѣхъ находящихся съ нимъ до единого. Если бы даже случилось, что онъ убѣжалъ бы въ какой нибудь городъ, то и тогда весь Израиль веревками стащитъ весь городъ въ потокъ и не оставитъ въ немъ ни единого камня; и совѣтъ Хусія былъ одобренъ и принятъ Авессаломомъ и всѣмъ собраніемъ, а Ахитофель съ досады и огорченія пошелъ и удавился. Такой совѣтъ подалъ Хусій для того, чтобы дать Давиду, пораженному внезапною и тяжкою скорбію, время прийти въ самого себя, ободрить своихъ спутниковъ и собрать потребное число войска. Послѣдствія сего совѣта извѣстны, думаю, каждому изъ васъ: похититель престола и сынъ неблагодарный погибъ въ сраженіи съ войскомъ Давида, отца своего, а низверженный Давидъ возвратился на престолъ, съ горестію впрочемъ въ сердцѣ о потерѣ сына преступнаго, но тѣмъ не менѣе любимаго. Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ воспѣтъ былъ Давидомъ псаломъ, нами разсматриваемый, и вотъ о какихъ словахъ Хусія, сына Іеменина упоминается въ его надписаніи, о словахъ совѣта его, которымъ онъ ниспровергнулъ совѣтъ Ахитофела, и тѣмъ доставилъ войску Давидову побѣду надъ Авессаломовымъ, а самому Давиду возвратилъ престолъ и царство. Какъ великъ былъ Хусій въ семъ поступкѣ своемъ! Какъ мало именъ можетъ представить исторія древняя и новая для состязанія съ Хусіемъ о славѣ первенства въ честности и безкорыстіи, въ мужествѣ и великодушіи, въ вѣрности и преданности своему законному государю. Хусій имѣлъ предъ собою два пути—на одномъ изъ нихъ видѣлъ онъ торжествующаго Авессалома и при немъ войска и народъ величающій его царемъ, а на другомъ—Давида, въ бѣдности и униженіи убѣгающаго изъ своей столицы и угрожаемаго неминуемымъ преслѣдова-

ніемъ; на первомъ ожидали его богатство и слава, почести и достоинства, безопасность и спокойствіе, а на послѣднемъ—нищета и безславіе, труды и опасности, и холодъ и, быть можетъ, самая смерть. Но Хусій не долго размышлялъ съ собою и ни на одну минуту не оставался въ недоумѣніи, какой ему избрать изъ двухъ сихъ путей; онъ зналъ, что на первомъ пороки и порочные, а на послѣднемъ правда и праведные, и выборъ его рѣшенъ; онъ не пошелъ на встрѣчу къ Авессалому торжествующему, а пошелъ въ слѣдъ за Давидомъ убѣгающимъ, почему? потому, что онъ видѣлъ въ первомъ братоубійцу, готоваго сдѣлаться отцеубійцею, а въ послѣднемъ только страждущую невинность, только добродѣтель, пораженную несчастіемъ. Но вотъ новое искушеніе представилось великодушію Хусія. Тотъ, для котораго онъ всѣмъ пожертвовалъ, не пріемлетъ его услуги и повелѣваетъ возвратиться въ городъ, говоря: если ты пойдешь со мною, то будешь мнѣ въ тягость. Кто другой кромѣ Хусія не огорчился бы сими словами Давида и, огорченный въ самолюбіи своемъ, не рѣшился бы передаться на сторону его противниковъ? Но Хусій безпрекословно повиновался своему государю и въ рубищѣ и въ изгнаніи, и, возвратившись въ городъ съ опасностію жизни, исполнилъ его порученіе. Хусій былъ достойный другъ Давида и за то содѣлался другомъ Божиимъ, и самъ Духъ Святой начерталъ его имя письменами священными въ память и подраженіе потомству.

Въ свѣтѣ господствуетъ мнѣніе, которое, думаю, и каждый изъ васъ многократно слыхалъ въ обществѣ и, быть можетъ, даже не разъ повторялъ въ слѣдъ за другими, что въ настоящее время люди достигли самыхъ крайнихъ предѣловъ величія въ духѣ своемъ, что современное просвѣщеніе, при помощи вѣковыхъ опытовъ и наблюденій,

раскрывъ и образовавъ всѣ способности души, возвело ихъ на такую степень духовнаго совершенства, о которой древніе и мечтать не умѣли: но сравните безпристрастно сихъ исполиновъ новаго міра съ Хусіемъ—смирненнымъ обитателемъ міра древняго, едва замѣтнымъ во множествѣ подобныхъ ему, и вы увидите, какъ они малы и ничтожны предъ нимъ! Какъ мало нужно для того, чтобы поколебать ихъ мнимую честность и прямодушіе, чтобы затмить ихъ свѣтлый взглядъ и остановить стремленіе къ высокому! Небольшой перевѣсъ внѣшнихъ выгодъ, ничтожное прибавленіе къ титулу, маловажное возвышеніе правъ и преимуществъ, надежда, часто не вѣрная, низложить своего соперника, увеличить свои сокровища, умножить средства къ разнообразнымъ наслажденіямъ, словомъ, открыть новые и лучшіе пути для себя и для потомства своего къ, такъ называемому, счастью—и этого уже довольно и даже слишкомъ довольно. Стоическая твердость въ добродѣтели сихъ новыхъ подвижниковъ добродѣтели едва ли устоятъ противъ одного изъ сихъ искусовыхъ побужденій. Но взгляните на Хусія при дворѣ Давидовомъ и при дворѣ Авессаломовомъ: онъ, среди всѣхъ оболещеній порока и среди всѣхъ невыгодъ добродѣтели, остается твердъ и непоколебимъ въ правилахъ чести и вѣрности къ своему государю. Правда, онъ пользовался любовію и довѣренностію у Давида; но сіи любовь и довѣренность онъ долженъ былъ раздѣлять съ другими, а здѣсь у Авессалома онъ одинъ надъ всѣми господствуетъ: его слова не встрѣчаютъ ни въ комъ противорѣчія; его мнѣніе одерживаетъ верхъ даже надъ мнѣніемъ Ахитофела, военачальника мудраго, котораго военная слава давно уже упрочена во всемъ Израили и въ странахъ иноплемennыхъ, а что всего важнѣе—Давидъ не былъ похожъ на Авессалома; у Давида можно было заслужить его благоволеніе и благоразумно имъ пользоваться, но управлять имъ было не возможно: лю-

бимцы Давидовы, любя его, трепетали предъ нимъ за каждый шагъ свой не менѣе послѣдняго изъ подданныхъ его, Авессаломъ же былъ весь въ рукахъ Хусія, и потому для Хусія стоило только измѣнить Давиду, безъ войска, безъ народа, безъ всѣхъ средствъ къ оборонѣ блуждающему въ пустынѣ, чтобы сдѣлаться царемъ въ лицѣ Авессалома, и сколько оболещительныхъ видовъ онъ могъ представить себѣ въ будущемъ! сколько разнаго рода выгодъ онъ могъ обѣщать себѣ отъ своего новаго положенія! но все это онъ пренебрегъ и отвергнулъ, какъ недостойное себя, и захотѣлъ лучше блуждать и бѣдствовать вмѣстѣ съ государемъ своимъ, нежели, измѣнивъ ему, торжествовать и благоденствовать среди измѣнниковъ. Такъ, если писаніе Моисея называетъ великимъ за то, что онъ *отвержеся нарицатися сынъ дщере Фараонова и наче изволи страдати съ людьми Божиими, нежели имѣти временную грѣха сладость*, то не менѣе великъ и Хусій, который не захотѣлъ постыдною цѣною измѣны купить себѣ жалкую извѣстность и могущество, столь завидное для душъ низкихъ и столь презрительное для душъ истинно возвышенныхъ. О! если-бы въ одной изъ просвѣщеннѣйшихъ націй, современныхъ намъ, отъ которой съ такою жадностію мы заимствуемъ правила для нашего поведенія, нашлось хотя столько же челоуѣкъ подобныхъ Хусію, сколько оказалось ихъ при Давидѣ, то вѣрно государи ея не были бы водимы на эшафоты, изгоняемы съ безчестіемъ и сопровождаемы съ посрамленіемъ; вѣрно кровь челоуѣческая не лилась бы потоками по лицу земли и народы подъ кровомъ самодержавія мирно и безмятежно покоились бы, какъ во дни Соломона кійждо во Израили покоился подъ своимъ виноградомъ и смоковницею.

Примѣръ Хусія научаетъ насъ: 1) не увлекаться множествомъ такъ или иначе дѣйствующихъ, но неуклонно слѣдовать путемъ добродѣтели, хотя-бы на немъ никого

не встрѣчали, кромѣ самихъ себя или очень не многихъ, твердо помня, что многолюдство всегда было и есть вѣрнымъ признакомъ уклоненія отъ пути истиннаго; 2) не страшиться и не избѣгать опасностей, когда вызываетъ насъ на оныя законная власть, ибо, повинувся власти, мы повинуемся самому Богу, который силенъ насъ исхитить изъ самыхъ челюстей ада и стропотные пути претворить для насъ въ пути гладкіе; 3) сохранять вѣрность къ государю во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни, при всѣхъ превратностяхъ судьбы его, съ пожертвованіемъ чести и славы, богатства и жизни: *сіе бо добро*, говоритъ Апостоль, *и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ.*

Теперь отъ Хусія обратимся къ Давиду. Давидъ хорошо понималъ заслугу Хусія и высоко цѣнилъ ее, почему и поспѣшилъ возблагодарить за нее, только не Хусія, а Бога. Не подумайте, впрочемъ, чтобы Давидъ остался неблагодарнымъ и предъ Хусіемъ, нѣтъ; но первое чувство благодарности, первую мысль и первое слово признательнаго духа онъ посвятилъ Богу, какъ главному виновнику столь благопріятнаго для него оборота дѣла: ибо въ успѣшномъ окончаніи предпріятія Хусіина онъ видѣлъ просвѣщенными вѣрою очами своими невидимую руку Божію, тайно помогающую ему, и потому, при первомъ извѣстіи о томъ, воскликнулъ изъ глубины души благодарной: *Господи, Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя отъ всѣхъ гонящихъ мя и избави мя* (псал. 7, 2), такъ же какъ и въ востаніи на него Авессалома, онъ видѣлъ только наказаніе Божіе за грѣхи свои, и потому, когда одинъ изъ царедворцевъ его, нѣкто Семей, во время бѣгства его беззащитнаго, началъ поносить и злословить его, упрекая въ такихъ порокахъ и беззаконіяхъ, въ которыхъ онъ вовсе не виновенъ былъ, и сопровождая свои упреки даже камнями и грязью: *изыди, изыди*, говорилъ Семей, *мужу кровей и мужу беззаконный, возврати на тя Господь*

вся крови дому Сауля, и се ты въ злобѣ твоей, яко мужъ кровей ты; и когда двое изъ окружающихъ его хотѣли заключить уста злоязычнику отъятіемъ главы его, Давидъ не только не позволилъ сего сдѣлать тогда, но и послѣ не наказалъ его; ибо и злословіе Семей онъ принималъ какъ наказаніе Божіе, и потому на вызовъ ревностныхъ слугъ своихъ, въ справедливомъ негодованіи желавшихъ отмстити честь государя своего, глубочайшимъ смиреніемъ сказалъ слѣдующія достопримѣчательныя слова: оставьте его, пусть онъ проклинаетъ меня; вотъ собственный сынъ, изшедшій изъ моего чрева, ищетъ души моея, а коelmi паче сынъ Іемениевъ. И такъ, оставьте его: пусть проклинаетъ меня; ибо Господь повелѣлъ ему проклинать Давида; кто же послѣ того смѣетъ сказать ему, почему онъ поступилъ такимъ образомъ? Авось либо призритъ Господь на смиреніе мое и возвратитъ мнѣ благая вмѣсто клятвы его во днешній день (2 Цар. 16, 10—13). Какъ высоко и какъ свято чувство, въ томъ и другомъ случаѣ одушевляющее Давида! Давидъ и во врагахъ и въ друзьяхъ своихъ видитъ одного Бога, вся дѣйствующаго. Не искусству, не мудрости Хусія, и даже не своей сообразительности, хотя первая мысль и первый совѣтъ, какъ мы видѣли выше, поданы были имъ самимъ, приписываетъ онъ успѣхъ предпріятія, а единственно помощи Божіей и своему упованію на Бога. *Господи, Боже мой*, говоритъ онъ, *на Тя уповахъ, спаси мя.* Такъ, братія, должны поступать и мы: сами ли что дѣлаемъ особенно замѣчательное, или другіе въ чемъ помогутъ намъ, должны приписывать это не себѣ или другимъ, не своимъ силамъ и достоинству, не своей дальновидности и проницательности, не своему могуществу и благоразумію, равно какъ не силамъ и содѣйствію ближнихъ нашихъ, а единственно силѣ и благопоспѣшенію Божію; ибо мы сами и ближніе наши въ нашей судьбѣ и въ нашихъ дѣлахъ суть при-

чины только второстепенныя и посредствующія, а главная и дѣйствительная—всегда и вездѣ есть одинъ только Богъ, безъ котораго ничтоже бысть, еже бысть, и безъ воли котораго и полевая лилія не изсыхаетъ отъ зноя, и мравій не издыхаетъ подъ ногою путника, и вравій не падаетъ на землю, и власъ съ главы нашей не отдѣляется отъ тѣла. Какая опять примѣтна въ словахъ Давида, при обращеніи къ Богу, искренность, какое пламенное усердіе, какая любовь и преданность къ Нему; ибо не говоритъ просто: Господи, на Тя уповахъ, но говоритъ: *Господи, Боже мой*, какъ привыкъ онъ говорить и во многихъ другихъ случаяхъ, напримѣръ: *Господи, Боже мой, Царю мой* или *Боже, Боже мой, вои ми* (Псал. 22, 2), или еще: *не остави мене, Боже, Спасителю мой!* (Псал. 26, 9), стараясь, такъ сказать, усладить уста своя столь вожделѣннымъ и столь сладостнымъ для него именемъ, чрезъ многократное повтореніе онаго, и глубже напечатлѣть оное въ сердцѣ своемъ чрезъ сугубое и усиленное возглаголеніе онаго, а чрезъ то возбудить и привлечь къ себѣ тѣмъ обильнѣйшее благоволеніе Божіе. Съ тою же цѣлію и по той же причинѣ называетъ онъ Бога своимъ Богомъ, говоря: *Господи, Боже мой!* Какъ будто-бы Богъ ему одному принадлежалъ, хотя, безъ сомнѣнія, Давидъ совершенно понималъ и зналъ, что Богъ есть Богъ всѣхъ, а не его одного; ибо онъ же называетъ Его въ другихъ мѣстахъ *царемъ всея земли* (Псал. 46, 8); *Господомъ, сотворившимъ небо и землю и обладающимъ ими* (Пс. 120, 2), наконецъ. *Богомъ и судіею самихъ боговъ* (Псал. 81, 1). Что же хотѣлъ Давидъ симъ выраженіемъ сказать? То же, что и каждый изъ насъ нерѣдко говоритъ, называя кого либо своимъ благодѣтелемъ, хотя знаетъ, что сей благодѣтель не менѣе и другимъ благодѣтельствуетъ, т. е., Давидъ симъ выраженіемъ означаетъ съ одной стороны всецѣлую преданность свою Богу и свою полную надежду

на Его благопромыслительное попеченіе о немъ, а съ другой—особенное благоснисхожденіе Божіе къ праведникамъ, по которому Богъ, приемля ихъ, какъ избранную часть и наслѣдіе свое, подъ свой особенный покровъ и защиту, и Себя самаго предаетъ имъ какъ-бы въ исключительное обладаніе ихъ, именуя Себя Богомъ Авраама, Исаака, Иакова и другихъ подобныхъ имъ, и притомъ не только при жизни, но и по смерти ихъ: *Азъ есмь Богъ отца твоего*, говорилъ Онъ Моисею, *Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ и Богъ Иаковъ* (Исх. 3, 6). На семь-то основаніи и самъ Давидъ, въ восторгѣ восхищеннаго духа отъ блаженнотворнаго обладанія Господомъ, сказалъ нѣкогда: *что мнѣ на небѣ? И съ Тобою ничего не хочу на землѣ. Томится по Тебѣ плоть моя и сердце мое; Богъ твердыня сердца моего, и часть моя, Ты, Боже, на вѣки* (Пс. 72, 25—26). Въ томъ же духѣ, ободренный въ тяжкой скорби своей видимою помощію свыше, говоритъ и теперь, называя Бога, отъ избытка чувства благодарнаго и благонадежнаго, своимъ Богомъ и Господомъ: *Господи, Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя.*

Но замѣйте, слушатели, строгую бдительность надъ самими собою и осторожность мужей праведныхъ при полученіи благодѣній Божіихъ: получивъ помощь и милость Божію, они не предаются ни безумной радости, ни преступной безпечности; ибо знаютъ, что легко могутъ и лишиться оныхъ за свое тщеславіе и свое нерадѣніе, а спѣшатъ упрочить для себя оныя тѣми же средствами, какими и удостоились получить ихъ, т. е. молитвою и упованіемъ на Бога. Такъ поступилъ въ настоящемъ случаѣ и Давидъ. Дѣло Давида, при содѣйствіи Божіемъ добродѣтельному Хусію, приняло столь благопріятный оборотъ, что, по разсчетамъ человѣческимъ, надлежало ожидать вѣрнаго и полнаго успѣха; но Давидъ не довѣряетъ

симъ разсчетахъ, сколько ни казались они основательными, и даже не примѣтно, чтобы онъ хотя сколько нибудь остановилъ свои мысли на нихъ, а что онъ дѣлаетъ и чѣмъ занимается въ такія критическія минуты, въ которыя ему, какъ государю и какъ военачальнику опытному, казалось бы, надлежало прежде всего обратить свой умъ и все свое вниманіе на предстоящую битву, ибо сею битвою должна рѣшиться судьба его и его царства? Что, говорю, дѣлаетъ онъ?.. Онъ въ пустынномъ убѣжищѣ своемъ стоитъ и молится, и для несомнѣннаго успѣха въ молитвѣ указываетъ на свое упованіе на Бога, которое уже исходатайствовало ему помощь отъ Святаго. *Господи, Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя отъ всѣхъ гонящихъ мя и избави мя.* Нѣтъ, Авессаломъ не такъ поступаетъ: дѣти, подобные Авессалому, всегда умнѣе дѣйствуютъ отцевъ своихъ. Вступивъ въ Іерусалимъ въ качествѣ царя и побѣдителя, онъ дѣлаетъ все, что только предписываетъ въ подобныхъ случаяхъ развращенная мудрость человѣческая; онъ не остается ни одной минуты въ бездѣйствіи, не теряетъ напрасно времени на праздную, по его мнѣнію, молитву, но помышляетъ о средствахъ утвердить себя на престолѣ, довольно еще не твердомъ, и одно за другимъ приводитъ въ исполненіе. Войска у него было много, но оно утомлено отъ пути и не имѣетъ еще полной довѣренности къ нему; надлежало воодушевить и ободрить его и заслужить его къ себѣ довѣренность, и для того онъ даетъ ему праздникъ истинно царскій; народъ, присягнувшій ему, могъ еще не довѣрять его твердости и опасаться примиренія его съ отцемъ, а потому дѣйствовать слабо и нерѣшительно для поддержанія его стороны: надлежало предупредить столь невыгодное состояніе духа народнаго и какимъ нибудь разительнымъ дѣйствіемъ показать народу всю невозможность подобнаго примиренія, и онъ, по совѣту Ахитофела, вос-

ходитъ на кровъ и предъ лицемъ всего Израиля оскверняетъ ложе отца своего; нельзя было думать, чтобы Давидъ, всю жизнь проведенный въ войнѣ со врагами, уступилъ ему престолъ безъ борьбы: надлежало приготовиться къ брани и онъ созываетъ совѣтъ, судить самъ и выслушиваетъ сужденія другихъ, взвѣшиваетъ мнѣнія, отвергаетъ одни и одобряетъ другія и наконецъ рѣшаетъ; Саулъ и Давидъ предъ начатіемъ каждой брани являлись, бывало, въ скинію и предъ кивотомъ завѣта вопрошали Бога о судьбѣ своего оружія, но Авессалому казалось средство это излишнимъ и бесплоднымъ, и потому онъ оставилъ его, смѣясь, вѣроятно, сему обычаю, какъ плоду суевѣрія предковъ: имѣя на своей сторонѣ народъ и войско, города и столицу, онъ не нуждался въ кожаной палаткѣ, въ которой, какъ вѣрили предки и увѣряли священники, будто-бы Богъ обитаетъ. Какая разительная противоположность между отцемъ и сыномъ! Давидъ и безъ скиніи ищетъ молитвеннымъ взоромъ своимъ Бога, обитающаго въ скиніи и обрѣтаетъ Его, а Авессаломъ и при скиніи не находитъ Бога, обитающаго въ скиніи: онъ видитъ въ ней не больше, какъ только кожаную палатку, устроенную суевѣріемъ предковъ и хитростію священниковъ,—за то слишкомъ противоположна и судьба ихъ: Давидъ торжествуетъ, а Авессаломъ погибаетъ, и погибаетъ не тѣломъ только, но и душою на вѣки.

Не менѣе разительна противоположность и во взаимныхъ чувствахъ одного къ другому. Авессаломъ дышетъ злобою и мщеніемъ, ненавистію и завистію къ отцу своему, а Давидъ скорбитъ и болѣзнуетъ, сокрушается и плачетъ о безразсудствѣ сына, извиняя его поступокъ молодостію и легкомысліемъ; Авессаломъ равнодушно выслушиваетъ намѣреніе Ахитофела—нечаянно напасть на Давида и убить его, и даже самъ готовъ вонзить мечъ въ сердце отца, столь нѣжно любящаго, не щадя

ни сѣдинъ, ни достоинствъ его и не помня его благодѣяній, а Давидъ умоляетъ и заповѣдуетъ всѣмъ и каждому сохранить жизнь отрока Авессалома, а получивъ извѣстie о смерти его, рыдаетъ неутѣшно о немъ и желаетъ лучше самъ умереть вмѣсто его, восклицая въ слезахъ: *сыне мой, Авессаломе, сыне мой, сыне мой, Авессаломе, кто дастъ мнѣ смерть вмѣсто тебе? Азъ вмѣсто тебе, Авессаломе, сыне мой, сыне мой Авессаломе* (2 Цар. 18, 30).

Ту же отеческую любовь выражаетъ Давидъ и въ словахъ своей молитвы къ Богу: *спаси мя отъ всѣхъ гонящихъ мя, и избави мя*, взываетъ онъ. Кто же гонящiе его? Не сынъ ли Авессаломъ возсталъ на него и возбудилъ другихъ? Не сынъ ли Авессаломъ поднялъ противъ него знамя бунта и ищетъ его погибели? Но Давидъ не упоминаетъ объ немъ, не обвиняетъ его въ неблагодарности, не жалуется на его ненасытимое честолюбiе, не проклинаетъ его звѣроподобнаго жестокосердiя, но что я говорю: звѣроподобнаго? Авессаломъ былъ жестокае звѣрей, свирѣбѣе и кровожаднѣе львовъ и тигровъ; ибо и звѣри любятъ родившихъ ихъ, питаютъ и оберегаютъ въ старости, а не растерзываютъ ихъ; не смотря на все это Давидъ не упоминаетъ даже имени его: для отческаго сердца его больно было назвать сына своимъ врагомъ и гонителемъ; онъ видитъ въ немъ только увлеченнаго, а не увлекшаго другихъ въ преступленiе, и потому молитъ Бога о спасенiи его отъ всѣхъ гонящихъ его, никого не именуя и ни на кого, въ частности, не возлагая вины преступленiя, но всѣмъ прощая прежде, нежели они будутъ просить его прощениа.

Избави мя, говоритъ онъ далѣе, *да не когда похитить, яко левъ душу мою, не сущу избавляющую, ниже спасающую*. Странное дѣло! Когда Давидъ былъ одинъ, съ небольшимъ только числомъ приверженныхъ къ себѣ, не почиталъ себя беззащитнымъ и питалъ даже надежду

увидѣть снова Иерусалимъ и кивотъ Господень, а теперь, когда окружаетъ его войско, полное отваги и усердiя къ нему; когда большая часть народа обратилась къ нему сердцами своими, онъ боится быть жертвою врага, *не сущу избавляющую, ниже спасающую его*. Что бы это значило? Не достаточно ли одного войска для того, чтобы избавить и спасти его? Нѣтъ, отвѣщаетъ онъ, не спасетъ того войско и народъ, кого не спасетъ Богъ. *Не спасется царь многою силою и исполнитъ не спасется множествомъ крѣпости своея* (Пс. 32, 17), и въ другомъ мѣстѣ: *не въ силѣ констѣй восхощетъ, ниже въ мыстѣхъ мужескихъ благоволитъ Господь. Благоволитъ же Господь въ боящихся Его и во уповающихъ на милость Его* (Псал. 146, 10). И такъ Давидъ, при видѣ войска, достаточнаго для пораженiя враговъ, боялся самаго себя, боялся, чтобы мысль его отъ надежды и упованiя на Бога не уклонилась къ надеждѣ и упованiю на войско, а онъ испыталъ уже нѣкогда и слишкомъ дорого заплатилъ за такое упованiе, и потому, предупреждая сiе вѣщнее бѣдствiе, говоритъ: *Избави мя Ты, Господи, ибо кромѣ Тебя нѣтъ у меня избавленiя*.

Вы, я думаю, не забыли, слушатели, въ какихъ тяжкихъ и болѣзненныхъ обстоятельствахъ находился пророкоцарственный Давидъ, когда произнесенъ имъ былъ рассматриваемый нами седмый псаломъ. Душа его была полна скорби мучительной и до такой степени, что казалось бы и не должно было оставаться мѣста для какого либо другаго чувства, кромѣ чувства скорби, и между тѣмъ изъ устъ его вы слышите не вздохи и стenaniя о злополучной своей участи, не вопли и проклятiя противъ сына неблагодарнаго, не упреки и порицанiя народу и войску мятежному, въ одну минуту забывшему всѣ его долготѣнiя заслуги и безчисленныя благодѣянiя и шум-

ною толпою съ торжественными кликами идущему ко вратамъ Іерусалима, дабы свергнуть его съ престола, толико имъ прославленнаго, поругаться надъ его сѣдинами, предъ которыми и враги иноплеменные оказывали свое почтеніе, и утолить жажду безразсудной мести своей въ крови его царственной, но что? вы слышите изъ скорбныхъ устъ его, подобно тихому журчанію ручья, стройно ліющюся предъ лице Божіе молитвенную лѣснь его. Когда все вокругъ его мятется и тревожится, или ропщеть, или ужасается, или дышетъ мщеніемъ, или безмолвствуетъ отъ унынія, Давидъ одинъ, покойный и мирный, возводитъ орошенные слезами очи къ небу и туда возсылаетъ мольбу свою. О! какъ жестоко постыждаетъ насъ примѣръ Давида, спокойно и благодушно молящагося въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ, когда всякій другой на его мѣстѣ, пораженный и растроенный внезапною перемѣною счастья и славы въ состояніе бѣдствія и уничтоженія, вѣроятно, не нашелъ бы ни словъ, ни мыслей, ни памяти, ни чувства для молитвы, и даже легко могъ бы повергнуться въ безотрадное состояніе унынія и отчаянія, насъ, которые, и при легкихъ непріятностяхъ и огорченіяхъ, при малѣйшемъ прираженіи къ намъ непріязненныхъ случаевъ, чувствуемъ уже себя неспособными къ молитвѣ, винимъ Провидѣніе, что оно само же лишаетъ насъ возможности и способности наслаждаться собесѣдованіемъ съ Нимъ, и безразсудно выжидаемъ для сего лучшаго времени и лучшихъ обстоятельствъ, когда, по нашему мнѣнію, духъ молитвенный самъ собою прійдетъ къ намъ, возбудитъ усыпленную душу и воспламенитъ охладѣвшія чувства. Суетное ожиданіе! Духъ молитвы никогда не прійдетъ къ намъ, если мы сами не призовемъ его къ себѣ, а чтобы онъ всегда былъ послушенъ призыванію нашему, для сего нужно, по наставленію Спасителя, непрестанно бдѣть и бодрствовать

надъ самими собою, надъ своими склонностями и пожеланіями, надъ своими мыслями и поступками, и постоянно содержать ихъ въ направленіи къ невидимому вездѣ-присутствію Божію, или, что тоже, выну зрѣть Бога предъ собою, яко одесную себе, къ Нему непрестанно обращаться и умоумъ, и сердцемъ, и мыслию, и взоромъ; Ему повѣрять судьбу свою и свои надежды, въ Немъ искать для себя и защиты, и покрова, и подкрѣпленія, и утѣшенія; къ Его опредѣленіямъ о насъ прислушиваться и въ нихъ успокоиваться, по примѣру Давида, который говорилъ въ минуту опасности самъ съ собою: *услышу, что речетъ о мнѣ Господь*, и потомъ, услышавъ во глубинѣ души своей утѣшительный отвѣтъ, радостно воскликнулъ: *речетъ миръ на люди своя и на преподобныя своя и на обращающія сердца къ Нему* (84, 9). Только такая постоянная бдительность надъ собою и непрестанное общеніе съ Богомъ или, по выраженію древнихъ, хожденіе предъ лицемъ Божіимъ, дѣлають человека способнымъ достойно молиться во всякое время и во всякомъ случаѣ и мужественно отражать, или выдерживать удары всѣхъ возможныхъ бѣдствій. *Бдите и молитесь*, говоритъ небесный Учитель, *да не увидите въ напасть*. Кто не приучилъ себя поступать такимъ образомъ, кто, хотя на одну минуту, такъ сказать, исторгалъ себя изъ присутствія Божія, предполагая въ другое болѣе удобное время легко возвратиться въ оное, тотъ не молится и тогда, когда молится; тотъ безъ Бога и тогда, когда думаетъ бесѣдовать съ Богомъ. Вотъ почему и мы, братія, такъ часто, чтобы не сказать всегда, испытываемъ въ себѣ неготовность и нерасположенность къ молитвѣ, какую-то непонятную тягость, нестерпимую скуку и ужасное утомленіе во время продолженія оной, между тѣмъ какъ утѣхи міра, забавы свѣта и даже дѣла житейскія, сами по себѣ тяжкія и изнурительныя, всегда

находять насъ для себя и готовыми и сильными и бодрыми и неутомимыми.

Но примѣръ Давида, и въ смутные часы бѣдствій, внезапно его постигшихъ, спокойно и благодушно молящагося, постыждая наше малодушіе и нерадѣніе, не только научаетъ насъ молиться, но и вмѣстѣ показываетъ, какъ должны молиться, дабы быть, подобно ему, услышанными. И такъ, смотрите и внимайте! *Господи, Боже мой*, взываетъ онъ изъ глубины души, отягченной бременемъ, *на Тя уповахъ, спаси мя отъ всѣхъ гонящихъ мя и избави мя*. Какая нѣжность въ словахъ, какая сила въ чувствахъ, какая возвышенность въ мысляхъ, какая святость и чистота въ желаніяхъ и намѣреніяхъ, какое глубокое смиреніе предъ судьбами Вышняго, всегда благими и всегда праведными, и какая безпредѣльная преданность въ волю Его! Давидъ видитъ въ своемъ бѣдствіи наказаніе Божіе, но не ропщетъ, а смиряется и благоговѣнно лобызаетъ руку, его поражающую. Называя Бога своимъ Богомъ и Господомъ, признаетъ чрезъ то себя рабомъ Его и отъ Него ожидаетъ, отъ Него единого проситъ себѣ защиты и помилованія: *Господи, Боже мой*, вопіетъ онъ, *спаси мя*. Называетъ Его своимъ Господомъ и Богомъ не потому, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, что какъ будто-бы хотѣлъ исключить другихъ изъ-подъ Его владычества и себѣ одному усвоить Его, а по чрезвычайной горячности и преданности къ Нему, такъ же, какъ и самъ Богъ, по особенной любви и благоволенію къ праведнымъ Аврааму, Исааку и Іакову, называетъ Себя исключительно Богомъ сихъ праведниковъ: *Азъ есмь Богъ Авраамовъ, Исааковъ и Іаковъ*, говоритъ Онъ Моисею при купинѣ. Давидъ не крови враговъ своихъ жаждетъ, а ищетъ только своего спасенія; не проситъ Бога своего ниспослать на нихъ громы и молніи на пораженіе ихъ, а только желаетъ и молить, чтобы Онъ избавилъ

его отъ нихъ. *Спаси мя и избави мя отъ всѣхъ гонящихъ мя*, и почему? Фарисей Евангельскій безъ сомнѣнія сказалъ бы: потому, что я праведникъ, а они грѣшники; я знаю Твой законъ и исполняю его заповѣди; пощуся въ субботы, даю десятинны; а они во грѣхахъ родились, во грѣхахъ и живутъ; но Давидъ не такъ поступаетъ: *спаси мя, Господи, Боже мой*, говоритъ онъ, *и избави мя отъ всѣхъ гонящихъ мя* не потому, чтобы я заслуживалъ лучшей участи правдою моею; нѣтъ, я не больше, какъ непотребный рабъ твой, всегда виновный предъ Тобою, и потому достойный вящаго наказанія, я знаю суды Твои, сколь они праведны: *оправдишися, внигда судити Ти*, и потому не смѣю пререкать опредѣленіямъ Твоимъ; но спаси мя и избави мя не по заслугамъ моимъ, а по Твоей единой благодати, спаси мя потому, что я на Тебя уповахъ: *Господи, Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя*. Не ради меня, но ради Тебя, Господи, *ради имени Твоего избави мя, да не рекуть врази мои: гдѣ есть Богъ его, на Него же упова? теперь пусть превитаетъ по горамъ, яко птица* (Псал. 10 1), *да вси видящїи мя не поругаются, глаголюще устнами и покивающе главою: упова на Господа, да избавитъ его, да спасетъ его, яко хочетъ его* (Псал. 21, 9). Видите, братія, что мужи праведные въ самыхъ злключеніяхъ своихъ заботятся, скорбятъ и болѣзнуютъ не столько о себѣ, сколько о вѣрѣ, вмѣстѣ съ ними и въ лицѣ ихъ страждущей; хотятъ торжества надъ нечестивыми, но не для того, чтобы насладиться торжествомъ симъ, какъ праведнымъ воздаяніемъ нечестію и возмездіемъ за свое терпѣніе, а для того, чтобы оправдать свою надежду на Господа, защитника неповинныхъ, посрамить злохуленія беззаконниковъ и огрндить имя Божіе отъ несправедливыхъ упрековъ и порицаній. Между тѣмъ, сколь они человѣколюбивы въ отношеніи къ врагамъ своимъ—это видно на Давидѣ, даже

въ настоящемъ случаѣ. Давидъ клянется предъ лицомъ Божиимъ, что онъ никогда не платилъ зломъ за зло, въ противномъ случаѣ самъ осуждаетъ себя на конечную погибель. *Аще воздахъ, говоритъ онъ далѣе, воздающимъ ми зло, да отыду убо отъ врагъ моихъ твоихъ; да поженеть убо врагъ душу мою, и да постигнетъ, и попереетъ въ землю животъ мой, и славу мою въ персть вселитъ* (ст. 5. 6). Т. е., если я когда либо мстилъ врагамъ моимъ, то пусть враги мои настигнутъ меня и погубятъ смертію жестокою и мучительною.

Любовь Давида ко врагамъ своимъ видна и изъ того, что онъ, прося у Бога защиты отъ преслѣдованія ихъ, никого изъ нихъ не укоряетъ, никого не порицаетъ, никого даже не упоминаетъ, а всѣмъ ихъ заключаетъ подъ общимъ именемъ гонящихъ его. *Спаси мя отъ всѣхъ гонящихъ мя.* Любовь его не различаетъ въ нихъ ни Авессалома, сына столько имъ любимаго, а теперь столь жестоко къ нему неблагодарнаго, ни Ахитофела, военачальника, столько къ нему близкаго, а теперь воздвигшаго знамя бунта противъ своего благодѣтеля, ни Семея, царедворца льстиваго, столь долго и много пользовавшагося его милостями, а теперь пришедшаго къ нему напомнить о себѣ камнями и грязью, бранью и угрозами. Для любви Давидовой есть враги, отъ которыхъ онъ бѣжитъ и отъ которыхъ проситъ у Бога избавленія, но нѣтъ ни одного врага, которому бы онъ хотѣлъ отмстить хотя жалобнымъ или укорительнымъ словомъ.

Давидъ знаетъ опасность своего положенія, но боится не столько тѣхъ враговъ, которыхъ видитъ предъ собою, сколько другаго врага, котораго не видитъ, о которомъ однакоже знаетъ, что онъ *ходитъ, яко левъ рыкаль, искій кого поглотити*, и ему-то особенно, его кознямъ и ухищреніямъ приписываетъ Давидъ и честолюбивые замыслы

Авессалома, и коварные планы Ахитофела, и безразсудную дерзость Семея, и ослѣпленіе войска и заблужденіе народа, и потому онъ всего болѣе опасается сего врага жестокаго и неумолимаго, *да не когда онъ похититъ и его душу, яко левъ, не сушу избавляющую, ниже спасающую.* Опасеніе Давида было не безъ причины. Хусій извѣстилъ уже его, что совѣтъ Ахитофеловъ, столь для него страшный, уже разрушенъ; самъ Ахитофель, огорченный пренебреженіемъ совѣта своего, удавился; Авессаломъ и войско въ столицѣ безчинствуютъ; оставшіеся послѣ Ахитофела военачальники не имѣютъ ни силы, ни искусства его; народъ, вразумленный безчинствами царя-самозванца, ропщетъ и сожалеетъ о Давидѣ. Съ другой стороны Давидъ видѣлъ, что небольшая свита его вѣрныхъ служителей, сопровождавшая его въ бѣгствѣ, неожиданно увеличилась многочисленнымъ войскомъ, для котораго не трудно было, по видимому, разсѣять и уничтожить беспорядочную, хотя и многолюдную, толпу мятежниковъ, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ Давида были военачальники знаменитые и опытные: Іовавъ, Авесса и Еффей, между тѣмъ какъ на сторонѣ Авессалома не было ни одного имъ равнаго. Чего же, казалось бы, опасаться Давиду, когда обстоятельства сами собою столь благопріятно устроились въ пользу его. Опасался онъ сихъ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, сего многочисленнаго войска, или, лучше сказать, опасался самаго себя, своего собственнаго сердца, т. е. боялся Давидъ, дабы оно, при сей благопріятной перемѣнѣ, не оскудѣло въ упованіи на Бога и не лишило чрезъ то благоволенія Божія. Да, возлюбленные братія! Не враги внѣшніе опасны: *да не когда похититъ* (врагъ) *яко левъ душу мою, не сушу избавляющую, ниже спасающую* (ст. 3). Видите смиренномудріе Давида: его окружаетъ народъ, одушевленный къ нему любовію; войско сильное и многочисленное,

готовое умереть за него; военачальники искусные и опытные, не разъ доказавшіе ему свою преданность непоколебимую,—все это видит и знаетъ Давидъ, и однакожъ говорить, что нѣтъ у него избавляющаго, ниже спасающаго. Знаетъ также и чувствуетъ онъ, что и его рука не разучилась еще поражать и побѣждать враговъ, что его мышцы довольно еще крѣпки и сильны и что въ его сердцѣ не погасъ еще прежній духъ мужества и отваги, и при всемъ томъ взываетъ онъ къ Богу крѣпкому и живому, что нѣтъ у него избавляющаго, нѣтъ спасающаго. Онъ знаетъ, наконецъ, и слышитъ, что Авессаломъ слишкомъ слабъ и безразсуденъ, чтобы измѣрять силы свои съ мужемъ силы, совѣта и браней отъ юности его; что непріятельское войско страшно только числомъ, но слабо и разстроено по недостатку единства и порядка; что новый царь-самозванецъ успѣлъ уже въ одинъ день потерять и любовь народа и уваженіе двора, и довѣренность войска; что если онъ еще держится на престолѣ, то потому только, что его имя, его лице, или, лучше сказать, одна его тѣнь нужна для поддержанія и продолженія безпорядковъ своевольства и безначалія,—и, не смотря на то, Давидъ почитаетъ не только возможнымъ, но и совершенно вѣрнымъ, что и слабый врагъ, яко левъ, можетъ удобно восхитить его душу, *не сущу избавляющу, ниже спасающу*. Кто же этотъ Избавляющій и Спасающій, безъ котораго благочестивый царь Израилевъ, при всѣхъ человѣческихъ средствахъ защиты и безопасности, не находить себя еще довольно безопаснымъ, и въ которомъ одномъ чае обрѣсти свою безопасность? Это—Богъ, слушатели, къ Которому онъ выше обращался съ мольбою своею о защитѣ и помощи, взывая: *Господи, Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя и избави мя*. Безъ Него дѣйствительно всѣ человѣческія пособія, сколько бы ни были, по видимому, огромны и надежны, совершенно ничтожны

и часто даже обращаются въ пагубу тѣмъ, кто на нихъ возложить надежду свою. Онѣ подобны, по словамъ пророка, *жезлу тростяну сокрушенну, на него же еще опрется мужъ, увидетъ въ руку его и прободетъ ю* (Иса. 36, 6), или *стѣнь восклоненной*, которая внезапнымъ паденіемъ своимъ сокрушитъ всѣхъ почившихъ подъ нею, *яко сосуды глинны, отъ глины дробны, такъ что послѣ не можно будетъ обрѣсти въ нихъ и чрепа, имъ же огонь возмеш и въ онъ же вліеш воды мало* (Иса. 30, 13. 14). Давидъ зналъ это, вѣрилъ и не разъ исповѣдывался предъ лицемъ Господа, что суетна надежда на князей земли и всѣхъ сыновъ человѣческихъ, *въ нихъ же нсть спасенія: изыдетъ духъ ихъ, и возвратятъ въ землю свою: въ той день погибнутъ вся помышленія ихъ* (Псал. 145, 4); что *благо есть надѣятися на Господа, нежели надѣятися на чловѣка, благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи* (Псал. 117, 8. 9); зная же сіе, тѣмъ меньше довѣрять первымъ и тѣмъ больше уповалъ на послѣдняго; не отвергалъ и первыхъ, потому что признавалъ ихъ орудіями промысла Божія, но искалъ и чаялъ обрѣсти себѣ помощь и защиту въ единомъ токмо Господѣ. Господи, Боже мой, вопіялъ онъ, на Тя единого уповаю, спаси мя и избави мя; не сущу Ти избавляющу, ниже спасающу мя, злобный врагъ, яко левъ, похититъ душу мою, при всемъ множествѣ защищающихъ меня. Ты, Господи, буди мнѣ помощникъ, и затѣмъ не убоюсь, что сотворитъ мнѣ чловѣкъ, Ты буди мнѣ защитникъ, и азъ воззрю на враги моя.

Такимъ образомъ, въ молитвѣ Давида, гонимаго и преслѣдуемаго, мы, во-первыхъ, научаемся тому, что главная и первая забота молящагося должна быть обращена на то, чтобы всякое надѣяніе на человѣческую помощь и на всѣ внѣшнія пособія было совершенно изгнано изъ сердца; чтобы ни одна мысль, ни одно желаніе, ни одно

намѣреніе и предположеніе не останавливались и не утверждались на чемъ либо другомъ, кромѣ Бога: потому что все, что не есть Богъ, можетъ и должно служить намъ въ тользу, только не иначе, какъ по соизволенію Божію; въ противномъ же случаѣ самыя крѣпкія опоры падаютъ и самыя вѣрныя расчеты оказываются на дѣлѣ суетными и ничтожными, и чтобы въ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ жизни видѣль онъ только руку Божію, всѣмъ движущую и всѣмъ распоряжающую, и отъ нея единой ожидалъ и искалъ своего спасенія, ибо десница только Господня творить силу, десница Господня возноситъ насъ.

Но возвратимся къ Давиду молящемуся. *Господи, Боже мой*, говоритъ онъ далѣе, *аще сотворишъ сіе, аще есть неправда въ руку мою, аще воздахъ воздающимъ ми зло, да отпаду убо отъ врагъ моихъ тощъ, да поженеть убо врагъ душу мою, и да постигнетъ, и попересть въ землю животъ мой и славу мою въ персть вселитъ* (ст. 4—6). Отъ Бога Давидъ обращается къ самому себѣ, отъ неба низводитъ очи свои въ бездну своей совѣсти и, взоромъ судіи строгаго и нелицепріятнаго разсматривая и повѣряя всѣ свои поступки, всѣ тайные помыслы и сердечныя желанія, испытуетъ, не сдѣлалъ ли онъ когда либо, или, по крайней мѣрѣ, не пожелалъ ли и не желаетъ ли чего либо, достойнаго постишей его участи; ибо онъ знаетъ, что въ такомъ случаѣ и молитва его тщетна и надѣяніе суетно, доколѣ не заглядитъ своихъ поступковъ покаяніемъ и не отринетъ отъ сердца своего бѣззаконныхъ желаній, и среди сего самоиспытанія вдругъ восклицаетъ: *Господи, Боже мой! аще сотворишъ сіе, аще есть неправда въ руку мою, да отпаду убо отъ врагъ моихъ тощъ* и проч. Вотъ второй урокъ въ молитвѣ Давидовой для назиданія нашего!

Т. е. не довольно молиться, но и при молитвѣ надобно строго и безпристрастно испытывать и повѣрять себя—нѣтъ ли чего либо въ насъ, и даже въ самой молитвѣ нашей, препятствующаго успѣху молитвы. Для успѣха же молитвы нужно, во-первыхъ, чтобы мы были достойны, по жизни нашей, получить то, о чемъ просимъ: такъ молился Корнилій сотникъ и получилъ просимое; во-вторыхъ, чтобы молились сообразно съ закономъ Божіимъ, а не по своему вымыслу и изобрѣтенію: такъ молился Ааронъ, и слава Божія не разъ озаряла скинію при молитвѣ его; въ третьихъ, чтобы молились тщательно, со всѣмъ усердіемъ и постоянствомъ: такъ молилась упоминаемая въ Евангеліи Сирофиникіанка, и была услышана; въ четвертыхъ, чтобы молились не о земномъ, а о небесномъ, а если и о земномъ, то для небеснаго: такъ молился Соломонъ о дарованіи ему премудрости, и, похваленъ бывъ отъ самаго Бога за молитву свою, получилъ въ избыткѣ не только то, о чемъ просилъ, но и то, чего не просилъ. *За неже просилъ еси отъ Мене глагола сего*, сказалъ ему Господь по молитвѣ, *и не просилъ еси отъ Мене ни дней многихъ, ниже богатства, ниже душъ врагъ твоихъ, но просилъ еси разума, еже слышати судъ: се сотворишъ по глаголу твоему, и еже не просилъ еси, дахъ тебѣ и богатство, и славу* (3 Цар. 3, 11—13); въ пятыхъ, чтобы въ молитвѣ мы исправляли для себя только полезное: такъ Давидъ молился о сынѣ своемъ Соломонѣ и просилъ Бога, чтобы далъ ему сердце смысленно, во еже судити люди: *сыну же моему Соломону даждь сердце смысленно*, и сердце смысленное дано ему; такъ молился и самъ Соломонъ, прося Бога избавить его отъ богатства и нищеты, а дать только потребное и необходимое для жизни: *богатства же и нищеты не даждь ми*, говорилъ онъ въ молитвѣ своей, *но потребная и самодовольная да будутъ ми*, и молитва его

была услышана; въ шестыхъ, чтобы въ молитвѣ своей мы и судьбу и всѣ дѣла свои повергали въ волю Божию: такъ молился Иисусъ Христосъ о крестной своей чашѣ: *Отче, взываль Онъ, да мимо идетъ чаша сия, обаче не яко же Азъ хочу, но яко же Ты, и, по свидѣтельству Апостола, услышанъ бысть отъ благоговѣнства;* такъ повелѣлъ Онъ и намъ молиться къ тому же Отцу небесному: *Отче нашъ! да будетъ воля Твоя, якоже на небеси, и на земли,* научаль насъ взывать къ небесному Отцу нашему. Кто, при совершении молитвы, не соблюдаетъ сихъ условій или всѣхъ, или хотя одного изъ нихъ, тотъ лишается плода своей молитвы, и это случается не только съ людьми грѣшными и нечестивыми, но и съ мужами праведными. Такъ Моисей Боговидецъ молился, чтобы ему дозволено было войти въ землю обѣтованную и молитва его была отринута: *довлѣтъ ти,* сказано ему было, *не приложи къ сему глаголати словесе сего* (Втор. 3, 26). Такъ апостоль Павелъ самъ о себѣ рассказываетъ, что онъ *трикратно Господа молилъ, да отступитъ отъ него ангелъ сатанинъ,* и сія троекратная молитва осталась безъ успѣха, ибо въ отвѣтъ ему было сказано: *довлѣтъ ти благодать моя, сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 8. 9). Такъ пророкъ Іеремія, услышавъ грозное прещеніе Господа на всю Іудею и живущихъ въ ней, неоднократно молился о помилованіи ихъ, и получилъ отказъ. *Ты же не молися о людехъ сихъ, вѣщаль къ нему Господь, и не проси, еже помилованнымъ быти имъ, и не моли, ниже приступай ко Мнѣ о нихъ, яко не услышу тя. Еда не видиши, что сіи творятъ во градѣхъ Іудиныхъ и на путехъ Іерусалимскихъ* (Іер. 7, 16. 17)? Давиду извѣстенъ былъ сей порядокъ судебъ Божіихъ, и потому, чтобы молитва его не осталась тщетною, онъ прежде испытуетъ свою совѣсть, съ свѣтильникомъ вѣры и закона обозрѣ-

ваетъ свою жизнь, взвѣшиваетъ поступки, разсматриваетъ побужденія, судить и оцѣниваетъ помышленія и мысли сердечныя, и потомъ, съ увѣренностію о своей неповинности, взываетъ ко Господу, защитнику неповинныхъ: *Господи, Боже мой! аще сотворихъ сіе, аще есть неправда въ руку мою, да отпаду убо отъ врагъ моихъ тощъ.* Вникая въ сокровенный смыслъ сего воззванія, нельзя не замѣтить, что при семъ самоиспытаніи первая мысль бѣдствующаго царя и пророка остановилась на законѣ праведнаго возмездія, положеннаго Правосуднымъ въ непреложное основаніе судебъ человѣческихъ, на законѣ, который Иисусъ Христосъ ясно выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: *въ юзѣ мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ.* Остановивъ свое вниманіе на семъ законѣ, Давидъ думаль самъ съ собою и вопрошалъ себя: любимый сынъ мой теперь меня преслѣдуетъ и ищетъ души моей; не нарушилъ ли и я моей обязанности въ отношеніи къ моимъ родителямъ, всегда ли былъ къ нимъ почтителенъ, постоянно ли сохранялъ къ нимъ мою любовь и преданность? О! нѣтъ, нѣтъ, я вѣрно сохранилъ сію обязанность; я искренно любилъ и сердечно чтилъ ихъ; я, какъ покорный сынъ, всегда благоговѣлъ предъ ними. Но *аще сотворихъ сіе,* если я въ чемъ либо законномъ преслушалъ волю ихъ, если я не любилъ ихъ паче всего на земли, кромѣ Бога единого, *да отыду убо отъ врагъ моихъ тощъ.* Дѣти! внимайте Давиду, глаголющему предъ лицомъ Божіимъ, напечатлѣйте слова его въ сердца свои, и примѣръ его осуществите въ дѣлахъ вашихъ!

Пророкъ, осмотрѣвъ свою совѣсть и повѣривъ дѣла съ безпристрастіемъ судіи строгаго и правосуднаго, и не нашедши ни въ первой, ни въ послѣднихъ ничего предосудительнаго и порочнаго, что, конечно, могло бы препятствовать успѣху молитвы: ибо *вѣмъ,* говорилъ евангель-

скій слѣпецъ, яко грѣшники Богъ не послушаетъ, но аще кто Богоутецъ есть и волю Его творитъ, того послушаетъ (Юан. 9, 31), благонадежно уже взываетъ къ Богу, защитнику неповинныхъ: *воскресни, Господи, шльвомъ Теомъ, вознесися въ концахъ врагъ твоихъ, и востани, Господи Боже мой, повелѣнїемъ, имъ же заповѣдалъ еси, и сонмъ людей обыдетъ тя, и о томъ на высоту обратишя*. Т. е. встань, Господи, во гнѣвъ твоимъ, подвигнись противъ буйства гонителей моихъ, пробудись на помощь мнѣ, открой судъ, и сонмъ народовъ станетъ вокругъ Тебя: надъ нимъ взойди на высоту (ст. 7. 8). Пророкъ, говоря такимъ образомъ, показываетъ, что Богъ можетъ воставать и не во гнѣвъ. Такъ онъ самъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *воскресни, Господи, спаси мя, Боже мой* (псал. 3, 8). Когда же слышишь пророка, возбуждающаго Бога къ востанію, какъ будто отъ сна, тогда не представляй себѣ ничего тѣлеснаго, человѣческаго. Ибо, какъ не тѣлесно должно понимать о Богѣ, когда говорится въ писанїи, что Онъ сидитъ, такъ не тѣлесно тоже должно разумѣть, когда говорится объ Немъ, что Онъ встаетъ. О сидѣнїи пророкъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *Богъ сидитъ на престолѣ святлмъ своемъ* (псал. 46, 9). А каковъ этотъ престолъ? послушайте о семъ его же самаго: *престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка*, говоритъ онъ (псал. 44, 7). И такъ, сидѣніе Божіе есть сидѣніе вѣчное. Что же этимъ означается? Твердость, постоянство, непоколебимость и неизмѣняемость существа Божія; потому-то и сказано: *Господь сядетъ, Царь во вѣки* (псал. 28, 11). А какъ сидѣніе, въ частности, означаетъ царскую власть: *сиди одесную Мене*, говоритъ Богъ Отецъ Сыну Божію, прїемлющему царство, прїобрѣтенное кровію Его; то сидѣніе Божіе означаетъ какъ непоколебимость и неизмѣняемость существа Божія, такъ и непоколебимость и непрѣмѣняемость Его царства. Но законъ сего Царя и царства

есть законъ любви, всегда и всѣхъ милующей и всѣмъ желающей блага и блаженства совершеннѣйшаго, такъ какъ и самое существо Божіе, по свидѣтельству Юанна Бого-слова, есть любовь высочайшая: *Богъ любви есть*, говоритъ онъ. И такъ, доколѣ Богъ дѣйствуетъ въ своемъ царствѣ по сему закону любви, или, что тоже, по природѣ своей, преисполненной благодати и любви, дотолѣ сей образъ Его дѣйствія называется сидѣніемъ Его; но какъ скоро наши неправды и беззаконія вызываютъ Его, такъ сказать, изъ Его собственной природы, и Его любовь, по крайней мѣрѣ для насъ, превращаютъ въ правосудіе, судящее и наказующее оныя, тогда это состояніе Бога, иначе дѣйствующаго на насъ, нежели какъ дѣйствовалъ Онъ доселѣ, называется, въ отношенїи къ намъ, востаніемъ. Слѣд., востаніе Божіе, на языкѣ пророка, означаетъ воспрїятіе Богомъ права суда и наказанія. Но что значить выраженіе: гнѣвомъ, или во гнѣвъ Твоимъ? Симъ выраженіемъ усиливается мысль, заключающаяся въ предыдущемъ словѣ: востать или воскреснуть, т. е. встань для наказанія. Но здѣсь опять слово-*гнѣвъ* должно разумѣть въ значенїи приличномъ Богу; ибо въ Богѣ гнѣвъ не означаетъ возмущеннаго состоянїя, а только власть и силу наказывать. Послѣдующія же за тѣмъ слова: *подвигнись противу буйства гонителей моихъ, пробудись на помощь мнѣ, открой судъ*—служать только повтореніемъ или объясненіемъ сей самой мысли, такъ какъ и вообще должно замѣтить, что пророки, желая быть удобопонятнѣе для другихъ, имѣютъ обыкновеніе объяснять въ другой половинѣ стиха то, о чемъ сказали въ первой половинѣ. Очевидно, что пророкъ сими словами возбуждаетъ Бога къ наказанію враговъ своихъ. Слушая такимъ образомъ говорящаго пророка, съ перваго раза подумаешь, не забылъ ли онъ свое недавнее исповѣданіе, въ которомъ утверждалъ, что онъ никогда не воздавалъ зломъ за зло: *аще воздахъ*

*воздающимъ ми зла, говорилъ онъ, да отпаду убо отъ врагъ моихъ твоихъ, а теперь какъ будто желаетъ сего воздаянiя и не только самъ желаетъ, но дерзаетъ и Бога призывать къ тому же. Что бы это значило? Отъ чего произошла такая внезапная перемена въ мысляхъ пророка? ибо, что почиталъ онъ прежде непозволительнымъ для себя, то почитаетъ теперь не только позволительнымъ, но законнымъ и необходимымъ для Бога. Не чрезвычайность ли бѣдствiй вывела его, наконецъ, изъ терпѣнiя и вынудила изъ него сiе желанiе и сiе призванiе? Нѣтъ, но ревность по славѣ Божiей, уничижаемой и поругаемой отъ ненаказанности враговъ Его. На сiю причину указываетъ самъ пророкъ въ слѣдующемъ стихѣ; ибо сказавъ: *воскресни, Господи, гнѣвомъ твоимъ и вознесися въ концахъ врагъ твоихъ*, онъ присовокупляетъ далѣе: *и сонмъ людей обидеть Тя*, т. е. прославить твою силу и правду, явленные въ защитѣ неповиннаго и въ наказанiи нечестивыхъ. И такъ, пророкъ и въ настоящемъ случаѣ вѣренъ своимъ началамъ; ибо и здѣсь онъ заботится не о себѣ, а о Богѣ, не объ отищенiи врагамъ своимъ за свою обиду и притѣсненiя, но о поддержанiи славы Божiей противу укоризнъ и порицанiй беззаконниковъ. Такъ мужи праведные всегда и во всемъ одну имѣютъ въ виду цѣль—славу Божию, и для сей цѣли все предпринимаютъ, все дѣлаютъ, на все отваживаются и все переносятъ. *Вся во славу Божию творите*, говоритъ апостоль. Вотъ правило дѣятельности общее для праведниковъ Ветхаго и Новаго Завѣта; ибо законоположникъ того и другаго Завѣта есть одинъ и тотъ же Богъ.*

И сонмъ людей обидеть Тя, и о томъ на высоту обратися (ст. 8). Сими словами пророкъ намекаетъ на тотъ образъ пѣснопѣнiй во славу Божию, какой употребителенъ былъ сначала въ Скинии, а потомъ во храмѣ Иерусалимскомъ. Тамъ хоры пѣвцовъ, составивъ изъ себя обшир-

ный кругъ, при звукѣ гуслей и тимпановъ, при стройныхъ тонахъ кимваловъ доброгласныхъ и псалтири десятиструнной, воспѣвали Богодухновенныя пѣсни въ честь Бога Израилева; въ семъ положенiи представлялись взору вѣрующаго какъ-бы окружающими Бога, невидимо среди ихъ присутствующаго. О семъ-то благолѣпномъ и усладительномъ для всякаго вѣрнаго Израилтянина зрѣлищѣ молить и просить пророкъ и его предрекаетъ, по торжествѣ надъ врагами своими. Но сiе благолѣпное зрѣлище, при всемъ велелѣпiи своемъ, сколь мало важно въ сравненiи съ тѣмъ, какое ежедневно представляетъ намъ Христіанская Церковь во храмахъ своихъ, гдѣ не человѣки токмо, но сонмы Ангеловъ вмѣстѣ съ человѣками воспѣваютъ трисвятую пѣснь Богу тріединому, и гдѣ самъ Сынъ Божiй не духовно токмо—своею благодатию, но и вещественно—въ таинственныхъ видахъ Тѣла и Крови своея присутствуетъ, но, не смотря на то, мы нерѣдко бываемъ равнодушными при семъ зрителями, иногда испытываемъ нестерпимую скуку и отягощенiе, а часто даже намѣренно уклоняемся отъ посѣщенiя храмовъ Божiихъ, дабы не быть даже невольными свидѣтелями и участниками въ семъ божественномъ зрѣлищѣ. Что, еслибы увидѣлъ насъ въ семъ состоянiи пророкъ Израилевъ? Не воскликнулъ ли бы и объ насъ, какъ нѣкогда о врагахъ своихъ, по ревности о славѣ Божiей: *воскресни, Господи, гнѣвомъ и вознесися въ концахъ врагъ Твоихъ*, недостойно нарицающихся именемъ Христа Твоего. Но дадимъ славу, братiя, Божию долготерпѣнiю; оно доселѣ щадитъ насъ, ибо ожидаетъ нашего покаянiя и исправленiя.

И о томъ, продолжаетъ пророкъ, *обратися на высоту, или точиѣе, надъ нимъ взойди на высоту. Надъ чѣмъ это—надъ нимъ? Надъ сонмомъ людей, прославляющихъ Бога, избавителя напрасно-утѣсненныхъ и невинно-страдающихъ. Доколѣ ложъ и коварство торжествуютъ, а не-*

винность и простодушіе бѣдствуютъ, дотолѣ Богъ унижается, не Самъ впрочемъ въ Себѣ, ибо Онъ всегда высокъ и равенъ Самому Себѣ, а во мнѣніи людей слѣпоствующихъ, не постигающихъ тайны судебъ Божіихъ; но когда нечестіе наказуется, а правда изводится, яко полудне, тогда высокая мышца Его видна и ощутительна бываетъ и для самыхъ неразумныхъ; тогда самые враги Его невольное оказываютъ предъ Нимъ благоговѣніе; тогда Онъ, такъ сказать, возносится на высоту изъ юдоли пренебреженія, въ которую повергло Его неразуміе человѣческое. Пророкъ, снѣдаемый ревностію по славі Божіей, скорбитъ о первомъ и желаетъ послѣдняго, и потому, въ подкрѣпленіе надежды своей, присовокупляетъ: *Господь судитъ людей*, ибо за судомъ естественно слѣдуетъ однимъ награда, а другимъ наказаніе. Видите, братія, что и здѣсь пророкъ сокрушается не столько о своихъ бѣдствіяхъ, сколько объ униженіи славы Божіей, которую хочетъ, чтобы она открылась въ судѣ и наказаніи нечестія. Призывая же на судъ Бога Сердцевѣдца, онъ не щадитъ и себя, ибо проситъ Его: *суди ми, Господи, по правдѣ моей и по незлобѣ моей на мя*, т. е., если обрящусь неправымъ предъ Тобою, да будетъ мнѣ по дѣломъ моимъ. Для чего же всего этого желаетъ и проситъ пророкъ? Для того, говоритъ онъ, *да скончается злоба грѣшныхъ, и исправши праведнаго, испытай сердца и утробы, Боже, праведно*, т. е., да пресѣкнутся успѣхи нечестивыхъ и подкрѣплятся праведные. Не видите ли и здѣсь того же самоотверженія Пророка?

Помощь моя отъ Бога, спасающаго правыхъ сердцемъ.
ст. 11. *Богъ судитель праведенъ, и крѣпокъ, и долготерпѣливъ, и не гнѣвъ наводи на всякъ день*, ст. 12. Пророкъ продолжаетъ ободрять и утверждать себя въ надеждѣ и упованіи на Бога, и вотъ что особенно его

успокоиваетъ въ семь случаевъ: съ одной стороны—его собственная правда сердца, а съ другой—правосудіе, всемогущество и долготерпѣніе Божіе. Правда сердца служитъ для него залогомъ, что Богъ не оставитъ его безъ своей защиты и помощи, правосудіе Божіе предвѣщаетъ ему, что Богъ не попуститъ восторжествовать надъ нимъ врагамъ его; всемогущество Божіе показываетъ, что Богъ силенъ извлечь праведнаго изъ самой бездны адовой, а долготерпѣніе Божіе объясняетъ ему, что временное торжество нечестивыхъ есть послѣдняя мѣра благодати Божіей къ ихъ исправленію и вмѣстѣ вѣрное предвѣстіе ихъ скорого паденія, въ случаѣ ихъ ожесточенія и нераскаянности.

Но пророкъ, успокоивъ себя, желаетъ, чтобы и враги его предупредили грядущее на нихъ бѣдствіе искреннимъ раскаяніемъ въ своихъ преступленіяхъ и скорымъ обращеніемъ къ Богу милосердому, и потому, съ прискорбіемъ сердца, болѣзнуючаго и о чужомъ несчастіи, какъ о своемъ собственномъ, взываетъ къ нимъ: *аще не обратитесь, оружіе свое очиститъ, лукъ свой напряже и уютова и, и въ немъ уютова сосуды смертныя, стрѣлы своя стараемыя содѣла* (ст. 13, 14.) Видите благодушіе мужа праведнаго, который не того желаетъ, не о томъ проситъ, чтобы враги его погибли, хотя и достойны были гибели, ибо сами себѣ приготовили оную,—но чтобы обратились и спаслися. Съ сею цѣлію вызывалъ онъ прежде Бога-мстителя къ суду и наказанію враговъ своихъ и вмѣстѣ Божіихъ: *воскреси, Господи, гнѣвомъ твоимъ*, говорилъ онъ тогда, *и вознесися въ концахъ врагъ твоихъ* (ст. 7); съ сею же единственно цѣлію угрожаетъ и теперь имъ самымъ ищеніемъ Божіимъ; а дабы вѣриѣ и успѣшнѣе достигнуть сей благотворной цѣли, онъ представляетъ Бога не только въ полномъ всеоружіи гнѣва своего—съ мечемъ при бедрѣ, и съ лукомъ, и стрѣлами

въ рукахъ, но и совершенно приготовившимся къ нападенію—очистившимъ уже и изострившимъ свой мечъ, натянувшимъ лукъ и возложившимъ даже на него стрѣлы, и стрѣлы палящія. Изображеніе челоѣкообразное, употребленное пророкомъ по нуждѣ, дабы сильнѣе подѣйствовать на грубое воображеніе тѣхъ, къ кому онъ обращается въ настоящемъ мѣстѣ, а онъ обращается здѣсь къ людямъ плотскимъ и чувственнымъ, которые не могутъ понимать духовныхъ предметовъ иначе, какъ подъ образами чувственными: *душевенъ челоѣкъъ*, говоритъ Апостоль, *не приѣмлетъ, яже Духа Божія; юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовнъ востязуется* (1 Кор. 2, 14); ибо люди душевные, или, что тоже, плотскіе, по свидѣтельству апостола Гуды, *суть духа не имущіи*, слѣд., они не имѣютъ даже органа, потребнаго для пріятія впечатлѣній отъ предметовъ духовныхъ. При всемъ томъ, какъ живо, полно и удобовразумительно и для плотскаго разума сіе изображеніе! Какъ вѣрно соотвѣтствуетъ оно и намѣренію пророка и досточуднымъ свойствамъ Бога невидимаго! Намѣреніе пророка было изобразить гнѣвъ Божій, смѣшанный съ милостію, утратить и поколебать нечестивыхъ въ ихъ враждебныхъ замыслахъ противъ Бога и помазанника Его, и вотъ, вы видите Бога, готоваго поразить ихъ мечемъ и стрѣлами палящими, но не поражающаго еще, а чего-то выжидающаго. Чего же ожидаетъ Онъ? Чего, кромѣ обращенія ихъ на путь истины и добродѣтели, кромѣ покаянія и благихъ плодовъ онаго, о чемъ пророкъ и предварилъ ихъ, сказавъ выше: *еще не обратитесь?* Но горе имъ, горе, сто кратъ горшее прежняго, если они сію драгоценную минуту долготерпѣнія Божія пропустятъ безъ вниманія и поспѣшно не прибѣгнутъ къ покаянію; между тѣмъ, какъ мѣра беззаконій ихъ до верха наполнится, тогда тысячи стрѣлъ палящихъ, несущихъ язвы неисцѣльныя или смерть жесто-

кую, *яко отъ благокругла лука на намѣреніе полетятъ и поразятъ ихъ*; тогда вознесенная десница Его ниспуститъ обоюду острый мечъ свой и сокрушитъ жестоковѣрные главы ихъ. *Помышляеши ли сіе, о челоѣче, говоритъ Апостоль къ нераскаянному грѣшнику, яко ты избѣжиши суда Божія? или о богатствѣ благодати Его, и кротости, и долготерпѣній нерадѣши, не вѣдый, яко благодать Божія на покаяніе тѣ ведетъ? по жестокости же твоей и непокаянному сердцу собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія.* Помышляете ли и вы, возлюбленные братія, что если благодать Божія долготерпитъ на насъ, то для того только, *да вси въ покаяніе придемъ и, отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, праведно и цѣломудренно поживемъ?* Не примѣчаете ли, что и противъ насъ правосудный Богъ оружіе свое уже очистилъ, и лукъ свой напрягъ и въ немъ уготовалъ сосуды смертныя? Не видѣли ли уже и стрѣлъ Его палящихъ и въ знойномъ вѣтрѣ мимошедшаго лѣта, окаменившемъ землю, заразившемъ воздухъ, иссушившемъ рѣки и источники, пожегшемъ поля и лѣса и истощившемъ жизненные соки въ челоѣкахъ и скотахъ,— и въ губительныхъ пожарахъ, превратившихъ въ груды пепла многолюдныя селенія и отъявшихъ у столькихъ семействъ и покойный пріютъ и послѣдній кусокъ хлѣба, и въ буйномъ стремленіи черни довершить свое оѣдствіе безразсуднымъ ропотомъ, нелѣпыми разглашеніями и изувѣрнымъ ожесточеніемъ? Мы ищемъ причины сихъ поразительныхъ явленій то въ томъ, то въ другомъ, то тамъ, то здѣсь. Ахъ, други мои! зачѣмъ далеко намъ искать ее? Обратите лучше безпристрастное вниманіе на самихъ себя, загляните въ вашу совѣсть, повѣрьте ваши поступки и тайные помыслы и желанія, и вы увидите, что первоначальная причина всѣхъ сихъ безпорядковъ и опустошеній, отъ которой произошли и всѣ прочія, заключается въ

насъ самихъ, въ нашемъ охлажденіи къ вѣрѣ отцевъ нашихъ и въ пренебреженіи къ закону Господню. Вы удивляетесь и колеблетесь вѣрить сему? Послушайте же самаго Бога, глаголющаго къ вамъ. *Аще въ повелѣніяхъ моихъ ходите и заповѣди моя сохраните и сотворите я, и дамъ дождь вамъ во время свое, и земля дастъ плоды своя и дрѣвеса сельная отдадутъ плодъ свой, и снѣгъ хлѣбъ вашъ въ сытость и дамъ миръ земли вашей, и уснете и не будетъ устрашай васъ. Аще же преслушаете Мене, ниже сотворите повелѣній моихъ, и азъ сотворю сице вамъ: наведу на васъ скудость, и красту, и желтяницу, вреждающую очи ваши и душу вашу истаявающую. И положу небо вамъ аки желзю, и землю вашу аки мѣдяну. И будетъ вотще крѣпость ваша и не дастъ земля ваша стѣмене своего и дрѣва не дадутъ плода своего (Лев. 26). И поразитъ васъ Господь, прибавляетъ Моисей Боговидецъ, немощіемъ, огневицею, и стужею, и жженіемъ, и убійствомъ, и вѣтромъ тлетворнымъ, и блѣдностію. И дастъ Господь дождь земли вашей прахъ, и переть съ небесе снѣгъ на васъ, дондеже сокрушится васъ и дондеже погубитъ васъ. И поразитъ васъ Господь неистовствомъ, и слѣпотою, и изступленіемъ ума. И будетъ животъ вашъ висящъ предъ очима вашима и убоитесь во дни и въ ночи и не будете вѣры яти житію вашему. Завтра речете: како будетъ вечеръ, и въ вечеръ речете: како будетъ утро, отъ страха сердца вашего, имъ же убоитесь (Втор. 28). Не видите ли въ сихъ словахъ Господа и угодника Его Моисея вѣрнаго изображенія судьбы нашей, недавно нами испытанной, хотя слова сіи изречены слишкомъ за пять тысячъ лѣтъ прежде? Не дождалъ ли Господь и на насъ персть съ небеси? Не посылалъ ли и намъ огневицу и жженіе, и голодъ и жажду и страхъ мучительный? Не поражалъ ли нѣкоторыхъ и изъ насъ неистовствомъ и*

слѣпотою и изступленіемъ ума? Правда, все это случилось съ нами только въ маломъ видѣ, а не во всей силѣ прещенія Божія; но это значитъ, что правосудіе Божіе, и въ то время, какъ наказуетъ насъ, еще щадитъ и милуетъ насъ, и только, такъ сказать, по каплѣ изливаетъ на насъ фіаль гнѣва своего; это значитъ, что намъ есть еще время и средство избѣжать грядущихъ золъ и бѣдъ. Благословимъ убо, возлюбленные братія, Бога, наказующаго насъ съ милостію и дарующаго намъ время на покаяніе. Но на семъ не остановимся: *расторгнемъ всякъ союзъ неправды и всякое неправедное писаніе раздеремъ, дадимъ алчущимъ хлѣбы, нищія и безкровныя введемъ въ домъ свой, будемъ око слѣпымъ и нога хромымъ, заблуждающихъ наставимъ, малодушныхъ утѣшимъ, сирыхъ защитимъ, прекратимъ роскошь, обуздаемъ распутство, удержимъ языкъ нашъ, во еже не глаголати лъсти, отвратимъ очи, во еже не видѣти суеты, заградимъ слухъ, во еже не слышати ни безчинныхъ кликовъ радости земной, ни суетловныхъ споровъ о вѣрѣ, ни праздныхъ пересудовъ на счетъ ближняго, вмѣсто домовъ пира и веселія будемъ чаще посѣщать храмы Божіи и здѣсь, вмѣсто трапезы бѣсовской, приступать къ трапезѣ Господней, вмѣсто хлѣба насыщаться словомъ Божіимъ, вмѣсто вина напаяться Духомъ Святымъ. Словомъ, утвердимъ страхъ Господень предъ очима нашими и во свѣтѣ лица Божія будемъ совершать всѣ дѣла наши. Благодать же Господа нашего Исуса Христа, немощное врачующая и оскудѣвающее восполняющая, да благопоспѣшитъ намъ во всемъ!*

Пророкъ, желая самыхъ враговъ своихъ спасти отъ предстоящей гибели, не довольствуется тѣмъ, что, представивъ предъ очами ихъ Бога—истителя въ полномъ всеоружіи гнѣва своего, какъ-бы перстомъ указываетъ имъ, какъ вседержавный Господь неба и земли, раздраженный

ихъ неправдами, приготавлиється къ отмщенію за ихъ буйство и дерзновеніе, уже изъемлетъ и очищаетъ мечъ свой, наляцаетъ лукъ и возлагаєть стрѣлы на поражение ихъ, но въ подтвержденіе истины словъ своихъ, дабы не оставить въ умѣ ихъ ни малѣйшаго сомнѣнія и тѣмъ не ослабить спасительнаго страха, который хочетъ возбудить въ нихъ для обращенія ихъ на путь правды и истины, выставляетъ имъ и примѣръ въ злополучной участи, постигшей нечестиваго. *Се, говоритъ онъ далѣе, боль неправдою, зачатъ бользнь и роди беззаконіе*, или, ближе къ подлиннику, *обманъ. Ровъ изры и ископа и, и падетъ въ яму, юже содѣла. Обратится бользнь его на главу его и на верхъ его неправда его снидетъ* (ст. 15. 16. 17). Правда, въ примѣрѣ семъ Пророкъ не высказываетъ имени, но трудно ли угадать его? Впрочемъ, прежде нежели откроемъ, на кого именно намекаетъ пророкъ сими знаменательными словами, обратимъ ближайшее вниманіе на внутренній смыслъ оныхъ. Слова сіи сами по себѣ довольно ясны и почти не требуютъ никакого объясненія, но какъ много въ маломъ объемѣ своемъ, подъ внѣшнимъ покровомъ буквы, заключаютъ они? Здѣсь выразительно высказана вся судьба нечестиваго отъ начала до конца, а путь нечестиваго сколь многосложенъ и продолжителенъ, извилистъ, пресѣченъ, непостояненъ, обманчивъ! Путь истины прямъ и потому есть самый кратчайшій; а путь неправды кривъ и потому всегда длиннѣе перваго. Протяженіе пути сего увеличивается по той мѣрѣ, какъ неправда уклоняется отъ центра истины, а уклоненіе сіе доколѣ не достигнетъ предѣла, за которымъ вмѣсто милосердія встрѣчаетъ уже ея правосудіе Божіе, столь же неизмѣримо, какъ неизмѣримо милосердіе Бога безпредѣльнаго. Потому-то, между прочимъ, стези нечестивыхъ называются въ писаніи стезями непроходными и хожденіе по онымъ продолжительнымъ блужденіемъ: *заблудихомъ,*

говорять у пророка кающіеся грѣшники, *отъ пути правого и ходихомъ въ стези непроходныя*. И однако же сіи стези непроходимыя и неизмѣримо-продолжительныя ожесточенные грѣшники, при упорствѣ развращенной воли своей, проходятъ до конца, и чего они не переносятъ въ семъ прохожденіи? Сколько страховъ и опасеній, сколько безпокойствъ и сомнѣній, сколько досадъ и огорченій, сколько мукъ и томленій?... Но послушаемъ лучше пророка, что онъ, обозрѣвая сей путь неправды, усматриваетъ на немъ. Вотъ, говоритъ онъ, заболѣлъ нечестивый неправдою, зачалъ злодѣйство и родилъ себѣ обманъ. И такъ, видите, братія, пророкъ на семъ пути прежде всего усматриваетъ болѣзни, и какія болѣзни? Болѣзни рожденія; ибо далѣе говоритъ онъ о зачатіи и рожденіи, слѣд. болѣзни самыя жестокия и внезапныя, ибо писаніе обыкновенно употребляетъ сіе сравненіе, когда хочетъ выразить чрезвычайность и неожиданность бѣдствія. Такъ пророкъ Осія, угрожая Израилю плѣномъ Ассирійскимъ за отступленіе его отъ Бога своего, говоритъ: *болѣзнь, аки раждающія, придутъ ему* (Гл. 13, 13). Такъ и апостоль Павелъ, желая изобразить непрочность мира грѣшниковъ, выражается слѣдующимъ образомъ: *егда рекутъ мръ и утверждение, тогда внезапно нападетъ на нихъ всеубиительство, якоже бользнь во чревъ имущія* (1 Сол. 5, 3). Подобнымъ образомъ и здѣсь пророкъ чрезъ сіе сравненіе показываетъ какъ жестокость, такъ и внезапность мученій, испытываемыхъ нечестивымъ. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, какой беззаконникъ и прежде и послѣ совершенія беззаконія не испытываетъ тысячи скорбей и бѣдствій, терзающихъ его внутренность? Что нечестивѣе было Ахаава? И не смотря на сіе, въ то время, когда хотѣлъ онъ восхитить виноградникъ Навуея и получилъ въ томъ отказъ, смущенный, печальный и разстроенный входитъ въ свою ложницу, и въ скорби и отчаяніи повергается на одръ

болѣзненный и въ самомъ лицѣ своемъ терпитъ ужасную перемѣну, въ чемъ и упрекаетъ его жена его. Что также беззаконнѣ было Іуды предателя? Но и по совершеніи преступленія, не могъ перенести болѣзненныхъ упрековъ совѣсти, и, повергнуши сребреники въ церкви, шедъ удавися. Вообще, какъ добродѣтельные наслаждаются постояннымъ спокойствіемъ и неизмѣннымъ веселіемъ духа своего, такъ нечестивые терпятъ безчисленныя страданія въ сердцѣ своемъ и чрезъ то сами въ себѣ *воспріемлютъ*, по Апостолу, *возмездіе, еже подобаше прелести ихъ* (Рим. 1, 27). Ибо, посудите, если кто желаетъ мстити кому либо, то сколь много онъ страждетъ уже прежде, нежели отмстити другому! исполняется гнѣвомъ, терзается яростію, приходитъ въ бѣшенство и изступленіе, потомъ волнуется безчисленными замыслами, строить тысячи плановъ, рѣшается то на то, то на другое, трепещетъ, трясется, краснѣетъ и блѣднѣетъ, скрежещетъ зубами, отвергаетъ пищу, забываетъ сонъ, день и ночь занять одною мыслию— какъ бы лучше и чувствительнѣе оскорбить своего ближняго, когда и какъ удобнѣе привести свое злое намѣреніе въ дѣйствіе, и такимъ образомъ, прежде нежели причинить ближнему вредъ, себѣ самому причиняетъ уже ужаснѣйшій вредъ. А кто, напротивъ, отвергаетъ мщеніе и чуждается гнѣва, тотъ отъ всего этого свободенъ. Притомъ, отвергнуть гнѣвъ и мщеніе въ нашей состоитъ волѣ, но, предавшись ему однажды, мы не можемъ, по своей волѣ управлять его движеніями, а напротивъ, онъ управляетъ нами и, можно сказать, самымъ тиранскимъ образомъ. Тогда, по его внушенію, мы обязаны избирать мѣсто и время для совершенія злаго умысла, строить козни, придумывать хитрости, разставлять сѣти, измѣнять оружіе, въ одно время оскорблять, въ другое ласкательствовать, но всегда притворствовать и мучиться тысячею подозрѣній и опасеній, заботиться о своей безопасности и въ то же

время отваживаться на самыя опасныя предпріятія. Видите, братія, какъ легка и удобна добродѣтель, и какъ труденъ и тягостенъ порокъ: первая приноситъ спокойствіе, а послѣдній раждаетъ мятежъ и смущеніе. Сіе-то самое свойство порока и описываетъ пророкъ, когда говоритъ о нечестивомъ: *се болѣ неправдою, зачатъ болѣзнь и роди беззаконіе*. Симъ онъ показываетъ, что неправда намъ не только не свойственна, по природѣ нашей, но совершенно намъ не естественна, и потому тяжка и болѣзненна, доколѣ не освободимся отъ нея. Ибо плодъ, находящійся во чревѣ жены, доколѣ, образуясь по законамъ природы, не достигъ еще опредѣленной зрѣлости, дотолѣ остается во чревѣ спокойно и не производитъ никакой боли; но какъ скоро онъ созрѣетъ до назначенной природою степени и, не смотря на то, остается еще во чревѣ, тогда и появляются, такъ называемыя, болѣзни рожденія: ибо природа силится чрезъ сіе освободиться отъ плода, но его образованіе совершилось уже и дальнѣйшее пребываніе во чревѣ противно законамъ ея. Но вотъ что здѣсь особенно замѣчательно. Въ порядкѣ природы зачатіе предшествуетъ болѣзнямъ рожденія, а въ родахъ неправды бываетъ напротивъ: здѣсь зачатію предшествуютъ болѣзни; ибо пророкъ сначала говоритъ: болѣ неправдою, а потомъ уже: зачатъ злодѣянніе. Это новое доказательство, что порокъ не сроденъ естеству нашему. Что же это значить? то, что порокъ, прежде нежели возникнетъ или зачатъ въ умѣ и сердцѣ нашемъ, уже беспокоитъ и мучитъ насъ смущеніемъ духа, представленіями ума и упреками совѣсти. Посмотрите, вотъ человекъ, замыслиющій коварство противъ сосѣда своего. Вчера онъ былъ веселъ, покоенъ, пріятель и обращателенъ, а сегодня мраченъ, угрюмъ и безмолвенъ. На челѣ его— печать внутреннего безпокойства, въ глазахъ—дикость и смущеніе, въ лицѣ—озабоченность и досада. Хотите ли знать, что

происходить въ душѣ его? Боже мой! это адъ со всѣми его ужасами, со всѣми казнями и мученіями. Какой мятель въ мысляхъ, какое волненіе въ чувствахъ, какое непостоянство въ желаніяхъ, какъ быстро смѣняются его намѣренія и стремительно увлекаютъ его то въ ту, то въ другую сторону, не позволяя ему ни на чемъ остановиться и нигдѣ успокоиться, и какъ тягостна, изнурительна, убійственна для него каждая изъ сихъ перемѣнъ. Жалкое созданіе! И все это происходитъ отъ того, что коварство закралось въ его сердце и хочетъ зачать и родить злодѣйство. Но не то же ли производитъ въ челоуѣкѣ и всякій другой порокъ, только въ большей или меньшей мѣрѣ? Не тѣ же ли болѣзненные ощущенія предшествуютъ въ немъ и зачатію зависти и ненависти, и роскоши и сребролюбія, и гордости и тщеславія, и честолюбія и сладострастія? Такъ, порокъ есть плодъ злаго сердца, но плодъ противузаконный и противуестественный, плодъ этотъ есть плодъ змійный, расторгающій утробу, породившую его. Это *яица аспидска*, о которыхъ пророкъ Исаія говоритъ, что *хотѣли ясти ихъ, разбивъ запортокъ его, обрътеть въ немъ василиска* (Исаіи 59, 5). Посему Іоаннъ Предтеча и самихъ нечестивыхъ называлъ порожденіями ехидновыми. *Порожденія ехиднова*, воззвалъ онъ къ пришедшимъ къ нему фарисеямъ, *кто сказа вамъ блъжати отъ грядущаго гнѣва*. Но если столь болѣзненны и мучительны роды неправды не только въ минуту зачатія и рожденія исчадіи аспидскихъ, но и прежде самаго зачатія, то будемъ тщательно удаляться неправды и глаголатъ, по Апостолу, *кѣждо истину ко искреннему своему*.

Мы оставили нечестиваго на болѣзненномъ одрѣ неправды, готоваго пріять во чревѣ и родить; видѣли также, что онъ и пріялъ уже во чрево свое змійное сѣмя неправды и зачалъ злодѣйство; теперь болѣзни рожденія

усугубились, и вотъ уже возрасли онѣ до той степени, что не остается ни малаго сомнѣнія въ скоромъ разрѣшеніи отъ бремени; приближимся же, братія, къ одру сего несчастнаго страдальца и посмотримъ, что родится отъ сего беззаконнаго союза. Родился обманъ, отвѣтствуетъ пророкъ. Се болѣ, говоритъ онъ, нечестивый неправдою, зачать злодѣяніе и роди обманъ. *Во чревѣ приметь нечестивый болъзни*, предсказывалъ еще древнихъ лѣтъ проповѣдникъ Іовъ, *сбудется же ему тѣета, чрево же его понесетъ леств* (Іов. 15, 35). Не порадуется же нечестивый съ другинею своею неправдою о исчадіи своемъ; здѣсь не случится того, что Іисусъ Христосъ говорилъ о женѣ раждающей: *жена, егда раждаетъ, скорбь имать, яко приде годъ ея, егда же родитъ отрока, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родися челоуѣкъ въ мѣръ* (Іоан. 16, 21). Ибо, тамъ жена, за понесенныя ею скорби, довольно вознаграждается радостію, что родился челоуѣкъ въ мѣръ—утѣха ея въ юности, подпора въ старости и даже надежда по смерти; поелику Апостоль свидѣтельствуетъ, что *спасется жена чадородія ради, аще чада своя воспитаетъ въ страхъ и наказаніи Господнемъ и сама пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыхъ съ цѣломудріемъ* (1 Тим. 2, 15); и что въ семъ случаѣ исполнились ея желанія, сбылись ожиданія и свершились чаянія. А здѣсь что? Скорби въ началѣ, скорби въ продолженіи, скорби и досада нестерпимая въ послѣдствіи. Началось съ болѣзней и кончилось обманомъ. Такого ли плода ожидалъ себѣ нечестивый отъ союза съ неправдою? Того ли чаялъ онъ отъ зачатого имъ злодѣянія? Для того ли столько безпокоился и страдалъ онъ, чтобъ быть обманутымъ? Такъ, справедливы слова пѣснопѣвца Израилева: *сома неправда себѣ*; неправда сулила нечестивому богатство и славу, власть и силу, торжество и побѣду, радости и удовольствія, и онъ ей повѣрилъ и беззаботно по-

шелъ вслѣдъ ея и, переходя со стремнины на стремнину, изъ бездны въ бездну, наконецъ пришелъ, или, лучше сказать, низвергнулся, куда же?—въ ровъ погибели, въ тотъ самый, который изрылъ и ископалъ онъ для ближняго своего. *Ровъ изры, продолжаетъ пророкъ, и ископаи, и падеть въ яму; юже содыла* (ст. 16). Тогда только позналъ онъ свою ошибку и обманъ неправды, но уже поздно: участь его рѣшена и гибель его неизбѣжна. Такимъ образомъ, говоря словами пророка, *болъзнь, мѣмъ точиѣ, злоба его обратилась на главу его и на верхъ (главы) ниспала неправда его* (ст. 17). Таковъ конецъ неправды неправдующихъ и таково возмездіе злобы злобствующихъ противу ближнихъ своихъ. Правда, иногда они успѣвають довольно много, уловляютъ невинныхъ, губятъ беззащитныхъ, притѣсняютъ бѣдныхъ, отъемлютъ скудное наслѣдіе вдовъ и сиротъ для восполненія своихъ сокровищъ, и среди сихъ нерѣдко продолжительныхъ успѣховъ до того забываются, что дерзновенно глаголютъ неправду на высоту и полагаютъ уста свои на небеси (псал. 72, 9), мечтають наконецъ взойти на небо, выше звѣздъ поставить престолъ свой и содѣлаться подобными Вышнему; иногда даже представляется, что самъ Богъ какъ будто особенно покровительствуетъ имъ, благопріятствуя ихъ замысламъ, исполняя ихъ намѣренія и охраняя пріобрѣтенія, такъ что самые избранные Божіи, смотря на сіе и не постигая сокровенныхъ судебъ Вышняго, приходятъ въ недоумѣніе и едва не колеблются въ путяхъ правды своея. Такъ одинъ изъ нихъ самъ сознается въ сей минутной слабости своей. А я, говоритъ онъ, едва не уклонились ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои; ибо я вознегодовалъ на беззаконныхъ, видя благоденствіе нечестивыхъ. Ибо нѣтъ имъ огорченій до самой смерти и тѣло ихъ тучно. Въ трудахъ челоѣческихъ нѣтъ ихъ, и съ прочими людьми не страдаютъ они. Отъ того гордость,

какъ ожерелье, обложила ихъ, и дерзость, какъ нарядъ, одѣваетъ ихъ. Отъ тучности выкатился глазъ ихъ и бродятъ мечты въ сердцѣ ихъ. Насмѣхаются и злобно говорятъ о притѣсненіи. Но, такъ размышляя, прибавляетъ онъ, я былъ невѣжда и не разумѣлъ, пока наконецъ вошелъ я во святилища Божіи и узналъ конецъ ихъ. Такъ, на скользкомъ мѣстѣ поставилъ Ты ихъ, Господи, и низвергаешь ихъ въ пропасти. Какъ мгновенно разоряются они, гибнутъ, исчезаютъ отъ внезапныхъ ужасовъ. Какъ сновидѣніе по пробужденіи, такъ Ты, пробудивъ ихъ, сдѣлаешь ничтожнымъ призракъ ихъ (псал. 72, 2—22). Другой изъ нихъ, и именно Давидъ, зная по опыту, сколь соблазнительно торжество нечестивыхъ для самыхъ праведныхъ и предупреждая подобное поползновеніе праведника, такъ увѣщаваетъ его: *не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творщимъ беззаконіе; зане яко трава скоро изсхнутъ, и яко земіе злака скоро отпадутъ. Потерпи Господа, сохрани путь Его, и узриши истребленіе грѣшниковъ. Видѣхъ нечестиваго, заключаетъ онъ, превозносяща и высыаща яко кедръ ливанскій, и мимо идохъ, и се не бѣ, и разыскахъ его, и не обрѣтеша мѣсто его* (псал. 36, 1. 2. 34—36). Словомъ, сколь бы ни были велики успѣхи нечестивыхъ, сколь бы ни продолжительно было торжество ихъ, сколь бы ни упрочено казалось благоденствіе ихъ, рано или поздно Господь посмѣется и поругается имъ; рано или поздно они, по слову Господню, *возволнуются и почти не возмогутъ* (Ис. 57, 20); рано или поздно *мечъ, извлеченный ими, во еже заклати правыя сердцаемъ, впадетъ въ сердца ихъ, и лукъ напряженный, во еже изложити убога и нища, сокрушится* (Псал. 36, 14) и останками сокрушенія поразитъ и разбіетъ главы ихъ. А праведные что?

Они будутъ воспѣвать хвалы и пѣснопѣнія Богу, защитнику своему, будутъ прославлять Его правосудіе и всемогущество, явленные и постоянно являемыя въ низло-

женіи сильныхъ земли и въ расточеніи гордыхъ мыслію сердца ихъ, къ чему и въ настоящемъ псалмѣ обращается пророкъ, видя нечестиваго ниспаднаго въ ровъ, имъ самимъ изрытый, и конечно не для себя, а для другихъ. *Исповѣмся Господеву*, восклицаетъ онъ наконецъ торжественнымъ гласомъ своимъ, *по правдѣ Его и пою имени Господа Вышняго* (ст. 18).

Но кто этотъ нечестивый, котораго злополучную судьбу изображаетъ здѣсь пророкъ и котораго внезапное паденіе вызываетъ изъ устъ его хвалебно-торжественную пѣснь Богу правосудному? Толкователи думаютъ—одни, что Давидъ имѣлъ при семъ въ виду Ахитофела, другіе Авессаломъ, а иные того и другаго вмѣстѣ. Но мнѣ кажется, нѣтъ нужды теряться въ различныхъ догадкахъ и предположеніяхъ. Стоить только припомнить, когда и по какому случаю произнесенъ былъ псаломъ сей, и тогда вопросъ сей разрѣшится самъ собою. Надписаніе показываетъ, что псаломъ сей воспѣтъ былъ Господеву о словесѣхъ Хусиныхъ, а слова Хусины къ Давиду, между прочимъ, состояли въ извѣстїи, что совѣтъ Ахитофела о немедленномъ преслѣдованіи и умерщвленіи Давида былъ отвергнутъ Авессаломомъ, и оскорбленный симъ Ахитофель съ отчаянія удавился. И потому, естественно, что при семъ изображеніи первый взоръ пророка падалъ на Ахитофела, какъ главнаго возмутителя его спокойствія; но поелику слова его были не его собственныя, а Духа Божія, вѣщавшаго въ сердцѣ его, такъ что онъ самъ себя называлъ не больше, какъ только тростию сего книжника скорописца, то не удивительно также, что Духъ Божій, прозирающій и грядущая, яко же настоящая, такъ соразмѣрялъ и уравнивалъ слова сіи, что они, изображая судьбу Ахитофела, уже совершившуюся, изображали вмѣстѣ и судьбу Авессаломъ, еще имущую совершиться, тѣмъ, болѣе, что въ судьбѣ перваго рѣшалась

и судьба послѣдняго, и, можетъ быть, по сей самой причинѣ, не называя ни того, ни другаго, заключилъ ихъ подъ общимъ именемъ нечестиваго. И какъ вѣрно и полно соотвѣтствуетъ сіе изображеніе участи того и другаго! Тотъ и другой копали ровъ погибели для Давида, и оба низверглись въ сей самый ровъ даже не отъ рукъ Давида. Тотъ и другой готовили смерть Давиду, и оба нанесли смерть самимъ себѣ. Тотъ и другой стремились къ славѣ и господству и оба мгновенно потеряли то, что имѣли, и сверхъ того покрыли себя стыдомъ и безславіемъ вѣчнымъ. Ахитофель былъ другъ и ближній совѣтникъ Давидовъ, пользовался уваженіемъ и славою въ народѣ, слылъ мудрымъ при дворѣ, коего словамъ внимали, какъ вѣщаніямъ Ангела; но, не довольствуясь симъ, онъ надѣялся, чрезъ измѣну своему законному государю, увеличить свою силу и умножить славу, и что же? При первомъ же случаѣ онъ пренебреженъ и отвергнутъ былъ царемъ-самозванцемъ, котораго вчера только возвелъ онъ на престолъ, и, вмѣсто искомой имъ силы и славы, нашель онъ только веревку, которою могъ удавиться. Авессаломъ былъ любимый сынъ Давидовъ и наслѣдникъ престола Израилева; чего, казалось бы, не доставало къ его счастью и славѣ? Но для его честолюбія было больно видѣть отца сидящимъ на престолѣ, а себя у подножія онаго, и онъ поспѣшилъ низвергнуть отца и возсѣлъ самъ, что же нашель тамъ? Безславіе и смерть поносную. Замѣчательна также казнь Божія, постигшая того и другаго за преступленія равныя—за измѣну измѣна, за нарушеніе вѣрности въ присягѣ—висѣлица. Ахитофелу измѣнилъ Авессаломъ, для котораго онъ измѣнилъ своему долгу, а Авессалому конь, который занесъ его въ чашу дубравы; первый повѣсился на веревкѣ имъ самимъ избранной, а послѣдній—на волосахъ, имъ самимъ возвращенныхъ и столь часто намащаемыхъ. Ахитофель гордился мудростію совѣтовъ сво-

ихъ и погибъ отъ нихъ, какъ скоро были пренебрежены они, а Авессаломъ тщеславился волосами своими, и обрѣлъ въ нихъ смерть. Замѣчательно, наконецъ, что Авессаломъ поразилъ стрѣлами въ самое сердце тотъ, который исходатайствовалъ ему нѣкогда прощеніе у отца, а Ахитофела сразилъ въ совѣтѣ тотъ, который былъ другомъ его сердца, и что тѣла того и другаго были съ пренебреженіемъ повержены одного въ дебрь пустынную, а другаго въ ровъ безводный. Такъ точны и опредѣленны въ родѣ, мѣрѣ и степени наказанія Божіи! *Праведенъ убо еси, Господи, и правы суды Твои; не зриши бо на лице челоуковъ.* Но если Господь праведенъ и нелицепріятенъ, то потщимся, возлюбленные, быть всегда правыми предъ Нимъ и въ словахъ и дѣлахъ нашихъ, и да воздасть намъ Господь по правдѣ нашей и по незлобію руку нашу.

ПСАЛОМЪ 8.

Въ послѣднемъ стихѣ псалма, вами слышаннаго, пророкъ обѣщаль славить Господа за правду Его и пѣть имени Господа Вышняго, а въ слѣдующемъ за симъ осѣмомъ псалмѣ онъ и исполняетъ уже свое обѣщаніе. И такъ, соберитесь и приблизьтесь, всѣ любители и любительницы пѣсень и музыки, настройте слухъ вашъ, устремите вниманіе, откройте умъ и сердце ваше: предъ вами будетъ пѣть и бряцать славу Бога небеснаго, на доброзвучномъ музыкальномъ орудіи Геѡскомъ, вмѣстѣ съ хоромъ своимъ, пѣвецъ Израиля славный, которому не было и нѣтъ въ мірѣ равнаго, который, по свидѣтельству писанія, звуками пѣснопѣній своихъ пробуждалъ всю природу къ славословію Божію, небо и землю, моря и рѣки; горы и холмы, лѣса и пустыни, огонь и градъ, снѣгъ и туманъ, рыбъ и птицъ, звѣрей и животныхъ, свѣтила небесныя

и бездны земныя, Ангеловъ и челоуковъ, прогонялъ духа лукаваго и низводилъ Духа Святаго (Псал. 150 и 1 Цар. 16, 14—23) и которому, наконецъ, по его собственному признанію, самъ Господь съ высоты престола своего благоволительно внималъ (Псал. 151, 3) и благосклонно давалъ ему, чего желало сердце его, и молитвы устъ его не отвергалъ (Псал. 20, 3). И вотъ, одна изъ многочисленныхъ пѣсней его, воспѣтыхъ имъ въ славу имени Божія. Слушайте!

Иегова, Господи нашъ! взываетъ пророкъ торжественнымъ гласомъ, какъ величественно имя Твое по всей земль. Ты вознесъ величіе Твое превыше небесъ. Въ устахъ юныхъ и грудныхъ дѣтей Ты устрояешь себѣ хвалу, вопреки враждующимъ противъ Тебя, дабы сдѣлать безмольнымъ врага и мятежника. Когда взираю на небеса Твои—дѣло Твоихъ перстовъ, на луну и звѣзды, которыя Ты поставилъ, то что есть челоукъ, что Ты помнишь его, и что есть сынъ челоучскій, что Ты пощщаешь его? Не много Ты унижилъ его предъ Ангелами, славою и красотой утѣчалъ его. Поставилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ Твоихъ, все положилъ къ ногамъ его: овецъ и воловъ всѣхъ, и дикихъ запрей, птицъ небесныхъ и рыбъ морскихъ, ходящихъ морскими путями. *Иегова, Господи нашъ!* Какъ величественно имя Твое по всей земль!

Ну, скажите, хуже ли эта живая и пламенная пѣснь пророка тѣхъ, часто безсмысленныхъ, но всегда почти развратныхъ и соблазнительныхъ, пѣсней міра сего, которыми вы такъ много любите забавлять, если вѣрить словамъ вашимъ, вашу праздность, облегчать ваши труды, услаждать горести, прогонять скуку и уныніе, оживлять торжества и пиршества, и которыми такъ часто оглашаете и грады и веси, дома и стогны, и поля и дубравы, и торжища и распутія? Меньше ли въ ней стройности

и великолѣпія, силы и чувства, красоты и величія? Но что я говорю: меньше ли? Не унижаю ли я высокое достоинство Духа Господня, внушившаго пророку сію божественную пѣснь, чрезъ одно только сравненіе ея съ студными и срамными произведеніями духа злобы поднебснаго? Не унижилъ ли бы я сего достоинства даже и тогда, когда, поставивъ первую отъ послѣднихъ на такое же разстояніе, на какое отстоитъ небо отъ земли, сказалъ бы я, что она столь же превосходитъ ихъ, сколько небо превосходитъ землю? Ибо земля и небо, бывъ безспорно весьма различны между собою, имѣютъ однако же у себя нѣчто и общее—одного верховнаго Творца и одно составное начало—это всеодерживающее ничто, изъ котораго всемогущею силою слова Божія произведено все, а здѣсь между Боговдохновенною пѣснію пророка и сладострастными пѣснями міра сего есть ли и можетъ ли быть что нибудь общаго? О! нѣтъ, нѣтъ: какъ свѣтъ совершенно противоположенъ тьмѣ, такъ и сія пѣснь—пѣснямъ мірскимъ. Здѣсь все другое—и мысли, и чувства, и цѣль, и побужденія, за то другое, совсѣмъ отличное и дѣйствіе. Не испытали ли и вы сами даже теперь, когда я недостойными устами моими произносилъ предъ вами сію Богоглаголивую пѣснь, когда въ немоцномъ гласѣ моемъ вы слышали мощный и выразительный гласъ пѣснопѣвца Израилева, когда въ гармоническомъ звукѣ словъ его отзывались вамъ стройные звуки мусикии Давидовой, сотрясавшей стѣны скинии, оглашавшей окрестный воздухъ, проникавшей своды небесъ и, по взаимному притяженію однородныхъ стихій, мгновенно сливавшейся съ хвалебными пѣснями Херувимовъ и Серафимовъ и всѣхъ силъ небесныхъ, неумолжно воспѣвающихъ славу Бога вышняго,—не испытали ли, говорю, въ сіе время сами, какъ съ каждымъ словомъ пророка очищались и утончались ваши чувства, умягчалось и укрощалось ваше сердце,

возвышался и просвѣщался вашъ умъ, окрылялся и возносился горѣ вашъ духъ? Не чувствовали ли при семъ, что самое тѣло, прежде грубое и неподвижное, теперь облекалось какою-то легкостію и удобствомъ; въ душѣ водворялись миръ и тишина, доселѣ невѣдомые, радость и веселіе, дотолѣ не испытанныя, вся внутренность появлялась и умащалась какою-то сладостію неизъяснимою, какимъ-то нектаромъ небеснымъ, сладчайшимъ паче меда и сота, такъ что каждому, какъ думаю, хотѣлось бы теперь же сказать съ пророкомъ: *возжада душа моя къ Богу крепкому и Богу живому; когда приду и явлюся лицу Твоему, Господи, и насыщуся, внигда явитимися слава Твоя.* О! кто далъ бы мнѣ крилѣ голубинѣ, да полещу и почію въ любвеобильныхъ объятіяхъ Твоихъ; теперь и плоть моя вселяется на упованіи и вся кости моя рекутъ къ Тебѣ, Богу благодателю: Господи, Господи, кто подобенъ Тебѣ? Но припомните, братія, то же ли вы чувствовали, то же ли ощущали въ себѣ, когда слушали другихъ поющихъ или играющихъ пѣсни мірскія, или когда сами пѣли оныя? Ахъ, нѣтъ. Тогда вы чувствовали, что все существо ваше обнималось и проникалось какимъ-то нечистымъ пламенемъ и, вслѣдъ за симъ, чувства ваши приходили въ волненіе, плоть начинала безчинствовать, въ душѣ возникало безпокойство и смятеніе, на сердце ложилась какая-то несносная тяжесть, которую хотѣли бы поспѣшно сбросить, но не имѣли силъ, совѣсть сначала обращалась къ вамъ съ своими убѣжденіями и упреками, а потомъ мало по малу умолкала, разумъ постепенно помрачался и, наконецъ, вовсе темнѣлъ, и вы подобно потоку, прервавшему плотину, вдругъ низвергались въ пучину радости шумной, неистовой, бѣшеной, адской; но эта радость, въ существѣ своемъ, была не радость, а жалкій плодъ отчаянія, расторгнувшаго спасительныя оковы закона и совѣсти, поправшаго страхъ Божій и предав-

шагося или преданнаго, по Апостолу, *въ цѣискусенъ умѣ творити неподобная*. Другой же радости и удовольствія мірскія пѣсни дать не могутъ; ибо не имѣютъ въ составѣ своемъ ничего такого, что бы способно было хотя нѣсколько успокоить духъ нашъ, облегчить бѣдствія и возвысить наслажденія. Единъ Богъ есть любви всесовершенная, слѣд., и сладость безконечная и сила безпредѣльная, и потому въ Немъ одномъ и можемъ и должны искать себѣ и утѣшенія и наслажденія и подкрѣпленія. И кто когда либо искалъ въ Немъ и не нашелъ искомага? Кто искренно обращался къ Нему съ моленіемъ о помощи и не получилъ сей помощи? Посмотрите, вотъ царь Израилевъ въ ужасномъ бѣдствіи: его объяли, по словамъ его, болѣзни смертныя и потоки Веліала утрашали его, окружили болѣзни ада и облегли сѣти смерти. Но едва онъ въ сей тѣспотѣ своей призвалъ Господа и къ Богу своему воззвалъ, какъ Господь услышалъ гласъ его изъ чертога своего, потрясъ землю, поколебалъ основанія горъ, преклонилъ небеса и сошелъ къ нему, а сошедши, что сдѣлалъ? Простеръ къ нему руку свою, взялъ его, извлекъ изъ водъ великихъ и избавилъ его отъ враговъ его сильныхъ и отъ ненавидящихъ его. Посему-то царь избавленный, въ сильномъ чувствѣ благодарности, и восклицаетъ къ Богу-избавителю: *возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя, Господь утверждение мое и приближище мое, Богъ мой, помощникъ мой, защититель мой и роугъ спасенія моего, и заступникъ мой. Хвала призову Господа и отъ врагъ моихъ спасуся* (Псал. 17, 1—18). Слѣд., въ тѣхъ только пѣсняхъ, которыя, бывъ обращены къ Богу-виновнику всякаго блага, внушаютъ намъ неложное на Него упованіе или восхваляютъ Его славу и величіе, мы можемъ обрѣсти для себя истинную отраду и утѣшеніе, подкрѣпленіе и успокоеніе, а всѣ другія пѣсни, въ какомъ бы привлекательномъ

видѣ ни являлись онѣ, прилагаютъ намъ только скорбь на скорбь и болѣзни къ болѣзнямъ; растрогиваютъ наше сердце, и безъ того слишкомъ чувствительное, не врачуютъ язвъ его, но паче и паче углубляя и растравляя оныя. И подивитесь, братія, своему ослѣпленію: мы больше любимъ послѣднія, нежели первыя, какъ будто намъ наскучило свое спокойствіе, какъ будто мы тяготимся своимъ счастіемъ. Но что еще? Сказать ли истину ужасную, для всѣхъ открытую, но быть можетъ не всѣми примѣчаемую? Между нами нашлись даже такіе нечестивцы, которые, забывъ свою совѣсть и страхъ Божій, святотатственно дерзаютъ воспѣвать сіи священныя, божественныя пѣсни на голосъ общенародныхъ и срамословныхъ пѣсней. И эти люди еще усвояютъ себѣ имя христіанъ! Еще находятъ себѣ послѣдователей! Убѣгаютъ храмовъ Божіихъ и отвлекаютъ другихъ, дабы не услышать въ нихъ въ свое обличеніе напѣва пѣсней Давидскихъ, переданнаго намъ древностію временъ Христовыхъ и апостольскихъ, а въ домахъ своихъ нечествуютъ самымъ псалмопѣніемъ. Боже мой! На какую степень нравственнаго униженія ниспало христіанство! Какое жестокое ослѣпленіе постигло сыновъ и дочерей новаго Израіля! Вотъ уже они и очи свои смежили и ушима тяжко слышать, да видяще не видятъ, и слышаще не разумѣютъ. Вотъ уже они не умѣютъ различать между добромъ и зломъ, между горькимъ и сладкимъ, между свѣтомъ и тьмою. *Но горе глаголющимъ лукавое доброе и доброе лукавое, полагающимъ тьму свѣтъ и свѣтъ тьму, полагающимъ горькое сладкое и сладкое горькое. Горе, иже мудри въ себѣ самихъ и предъ собою разумни, глаголетъ Господь Вседержитель* (Исаіи, 5, 20. 21). Желали бы мы, чтобы сіи люди благоговѣйши отъ всего языка подъ небесемъ начертали и на стѣнахъ и на прагахъ домовъ своихъ, а наипаче въ сердцахъ своихъ, исторію упоминаемаго

въ книгѣ Судей Израилевыхъ Миху, который, казалось, совершалъ въ частномъ домѣ все, закономъ предписанное и все совершаемое во храмѣ Иерусалимскомъ, но, не смотря на то, осужденъ и преданъ проклятію какъ святотатецъ и идолослужитель, за что же? За то, что законное совершалъ незаконнымъ образомъ. Тогда бы они сами увидѣли, что творять въ домахъ своихъ одно только беззаконіе и злополучная участь Михи, развратителя Израиля, ожидаетъ ихъ.

Теперь обратимся къ пѣвцу Израиля. Вы видите его погруженнаго въ глубокія думы; душа его полна, но уста еще безмолвствуютъ, еще вѣщія персты его не касаются благозвучныхъ струнъ священнаго орудія. Но вотъ уже вдохновеніе небесное начинаетъ сильно двигаться въ груди его, внутренній пламень объемлетъ и проникаетъ его сердце, въ его мысляхъ возгарается огонь (Псал. 38, 1—4), его лице оживляется какимъ-то сверхъ-естественнымъ цвѣтомъ, его взоры блещутъ лучами вышняго озаренія и онъ восторженнымъ голосомъ своимъ возглашаетъ: *Иегова, Господи нашъ, какъ величественно имя Твое по всей землѣ. Ты вознесъ величіе Твое превыше небесъ* (ст. 2). Чтобы почувствовать въ полной мѣрѣ всю силу и знаменательность сего возглашенія; надобно ближе ознакомиться съ духомъ и характеромъ священнаго языка. Еврейскій языкъ не многорѣчивъ, но за то каждая въ немъ буква, каждая точка и каждое видоизмѣненіе оныхъ говорятъ несравненно болѣе, нежели цѣлыя слова и выраженія въ другихъ языкахъ. Такъ произнесенное пѣснопѣвцемъ имя Божіе: *Иегова*, величію коего удивляется онъ, собственно говоря, состоитъ только изъ трехъ буквъ, но какъ много выражаетъ оно; ибо одна изъ сихъ буквъ выражаетъ собою время настоящее, другая—прошедшее, третья—будущее, а всѣ, вмѣстѣ взятыя въ совокупности,

означаютъ такое существо, которое, бытіемъ своимъ объемля всѣ времена и вѣки, въ самомъ себѣ заключаетъ источникъ бытія всего, что было, есть и будетъ, слѣд., существо вѣчное и безпредѣльное, существо самобытное и всепроизводящее, существо всѣхъ существъ, жизнь всѣхъ жизней, или, какъ изъясняется оно у св. Іоанна въ Апокалипсисѣ, это есть *сый и иже бѣ и грядый*. И такъ, имя сіе, и по буквальному значенію своему, неизмѣримо-величественно и многознаменательно, такъ что іудеи не только благоговѣли предъ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, но послѣ плѣна Вавилонскаго страшились даже произносить его, страшась своего недостойнства, и потому во время чтенія божественныхъ книгъ, гдѣ оно встрѣчалось, замѣняли оное другимъ именемъ Адонъ или Адонаи, а древніе Отцы церкви называли его даже неизреченнымъ (Наз. въ 4 гл. о Богословіи). Но величіе сего поистинѣ неизреченнаго и непостижимаго имени открывается преимущественно въ Его дѣйствіяхъ, всегда дивныхъ и поразительныхъ. Не будемъ исчислять сихъ дѣйствій, они безчисленны; притомъ же для насъ, сообразно съ нашимъ намѣреніемъ, довольно знать, на какое именно дѣйствіе его обращенъ Богопросвѣщенный взоръ пѣвца-пророка въ разсматриваемомъ нами псалмѣ. Впрочемъ, для большей ясности, укажемъ, по крайней мѣрѣ, на одинъ случай, въ которомъ сіе величественное имя явило силу и величіе свое наиболѣе ощутительнымъ образомъ. Припомните, что когда Богъ, явившійся Моисею въ купинѣ, посылалъ его извести народъ свой изъ Египта въ землю, обѣтованную отцамъ его, и когда Моисей дерзнулъ воспросить посылавшаго его, какъ имя Ему, тогда ему было сказано: *такъ речеши сыномъ Израилевымъ: Егье*, или что то же, *Иегова посла мя къ вамъ* (Исх. 3, 14), и вы знаете, братія, какими чудными событіями ознаменовалось сіе необычайное посольство! И небо, и земля, и огонь,

и воды, и камни пустынные, и облака громоносные и, что всего удивительнѣе, и ожесточенное сердце Фараоново были попеременно послушными исполнителями воли Моисея, вооруженнаго грознымъ именемъ Іеговы, исходящимъ изъ устъ его. Можно ли послѣ сего не удивляться и не прославлять сіе величественное имя? Можно ли не воскличать съ пророкомъ: *нѣсть подобенъ Тебѣ, Господи, великъ вси Ты, и велико имя Твое въ крѣпости. Кто не убоится Тебе, о, Царю языковъ! Твоя бо честь между всеми премудрыми языковъ, и во всѣхъ царствахъ ихъ ни единый есть подобенъ Тебѣ* (Іер. 10, 6. 7).

Удивляется величію сего же самаго имени и пѣвецъ Израиля въ настоящемъ псалмѣ и, удивляясь, тщетно ищетъ предѣловъ его и не находитъ. Обращаетъ ли взоръ свой на землю, и видитъ, что вся земля наполнена имъ, а оно еще не кончилось; устремляетъ ли очи свои горѣ, и усматриваетъ, что оно восходитъ превыше небесъ и небеса небесъ не довлѣютъ ему. Сіе зрѣлище, дѣйствительно поразительное, невольно заставляетъ его воскликнуть: *Іегова Господи, какъ величественно имя Твое!*

Но, при созерцаніи сего безпредѣльнаго величія Іеговы, взоръ изумленнаго пѣснопѣвца поражается особенно тѣмъ, что Іегова, не смотря на неизмѣримое величіе свое, въ устахъ юныхъ и грудныхъ дѣтей устрояетъ Себѣ хвалу и, какъ будто забывъ огромныя и блистательныя произведения рукъ своихъ, каковы суть небеса и на нихъ луна и звѣзды, обращаетъ особенное благоволеніе свое къ человѣку, творенію, по видимому, слабому и ничтожному, такъ что поставилъ его едва не на ряду съ Ангелами, давъ ему власть надъ всею землею и не лишивъ также права и на небо. И потому, далѣе говоритъ онъ: *Іегова, Господи нашъ! Ты вознесъ величіе Твое превыше небесъ. Чѣмъ и какъ? Тѣмъ, что въ устахъ юныхъ и грудныхъ дѣтей устрояешь Себѣ хвалу, вопреки враждующимъ*

противъ Тебя, дабы съдѣлать безмольнымъ врага и мятетжника. Когда взираю на небеса Твои—дѣло Твоихъ перстовъ, на луну и звѣзды, которыя Ты поставилъ: то что есть человекъ, что Ты помнишь его, и что есть сынъ человеческій, что Ты пощщаешь его? Не много Ты унижилъ его предъ Ангелами, славою и красотою увѣнчалъ его. Поставилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ Твоихъ, все положилъ къ ногамъ его, овецъ и волковъ всѣхъ, и дикихъ звѣрей, и птицъ небесныхъ, и рыбъ морскихъ, ходящихъ морскими путями (ст. 3—9).
 Надобно быть какому нибудь чрезвычайному случаю въ домостроительствѣ Божиѣмъ о судьбѣ человѣка, чтобы внушить пѣснопѣвцу сіи торжественныя слова и такое восторженное изумленіе. Что же это за случай? Когда и гдѣ Творецъ и Владыка неба и земли въ устахъ юныхъ и грудныхъ дѣтей устрояетъ Себѣ хвалу? Когда и гдѣ явилъ Онъ свое особенное благоволеніе къ человѣку? Случай сей открываетъ намъ самъ Іисусъ Христосъ, когда, не задолго предъ спасительными страданіями своими, торжественно входя во Іерусалимъ, и съ одной стороны, видя отроковъ, взывающихъ къ Нему: *осанна сыну Давидову, благословенъ грядый во имя Господне*, а съ другой—архіереевъ и книжниковъ, негодующихъ на то и вопрошающихъ Его: *слышиши ли, что сіи глаголютъ?* отвѣчалъ имъ словами сего самаго псалма. *Ей, сказалъ Онъ имъ: нѣсте ли чли николиже, яко изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу?* А на особенное благоволеніе Божіе къ человѣку указываютъ Ангелы, воспѣвшіе при рожденіи Христовомъ: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ чловѣцѣхъ благоволеніе*, и апостоль Павелъ, который остальную часть сего псалма прилагаетъ прямо къ Сыну Божію, для спасенія человѣковъ содѣлавшемуся человѣкомъ, разсуждая слѣдующимъ образомъ: *не Ангеломъ покори Богъ вселенную грядущую,*

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

говорить онъ, засвидѣтельствова же нѣдѣ нѣкто, глаголя: что есть человекъ, яко помниши его, или сынъ человеческій, яко пощитаеши и. Умалил еси его малымъ нѣчимъ отъ Ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его, и поставилъ еси его надъ дѣлы руку Твоею: вся покорилъ еси подъ нозь его. Внегда же покорити ему всяческая, ничто же остави ему непокорено: нѣмъ же не у видимъ Ему всяческая покорена. А умаленнаго малымъ чимъ отъ Ангелъ видимъ Иисуса, за пріятіе смерти славою и честію вѣнчання, яко да благодатию Божіею за всѣхъ вкуситъ смерти (Евр. 2, 5—9). И такъ, вотъ періодъ времени, на которое сквозь отдаленіе вѣковъ упадаетъ прозорливый взоръ пѣвца Израилева; вотъ зрѣлище, которое столь много поражаетъ и ивумляетъ восторженную душу его, зрѣлище совершающееся на пространствѣ отъ колыбели Богочеловѣка Христа до гроба, отъ Вилелема до Голговы, но и здѣсь еще не оканчивающееся, а нисходящее до ада и восходящее превыше небесъ, и потомъ въ царствѣ славы продолжающееся для сыновъ славы чрезъ цѣлую вѣчность. Зрѣлище, подлинно, достойное хвалы и пѣснопѣнія всѣхъ человекѣвъ; ибо Ангелы, выну хвалящіе Господа, не могутъ довольно восхвалять и прославить Его человекѣлюбіе. Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего едиnorodнаго далъ есть намъ, да всякъ въручай въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный. Вся намъ Божественныя силы Его, яже къ животу и благочестію подана разумомъ призвавшаго насъ славою и добродѣтелию, ими же честная намъ и великая обитованія даровашася, да сихъ ради будемъ причастницы Божественнаго естества (2 Петр. 1, 3—4). Теперь становится понятно, почему имя Иеговы Господа, вся сія содѣвающаго и устрояющаго спасеніе человекѣвъ, представляется столь величественнымъ, что и земля и небо являются не вмѣ-

щающими сего величія. Ибо симъ именовъ побѣждена смерть, связаны демоны, разрушено царство діавола, отверсто небо, врата рая открыты, Духъ Святыи ниспосланъ, рабы содѣлались свободными, враги—сынами, чуждые—наслѣдниками, человекѣки—ангелами, что я говорю ангелами? Богъ содѣлался человекѣкомъ и человекѣкъ Богомъ, небо пріяло природу заимствованную отъ земли, земля воспріяла сидящаго на Херувимѣхъ со всѣмъ ангельскимъ воинствомъ, завѣса раздралась, средостѣніе разрушено, раздѣленное соединилось, уничтожилась тьма, пожерта смерть и возсіяли свѣтъ и жизнь. Иегова Господи, воскликнемъ и мы съ пророкомъ, сколь величественно имя Твое по всей земли и превыше небесъ; ибо и человекѣки, оскорбившіе Тебя, но помилованные и спасенные Тобою, восходятъ нынѣ на небеса, да царствуютъ съ Тобою во вѣки вѣковъ.

Изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу, еже разрушити врага и мстника (ст. 3). Въ лицѣ сихъ младенцевъ, совершающихъ хвалу Господу, о которыхъ говоритъ пророкъ, Иисусъ Христосъ повелѣваетъ намъ узнать тѣхъ блаженныхъ отроковъ, которые, при торжественномъ Его вшествіи во Іерусалимъ, воспѣли Ему: *Осанна!* Но однихъ ли сихъ отроковъ имѣлъ въ виду пророкъ, когда предъ его Богопросвѣщеннымъ взоромъ раскрывалась величественная картина того необычайнаго событія, при совершеніи котораго всемогущій Богъ имѣлъ, по предреченію одного изъ прозорливцевъ своихъ, еще единою потрясти небомъ и землею, стряхнуть съ лица земли отъ первыхъ дней міра лежащее на ней проклятіе, омыть нечистоты ея кровію едиnorodнаго Сына своего и низвести на нее паки свое благословеніе, умертвить смерть и водворить жизнь, разорить адъ и отверсть рай, разрушить царство діавола и открыть царство благодати, возсоздать и воссоединить съ Собою

человѣка? О, нѣтъ! Пророкъ даетъ намъ слышать здѣсь только предначинательную пѣснь во славу Бога воплощеннаго, которая, отразившись отъ стѣнъ священнаго града, должна была повториться на всемъ пространствѣ міра подлуннаго и отозваться на всѣхъ ковцахъ вселенныя въ безчисленныхъ хвалебныхъ кликахъ всѣхъ вѣрныхъ исповѣдниковъ Христовыхъ, которые вмѣстѣ съ вѣрою въ Него имѣли пріять и завѣщаніе Его—быть яко дѣти ради царствія Божія, любить словесное и нелестное слово и питаться имъ, младенствовать злобою, а не умомъ. Представьте же себѣ теперь пророка въ минуту вдохновеннаго видѣнія своего, при созерцаніи всего того, что видѣли блаженныя очеса самовидцевъ и слугъ Слова присноживотнаго, что видѣли наши предки по вѣрѣ, что видимъ теперь мы, что увидать наши потомки до скончанія и по скончаніи вѣковъ, не на землѣ только, но и на небѣ, не въ царствѣ только благодати, но и въ царствѣ славы, представьте, говорю, въ сію минуту пророка, оглашаемаго всемірнымъ хоромъ разнообразныхъ, разноплеменныхъ и разноязычныхъ младенцевъ о Христѣ, воспѣвающихъ хвалебныя пѣсни Богу Вышнему, благоволившему тако въ человѣцѣхъ, и вы постигнете, въ какомъ неизъяснимомъ восторгѣ долженъ быть пророкъ; вы поймете тогда, могъ ли пророкъ, при созерцаніи столь необъятнаго человѣколюбія Божія, не воскликнуть наконецъ въ чувствѣ изумленія и благодарности: *Господи, что есть человекъ, яко помниши его, или сынъ человекъ, яко поспыщаеши его?* Что Ты находишь въ этомъ брешномъ, но горделивомъ и мятежномъ созданіи достойнаго благоволенія Твоего? Что привлекаетъ къ нему любовь Твою, когда онъ изначала еще пересталъ любить Тебя,—Твои дары и благодѣянія, когда онъ постоянно былъ неблагодаренъ предъ Тобою,—Твои милости и щедроты, когда онъ столько оскорблялъ и оскорбляетъ Тебя? Вотъ небо,

твореніе рукъ Твоихъ, всегда послушное Твоимъ велѣніямъ, вмѣщающее въ себѣ столько изящества и красоты, являющее столько силы и величія, вотъ луна и звѣзды, произведенія также Твоей премудрости, столько вѣковъ неуклонно шествующія по путямъ, Тобою указаннымъ, ни однажды не совратившіяся ни на десно, ни на шее, посмотри, съ какимъ торжественнымъ величіемъ, въ какомъ порядкѣ и стройности исходятъ онѣ отъ края небесе до края небесе, какимъ волшебнымъ свѣтомъ облакаютъ онѣ всю природу, какими разноцвѣтными огнями украшаютъ сводъ небесный, и Ты какъ будто и не примѣчаешь ихъ, а между тѣмъ все Твое вниманіе, всю любовь и благоволеніе Твое обращаешь къ человѣку? *О! глубина богатства, благодати и человѣколюбія Божія, яко неиспытанны судове Его и неизслѣдованы путіе Его.*

Пророкъ однакожь, принимая благоговѣйнымъ взоромъ во глубину сію, на сіи суды неиспытанные, и на сіи пути неизслѣдованные, усматриваетъ, что сія чудесная хвала, исходящая изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей, должна была заградить уста враждующихъ противу Господа и сокрушить врага и мятежника. *Изъ устъ младенцевъ и седущихъ совершилъ еси хвалу, говоритъ онъ, врагъ Твоихъ ради, еже разрушити врага и мстника. Кто же сіи враждующіе противу Господа, кто этотъ врагъ и мятежникъ, котораго надлежало сокрушить? Это—іудей, народъ Богоизбранный и вмѣстѣ Богопротивный, народъ столько любимый Господомъ и столько ненавидящій Его; ибо они изгнали Христа Спасителя и поругались надъ Нимъ, какъ надъ врагомъ своимъ, и потому сами содѣлались врагами Божиими. Ненавидий Мене, глаголетъ Господь, и Отца моего ненавидитъ. И посмотри, съ какою точностію предрекъ здѣсь пророкъ злополучную судьбу сего злосчастнаго народа. Не сказалъ онъ: еже наказати, но еже разрушити врага и мстника, т. е. сокрушити и*

истребить сего врага безстыднаго. Не врачество потребно было для іудеевъ; ибо они одержимы были болѣзнію неизлечимую, но конечное отсѣченіе. Когда они слышали отроковъ, взывающихъ *осанна* грядущему Господу, и когда ничего не могли сказать вопреки сему, ибо видѣли въ семъ исполненіе пророчества; тогда, по свидѣтельству Евангелиста, негодовали они на отроковъ за сей непритворный языкъ истины и, обратившись къ Іисусу Христу, вопрошали Его: *не слышимъ ли, что сіи глаголють?* Несчастные слѣпцы, не имущіе очей, еже видѣти и сердца, еже разумѣти! Въмѣсто того, чтобы, видя сіе чудо, обратиться къ самимъ себѣ и, вопрошая кійждо ближняго своего: не слышиши ли, что сіи глаголють? поспѣшить во срѣтеніе Спасителю міра и поклониться Ему, они еще колеблются и остаются въ нерѣшимости, потомъ обращаются съ укоризненнымъ вопросомъ къ самому грядущему, и даже послѣ того, какъ получили уже отвѣтъ удовлетворительный, продолжаютъ прежнее свое невѣріе и ожесточеніе. И что тяжкаго, что оскорбительнаго, что неблагоприятнаго было въ словахъ сихъ незлобивыхъ дѣтей? Дѣти взывали только: *осанна сыну Давидову, благословенъ грядый во имя Господне*. За что, кажется, было негодовать здѣсь, за что злобствовать, за что распаляться гнѣвомъ и мщеніемъ? Но буйныя страсти не вмѣютъ разсудку; зависть и ненависть не разбираютъ причинъ къ изліянію желчи своея, не выжидаютъ даже приличнаго времени. За то и праведный Богъ, вѣрный отмститель въ гнѣвъ злое творящимъ, здѣсь рѣшилъ судьбу сего неблагодарнаго народа, здѣсь укротилъ его безстыдство, а послѣ ниспровергъ и самый городъ его и разрушилъ храмъ, изгналъ изъ земли обѣтованія и разсѣялъ сихъ заблудшихъ сыновъ Израіля по всему лицу земному, такъ что нынѣ въ цѣлой вселенной нѣтъ мѣста, нѣтъ страны, гдѣ бы они не служили живыми памятниками постигнаго

ихъ гнѣва Божія. И если спросимъ о причинѣ сего злополучія, столько вѣковъ и всюду преслѣдующаго ихъ, то не найдемъ другой, кромѣ той, что отвергли Христа: ибо, скажи мнѣ, для чего это случилось, съ ними? Если бы они переселены были въ одну какую нибудь страну и на краткое время, тогда я нисколько бы не удивлялся сему; но теперь они разсѣяны всюду, и всюду терпятъ одинакое гоненіе и поруганіе, презрѣніе и безчестіе, слѣд., наказываются наказаніемъ безпредѣльнымъ. И такъ, спросимъ лучше ихъ самихъ: за что вы Христа распяли? И если они скажутъ намъ: за то, что Онъ былъ льстецъ и обманщикъ, то мы возразимъ имъ: въ такомъ случаѣ вамъ надлежало бы быть въ чести и славѣ, и предѣламъ земли вашей распространиться; ибо вы сдѣлали дѣло Богоугодное, поелику кто истребляетъ льстеца и обманщика, тотъ истребляетъ врага Божія, а кто истребляетъ врага Божія, тотъ имѣетъ полное право на хвалу и воздаяніе отъ Бога. Но посмотрите, что съ вами случилось. Если Финеесъ за умерщвленіе одной только блудницы удостоенъ столь высокой похвалы отъ Бога и почтенъ саномъ священства, то не большую ли похвалу и славу надлежало бы получить вамъ отъ Бога, праведнаго мздовоздаятеля, за умерщвленіе льстеца и обманщика? А вы между тѣмъ не только не получили сего, но въ презрѣніи и униженіи, въ безчестіи и поруганіи, лишеныя своего отечества, потерявшіе свою святыню, туда и сюда скитаетесь, какъ изгнанники, какъ бродяги, какъ отверженные небомъ и землею. Это значитъ, что вы умертвили не льстеца и обманщика, а своего Господа и благодѣтеля, учителя истины и посланника небесъ. Ибо, если бы Онъ былъ льстецъ и обманщикъ и, не будучи Богомъ, святотатственно усвоилъ Себѣ Божество, то за умерщвленіе Его надлежало бы почитать и возвысить васъ паче Финееса и Самуила и многихъ другихъ, такъ какъ вы

показали въ семь дѣлъ несравненно большую ревность по вѣрѣ, нежели всѣ бывшіе до васъ ревители вѣры; но вмѣсто того вы теперь подверглись такому бѣдствію, какому не подвергались даже и тогда, когда необузданно ходили во всѣхъ похотяхъ сердець своихъ, когда поклонялись идоламъ, закаляли дѣтей своихъ, созидали капища, посѣщали дубравы, боготворили Молоха и Ваала, Астарту и Веельфегора, и золотыхъ тельцевъ и скудельныхъ истукановъ, тогда вы наказуемы были или моромъ, или голодомъ, или поражениемъ на брани, или временнымъ плѣномъ, а теперь обратите взоры ваши къ Сіону и скажите намъ: гдѣ ваше отечество, гдѣ градъ, гдѣ храмъ, гдѣ священство, гдѣ кивотъ завѣта? И сколько прошло вѣковъ, какъ вы всего этого лишились и блуждаете, какъ овцы безъ пастыря и убѣжища? Какаѣ же причина столь тяжкаго, столь долговременнаго и небывалаго наказанія? Та, что вы умертвили не врага Божія, но друга, не Богохульника, но проповѣдника истины и Спасителя міра, не человѣка, а Бога во плоти. Убо достойная по дѣломъ вашимъ воспріемлетъ. Кровь Его на васъ и на чадѣхъ вашихъ и нынѣ вопіетъ къ Богу.

Младенцы и грудныя дѣти, по видѣнію пророка, совершаютъ хвалу Господу, и Господь благоволиительно внимлетъ имъ и благословляетъ ихъ любвеобильнымъ благословлениемъ своимъ. Что же въ сіе время дѣлаютъ возрастные? Ропщутъ и негодуютъ на дѣтей, отвѣчаетъ Евангелистъ (Матѣ. 21, 16). За что? Не за то ли, что дѣти первыя восхитили себѣ славу воспѣвать славу Божию? Но что препятствовало и имъ самимъ соединить свой голосъ съ голосомъ дѣтей, предварившихъ ихъ въ славословіи Господу, и тогда бы они нисколько не потеряли мзды своей; ибо Господь равно пріемлетъ и награждаетъ и поздно и рано приходящихъ къ Нему, лишь бы только тѣхъ и

другихъ приводила къ Нему вѣра чистая и нелицемѣрная, вѣра растворенная и оплодотворенная любовію. Не за то ли, что дѣти первыя обрѣли и познали Того, Котораго столько вѣковъ желали и искали отцы ихъ, о Комъ писали и Кого предвозвѣщали Моисей и пророки? Но это должно было заставить ихъ радоваться и восхищаться съ ними, а не роптать и негодовать на нихъ; это должно было заставить ихъ поспѣшить къ обрѣтенному, подобно какъ добродушный Наанаилъ поспѣшилъ съ незлобивымъ Филиппомъ, а не прекословить и не вопіять противъ обрѣтшихъ Его. И такъ, за что же? За то, что дѣти воспѣвали и прославляли Того, Кого хулили и злословили, ненавидѣли и преслѣдовали отцы. Какъ мудры были дѣти и какъ неразумны отцы! Какъ вѣрно слово Господа, при кончинѣ своего земнаго поприща исповѣдающагося предъ Отцемъ своимъ! *Исповѣдаются, Отче*, взывалъ Онъ тогда, *Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ* (Лук. 10, 21). Младенцы признали Его, а возрастные отвергли; младенцы воспѣли Ему пѣснь, какъ Царю и Богу своему, а возрастные вознесли Его на крестъ, какъ мятежника и Богохульника. Ибо, что были Апостолы, первые исповѣдники Его, въ сравненіи съ книжниками и фарисеями, съ первосвященниками и старцами людскими, возсѣдавшими на сѣдалищѣ Моисеевомъ и на законѣ почивавшими; что не многіе послѣдователи учения Его, которыхъ оставлялъ Онъ на землѣ, отходя на небо, въ сравненіи со всѣмъ народонаселениемъ земли Іудейской и міра языческаго, что иное были, какъ не малыя дѣти, какъ не младенцы и по незлобію сердца своего, и по чистотѣ нравовъ своихъ, и по невѣденію земной мудрости и даже первоначальныхъ писменъ, и по своему безсилію и мало-значительности въ обществѣ? и однакожъ сіи дѣти, и сіи младенцы хорошо постигли *премудрость Божию, въ тайнѣ*

сокровенную, юже предустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу, и юже никтоже отъ князей вѣка сего разумѣ, и не только сами постигли ее, но и другихъ подчинили ей, и тѣмъ посрамили премудрыхъ и разумныхъ. Буяя міра, говоритъ апостоль Павелъ, избра Богъ, да премудрыя посрамитъ, и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая, и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упряднитъ (1 Кор. 1, 2).

Такъ было тогда, такъ было при земной жизни начальника вѣры и совершителя исповѣданія нашего Иисуса Христа, такъ было при Апостолахъ, первыхъ благовѣстникахъ спасительнаго Его ученія; но не то же ли примѣчается и нынѣ? Не тотъ же ли планъ провидѣнія Божія, премудрый и таинственный, ежедневно раскрывается и постепенно приводится въ исполненіе и предъ очами нашими? Правда, нынѣ на всемъ пространствѣ земли, нами обитаемой, нѣтъ почти мѣста, нѣтъ страны, гдѣ бы имя Христово не было возвѣщено, гдѣ бы Евангеліе не было услышано—и востокъ и западъ, и югъ и сѣверъ наполнены послѣдователями Распятаго; имя христіанъ содѣлалось общимъ почти для всѣхъ племенъ и народовъ; но въ семъ необъятномъ множествѣ исповѣдниковъ Христовыхъ какъ много найдется такихъ, которые въ день суда и воздаянія тщетно будутъ взывать къ Нему: *Господи, не въ Твоемъ имя вѣровахомъ и не Твоимъ ли именемъ бѣсы изгонихомъ* и однакожъ услышатъ отъ Него въ отвѣтъ: *не вѣмъ васъ, отыдите отъ Мене*, и какъ напротивъ мало окажется такихъ, которые бы съ младенческою простотою вѣровали въ Него, и съ дѣтскою покорностію исполняли всѣ Его велѣнія. Ахъ, слушатели, если Господь Иисусъ, разсуждая нѣкогда о числѣ спасающихся съ учениками своими, имѣлъ право сказать наконецъ: *мнози суть звани, мало же избранныхъ*; то думаете ли, что сіе воззваніе относилось только къ современникамъ Христовымъ, а не

простирается и на насъ, и на самыхъ отдаленныхъ потомковъ нашихъ? О; нѣтъ, нѣтъ! Это законъ царствія Божія общій и неизмѣнный, законъ объемлющій собою все время и все вѣки. Истинные поклонники Христовы всегда и вездѣ были и будутъ немногочисленны, такъ что малочисленность составляетъ какъ-бы отличительный признакъ ихъ. Это есть малое стадо овецъ, едва примѣтное среди неизчетнаго множества козлищъ и волковъ, желающихъ восхитить ихъ. И кто сіи овцы, вѣдящія гласъ своего добраго Пастыря и неуклонно грядущія вслѣдъ Его? Можетъ быть тѣ, на которыхъ мы смотримъ, если не съ презрѣніемъ, то съ притворнымъ сожалѣніемъ; можетъ быть тѣ, которыхъ простота и незлобіе такъ часто подаютъ намъ поводъ издѣваться надъ ними; можетъ быть тѣ, которыхъ вся вѣра состоитъ въ бездоказательномъ, но твердомъ исповѣданіи имени Иисусова, всѣ молитвы—въ краткихъ, но умиленныхъ воззваніяхъ: *Господи, помилуй, Господи, спаси мя грѣшнаго; всѣ добродѣтели—въ смиренномъ послушаніи волѣ начальства и въ безпрекословномъ исполненіи предписаній церкви, въ трудахъ, столь мало вознаграждаемыхъ, въ заботахъ и попеченіяхъ, столь мало доставляющихъ отрады и утѣшенія. Можетъ быть... но для чего намъ прибѣгать здѣсь къ догадкамъ и предположеніямъ? Не самъ ли небесный Учитель ублажаетъ таковыхъ, называя ихъ нищими духомъ и буими міра сего, алчущими и жаждущими, плачущими и скорбящими?*

И въ то время, когда сіи младенцы челоуѣчества поспѣшаютъ во храмы Господни на славословіе имени Божія, куда спѣшать возрастныя—люди хвалящіеся и высокимъ умомъ своимъ и обильнымъ просвѣщеніемъ?—Въ то время, какъ первые нѣмотствующимъ языкомъ своимъ благоговѣнно изрекаютъ предъ лицемъ Господа желанія сердца своего и отъ Него единаго чаютъ исполненія надеждъ своихъ, предъ кѣмъ и на что расточаютъ послѣдніе веле-

рѣчіе свое, и откуда ожидаютъ себѣ счастья и благоденствія? Въ то время, какъ первые отъ скуднаго сокровища своего изъемятъ послѣднюю ленту и возлагають ее на алтарь въ жертву Господеви, кому и для какого употребленія посвящаютъ послѣдніе огромныя богатства свои? Въ то время какъ, первые, живя въ бѣдности и нищетѣ, въ тѣснотѣ и озлобленіи, и вкушая хлѣбъ орошенный потомъ и слезами, и утро и вечеръ и полудне воздають славу и благодареніе Богу, давшему вся на потребу, помышляють ли о Богѣ послѣдніе, пресыщаясь яствами роскошными и упоеваясь винами многоцѣнными? Въ то время, какъ рука первыхъ всегда отверста на вспоможеніе бѣднымъ и неимущимъ, рука послѣднихъ не отверзается ли только на пріятіе лихвы и мзды, и на уплату долговъ картежныхъ? Въ то время, какъ первые, по пріямѣру своего Господа и по уставу святой церкви, изкуряють тѣла свои трудомъ и бѣдніемъ и душу смирають постомъ, не отягчаютъ ли послѣдніе, вопреки заповѣди Христовой, сердець своихъ объяденіемъ и пьянствомъ, не содержатъ ли истины въ неправдѣ, превращая смыслъ словъ Учителя истины въ удовлетвореніе страстей своихъ, какъ будто не Тотъ же, Который сказалъ: *входящее во уста не сквернитъ челоуѣка, а исходящее изъ устъ, то сквернитъ челоуѣка*, постился въ пустынѣ сорокъ дней и ночей, въ образецъ для подражанія нашего, и постоянно чуждался мясныхъ брашенъ, довольствуясь хлѣбомъ и рыбою; какъ будто не Онъ изрекъ объ ученикахъ своихъ: *егда отъимется женихъ, тогда постытся*; какъ будто не Онъ же преподавъ намъ въ постѣ средство противъ діавола: *сей родъ не исходитъ токмо молитвою и постомъ. Но горе, по слову пророка, тьмѣ, иже мнятъ быти мудри о себѣ, и предъ собою разумны, горе глаголющимъ лукавое доброе и доброе лукавое, горе встающимъ завтра, и сикеръ гонящимъ, и ждущимъ вечера: съ гуслями бо и*

*явницами и тимпаны и свирьльми вино пїютъ, на дѣла же Господня не взирають, яко внезапно найдетъ на нихъ всегубительство и погибель. Мужіе мудри въ себѣ самыхъ! слышите слово Господне о васъ глаголющее: погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергу (1 Кор. 1, 19). Слышите и вы, кроткіе и смиренныя младенцы о Христѣ, утѣшительное слово, съ высоты небесъ объ васъ простираемое къ земнороднымъ: *блюдите, сказано въ семь словѣ, да не презрите единого отъ малыхъ, яко Ангелы ихъ выну зрятъ лице Отца моего небеснаго*. Слышите и другое столь же утѣшительное, но прямо уже къ вамъ обращенное: *не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство (Лук. 12, 32)*. Пусть безумный міръ теперъ посмѣвается надъ вами, пусть ропщеть и негодуеть на васъ, видя постоянство и непреклонность вашу въ служеніи Господу, пусть злословить и порицаетъ и посты и молитвы, и колѣнопреклоненія и мылостыни, какъ труды бесполезныя, какъ напрасную трату времени и стяжаній, пусть веселится и радуется, видя ежедневное озлобленіе ваше; прійдетъ время, когда онъ восплачется, вы же возрадуетесь радостію великою, и радости вашей никто же возметъ отъ васъ во вѣки вѣковъ, яко Господь вѣчный, Ему же вы нынѣ служите, будетъ веселая васъ.*

Яко узрю небеса, продолжаетъ пророкъ, дѣла перств твоихъ, луну и звѣзды, яже Ты основалъ еси. Что есть челоуѣкъ, яко помниши его, или сынъ челоуѣкъ, яко поспыщаеши его. Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ Ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его и поставилъ еси его надъ дѣлы руку Твою, вся покорилъ еси подъ нозы его и проч. (ст. 4—9), т. е., когда я, говоритъ пророкъ, взираю на небеса, на луну и звѣзды, которыя Ты, Господи, устроилъ, то въ изумленіи помышляю въ

себѣ, что есть человекъ, что Ты помнишь его, что Ты посѣщаешь его своею милостію, что Ты не многимъ умалилъ его предъ Ангелами, и славою и честію увѣнчалъ его; что Ты поставилъ его владыкою надъ всѣми Твоими тварями, и все покорилъ его власти—и овецъ и воловъ, и звѣрей и птицъ. Чувство высокое и безпримѣрно величественное, котораго мы тщетно стали бы искать у другихъ созерцателей природы! Правда, что смотрѣть на небо и не поражаться его необъятнымъ величіемъ и красотю; взирать на луну, подобно царицѣ величаво шествующую изъ полунощныхъ чертоговъ своихъ, и не восхищаться ея величѣйнымъ сіяніемъ; видѣть мириады звѣздъ, горящихъ разноцвѣтными огнями и стройно движущихся въ орбитахъ своихъ по безграничному пространству небесъ, и не ощущать при семъ восторга и удивленія—не возможно. Исторія всѣхъ вѣковъ и народовъ свидѣтельствуетъ, что сіе великолѣпное зрѣлище пробуждало самые грубые умы и потрясало самыя нечувствительныя сердца. Но какія были слѣдствія сего пробужденія и потрясенія? Одни заключили, что небо есть жилище студныхъ боговъ ихъ, и каждому созвѣздію его усвоили ихъ имена, другіе самую луну возвели въ санъ божества, и преклонивъ предъ нею главы и колѣни свои, воздвигли для ней храмы, устроили жертвенники, воскурили оміамъ и пренесли жертвы кровавыя; иные населили звѣзды душами своихъ предковъ и сами думали туда же отправиться, а только не многіе изъ нихъ, и то самые лучшіе и просвѣщеннѣйшіе, отъ сихъ изыщныхъ произведеній умѣли вознестись умомъ своимъ къ премудрому Творцу ихъ, хотя снова унизили Его въ плотскихъ своихъ представленіяхъ. Но осмѣлился ли кто либо изъ нихъ сравнить сіи столь огромныя и столь благоукрашенныя творенія съ человекомъ, существомъ, по видимому, слабымъ и ничтожнымъ, и не только сравнить съ нимъ,

но и дать ему предпочтеніе предъ ними по его судьбѣ и назначенію? Нашелся ли хотя одинъ, который бы въ семъ презрѣнномъ червякѣ, столь нестройно ползающемъ по землѣ, узналъ полномощнаго обладателя земли, для котораго и на небѣ приготовленно почетное мѣсто, не много ниже Ангеловъ? Нѣтъ, для сего нуженъ былъ свыше вдохновенный взоръ пророка. Что же онъ увидѣлъ? Увидѣлъ, что, не смотря на величіе и красоту небесъ съ одной стороны, и на слабость и ничтожество человекъ съ другой, благоволеніе Бога—Творца всяческихъ, преимущественно обращено къ человеку, что для него устроена земля и все, что на землѣ, ему покорено, что для него солнце и луна, для него звѣзды и свѣтъ, что Ангелы не много выше его, а въ дѣлѣ спасенія его обязаны даже служить ему; что для него, наконецъ, едиnorodный Сынъ Божій нисходитъ съ неба на землю, дабы его возвести на небо и тамъ содѣлать участникомъ своей славы, своего блаженства и даже своего божественнаго естества;—увидѣлъ, и пораженный симъ необычайнымъ зрѣлищемъ, воскликнулъ: *Господи, что есть человекъ, яко помниши его; и сынъ человекъ, яко посѣщаеши его?* О, какъ много заключаетъ въ себѣ сіе немногословное восклицаніе пророка; Все, что было, есть и будетъ, въ немъ ясно изображено: въ немъ открыта тайна мірозданія въ отношеніи къ человеку, и тайна судебъ человеческихъ въ отношеніи къ міру; въ немъ одною чертою обозначены всѣ многообразныя пути промысла Божія, какими оно непрестанно и неуспшно ведетъ человека къ его высокому назначенію, все домостроительство Божіе о спасеніи человека отъ перваго дня вселенныя, въ которомъ еще свѣтъ боролся со тьмою, и изъ сей взаимной борьбы образовались утро и вечеръ—день первый, до дня послѣдняго, въ которомъ тьма уступитъ мѣсто свѣту, и съ появленіемъ вѣчнаго утра, никогда не возвратится

сумрачний вечерь; въ немъ, какъ въ отверстой книгѣ,читаю я судьбу вселенныя и судьбу свою, вижу мое настоящее, постигаю прошедшее и предугадываю будущее, узнаю съ благоговѣніемъ, что небеса при всемъ величїи своемъ слишкомъ малы предо мною, что луна при всемъ блескѣ и сіяніи своемъ ничтожна предъ лучами божественнаго свѣта, сообщеннаго мнѣ, что краса звѣздъ блѣднѣетъ предъ славою, имущою озарить меня въ вѣчности: небеса, по выраженію пророка, *обещаютъ нѣкогда и свѣтятся* подобно ветхой одеждѣ и *измѣняются*, или, по изображенію апостола, *съ шумомъ мимоидутъ, стихїи же сжимаемы разорятся, луна нѣкогда померкнетъ и не дастъ свѣта своего, вся звѣзды спадутъ*, яко листвїя съ древесъ (2 Петр. 3, 10), а среди всего всеобщаго крушенїя я возникну изъ праха моего и, облеченный славою безсмертїя, вознесусь на крылахъ вѣтра въ горнїя селенїя Вышняго и буду блаженствовать вѣчно со Христомъ въ Богѣ, если только здѣсь не расторгнуль сего обещанїя съ ними. *Господи, что есть человекъ, яко помниши его; или сынъ человекъ, яко посѣщаеши его? Умалѣ еси его малымъ чимъ отъ Ангелъ, славою и честью вѣнчалъ еси его.* Ты вложилъ въ него, какъ и въ Ангеловъ, дыханїе жизни, даровалъ ему душу разумно-свободную и безсмертную; Ты почтилъ его, какъ и Ангеловъ, своимъ образомъ и подобїемъ, сообщивъ ему дары правды и святости, но умалилъ его предъ ними тѣмъ, что сію Богоподобную душу облекъ брешною плотїю, и въ жилище далъ ему не небо, а землю, за то кака высокая честь для плоти сей, когда ей, черезъ извѣстный періодъ времени, предоставлено вознестися въ жилище духовъ и прославиться славою Божїею?

Ты поставилъ еси его надъ дѣлы руку Твоею, вся покорилъ еси подъ нозъ его: овцы и волы вся, еще же и скоты польскїя, птицы небесныя, и рыбы морскїя

преходящїя стези морскїя (ст. 7—9). Сими словами пророкъ указываетъ на то владычество человека надъ землею, которымъ благословилъ его Богъ при самомъ его созданїи: *Растись и множься, сказалъ Онъ ему тогда, и наполний землю, и господствуй ей, и обладай рыбами морскими и звѣрьми, и птицами небесными, и всѣми скотами, и всѣми гадами, пресмыкающимися по земли* (Быт. 1, 29). Но апостоль Павелъ въ посланїи къ Евреямъ, приводя сіи же самыя слова, замѣчаетъ: *нынѣ же не у видимъ ему*, то есть человеку, *всѣческая покорева* (Евр. 2, 8). Въ самомъ дѣлѣ, владычество человека надъ землею въ настоящее время слишкомъ ограничено. Конечно, онъ и нынѣ владѣетъ еще нѣкоторыми животными и нѣкоторыми стихїями: верблюды и кони облегчаютъ его труды и переносятъ его самага чрезъ обширныя пространства, овцы и волы, птицы небесныя и рыбы морскїя снабжаютъ его пищею и одеждою, огонь освѣщаетъ и согрѣваетъ его, вода утоляетъ его жажду и напаяетъ поля его, земля возвращаетъ ему хлѣбъ въ насыщенїе его, древа и камни—въ жилище его, многообразныя плоды и растенїя для услажденїя вкуса и зрѣнїя и для врачеванїя недуговъ и болѣзней его, золото и серебро, свинецъ и желѣзо, мѣдь и олово для удовлетворенїя разнородныхъ нуждъ житейскихъ, воздухъ служить для его дыханїя и движетъ его тяжести. Но сіе владычество сколь отлично отъ того, которымъ благословилъ его Богъ! Тогда все свободно покорялось ему, а теперь принужденно и съ насилїемъ; тогда довольно было его взгляда, его мановенїя, его желанїя, а тѣмъ болѣе слова, и все являлось предъ нимъ и послушно исполняло его велѣнїя, а теперь сколько потребно трудовъ и усилїй, сколько хитростей и изворотовъ, чтобы прїобрѣсти хотя часть сего владычества, и сколь часто рабы сіи выходятъ изъ повиновенїя господику своему,

Подготовлено для онлайн бібліотеки Київської Духовної Академії і Семинарії
http://lib.kdais.kiev.ua

и даже устремляются противъ него со всею яростію буйной вольности. Не часто ли видимъ мы сего обладателя земли, поверженнаго на земли во прахъ и брени, уязвленнаго или растерзаннаго звѣрjami, лишеннаго крова и убѣжища, пици и одѣянiя отъ свирѣлости огня, тщетно борющагося съ бурными волнами разлившейся рѣки и поглощаемаго ими, цѣпенѣющаго отъ мраза и удушаемаго зноемъ, въ потѣ лица своего раздирающаго нѣдра земли и приємлющаго отъ нея только волчцы и терніе. Что же это значить? Отъ чего произошла сія печальная переѣна? Отъ чего царь земли вдругъ сдѣлался рабомъ рабовъ своихъ? Грѣхъ, слушатели, непослушанiя его предъ Богомъ привелъ въ непослушанiе ему природу. Онъ, какъ хищный врагъ, внезапно напавъ на него и возобладавъ имъ, совлекъ его начала и власти и изведе въ позоръ всего міра, дотолѣ ему покорнаго. Но утѣшимся, возлюбленные братія. Апостоль, показавъ намъ наше порабощенiе въ преслушномъ Адамѣ, показалъ вмѣстѣ и зарю нашей свободы во Христѣ Богочеловѣкѣ, *уже послушавъ бысть даже до смерти, смерти же крестныя*. Нынѣ, говоритъ онъ, мы не видимъ, чтобы все было покорено челоуѣку, а видимъ, что за претерпѣніе смерти увѣнчанъ славою и честію Исусъ, а въ Немъ и съ Нимъ и всѣ ученики и послѣдователи Его, *ибо святѣй и освящаемѣи отъ единаго вси*, по ученію апостола; сверхъ того Самъ Исусъ сказалъ намъ: *идѣже есмь Азъ, ты и слуга мой будетъ*, и въ другомъ мѣстѣ: *идѣже есть трупуъ, тамо соберутся и орли*. Т. е., какъ преслушаніемъ Адама мы лишились славы и господства надъ тварями, такъ и послушаніемъ Христа Исуса, прискренивъ приобщившагося плоти и крови нашей, мы снова приобрѣли сію славу и сіе господство, токмо да блюдемся быть послушными предъ Нимъ. Чудно убо имя Твое, Господи Господь нашъ, по всей земли, чудно въ созданіи насъ съ столь высокими

совершенствами, чудно въ благопромышленіи о насъ во дни порабощенiя нашего, чудно и въ возсозданіи насъ въ свободу чадъ Божіихъ, чрезъ Христа Исуса Господа нашего!

ПСАЛОМЪ 9.

Псаломъ 9-й есть въ одно и то же время благодарственный, хвалебный и просительный. Ибо въ немъ псаломпѣвецъ сначала благодаритъ Бога за дарованіе ему нѣкоторой знаменитой побѣды надъ врагами и преимущественно за низложеніе одного какого-то особенно страшнаго и сильнаго непріятеля; потомъ хвалитъ и прославляетъ правосудіе Господа, всегда охотно и поспѣшно защищающаго и помогающаго вѣрнымъ рабамъ своимъ, коль скоро это, по Его премудрымъ, всеблагимъ и праведнымъ судьбамъ, оказывается нужнымъ для ихъ собственнаго блага и блага всего челоуѣчества, и не столько во времени, сколько въ вѣчности, а вмѣстѣ съ симъ и по сей именно причинѣ убѣждаетъ благочестивыхъ почитателей Его несомнѣнно во всѣхъ обстоятельствахъ жизни своей возлагать на Него единого надежду и упованіе свое и неумолчно возвѣщать и прославлять чудные суды и оправданiя Его; и наконецъ проситъ Бога, чтобы Онъ такъ же, какъ нынѣ, и всегда укрощалъ нечестивыхъ и защищалъ неповинно страждущихъ и угнетенныхъ. Таково свойство мужей праведныхъ: они ни скорбятъ, ни радуются одни и для себя только, но всегда и вездѣ имѣютъ въ виду пользу ближнихъ своихъ и славу Божію. Предзирая чистыми очами вѣры невидимаго Бога выну предъ собою, яко одесную себе, они видятъ Его то попускающаго на нихъ бѣдствiя, то ополчающагося за нихъ, то сокрушающаго нечестивыхъ, то возносящаго смиренныхъ, и, видя все сіе, указываютъ тѣмъ, которые не видятъ, дабы совокупно съ ними прославить благодать

и правосудіе Божіе, и, прославляя, возбудить въ нихъ вѣру, воспламенить любовь и укрѣпить надежду и упованіе на Бога, вся и во всемъ дѣйствующаго и все устрояющаго по своему благоволенію.

Когда, по какому случаю и при какихъ обстоятельствахъ воспѣтъ былъ сей псаломъ, объ этомъ у толкователей много существуетъ толковъ и мнѣній; но поелику все они основаны на произвольныхъ догадкахъ и умозаключеніяхъ самихъ толкователей, а не на ясномъ указаніи слова Божія или несомнѣнной исторіи и даже не на преданіи, и поелику ни одно изъ нихъ нисколько не способствуетъ къ объясненію псалма сего, и безъ того впрочемъ довольно яснаго, а развѣ можетъ только нѣсколько послужить къ удовлетворенію суетной любознательности, которой, по крайней мѣрѣ, здѣсь никакъ не должно быть; то мы не почитаемъ нужнымъ даже перечислять сіи мнѣнія. Любопытствующему же знать въ писаніи неоткрытое довольно напомнить справедливый упрекъ таковымъ святаго Кирилла Іерусалимскаго: почто убо много испытуеши, говоритъ онъ, ихъ же ниже Духъ Святый написа въ писаніяхъ? Написаннаго не вѣси, и ненаписаннаго ли испытуеши? Много есть вопросовъ въ божественныхъ писаніяхъ: написаннаго не разумѣемъ, почто о ненаписанномъ труждаемся (Поуч. оглас. стр. 88)? Посему, ни мало не останавливаясь на вымыслахъ человѣческихъ, обратимся лучше слухомъ и вниманіемъ нашимъ къ поучительнымъ вѣщаніямъ самого Духа Божія.

Исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ, вѣщаетъ боговдохновенный пророкъ, *повѣмъ вся чудеса Твоя* (ст. 1). Въ сихъ словахъ пророка заключается какъ-бы главное предложеніе всего псалма, т. е. пророкъ общаетъ возвѣстити въ немъ все чудеса Божія и вѣщаетъ оныя, управляемый и подеремѣнно увлекаемый то живымъ чувствомъ благодарности къ Богу Спасителю

своему, то пламенною ревностію къ славѣ Его, то сильнымъ негодованіемъ противъ дерзновенныхъ презрителей Его величія и правосудія. Но прежде нежели приступаетъ къ сему возвѣщенію, онъ даетъ Господу обѣтъ исповѣдаться Ему всѣмъ сердцемъ своимъ. *Исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ,* говоритъ онъ, и потомъ уже, *повѣмъ вся чудеса Твоя.* Обѣтъ чрезвычайно важный и совершенно необходимый всякому, кто приступаетъ къ столь великому дѣлу. Бесѣда съ Богомъ есть преимущество Ангеловъ, но она, по неизреченному челоуколюбію Божію, дозволена и челоуку; какая же потребна со стороны челоука осторожность и благоразсмотрительность, чтобы, по мѣрѣ силъ своихъ, достойно бесѣдовать съ существомъ столь высочайшимъ, премудрымъ, всесвятымъ, всевидящимъ, всемогущимъ, всесовершеннымъ, и о чемъ бесѣдовать? Объ Немъ самомъ и о твореніяхъ руку Его. Тѣмъ большая нужна предосторожность и строгая внимательность со стороны нашей, дабы предъ лицемъ самого Бога не сказать чего либо неприличнаго, недостойнаго, богопротивнаго и грѣшнаго. Пророкъ постигалъ это, и потому изъявляетъ намѣреніе исповѣдаться Господу всѣмъ сердцемъ своимъ. Но что значитъ исповѣдаться Господу? Выраженіе сіе употребляется въ писаніи въ четвероякомъ значеніи. Такъ оно означаетъ 1) открытіе челоукомъ грѣховъ своихъ, какъ на примѣръ въ слѣдующихъ словахъ Іоанна Богослова: *аще исповѣдуемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Іоан. 1, 9); 2) принятіе спасительной вѣры въ Бога и Христа Его и обнаруженіе оной внѣшними дѣйствіями; въ семъ значеніи апостолъ Павелъ говоритъ: *сердцемъ вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе* (Рим. 10, 10), и въ первомъ посланіи къ Тимоѣю пишетъ: *подвизайся добрымъ подвигомъ вѣры, ем-*

мися за вѣчную жизнь, въ нюже и званъ былъ еси, и исповѣдалъ еси доброе исповѣданіе предъ многими свидѣтели (6, 12); 3) изъявленіе благодарности къ Богу; въ семъ смыслѣ Иисусъ Христосъ, при окончаніи ходатайственнаго своего служенія, въ благодарственной молитвѣ къ Богу Отцу за учениковъ своихъ, воззвалъ: *исповѣдаючися, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ* (Мат. 11, 25); и наконецъ 4) хвалу и славословіе Богу; такъ обѣтованіе Иисуса Христа: *иже исповѣсть Мя предъ человеки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ моимъ, иже на небесяхъ* (Мат. 10, 32), совершенно равносильно другому подобному: *прославляющія Мя прославлю, и безчестія Мя уничиженъ будетъ*. Въ томъ же смыслѣ славословія употребилъ сіе выраженіе и евангелистъ Лука, когда, говоря объ Аннѣ пророчицѣ, сказалъ: *и та въ той часъ приставши, исповѣдашеся Господеву и глаголаше о Немъ* (Лук. 2, 38). Въ томъ же, наконецъ, смыслѣ употреблено оно и у пророка въ разсматриваемомъ нами псалмѣ; слѣд. оно будетъ означать: я буду славить Тебя, Господи; а въ семъ прославленіи, сообразно съ намѣреніемъ пророка, конечно совмѣщается и изъявленіе благодарности его къ Богу, прославляемому имъ. Но пророкъ сказалъ не просто: *исповѣмся Тебѣ, Господи*, а присовокупилъ къ сему: *всѣмъ сердцемъ моимъ*. Прибавленіе необходимое; ибо были и вѣроятно есть и такіе хвалители и славословцы Божіи, которые уста свои уступали на славословіе Богу, а сердце оставляли при себѣ, или дозволяли ему скитаться на распутіяхъ міра сего, но сіи хвалители Богу не угодны; объ нихъ-то сказалъ небесный Учитель: *добръ пророчествова о васъ Исаія, глаголя: приближаются Мнѣ людие сіи усты своими, и устнами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене. Но всуе таковыя чтутъ Мя* (Мат.

15, 7. 8). Были и вѣроятно есть и другіе, которые устами своими славили Бога, а дѣлами своими безчестили Его; это вѣрный также признакъ, что сердце не было при устахъ, воспѣвающихъ хвалу Господу, а, безъ сомнѣнія, было при дѣлахъ, безчестящихъ Его; ибо *отъ сердца исходятъ помышленія на злоя, убійства, прелюбодѣнія, татѣбы и проч.* Таковы были Іудеи, къ которымъ говоритъ апостоль: *се ты Іудей именуешися и почитаеши на законъ и хвалитиши о Бозѣ, иже въ законъ хвалитиши, преступленіемъ закона Бога безчестуеши, имя бо Божіе вами хулится во языцехъ* (Рим. 2, 17. 23). Таковы также тѣ жалкіе христіане-пророки-чудотворцы, которые въ день страшнаго суда Христова скажутъ Ему: *Господи, Господи, отверзи намъ; не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, не Твоимъ ли именемъ бѣсы изогнихомъ*, и однакожь услышатъ отъ Него грозный отвѣтъ: *не вѣмъ васъ, отыдите отъ Мене къ діаволу и агеломъ его*, котораго вы похоти творили. Не такъ хочеть славить Бога пророкъ, не безъ сердца, но всѣмъ сердцемъ своимъ. *Исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ*, говоритъ онъ. Замѣйте опять, слушатели, силу и выразительность словъ пророка. Не сказалъ онъ только: *сердцемъ моимъ*, а сказалъ: *всѣмъ сердцемъ моимъ*, т. е. не половиною сердца или какого либо частію его, а всею полнотою сердца, всѣми силами души, всѣмъ умомъ, всею волею, всѣми чувствами и ощущеніями. Ибо Богъ нашъ есть Богъ сердца нашего, и потому, какъ Творецъ и обладатель его, требуетъ отъ насъ и имѣетъ неоспоримое право требовать всего его безъ остатка, какъ своей собственности: *сыне мой, даждь Ми сердце твое*, говоритъ Онъ; желаетъ быть любимымъ отъ него, но любимымъ вполнѣ и безъ совмѣстниковъ: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душею твоею и всею мыслию твоею*, сказано въ законѣ, иначе

угрожаєть Онъ пламенемъ своєю ревности: *Азъ бо есмь Богъ ревнитель и огонь поядай;* жаєаєть быть прославляємъ отъ него, но такъ, чтобы славы сей не раздѣляли съ Нимъ другіе: *славы Мояя иному не дамъ, ниже добродѣтелей Моихъ истуканнымъ,* говоритъ Онъ. Притомъ же и сердце наше устроено такъ, что оно не можетъ раздѣляться на многихъ, но обыкновенно все бываетъ тамъ, гдѣ находится сокровище его. *Идъже сокровище ваше,* сказалъ Господь, *ту будетъ и сердце ваше.* Изберетъ ли оно Бога, и пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ пребываетъ; избереетъ ли міръ со всѣми его благами, и міръ съ толпою благъ своихъ входитъ въ него и витаетъ ту, и оно въ мірѣ и его благахъ. Потому-то и сказано: *не можете работати Богу и мамонѣ,* и въ другомъ мѣстѣ: *любви міра сего—вражда Богу.*

Правда, сердце наше, по выраженію писанія, глубоко и пространство его неизмѣримо; но сія глубина и неизмѣримость такого свойства, что, бывъ заняты чѣмъ либо, хотя самымъ маловажнымъ и ничтожнымъ, не оставляютъ уже мѣста для чего либо другаго, хотя ничто въ мірѣ и самый міръ не можетъ совершенно наполнить его. Сколь же безразсудно поступаютъ тѣ, которые мнятъ въ ослѣпленіи своемъ, что для Бога безпредѣльнаго и неописаннаго, для Бога, коєму, по словамъ Соломона, *и небо небесе не довьеть,* довольно, такъ сказать, одного уголка ихъ сердца, а все остальное пространство занимаютъ многоразличными образами міра. И что же выходитъ? Они устроиваютъ изъ своего сердца не виталище Божіе, но всебожницу міра. Пророкъ думалъ напротивъ: онъ пренебрегалъ и небо и землю и хотѣлъ обладать только единымъ Богомъ. *Что ми естъ на небеси,* говорилъ онъ, *и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣкъ.* Онъ находилъ, что одинъ только Богъ безпре-

дѣльный можетъ наполнить неизмѣримую глубину его сердца и занять все его пространство безпредѣльное, а потому и исповѣдался Ему всѣмъ сердцемъ своимъ.

Повѣмъ вся чудеса Твоя (ст. 2). Псалмопѣвецъ, живо проникнутый чувствомъ благодарности къ Богу, увѣнчанному его оружію побѣдою блистательною, намѣревается повѣдать всѣ чудеса Господни. Но не слишкомъ ли много принимаетъ на себя Псалмопѣвецъ? Повѣдать всѣ чудныя дѣла Божіи и даже только перечислить оныя не могутъ и соединенные умы тмами темъ Ангеловъ: какъ же онъ одинъ почитаетъ себя къ тому способнымъ? Изъ Писанія мы знаємъ, что егда сотворени быша звѣзды, Бога—Творца ихъ восхваляша вси сынове Божіи, т. е. Ангелы, а тайна сотворенія міра изъ ничего и сотворенія челоувѣка изъ персти земной осталась не воспѣтою. Равнымъ образомъ при безсѣмennomъ рожденіи отъ Дѣвы Спасителя міра вси Ангельстии воспѣли славу въ вышнихъ Богу и на земли миръ и въ челоувѣцѣхъ благоволеніе, но въ самую тайну воплощенія Бога Слова и возстановленія челоувѣка падшаго въ первобытное его достоинство желали только приникнуть, но не проникли: *въ няже,* говоритъ апостоль, *желаютъ приникнути Ангелы Божіи* (1 Петр. 1, 12). Что также дѣлають Ангелы и въ царствѣ славы на небеси? Они, по сказанію тайновидца, въ трепетномъ благоговѣннн окружаютъ престоль Господа славы и, пораженные зелелѣпнымъ сіяніемъ свитыни Его и блаженнотворнымъ созерцаніемъ высочайшихъ совершенствъ Его, въ восторгѣ и изумленіи, немолчными гласы, лица закрывающе, взываютъ только другъ ко другу: *Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ,* исполнь небо и земля славы Его, а чудныхъ дѣлъ Его не возвѣщаютъ и не могутъ возвѣстить въ подробности. Такъ, слушатели, ни челоувѣческой, ни Ангельскій умъ не можетъ исполнѣ постигнуть, ни языкъ

изрещи всего того, что сотворилъ и творить Господь на небеси и на земли, по своему благоизволенію. Не смотря на то, пророкъ-псалмопѣвецъ хочетъ повѣдать намъ всѣ чудеса Его. *Исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ*, говоритъ онъ, *и повѣмъ вся чудеса Твоя!* Что бы это значило? Во-первыхъ то, что пророкъ говоритъ это не самъ по себѣ, а его устами вѣщаетъ Духъ Божій. *Духъ же*, по апостолу, *вся испытуетъ и глубины Божія*, слѣд. и всѣ чудеса благодати и всемогущества Божія ему свѣдомы. Во-вторыхъ то, что онъ обѣщаетъ повѣдать намъ только тѣ чудеса Божія, коихъ слѣдствиемъ была неожиданно ниспосланная помощь въ побѣдѣ надъ врагами его, невѣроятной по расчетамъ человѣческимъ и скуднымъ средствамъ съ его стороны, а обильной со стороны противной; слѣд. онъ обѣщаетъ повѣдать всѣ чудеса, которыя благоволилъ Богъ содѣлать при семъ только случаѣ, а не всѣ, которыя творилъ Онъ и творить во всѣ времена и на всякомъ мѣстѣ. И такъ, обѣщаніе пророка не заключаетъ въ себѣ никакой невозможности не только для него, какъ воодушевленнаго Духомъ Божиимъ, но и для всякаго, кто только имѣетъ очи видѣти и сердце разумѣти, для всякаго, кто хотя сколько нибудь приучилъ себя видѣть Бога шествующаго и невидимо, впрочемъ ощутительно, дѣйствующаго въ обыкновенныхъ событіяхъ жизни человѣческой, а тѣмъ болѣе въ чрезвычайныхъ, къ тому именно и направленныхъ, *да поне осяжемъ Его, яко не далече отъ единого когосждо насъ суща*. Но почему пророкъ хочетъ повѣдать сіи чудеса, а не сокрыть ихъ въ своемъ сердцѣ и не запечатлѣть въ душѣ, какъ нѣкое сокровище особеннаго къ нему благоволенія Божія? Потому, что это было бы противно свойству его благодарнаго сердца. Сердце, истинно понимающее и чувствующее цѣну оказанныхъ ему благодѣяній, какъ переполненный сосудъ, не можетъ отъ преизбытка чувствъ своихъ не

изливаться въ свойственныхъ ему внѣшнихъ знакахъ и выраженіяхъ. Чѣмъ важнѣе благодѣянія, чѣмъ бѣдственнѣе и беспомощнѣе состояніе, въ которомъ они оказаны; чѣмъ возвышеннѣе душа, очищеннѣе сердце и безпорочнѣе нравы благодѣтельствуемаго; чѣмъ выше лице благотворящее и ниже и недостойнѣе предметъ благотворенія; тѣмъ сильнѣе и полнѣе чувство, тѣмъ живѣе и пламеннѣе благодарность, тѣмъ ощутительнѣе и неудержимѣе потребность въ словѣ и-другихъ знакахъ внутреннихъ ощущеній, тѣмъ, наконецъ, удободвижимѣе и многорѣчивѣе уста. Пророку ли Господню, мужу по сердцу Божію отъ юности его, тому, коего сердце, по его собственнымъ словамъ, при одной мысли о Богѣ и законѣ Его согрѣвалось и возгаралось какъ огонь, растаявало какъ воскъ, томилось и исчезало въ изліяніяхъ любви и преданности Богу крѣпкому и живому, пророку ли, говорю, оставаться равнодушнымъ и безмолвнымъ въ то время, когда онъ ясно видѣлъ и ощущалъ, какъ Господь силу совершалъ свою силу въ его немощи, какъ поражалъ враговъ его, сокрушалъ ихъ оружіе и возвращалъ ихъ вспять? Нѣтъ, уста его, каплющая премудрость, будучи возбуждены и движимы глубокимъ чувствомъ благодарности, не могли не изліять и изліяли обильные токи благодатныхъ глаголовъ его. Вотъ почему, между прочимъ, настоящій псаломъ, какъ выраженіе сего чувства, сравнительно съ другими, довольно обширенъ, хотя для пророка, вѣроятно, казался еще слишкомъ сокращеннымъ. Здѣсь кстати, мимоходомъ, замѣтимъ, какъ много ошибаются и худо понимаютъ свойство природы человѣческой и способъ благоугожденія Богу тѣ изъ насъ, которые, помнивши слова небснаго Учителя: *молщися же не лишше глаголите, якоже язычници: мнятъ бо, яко во многоглаголаніи своемъ услышани будутъ; не подобитесь убо имъ* (Мат. 6, 7. 8), составили для себя правило, что для спасенія нѣтъ надобности въ продолжительныхъ моли-

твахъ, что для сего достаточно молитвъ краткихъ, нѣмецкихъ или французскихъ, и на семь основаніи одни перестали вовсе молиться, довольствуясь, какъ говорятъ они, одними вздохами и восклицаніями изъ глубины души, а другіе, оставивъ Боговдохновенныя молитвы своей церкви, обратились къ чужимъ человѣческимъ, которыхъ все достоинство состоитъ въ одной только краткости и, быть можетъ, еще въ витіеватости. Други мои! Вникните основательнѣе въ смыслъ словъ Христовыхъ, и вы сами увидите, что Онъ воспрещаетъ не продолжительныя молитвы, а многоглаголивныя, т. е. заключающія въ себѣ излишнія слова—безъ чувства, безъ мысли, служація только къ украшенію, или напрасному распространенію рѣчи, каковы были языческія и каковы большею частію иностранныя: *ибо молящеся, сказалъ Онъ, не лишне глаголите, яко же язычницы.* Бесѣдуя съ Богомъ не время думать о краснорѣчїи, и къ чему оно? Бога не обманешь. Богъ любитъ, чтобы слова молитвы нашей исходили изъ сердца, или усвояемы были сердцемъ, а сердце, искренно преданное Богу, не скоро и не легко разстается съ усладительною для него бесѣдою. Вы знаете, что псалмопѣвецъ не осужденъ за продолжительныя псалмы свои, почему? Потому что, при всей продолжительности, не было въ нихъ излишняго многоглаголанія, и не языкъ только, но и вмѣстѣ сердце говорило въ нихъ. Вы знаете также, что апостоль Павелъ, бывъ въ Троадѣ, дѣлкую ночь провелъ въ молитвѣ и совершеніи литургіи и съ нимъ всѣ Христіане. Вы знаете, наконецъ, что самъ Иисусъ Христосъ, во днѣхъ плоти своей, не спѣшно и кратковременно, но прилѣжно молящеся, съ такимъ притомъ трудомъ и изнуреніемъ, что, по свидѣтельству Евангелиста, *бысть потъ Его, яко капли крове, падающія на землю.* Но возвратимся къ псалмопѣвцу.

Онъ обѣщаль повѣдать чудеса Господни, обѣщаетъ вмѣстѣ веселиться и радоваться о Господѣ и пѣть имени Его. *Возвеселюся, говорить онъ далѣе, и возрадуюся о Тебѣ, Господи; пою имени Твоему, Вышній* (ст. 3). Такимъ образомъ мужъ праведный выражаетъ свою благодарность къ Богу Спасителю и защитнику своему четырьмя способами: 1) исповѣданіемъ предъ Нимъ, 2) повѣданіемъ чудесъ Его, 3) веселіемъ и радостію о Немъ и 4) пѣніемъ имени Его. Замѣтить это нужно намъ, потому что мы нерѣдко и въ то время, какъ благодаримъ Бога, оскорбляемъ Его, не зная, какъ достойно благодарить Его. Евангельскій фарисей, вошедши во храмъ Іерусалимскій, воззвалъ: *Боже, благодарю Тя.* Казалось бы, что могло быть лучше сего? Но подивитесь, братіе, сія самая благодарность столько оскорбила Бога, что безразсудный фарисей вышелъ изъ храма уже осужденнымъ и отверженнымъ. Не правда ли, что такая благодарность столько же неблагодарна была для самага фарисея, сколько для Бога.

Возвеселюся и возрадуюся о Тебѣ. Веселиться и радоваться есть дѣло, кажется, не трудное; но веселиться и радоваться о Господѣ святой Златоустъ называетъ важнымъ дѣломъ христіанскаго любомудрія, слѣд. не совсемъ легкимъ и не для всякаго удобнымъ, а самъ псалмопѣвецъ называетъ это работою, которую должно производить со страхомъ и трепетомъ. *Работайте, говорить онъ, Господеви со страхомъ и радуйтесь Ему съ трепетомъ* (Псал. 2, 11). Слѣд. одно соединеніе чувства радости съ чувствомъ страха такъ, чтобы одно другому не только не мѣшало, но наиболѣе способствовало и усиливало его, составляетъ уже не малое затрудненіе. Словомъ, радость о Господѣ есть тайна, которую знаютъ одни только праведные, посему-то безъ сомнѣнія и пророкъ съ предложеніемъ о сей радости обращается къ праведнымъ: *ве-*

селитесь о Господь, говорить онъ, и радуйтесь правед-
ний и хвалитесь вси правии сердцемъ (Псал. 31, 11);
есть подвигъ цѣлой жизни, есть наука, которую должно
изучать непрестанно: радуйтесь всегда о Господь, увѣ-
щаваетъ Апостоль. Ибо кто радуется о Господь, тотъ
не радуется ни о чемъ, кромѣ Господа, тотъ чуждъ всего
въ мѣрѣ, всѣмъ земнымъ пренебрегаетъ, ни въ чемъ не
находитъ для себя утѣшенія и удовольствія, кромѣ еди-
наго Господа. Въ немъ, какъ неисчерпаемомъ источникѣ,
неоскудно почерпаетъ онъ всѣ свои наслаждения; услаж-
дается, подобно царю Израилеву, Его закономъ, восхи-
щается Его словами (Псал. 118, 162), утѣшается Его
дѣлами (91, 5), проповѣдуетъ Его правду (50, 16), вос-
хваляетъ Его милость (30, 8), радуется о спасеніи Его
(19, 6). Короче сказать, нѣтъ времени, нѣтъ мѣста и
нѣтъ состоянія, въ которомъ бы скорбь и огорченіе, пе-
чаль и смущеніе могли проторгнуться въ его радостотвор-
ное сердце, потому что Богъ мира и утѣшенія съ нимъ,
или, лучше сказать, въ немъ. *Во вѣкъ возрадуются,* го-
воритъ пророкъ о таковыхъ, *и вселишия въ нихъ*
(Псал. 5, 12). Блаженное состояніе! Кто не пожелаетъ
его? Но для сего нужно оставить радости міра, прекра-
тить забавы плоти, отказаться отъ суетныхъ надеждъ и
желаній и прилѣпиться къ единому Богу, и Богъ сердца
нашего не замедлитъ подать *слуху* нашему *радость и*
веселіе, и возрадуются кости смиренныя, возвеселится
сердце и языкъ нашъ, еще же и плоть наша вселится
на упованіи (Псал. 15, 9). Братія! Миръ сей есть юдоль
плача и сѣтованія. Вы сами это знаете и ежечасно чув-
ствуете; не ищите же радости, идѣже нѣтъ радости; обра-
титесь лучше къ Богу, о которомъ единое воспоминаніе
приноситъ сердцу радость. *Помянухъ Бога,* говоритъ
Пророкъ, *и возвеселихся* (Псал. 76, 4).

Пою имени Твоему, Вышній (ст. 3). Вотъ новое
доказательство пламенной любви псалмопѣвца и новый
способъ изъясненія благодарности его къ Богу Спаси-
телю своему—пѣніе Его имени. Въ первомъ случаѣ онъ
поступаетъ по обыкновенію всѣхъ вообще любителей,
которые не удовольствуются тѣмъ, чтобы имя и образъ
любезныхъ имъ особъ сохранять непрестанно въ памяти
и сердцѣ, часто размышлять и воспоминать объ нихъ, живо
представлять ихъ слова и дѣла, мѣста и случаи, въ ко-
торыхъ и при которыхъ, въ такомъ или другомъ видѣ,
являлись они въ пріятныхъ для нихъ отношеніяхъ, но
непремѣнно хотѣть, чтобы цѣлый, такъ сказать, міръ объ
нихъ говорилъ, объ нихъ слышалъ, и ими восхищался
такъ же, какъ и они сами, и для того сочиняютъ въ честь
ихъ и для своего наслажденія стихи и воспѣваютъ пѣсни;
а въ послѣднемъ—подражаетъ онъ Ангеламъ, которые
со дня своего рожденія неумолжно оглашаютъ небо, а
иногда и землю, благодарственно хвалебными пѣснопѣніями
во славу Бога трисвятаго. И такъ, сіе доказательство
любви и сей способъ благодарности весьма естественны.
Но пѣть имени Вышняго, котораго великолѣпіе, по сло-
вамъ самаго же псалмопѣвца, *взятся превыше небесъ,* и
который, по свидѣтельству тайновидца Іоанна, *живетъ*
во свѣтъ непреступномъ, и потому никѣмъ никогда не
былъ видимъ, не легко, и въ строгомъ смыслѣ сего слова,
едва ли даже возможно. Имя обыкновенно выражаетъ
свойства вещи внутреннія или внѣшнія, всѣ, или, по край-
ней мѣрѣ, нѣкоторую часть оныхъ, условно или буквально,
т. е. звукоподражательно, существенно или сравнительно,
т. е., когда имя одной вещи переносится на другую по
нѣкоторому сходству съ первою. Чѣмъ болѣе имя будетъ
обнимать собою свойствъ извѣстной вещи, чѣмъ точнѣе
и полнѣе выражать ея природу и отличительные ея при-
знаки отъ другихъ вещей, тѣмъ имя будетъ совершеннѣе.

Всѣ существа и вещи сотворенныя могутъ имѣть свои имена, хотя не всѣ совершенныя, потому именно, что онѣ сотворены такъ же, какъ и мы, слѣд. имѣютъ одну общую съ нами черту, по которой, хотя бы ни мы, ни другіе не видали ихъ, могутъ быть, по крайней мѣрѣ, отчасти познаны если не сами по себѣ, то чрезъ сравненіе съ другими, и потому наименованы. Но Богъ, сотворившій все, самъ не сотворенъ и слѣд. не доступенъ для ума сотвореннаго и потому непостижимъ. А если непостижимъ, то и безымененъ. Правда, Богъ самъ благоволилъ намъ открыть въ писаніи свое имя, и даже не одно, а многія; но всѣ эти имена не выражаютъ вполнѣ существа и естества Божія, а только различныя Его отношенія къ намъ. Такимъ образомъ и псалмопѣвецъ, когда хочетъ пѣть имени Вышняго, будетъ воспѣвать не существо и естество Божіе, всегда непостижимое и неопи- санное, а только чудныя дѣла Его, въ которыхъ онъ не могъ не видѣть Его къ себѣ благоволенія. *Пою имени Твоему, Вышній.*

Пѣніе и само по себѣ всегда пріятно и усладительно: оно означаетъ довольство нашего духа самимъ собою и своимъ состояніемъ, выражаетъ избытокъ чувствъ, возбужденныхъ и поддерживаемыхъ стройнымъ движеніемъ внутреннихъ силъ и согласнымъ съ нимъ расположеніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Посему-то и апостоль Павелъ говорить о себѣ: *егда благодушествую, пою.* Но пѣніе имени Бога Вышняго, преимущественно предъ всякимъ другимъ, доставляетъ поющимъ и слушающимъ высокія наслажденія. Ибо Богъ нашъ есть Богъ щедротъ и всякія утѣхи; Онъ есть сладость безконечная, красота высочайшая и благо совершеннѣйшее. Отраднo сердцу любящаго одно представленіе, одно воспоминаніе предмета любимаго: убѣленный сѣдинами старецъ съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминаетъ о лѣтахъ своей юности;

чужеземецъ съ наслажденіемъ говорить о своей отчизнѣ и о тѣхъ радостяхъ, которыя вкушалъ онъ тамъ. Но предметы, заимствованныя изъ области чувствъ, изъ круга земной жизни, скудны совершенствами и обильны недостатками. Дабы возбудить и продолжить, поддержать и усилить наслаженіе ими, необходимо нужно возвышать первыя и украшать послѣдніе, или, если возможно, и вовсе скрывать оныя, такъ что все искусство пѣвца-человѣка о предметахъ человѣческихъ въ томъ именно и состоитъ, чтобы самыя неблагопріятныя ихъ стороны представить въ видѣ привлекательномъ, или, умолчавъ объ нихъ вовсе, выставляя на видъ во всемъ блескѣ и красотѣ, во всемъ великолѣпіи и изяществѣ качества противоположныя. Напротивъ, Богъ есть неистощимый источникъ всехъ возможныхъ совершенствъ; здѣсь пѣвецъ находитъ себя совсѣмъ въ другомъ положеніи: онъ живо чувствуетъ и сознается предъ собою, что и мысль его низка, и чувство вяло, и голосъ слабъ въ сравненіи съ тѣмъ, что созерцаетъ его умъ и ощущаетъ его душа.

Лишь мысль къ Тебѣ взнесенъ дерзаетъ,

Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,

Какъ въ вѣчности протекшій мигъ.

сказалъ одинъ, изумленный необъятнымъ величіемъ Божиимъ, пѣвецъ и сказалъ справедливо. *Коль возлюбленна селеніа Твоя, Господи, желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни. Исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣкъ. Велий Господь нашъ и величію Его нѣсть конца,* сказалъ другой. *Велий еси, Господи, и чудна дѣла Твоя и ни едино слово довольно будетъ къ пннью чудесъ Твоихъ,* восклицаетъ третій. Но чѣмъ болѣе чувствуетъ себя пѣвецъ безсильнымъ изобразить неизобразимое, тѣмъ сильнѣе ощущается въ немъ потребность наслаждаться изображеніемъ своего безсилія, воспарять въ безпредѣльность, погружаться въ

безднѣ непостижимаго; тѣмъ быстрѣе движется въ немъ мысль, тѣмъ пламеннѣе становится чувство, тѣмъ стремительнѣе вращается языкъ, тѣмъ сильнѣе обнаруживается желаніе тысящекратно рещи: *пою имени Твоему, Вышній.*

Да, сколь бы часто и много ни воспѣвали мы сіе чудное и славное имя Вышняго, но сіе пѣніе никогда не должно наскучить намъ, или утомить насъ своимъ единообразіемъ; ибо въ семъ единообразіи совмѣщаются многообразныя, или, лучше сказать, безчисленныя совершенства единаго совершеннѣйшаго Существа всѣхъ существъ. Посмотрите на Ангеловъ, сколько тысящелѣтій непрерывно занимаются они симъ пѣніемъ, и не только не утрудились и не соскучили имъ, но съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе наслаждаются онымъ и по мѣрѣ того вкушаютъ радость неизглаголанную и препрославленную. Какъ много, посему, ошибаются тѣ, которые думаютъ, что жизнь пустыльниковъ, обитающихъ въ безплодныхъ пустыняхъ или лѣсахъ дремучихъ, въ удаленіи отъ свѣта, отъ сообщества съ людьми и отъ участія въ, такъ называемыхъ, земныхъ радостяхъ, должна быть крайне скучна и невыносима. О, нѣтъ! Они испытываютъ скуку и смущеніе только тогда, когда, по свойственной человѣку слабости тѣлесной, перестаютъ обращать въ устахъ и въ сердцѣ своемъ сладчайшее имя возлюбленнаго своего Иисуса; во всякое же другое время, когда они, побѣдивъ тяжесть плоти, или восторжествовавъ надъ искушеніями духа злобы, воспѣваютъ духомъ и умомъ и языкомъ радостотворное имя своего Господа, пустыня для нихъ обращается въ небесный рай, а дремучій лѣсъ—въ едемскій садъ. Тогда они въ изобильной мѣрѣ вкушаютъ сладость благодатныхъ утѣшеній и нерѣдко бываютъ въ состояніи подобномъ тому, какое испыталъ нѣкогда апостоль Павелъ, восхищенный до

третьяго небесе, не понимавшій отъ восторга—въ тѣлѣ ли онъ, или внѣ тѣла, и однакожъ слышавшій неизреченныя глаголы, ихъ же не лѣтъ есть глаголати. Тогда имъ міръ со всѣми его радостями представляется жалкимъ и ничтожнымъ, а люди, блуждающіе въ немъ и увлекаемые его прелестями, достойными оплакиванія, злополучными жертвами произвольнаго заблужденія своего. Тогда они, по любви къ человѣчеству, готовы бы были всѣмъ и каждому сказать: прійдите, и повѣмы вамъ вся, елика сотвори Господь душѣ нашей; прійдите и воспойте съ нами, какъ мы съ сладкоглаголивимъ Давидомъ поемъ имени Вышняго; прійдите и усладите нестерпимую горечь вашихъ наслажденій нашимъ пѣніемъ: *вкусите и видите, яко благъ Господь*, воспѣваемый нами, не такъ какъ міръ, безразсудно ублажаемый вами. Во время молитвы, по свидѣтельству преподобнаго Нила Сорскаго, восхищается умъ внѣ хотѣнія въ мысли безплотныхъ; кипитъ изъ сердца присно сладость нѣкая и привлечитъ человѣка всего изъ всего непостижимо на время и время; нападетъ на все тѣло пища нѣкая и радованіе, яко же языкъ плотскій не можетъ сія изрещи, дондеже вся земная пепель и уметы вмѣнить въ памяти сей; и егда найдетъ человѣку оная пища, кипящая во всемъ тѣлеси его, неощущетъ сицевый въ онъ часъ, яко нѣсть ино что небесное царство, точію се (Слов. 2, стр. 25).

Псалмопѣвецъ, указавъ на родъ и содержаніе псалма, указываетъ вмѣстѣ и на время, въ которое воспѣваетъ его. *Внегда*, говоритъ онъ далѣе, *возвратится врагамъ моимъ вспять; внегда изнемоги и пошлунути имъ отъ лица Твоего*. Т. е. пою имени Твоему, Господи, не тогда только, когда утѣсняетъ меня бѣдствіе, преслѣдуетъ злополучіе, окружаютъ и наступаютъ враги, но еще болѣе тогда, когда враги мои обратились вспять, преткнулись и исчезли отъ лица Твоего (ст. 4). Видите и здѣсь, бра-

тія, похвальное любуудріе царя-псалмопѣвца. Онъ не подражаетъ тѣмъ неблагодарнымъ людямъ, которые, въ то время, когда Богъ посылаетъ на нихъ бѣдствія, когда поражаетъ ихъ моромъ и голодомъ, зноемъ и мразомъ, пожарами и наводненіями, войною и землетрясеніями, послѣбно прибѣгаютъ къ Нему, молятъ Его, прославляютъ Его мудрость и всемогущество, благость и правосудіе; но едва отъемлетъ Господь руку свою, едва избавляетъ ихъ отъ злключеній ихъ, какъ они столь же послѣбно забываютъ Его и обращается кійждо во слѣдъ своя похоти. Такъ поступали Іудеи въ разные времена и особенно во времена Судей. Объ нихъ сказано въ писаніи: *егда убиваше я Богъ, тогда взыскашу Его и утреневаху къ Нему.* Такъ поступаемъ обыкновенно и мы, которыхъ одни только тяжкія злключенія, подобныя губительной язвѣ востока, прошлогодней засухѣ и настоящему голоду, воздвигаютъ, и то не всегда и не всѣхъ, на молитву и славословіе Господу; но едва прекращаются они, прекращаются и наши славословія и наши молитвы, и мы спокойно возвращаемся къ прежнимъ беззаконіямъ и къ прежнимъ суетамъ. Напротивъ, Богомудрый царь Израиля и въ то время, когда опасность миновалась, когда враги его разсѣяны, луки и стрѣлы ихъ сокрушены и самая память ихъ отъ гнѣвнаго лица Божія исчезла съ шумомъ, не престааетъ воспѣвать имени Вышняго, прославляетъ всемогущую десницу Его, сотворившую чудо спасенія его. Послѣдуемъ, братія, лучше примѣру Давида, нежели Іудеевъ. Давидъ блаженствуетъ на небѣ во славѣ Отца небеснаго, а Іудеи отвержены и на землѣ во тѣмѣ отца ихъ—дѣвола, его же похоти творятъ донинѣ. Выборъ кажется не трудень. Средства и цѣль предъ нами.

Яко сотворилъ еси судъ мой и прю мою: сплъ еси на престолъ, судай правду. Запретилъ еси языкомъ, и

погибе нечестивый; имя его потребилъ еси въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. Врагу оскудѣша оружія въ конецъ, и грады разрушилъ еси, погибе память его съ шумомъ (ст. 5—7).

Въ сихъ словахъ псалмопѣвецъ объясняетъ причину, почему онъ находитъ необходимымъ славословить и благодарить Бога. Потому, говоритъ онъ, славлю Тебя, Господи, что Ты далъ мнѣ судъ и защиту и возсѣлъ на престолъ, Судія праведный. Ты вознегодовалъ на народы, погубилъ нечестиваго, имя ихъ изгладилъ на вѣки, навсегда. У врага совѣмъ не стало мечей, и города Ты разрушилъ; погибла память ихъ съ шумомъ. Ничего не можетъ быть справедливѣе, какъ сія благодарность и сіе славословіе Богу, творящему судъ и правду. Но въ семъ славословіи и благодарности достойно особеннаго замѣчанія то, что пророкоцарственный Давидъ усмотрѣлъ правду Божию тамъ, гдѣ другой на его мѣстѣ, быть можетъ, и не подозрѣвалъ бы ее, или нашелъ бы только правду свою, а правды Божіей вѣроятно не сталъ бы даже и доискиваться. Вотъ обстоятельства, въ которыхъ онъ, какъ примѣтно изъ его собственныхъ словъ, въ то время находился. Враждебные народы, окружая его царство, многократно вторгались въ предѣлы онаго, вносили мечь и огонь въ мирныя селенія и разнымъ образомъ оскорбляли и притѣсняли его подданныхъ. Но между многими врагами особенно беспокоилъ его одинъ, который отличался отъ прочихъ и своимъ богатствомъ и могуществомъ, и многочисленностію войскъ и неприступностію стѣнъ и крѣпостей, и личною храбростію, искусствомъ и опытностію въ брани, и сильнымъ вліаніемъ на другихъ, и наибольшимъ ожесточеніемъ противъ Давида. Давидъ все это зналъ и видѣлъ, скорбѣлъ духомъ и однакожь молчалъ; онъ былъ въ сіе время, по его же выраженію, *яко глухъ не слышай, и яко нѣмъ не отверзаятъ устъ своихъ, или яко*

человѣкъ не слышай и не имѣй во устьхъ своихъ обличенія (Псал. 37, 14); ибо онъ, подобно тому, какъ послѣ училъ Апостоль, не желалъ воздавать зломъ за зло, но хотѣлъ благимъ побѣдить злое, не желалъ также отмщать самъ за себя, помня слова Господа: *Милъ отмщеніе, Азъ воздамъ*, но благодушно предавалъ судьбу свою и народа своего Богу, судящему праведно (Рим. 12, 17. 19. 21). Когда же увидѣлъ онъ, что его великодушіе не только не останавливаетъ дерзости и наглости враговъ его, но какъ-бы болѣе поощряетъ оныя, что его терпѣніе не только не погашаетъ злобы и ненависти враждующихъ противъ него, но паче воспаляетъ оныя, тогда, въ слезной молитвѣ призвавъ на помощь Бога, свидѣтеля невинности своей и Судію нелицепріятнаго, исходитъ на брань, сражается съ врагами сильнѣйшими и многочисленнѣйшими и побѣждаетъ ихъ такъ, что и память ихъ исчезаетъ съ шумомъ. Казалось бы, что ходъ сихъ событій есть самый обыкновенный. Здѣсь нѣтъ ничего ни слишкомъ поразительнаго, ни особенно чудеснаго, что прямо бы указывало на сверхъ-естественную силу Божію, дѣйствовавшую въ оныхъ. Правда, борьба была не равная, силы малыя восторжествовали надъ большими; но это нашимъ любомудрамъ нисколько не помѣшало бы изъяснить сіи событія такъ, чтобы вся честь побѣды принадлежала одному только порфиросному побѣдителю, безъ раздѣла съ кѣмъ либо другимъ, а особенно съ Богомъ, котораго они не видятъ и которому, относительно участія Его въ дѣлахъ человѣческихъ, такъ мало вѣрятъ. Они, безъ сомнѣнія, нашли бы достаточныя къ объясненію сей маловажной несообразности средства съ послѣдствіями причины то въ искусствѣ и предпримчивости самаго побѣдителя, то въ отважности и мужествѣ войскъ, имъ предводимыхъ, то въ нечаянности нападенія, то въ быстротѣ движенія, то въ обстоятельствахъ мѣстныхъ, которыя

прежде были какъ-то благопріятны для враговъ Давида, а теперь вдругъ сдѣлались благопріятными для самаго Давида, хотя сами въ себѣ ни мало не перемѣнились, то, наконецъ, въ томъ, то въ другомъ, или въ чемъ бы то ни было, только не въ Богѣ. Вѣроятно были подобные мудрецы и во Израили, которые, въ минуту торжественнаго его возвращенія съ мѣста битвы, спѣшили ему во срѣтеніе съ своими хвалами и восклицаніями, съ своими услужливыми толкованіями и раболѣпными объясненіями, превозносили его мужество и отвагу, славили его мудрость и проницательность, воспѣвали его оружіе, удивлялись его доблестямъ, соплетали и силились возложить вѣнокъ побѣдный на Боговѣнчанную главу его. Но Давидъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые охотно дозволяютъ себѣ и другимъ утѣшать ихъ самолюбіе и обольщать суетнымъ призракомъ славы временной, и чрезъ то теряютъ славу вѣчную. Просвѣщенный вѣрою взоръ его видѣлъ далѣе и лучше другихъ. Какъ нѣкогда жены Израилевы, послѣ знаменитой побѣды его надъ Голиафомъ, напрасно воспѣли ему: Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ тьмы; онъ приписалъ сію побѣду не своей силѣ и искусству, но единственно благоволенію Божію, такъ и здѣсь въ своей побѣдѣ онъ видѣлъ только праведный судъ Божій, совершившійся надъ врагами его, а себя признавалъ не больше, какъ орудіемъ, употребленнымъ для произведенія суда сего, или, иначе сказать, онъ видѣлъ здѣсь не свою правду, но правду Божію, чрезъ него только совершившуюся. *Ты, говоритъ онъ, сотворилъ еси судъ мой и прю мою: возсѣлъ еси на престолъ, судяй правду* (ст. 5).

Какъ мало людей похожихъ на Давида, какъ мало такихъ, которые бы, подобно ему, способны были прозрѣвать сквозь виѣшнюю оболочку событій міра сего во

внутренний ходъ оныхъ, и позади причинъ видимыхъ усматривать невидимый персть Божій, самовластно движущій и распоряжающій оными. Богъ, будучи отъ вѣка праведенъ и преподобенъ во всѣхъ дѣлѣхъ своихъ, творилъ и творить свой судъ всегда и для всѣхъ, и вообще и въ частности, и надъ цѣлыми народами, и надъ каждымъ человѣкомъ въ ежедневныхъ случаяхъ и приключеніяхъ жизни ихъ. Но многіе ли примѣчаютъ сей судъ и сего Судію, неотлучно присѣдающаго и тайнымъ помысламъ души ихъ и внѣшнимъ дѣяніямъ воли ихъ и, сообразно съ качествами тѣхъ и другихъ, изрекающаго свои приговоры о судьбѣ ихъ? *Гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совѣтчикъ вѣка сего*, который бы, устранивъ причины второстепенныя обстоятельствъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ для насъ, указалъ намъ главнаго виновника такой или другой переменѣ оныхъ? Ахъ! *слабоуміе себе быти мудри*, паче прочихъ обюродыша. *Мнящіеся вожди слѣпыхъ быти, сами слѣпы суть*, и, ведя за собою другихъ, вмѣстѣ съ ними низвергаются въ ровъ погибельный. Они, по слѣпотѣ своей, заставляютъ насъ вѣрить только тому, что, за недостаткомъ зрѣнія, сами они осязать могутъ руками своими, а что недоступно для чувства осязанія ихъ, то рѣшительно отвергать велятъ, какъ ночной призракъ, или какъ пустую мечту, и мы имъ покорствуемъ. Но какъ грубо ошибаются они въ сего заключеніи своемъ! Други мои! сказалъ бы я имъ, возьмите цѣлебнаго коллурія, который подаетъ вамъ Ангелъ въ откровеніи Іоанновомъ, помажьте имъ очи свои и потомъ взгляните на міръ Божій, окружающій васъ, не видите ли, какъ все въ немъ живетъ и движется силами невидимыми, а для невидимыхъ силъ надобно предположить и движителя невидимаго; почему же вы, подчиняя Ему все, хотите исключить только самихъ себя изъ подъ Его вліянія? Нѣтъ, возлюбленные братія, *о Немъ мы*, по

Апостолу, *живемъ и движемъ и существуемъ*, такъ же, какъ и все остальное въ мірѣ видимомъ и невидимомъ; *въ Немъ всяческая состоится*, состоимся и мы; Его судъ и правда есть всеобщій законъ для всего сущаго на землѣ и на небѣ, строжимся подъ симъ же закономъ и мы; да преидемъ нѣкогда въ свободу чадъ Божіихъ. *Востани убо, Господи, и суди земли, яко Ты насмѣдиши во всѣхъ языцехъ, мы же людіе Твои и овцы пажити Твоя, исповѣмся Тебѣ во вѣкъ, въ родъ и родъ возвѣстимъ хвалу Твою* (Псал. 78, 13).

Судъ для Бога всемогущаго и всевѣдущаго не составляетъ труда: Ему стоитъ только возсѣсть на престолъ, изрещи единое слово или даже бросить одинъ только взглядъ, и тогда все по Его слову и мановенію совершается. Послушайте, какъ описываетъ Его пророкъ: *возсѣлъ еси на престолъ, судилъ правду*, говоритъ онъ, *запретилъ еси языкомъ и пошпе нечестивый, имя его потребилъ еси во вѣкъ и во вѣкъ вѣка. Врагу оскудыша оружія въ конецъ и грады разрушилъ еси, пошпе память его съ шумомъ* (ст. 6. 7). Видите, что Богъ едва только возсѣлъ на престолъ суда, изрекъ слово прещенія; какъ нечестивый погибъ, имя его потребилось, оружія не стало, грады разрушились и память его исчезла съ шумомъ. Или, по другому изображенію того же псалмопѣвца: едва Онъ сокроетъ лице свое, какъ все прійдетъ въ смятеніе; едва отниметъ духъ отъ живущихъ тварей, какъ всѣ онѣ умрутъ и въ персть свою возвратятся; едва взглянетъ на землю и она затрепещетъ; едва коснется горь и онѣ воздымаются (Псал. 103, 29. 32). Но то и другое изображеніе, какъ составленное человѣкомъ и для человѣковъ, слѣдъ человѣкообразно и примѣнительно къ дѣйствіямъ человѣческимъ, необходимо требующимъ большаго или малаго времени для своего совершенія, въ чемъ Богъ вѣчный, какъ Творецъ времени, живущій и дѣй-

ствующій внѣ условій времени, не имѣть никакой надобности, при всей выразительности своей, слишкомъ еще недостаточно, для означенія во всей полнотѣ, изумительной и непостижимой быстроты судопроизводства Божія. Судъ Божій есть судъ мгновенный, такъ какъ и всякое дѣйствіе Божіе, не смотря на необъятную огромность и величіе свое совершается въ одно мгновеніе ока. Богу, собственно говоря, для произведенія суда не нужно ни восходить на престолъ, ни выслушивать подсудимыхъ, ни разбирать дѣла и призывать свидѣтелей, ни соображать съ закономъ, но Его божественный умъ, созерцающій вся сущая отъ вѣка и имущая быти на послѣдокъ, испытующій сердца и утробы челоуѣковъ, и несодѣянная ихъ, якоже содѣянная видящій, однимъ взглядомъ, быстрѣйшимъ самой молніи, объемлющій весь составъ дѣлъ челоуѣческихъ съ ихъ началами и побужденіями, съ ихъ причинами и послѣдствіями, однимъ также мгновеннымъ приговоромъ совершаетъ и весь свой судъ. Если же въ писаніи, какъ и въ настоящемъ псалмѣ, говорится, что Богъ возсѣдаетъ на престолъ и обращаетъ къ кому либо слово прещенія или гнѣвный взоръ свой, что разгибаются предъ Нимъ книги, и призываются Ангелы и всѣ святые въ качествѣ свидѣтелей, что Онъ уже приесть оружіе и мечеть стрѣлы въ сопотивниковъ, то симъ означається въ первомъ случаѣ, что мѣра долготерпѣнія Божія для нихъ исполнилась, и настало время суда и наказанія, а въ послѣднемъ—что сей судъ и наказаніе уже совершаются. О, если бы глубже постигли мы и точнѣе изучили тайну суда Божія, совершающагося и имущаго совершитися надъ сынами челоуѣческими, то вѣрно не стали бы обижать и злословить другъ друга, притѣснять бѣдныхъ и беззащитныхъ, расхищать дома вдовъ и сиротъ; вѣрно одни изъ насъ перестали бы надѣяться на силу и богатство свое, на покровительство

высшихъ, на защиту сильныхъ земли, а другіе роптать и унывать въ своихъ бѣдствіяхъ и зоключеніяхъ. Ибо всѣмъ намъ есть Господь.

Господь во влкъ пребываетъ: готова на судъ престолъ свой. И той судити иматъ вселенный въ правду, судити иматъ людемъ въ правотъ (ст. 8. 9). Пророкъ, указавъ на судъ Божій надъ врагами своими—судъ страшный и поразительный, окончившійся для нихъ не только сокрушеніемъ ихъ оружія, разрушеніемъ твердынь ихъ и наконецъ постыднымъ бѣгствомъ и униженіемъ ихъ, но и истребленіемъ самой памяти ихъ отъ земли живыхъ, указываетъ вмѣстѣ на подобный судъ и для всѣхъ тѣхъ, которые, подобно врагамъ Давидовымъ, будутъ притѣснять бѣдныхъ, оскорблять беззащитныхъ, обижать невинныхъ, гнать и преслѣдовать праведныхъ. *Господь, говоритъ онъ, во влкъ пребываетъ: готова на судъ престолъ свой* (ст. 8). Не думай, нечестивый, что ты одинъ можешь ускользнуть отъ праведнаго суда Божія, хотя никто изъ подобныхъ тебѣ не избѣжалъ онаго: каратель твой еще живъ, и никогда не престанетъ жить, мститель твой выну предъ тобою, ибо Онъ вѣченъ и неизмѣненъ. Все преходить, все разрушается отъ времени, все обещаваетъ и все измѣняется, но Онъ всегда тотъ же, и лѣта Его не оскудѣвають. *Азъ Господь Богъ вашъ, свидѣтельствуетъ Самъ Онъ о Себѣ, и не измѣняюся. Какъ въ Онъ былъ вчера, таковъ и теперь, таковъ будетъ и послѣ въ безконечные вѣки. Какъ въ Онъ былъ вчера? Оглянись для сего назадъ, посмотри на тѣхъ, пути коихъ ублажаешь ты въ сердцѣ своемъ и столъ сѣшно по нимъ шествуешь, и скажи мнѣ, гдѣ они и что они нынѣ? Гдѣ посмѣвавшіеся праведному Ною, егда проповѣдаше покаянiе и строяше ковчегъ въ убѣжище отъ предвозвѣщаемаго имъ потопа? Гдѣ наглые притѣ-*

енителя Авраама и Лота? Гдѣ дерзновенные оскорбители Моисея и Аарона? Гдѣ Фараоны и Ахаавы, Навуходоносоры и Антиохи, Ироды и Пилаты, Нероны и Іуліаны? Что сталося съ ихъ устами, глаголавшими въ высоту, и языкомъ, преходившимъ по земли? Что съ ихъ пышностію и великолѣпіемъ, изумлявшими міръ, съ ихъ славою и могуществомъ, приводившими въ трепетъ народы, что, наконецъ, съ ихъ мечтами и замыслами горделивыми, невмѣщавшимися на землѣ, но восходившими выше небесъ и самому престолу Вышняго соприкасавшимися? На всѣ сіи вопросы и другіе подобные имъ пророкъ отвѣчаетъ однимъ событіемъ, котораго самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ: *видѣхъ, говоритъ онъ, нечестиваго перевозносящася и высащася, яко кедры ливанскія, и мимо идохъ, и се не бѣ, и не обрѣтешя мѣсто его; ибо участь одного есть участь всѣхъ. Всѣхъ ихъ десница Господня низложила въ прахъ и самыя слѣды бытія ихъ на землѣ свѣяны съ лица земли бурнымъ дыханіемъ Вседержителя и сглажены грознымъ шествіемъ праведнаго суда Его. Хочешъ ли знать, каковъ сей Судія теперь, не изнемогъ ли Онъ въ низложеніи враговъ Давидовыхъ, не ослабѣла ли ревность Его по правдѣ и истинѣ, не погасло ли мщеніе Его противъ сопротивниковъ? Возри окрестъ себя и прикинь слухомъ твоимъ къ вѣщаніямъ Слова присноживотнаго: не слышишь ли, какъ Онъ взываетъ въ немъ и нынѣ, такъ же какъ прежде: *Милъ отмщеніе, Азъ воздамъ?* не видишь ли, какъ враги креста Христова, ежедневно и ежечасно ополчающіеся противъ святой Его церкви и избранныхъ чадъ ея, то съ той, то съ другой стороны подходящіе къ ней, съ огнемъ и мечемъ, съ угрозами и ласкательствомъ, съ соблазнами и искушеніями устремляющіеся на нее и подъ самыя основанія ея подкапывающіеся, какою-то невидимою силою отражаемыя и поражаемые, ежедневно и ежечасно падаютъ и*

сокрушаются, яко сосуды скудельничи, а церковь, яко столпъ и утвержденіе истинны, стоитъ непоколебимо, а праведники, яко гора Сионъ, не подвижнутся во вѣкъ? Чья же это сила, отражающая и сокрушающая сихъ враговъ церкви Божіей? Вѣрно Того, Кто сказалъ: *на семь камней созижду церковь Мою и, врата адовы не одолѣютъ ей;* вѣрно Того, Кто изрекъ: *нынѣ судъ міру сему и князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ;* вѣрно Судія живыхъ и мертвыхъ, невидимаго, но видимо совершающаго судъ свой. Желашъ ли, наконецъ, предвидѣть, каковъ будетъ Судія сей послѣ и всегда? Послушай о семъ Пророка. Онъ говоритъ, что судящій Господь не только пребываетъ во вѣкъ, но и престолъ свой уготовалъ на судъ, а если уготовалъ, то вѣрно не напрасно уготовалъ, если уготовалъ на судъ, то значить и будетъ судить; ибо *Богъ не яко человекъ колеблетя, ни яко же сынъ человѣческой измѣняется;* не только дѣйствія Его, но и слова и намѣренія Его не бывають втунѣ и *всѣ, елика речеть, сбываются, и елика совѣщаетъ во умъ своемъ, пріидутъ во время свое.* Кого же и какъ будетъ судить? *Судити иматъ вселенный въ правду,* отвѣчаетъ Пророкъ, *судити иматъ людемъ въ правотъ* (ст. 9). Итакъ, тщетна надежда наша и напрасно ожиданіе наше особеннаго и исключительнаго для насъ снисхожденія. Законъ правды есть общій для земли и для неба, для времени и для вѣчности. Богъ праведный какъ здѣсь, такъ и тамъ, какъ по сю сторону гроба, такъ и за гробомъ будетъ судить насъ праведно: *судити иматъ вселенный въ правдѣ и людемъ въ правотъ и воздати комуждо по дѣломъ его, блага или зла, яже съ тѣломъ содѣла.* Онъ не замѣнитъ правосудія милосердіемъ, ниже милосердія оставитъ ради правосудія, напротивъ, то и другое какъ было, такъ и будетъ соединено въ Немъ вѣчно и неразрывно: *милость и истинна,* говоритъ пророкъ, *срътостъся въ Немъ, правда и миръ*

*облобызастася; иначе сказать, Богъ никогда не преста-
нетъ быть Богомъ, Богомъ праведнымъ и вмѣстѣ мило-
сердымъ, милосердымъ и вмѣстѣ правосуднымъ. Господь
пребываетъ во вѣкъ.*

*И бысть Господь приближище убогому и помощникъ
во благовременіихъ въ скорбѣхъ* (ст. 10). Отрадное убѣ-
жище и пристань безопасная! Кто не пожелаетъ укрыться
въ нихъ отъ бурь и треволней житейскихъ? Кто не
поспѣшитъ къ сему помощнику, всегда готовому и всегда
надежному? Но увь! Входъ въ сію благоутишную при-
стань и убѣжище и свободный доступъ къ сему вѣрному
помощнику открываетъ пророкъ только убогому. *Господь,*
говоритъ онъ, *приближище убогому и помощникъ во благо-
временіихъ въ скорбѣхъ.* Значить, богатые не допускаются
и не могутъ быть допущены сюда. Но какіе разумѣются
здѣсь богатые? Конечно не такіе, каковы были Ювъ и
Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, Іоакимъ въ Вавилонѣ и Іосифъ
въ Іерусалимѣ и подобные имъ, которые и при богатствѣ
своемъ всегда жили въ помощи Вышняго и обитали въ
кровѣ Бога небеснаго, такъ что и Самъ Богъ называлъ
Себя по преимуществу Богомъ ихъ: *Азъ есмь Богъ Авра-
амовъ,* говоритъ Онъ, *Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковъ,*
но такіе, каковы были два евангельскихъ богача и ка-
ковы были Ананія и Сапфира, которые собирали богат-
ство себѣ, а не въ Бога богатѣли, больше надѣялись
на суетныя блага міра сего, нежели на Бога вся содер-
жащаго, такіе, о которыхъ пишетъ Апостолъ къ Тимоѳею:
*богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высокоумдр-
ствовать, ниже уповати на богатство поблжающее, но
на Бога жива, дающаго намъ вся обильно въ наслажде-
ніе* (1 Тим. 6, 16). Впрочемъ вы лучше о семъ можете
судить по убогому, о которомъ упоминаетъ пророкъ. Кто
же этотъ убогій? Кто хотя сколько нибудь ознакомился

съ языкомъ и свойствами пророка, тотъ безъ труда у-
знаетъ въ лицѣ сего убогаго самого пророкоцарственнаго
Давида. Въ другомъ мѣстѣ онъ самъ себя ясно назы-
ваетъ таковымъ и только другими словами, но ту же
мысль повторяетъ, какую и здѣсь высказываетъ. *Азъ же
нищъ есмь и убогъ, Господь попечется о мнѣ. Помощ-
никъ мой и защититель мой еси Ты, Боже мой* (Псал.
39, 18). Какъ! подумаетъ иной: могущественный царь
Израилевъ, побѣдитель многихъ народовъ, обладатель
земли точащей медъ и млеко, обитатель великолѣпнаго
дворца кедроваго, коего сокровищницы были полны злата
и сребра, домашняя утварь изъ слоновой кости, одежда
изъ пурпура и виссона, вѣнецъ сіялъ драгоценными кам-
нями, могъ ли быть нищимъ и убогимъ? Такъ, возлюб-
ленные! Онъ все это имѣлъ и, не смотря на то, называлъ
себя нищимъ и убогимъ, и называлъ искренно и нелице-
мѣрно, почему? потому, что вся сія вмѣнялъ, подобно
Апостолу, *тщету быти.* Онъ зналъ и совершенно увѣ-
ренъ былъ, что все это ничтожнѣ праха и слабѣ тѣни
преходящей и мгновенно исчезающей, и что одна только
добродѣтель составляетъ для насъ надежную собствен-
ность. А что добродѣтель составляетъ нашу неотъемле-
мую собственность, то это видно изъ того, что куда бы
мы ни пошли, вездѣ ее съ собою носимъ, блага же міра
сего не всегда и не всѣ можемъ носить съ собою; но
что ближе къ намъ, то и собственнѣе намъ, слѣд. добро-
дѣтель собственнѣе намъ, нежели богатства; потому что
она всегда ближе къ намъ, а приближеніе ея прибли-
жаетъ къ намъ и Бога съ Его всесильною помощію и
готовымъ заступленіемъ. Послушайте, что пророкъ Исаія
обѣщаетъ добродѣтельному. *Тогда воззовеши,* говоритъ
онъ ему, *и Богъ услышитъ тя, и еще глаголющу ти,
речетъ: се придохъ* (Исаія 58, 9). Видите, какъ близокъ
Богъ къ тѣмъ, которые приближаютъ къ себѣ добродѣ-

тель, устранивъ отъ себя все, что препятствуетъ сему сближенію. Посему-то и Давидъ, при всемъ богатствѣ своемъ царственномъ, забываетъ о богатствѣ и называетъ себя нищимъ и убогимъ; при всемъ обиліи средствъ къ защитѣ вещественныхъ, почитаетъ себя беззащитнымъ, дабы, стяжавъ чрезъ сіе добродѣтель смиренія и упованія на Бога, стяжать вмѣстѣ съ нею и помощь Божію. Онъ имѣлъ коней и колесницы, оружіе и воиновъ, укрѣпленные лагеря и огражденные высокими стѣнами города, но не сказалъ: мнѣ были убѣжищемъ кони и колесницы, оружіе и воины, лагеря и стѣны, а что? *Господь приближище убогому*, сказалъ онъ. Онъ поставилъ меня въ безопасности, Онъ покрылъ меня щитою своимъ въ день брани, Онъ своею силою укрѣпилъ слабыя мышцы мои и сокрушилъ враговъ. Инымъ служатъ убѣжищемъ хитрости; но употребленіе хитростей не всегда и не вездѣ удобно: оно требуетъ мѣста и времени и безчисленнаго множества другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, а часто одно изъ нихъ уничтожаетъ выгоду всѣхъ прочихъ и убѣжище превращаетъ въ гибельную засаду, напротивъ, убѣжище, доставляемое Богомъ, тотчасъ и готово, и всегда вѣрно, если только мы искренно и усердно ищемъ его. Здѣсь не нужно переходить съ мѣста на мѣсто, не нужно выжидать и изыскивать благопріятнаго времени, не нужно прибѣгать къ такимъ или другимъ уловкамъ и изворотамъ, а можно и сидя въ домѣ, и во всякое время, и безъ всякихъ побочныхъ соображеній избавиться отъ опасности, получивъ помощь отъ Господа спасающаго; ибо помощникъ нашъ всегда и вездѣ близъ насъ и никто и ничто не воспрепятствуетъ Ему ниспослать намъ свою помощь, когда Онъ только восхочетъ. *Богъ приближайся Азъ есмь, глаголетъ Господь, а не Богъ издалеча* (Иер. 23, 23). Стоитъ только изъ глубины души и съ сокрушеннымъ сердцемъ воззвать къ Нему о

помощи и Онъ непременно пошлетъ ее; ибо *близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя душою спасетъ*. Спаси ны, Господи, и мы воидемъ къ Тебѣ; ибо враги спасенія нашего, яко пси мнози, обышедше обыдоша насъ, а мы только именемъ Твоимъ противляемся имъ. Прииди убо; не закосни.

Господь бысть помощникъ во благовременіихъ, въ скорбяхъ (ст. 10). Помощь благовременная, помощь, оказанная въ то время, когда мы наиболѣе имѣемъ въ ней нужду, когда силы наши измѣняютъ намъ, а угрожающее намъ бѣдствіе своею огромностію готово подавить и сокрушить насъ, когда и послѣдній лучъ надежды къ избавленію отъ онаго погасаетъ во мракѣ скорби и отчаянія, есть помощь двойная: здѣсь мы вдвойнѣ чувствуемъ себя счастливыми—и потому, что избавились отъ бѣдствія, и потому, что избавились въ такое время, когда собственные силы наши истощились и оставили насъ въ безнадежномъ состояніи. Минувшая скорбь возвышаетъ цѣну настоящей радости. Это тоже, что и чаша студеной воды для человѣка, томимаго зноемъ и жаждою, тоже, что и укрупъ хлѣба для человѣка, истаявающаго отъ глада. Въ другое время вода и хлѣбъ не составляютъ еще богатаго угощенія: *душа въ сытости суици*, говоритъ премудрый, *и соматъ ругается* (Прит. 27, 7), но во время глада и жажды это суть такія блага, съ которыми ничто въ мірѣ сравниться не можетъ. И вы знаете, слушатели, какъ высоко цѣнить ихъ самъ Иисусъ Христосъ, когда за одно сіе благодѣаніе, сдѣланное во имя Его, обѣщаетъ царство небесное. Столь важна и драгоценна помощь во благовременіихъ, въ скорбяхъ, и человѣколюбивый Господь всегда и всякому готовъ ниспослать ее, если только желающіе обрѣсти ее будутъ столь же ревностно искать, столь же искренно просить и твердо надѣяться,

какъ и благочестивый царь Израилевъ, ибо, по непреложному закону правды Божіей, въ раздаяніи даровъ благодости Отца небеснаго, только просай приѣмлетъ и ищай обрѣтаетъ оныя, и притомъ просай и ищай не просто, а съ вѣрой и упованіемъ, *ничтоже сумняся, сумняйся бо*, по словамъ апостола Іакова, *уподобися волненію морскому, вѣтры возметаему и развѣваему*, а на зыбкихъ волнахъ моря возможно ли утвердить что либо прочно и надежно? *Таковій человекъ*, продолжаетъ тотъ же Апостоль, *да не мнитъ, яко приѣметъ что отъ Бога: мужъ бо двоедушенъ не устроенъ во всѣхъ путехъ своихъ* (Іак. 1, 6—8). И человекѣи человекамъ когда хотятъ подать руку помощи, требуютъ отъ нихъ безусловнаго къ себѣ довѣрія и непрекословной покорности, тѣмъ паче нужно имѣть то и другое въ отношеніи къ Богу. Это такое условіе, безъ котораго никакая помощь не возможна, или недѣйствительна. Но человекамъ, при всемъ ихъ желаніи помочь страждущимъ собратіямъ своимъ, и при всемъ довѣрїи и покорности ищущихъ сей помощи ихъ планамъ и распоряженіямъ, не рѣдко приходится только пожалѣть вмѣстѣ съ ними о своемъ безсилїи, поскорѣть о ихъ несчастїи, посѣтовать на неожиданно встрѣтившіяся препятствїя и подосадовать то на тѣхъ, то на другихъ виновниковъ злополучїя, безъ всякой пользы для страждущихъ, съ единственнымъ намѣреніемъ прикрыть и оправдать самихъ себя, между тѣмъ какъ Богъ всегда есть вѣрный и надежный помощникъ для всѣхъ призывающихъ Его. Ему ничто не воспрепятствуетъ, ничто не остановитъ Его въ исполненїи своихъ намѣренїй; ибо Онъ всемогущъ и независимъ, а человекъ, во всемъ завися отъ Бога, отъ людей и обстоятельствъ, его окружающихъ, не воленъ часто ни въ самомъ себѣ, ни въ своихъ силахъ и способностяхъ; его часто одно слабое дуновеніе вѣтра останавливаетъ на пути препятствїй. Отъ

того помощь Божїя всегда сильна и дѣйствительна, благопоспѣшна и благовременна, между тѣмъ какъ помощь человѣческая рѣдко благовременна, чаще недѣйствительна, еще чаще, или лучше сказать, всегда опасна и не надежна. По сей причинѣ въ св. писанїи повсюду внушается не возлагать надежды на человекѣи, а на одного только Бога надѣяться; всюду ублажаются надѣющїеся на Бога, а порицаются надѣющїеся на человекѣи. Такъ Псалмопѣвецъ убѣждаетъ: *не надѣйтесь на князи и на сыны человеческія, въ нихъ же нѣсть спасенїя: изыдетъ духъ его и возвратится въ землю свою: въ той день погибнутъ вся помышленїя его. Блаженъ мужъ, ему же есть Богъ Іаковъ помощникъ его, упованїе его на Господа Бога своего* (Псал. 145, 3—5); и въ другомъ мѣстѣ онъ же восклицаетъ: *благо есть надѣяться на Господа, нежели надѣяться на человекѣи. Благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи* (Псал. 117, 8. 9). *Проклятъ человекъ, иже надѣется на человекѣи*, говоритъ пророкъ Іеремїя, *и утвердитъ плоть мѣшцы своей на немъ, и отъ Господа отступитъ сердце его, но благословенъ человекъ, продолжаетъ онъ, иже надѣется на Господа и будетъ Господь упованїе его* (Іер. 17, 5. 6). И такъ, возлюбленные братїя, посѣтятъ ли васъ скорби и болѣзни, постигнутъ ли бѣдствїя и злключенїя, придутъ ли на васъ вся злая отъ земли или неба, отъ злобы человѣческой или отъ козней дїавольскихъ, будьте осторожны и внимательны къ самимъ себѣ, не ищите себѣ помощи въ людяхъ, а въ Богѣ—всегда готовомъ помощникѣ во благовременїихъ, скорбѣхъ, а если и въ людяхъ обряцете сію помощь, то взирайте на нихъ не какъ на помощниковъ и избавителей своихъ, но какъ на избранныя орудїя силы Божїей, дѣйствующей въ нихъ къ избавленїю вашему, и упованїе ваше не погибнетъ до конца. Къ сему призываетъ васъ псалмопѣвецъ, который самъ,

обрѣтши въ Богѣ помощника себѣ, желаетъ вмѣстѣ, чтобы и другіе тоже обрѣтали въ Немъ и на Него единого возлагали надежду свою, и потому къ славословію за помощь ниспосланную присовокупляетъ увѣщаніе: *и да уповаютъ на Тя знающіи имя Твое*, говоритъ онъ далѣе, *яко не оставилъ еси взыскающихъ Тя, Господи* (ст. 11). Любвеобильное сердце праведника не хочетъ наслаждаться благомъ пріобрѣтеннымъ одно, но спѣшитъ раздѣлить оное съ другими и указываетъ къ тому вѣрное средство. Какое же сіе средство? Познаніе Бога и твердое на Него упованіе: *да уповаютъ на Тя знающіи имя Твое*, говоритъ онъ. И дѣйствительно, знающіе Бога и на Него уповающіе всегда имѣютъ въ Немъ надежную помощь и защиту, безопасное убѣжище и стѣну несокрушимую, которая не только обѣщаетъ освобожденіе отъ находящихся золь, но и при видѣ ихъ ни мало не позволяетъ возмущаться ими. Ибо кто отрѣшилъ себя отъ привязанностей земныхъ, всецѣло преданъ водительство Божію, тотъ не только усвоилъ себѣ скорѣе избавленіе отъ всякаго рода бѣдствій и злключеній, но и среди самыхъ бѣдствій и злключеній не страждетъ и не возмущается, укрѣпляемый надеждою на помощь свыше. Такъ три еврейскіе отрока, поверженные въ печь Вавилонскую, не только освободились отъ сей печи, но и въ то время, когда пребывали въ ней, оставались невредимыми и радостно воспѣвали хвалу Богу, преложившему для нихъ пламень огненный въ росу прохладную.

Пророкъ, возбуждая въ насъ надежду и упованіе на Бога, не довольствуется своимъ только убѣжденіемъ, но и приводитъ въ подтвержденіе онаго исторію, указывая общимъ выраженіемъ на всѣ тѣ случаи и обстоятельства, въ которыхъ являлъ Богъ всеильную помощь свою взыскающимъ Его. *Яко не оставилъ еси*, говоритъ онъ,

взыскающихъ Тя, Господи. Въ семь случаѣ Давидъ поступаетъ точно такъ же, какъ и поступилъ въ подобномъ случаѣ премудрый сынъ Сираховъ. *Воззрите*, говоритъ послѣдній, *на древнія роды, и видите, кто вѣрова Господеву и постыдѣся, или кто пребысть въ страхъ Его и оставися, или кто призва Его, и презрѣ и (2, 10)?* Но спросятъ иные: какъ взыскуется Богъ вездѣсущій: если Богъ вездѣ, то значить и при насъ, а если вездѣ и съ нами, то казалось бы и нѣтъ надобности искать Его. Правда, Богъ всегда и вездѣ съ нами, но мы, къ несчастію, не всегда и не вездѣ съ Нимъ, или лучше, весьма рѣдко бываемъ съ Нимъ и въ Немъ, а иные, можетъ быть, и никогда. Богъ, по милосердію своему, непрестанно стоитъ при дверяхъ сердца нашего и ударяетъ въ оныя, подобно нищему, прося, какъ милости, впустить Его подъ кровъ, Имъ самимъ и для Себя устроенный, дабы Онъ присутствіемъ своимъ очистилъ и освятить его и насъ облаженствовалъ, а мы, какъ жестокосердые богачи, Ему въ томъ отказываемъ. *Се стою*, взываетъ Онъ, *при дверехъ и толку, да аще кто услышитъ гласъ Мой и отверзетъ двери, вниду къ нему и вечеряю съ нимъ и той со Мною*, а мы на сіе кроткое воззваніе Господа нашего горделиво отвѣствуемъ: *богаты есмы и обогатихомся и ничесоже требуемъ; отступи отъ насъ, путей бо Твоихъ вѣдѣти не хотимъ*. Богъ, подобно отцу чадолюбивому, непрестанно стремится къ намъ, дабы помочь намъ и отвратить насъ отъ пути погибельнаго, но грѣхи наши непрестанно Его отдаляютъ отъ насъ и разлучаютъ съ нами; они-то сограждаютъ то ужасное средостѣніе между Богомъ и нами, которое препятствуетъ Ему приблизиться къ намъ и спасительно дѣйствовать на насъ. *Еда не можетъ рука Господня спасти васъ*, вопрошаетъ пророкъ Исаія, *или отягчилъ есть слухъ свой, еже не услышати васъ. Но грѣхи ваши*

разлучаютъ между вами и между Богомъ и грѣхъ ради вашихъ отверати лице свое отъ васъ, еже не помиловати васъ (59, 1. 2). И такъ, при всей близости Бога къ намъ, мы всегда почти далеки отъ Бога и потому всегда должны искать Его. Но какъ и чѣмъ? Усердною молитвою, непрестаннымъ стремленіемъ къ Нему и всецѣлымъ отрѣшеніемъ себя отъ всего земнаго и житейскаго. Ибо, какъ часто случается, что мы, имѣя вещь предъ глазами и даже въ рукахъ своихъ, ищемъ ее то тамъ, то здѣсь, то въ томъ мѣстѣ, то въ другомъ, бѣгаемъ, суетимся и все-таки не находимъ того, чего ищемъ, хотя искомая вещь у насъ предъ глазами и въ рукахъ нашихъ. Отъ чего же это случается? Отъ того, что мысли наши въ сіе время заняты бываютъ другимъ предметомъ, а потому и глаза ничего не видятъ, кромѣ сего самаго предмета. Такъ же точно, когда умъ и сердце наше будутъ обращены на предметы земные и житейскіе, когда будутъ заняты и прилѣплены къ нимъ всѣмъ своимъ вниманіемъ: тогда, сколько бы мы ни искали Бога, не найдемъ Его и даже не замѣтимъ Его присутствія при насъ, ибо, по словамъ Христовымъ, только *чистые сердца*, т. е. тѣ, у которыхъ сердце ничѣмъ кромѣ Бога не занято, *узрятъ Бога*. Какъ при исканіи благъ земныхъ мы не довольствуемся тѣмъ, что сами ищемъ, но просимъ и другихъ помочь намъ въ томъ, и не рѣдко бываетъ, что чего не могли мы найти одни, то находимъ при пособіи другихъ; такъ еще болѣе при исканіи блага высочайшаго, каковъ есть Богъ, а въ Немъ и всѣхъ прочихъ благъ духовныхъ, мы должны молить и просить другихъ о содѣйствіи намъ своими молитвами и наставленіями, убѣжденіями и увѣщаніями. Вотъ почему апостолы, при всей высокой святости своей и личномъ дерзновеніи къ Богу, просили о содѣйствіи имъ въ дѣлѣ благоговѣствованія слова Божія молитвами не только рав-

ныхъ себѣ, но и низшихъ себя—самыхъ учениковъ своихъ, между коими, какъ новообращенными, конечно были и грѣшники. Такъ, апостоль Павелъ пишетъ къ Римскимъ христіанамъ: *споспѣшествуйте ми въ молитвахъ о мнѣ къ Богу* (гл. 15, 30); онъ же къ Солуняномъ: *молитесь и о насъ вкупѣ, да Богъ отверзетъ намъ двери слова* (4, 3). Тоже и у другихъ апостоловъ. Но исканія благъ земныхъ, при всемъ множествѣ и единодушіемъ усердія, не рѣдко остаются безплодными, напротивъ усердныя исканія благъ духовныхъ никогда не бываютъ тщетными.

Пойте Господеву, живущему въ Сионѣ, возвъстите во языцѣхъ начинанія Его. Яко взыскай крови ихъ поману, не забы званія убогихъ (ст. 12. 13.) Сими словами отъ общаго описанія правды Божіей, обыкновенно открывающейся въ защитѣ притѣсненныхъ и обиженныхъ и имущей нѣкогда торжественно открыться въ судѣ надъ цѣлою вселенной, о чемъ Пророкъ говорилъ въ предыдущихъ стихахъ, теперъ переходитъ онъ къ частному случаю—именно къ недавнему и неожиданному избавленію его самого отъ враговъ сильныхъ и многочисленныхъ, и переходъ сей ясно показываетъ, какъ живо чувствовалъ онъ оказанное ему благодарнаго, его уста изрекали только то, чѣмъ полна была душа его. Посмотрите, какіе благодатные токи излились отъ полноты сей: *пойте Господеву*, вызываетъ восторженный пророкъ, *живущему въ Сионѣ, возвъстите во языцѣхъ начинанія Его*. Пророкъ не довольствуется тѣмъ, что самъ воспѣваетъ хвалы Богу творящему судъ и правду, но хочетъ, чтобы и всѣ другіе—цѣлыя сонмы народовъ, обитающихъ на землѣ, соединили голоса свои съ нимъ въ одинъ хвалебный гимнъ Господу, живущему въ Сионѣ; хочетъ, что-

бы благодарственная пѣснь его слышима была не только въ предѣлахъ царства Израильскаго, но и на всѣхъ концахъ міра подлуннаго, не между Евреями только, но и между язычниками: *возвѣстите во языцѣхъ начинанія Его*, прибавляетъ онъ. Таково свойство истинной, а не лицемерной благодарности! Она не можетъ долго сокрываться и удерживаться во глубинѣ сердца одушевляемаго ею, но подобно быстрому потоку, проторгшемуся сквозь плотину, стремительно изливается во внѣшность и легко сообщается всему, что только можетъ понимать ее и принимать въ ней какое либо участіе. Тщетно запрещаетъ небесный врачъ Исусъ исцѣленнымъ отъ Него больнымъ, чтобы они никому не открывали о своемъ чудесномъ исцѣленіи: исцѣленные, будучи движимы естественнымъ чувствомъ благодарности, скоро забываютъ запрещеніе Его и невольно дѣлаются повсемѣстными проповѣдниками совершеннаго надъ ними чуда и славы Чудотворца смиреннаго. Напрасно Іудейская синагога запрещаетъ слѣщцу Іерихонскому говорить объ Исусѣ, угрожая ему въ противномъ случаѣ всѣмъ, что было страшно для Іудея: слѣпецъ не внемлетъ ея и угрозамъ и прещеніямъ и еще вѣщше прежняго возвѣщаетъ всѣмъ и каждому, что Исусъ Назарянинъ брениемъ отъ плюновения отверзъ ему очи, и се нынѣ не видѣвый отъ рожденія видитъ. Въ такомъ же состояніи былъ и псалмопѣвецъ, когда повелѣвалъ пѣвцамъ Израилевымъ воспѣвать хвалебныя пѣсни Господу, благодѣявшему ему, и возвѣщать дѣла Его даже во языцѣхъ. *Пойте Господеву*, взывалъ онъ, *живущему въ Сіонѣ и возвѣстите начинанія Его во языцѣхъ*. Но вотъ что удивительно въ словахъ псалмопѣвца: онъ своего Господа называетъ живущимъ въ Сіонѣ, а что такое былъ Сіонъ? Сіонъ была гора, на вершинѣ которой сначала стояла скинія Давидова, а потомъ храмъ Соломоновъ, при подошвѣ же и на скатѣ оной построенъ былъ Іеру-

салимъ, почему и называется въ Писаніи дочерію Сіона, какъ будто бы онъ вышелъ изъ нѣдръ Сіона, или, что тоже, родился отъ горы сей. И такъ, жить въ Сіонѣ или на Сіонѣ значитъ тоже, что жить въ Скинии или во храмѣ, слѣд. Давидъ думаетъ и думаетъ, безъ сомнѣнія, непогрѣшительно, потому что думаетъ не самъ по себѣ, а по внушенію Духа Божія, что воспѣваемый имъ Господь, не смотря на то, что есть Господь неба и земли, безпредѣльный, вездѣсущій, безтѣлесный, невмѣстимый, обитаетъ въ Сіонской Скинии или въ походномъ храмѣ Іудейскомъ. Что бы подумали о Богомудромъ Давидѣ наши мнимо-духовные хрістіане, если бы надлежащимъ образомъ поняли то, что такъ, по видимому, усердно читаютъ и поютъ, а нѣкоторые даже знаютъ и на память? О! вѣрно бы не возлюбили его за одно сіе выраженіе, столь несогласное съ ихъ образомъ мыслей, а у него такихъ выраженій и очень много, напримѣръ: *Господь во храмѣ святѣмъ своемъ*, говоритъ онъ въ псал. 10, 3; *услыша Господь отъ храма святаго своего* (17, 7); *блаженъ, иже вселится во дворѣхъ Твоихъ и исполнится во блазихъ дому Твоего: святъ храмъ Твой и дивенъ въ правдѣ*; (64, 5), вѣрно причислили бы и его такъ же, какъ и насъ грѣшныхъ, къ невѣжественной толпѣ идолослужителей. Но остановитесь, высокоумные пѣвцы псалмовъ Давида, всегда учащіяся и никогда же въ разумъ истины могущія прийти: Пророкъ Божій будетъ говорить съ вами. Знаю я, вѣщаетъ онъ, что Господь вездѣсущъ; ибо на всякомъ мѣстѣ владычества Его, невмѣстимъ; ибо *и небо небесе не дозвѣютъ Ему*, и духовенъ; ибо вѣрю, что отъ Духа Его: никуда не возможно ни убѣжать, ни сокрыться: но, не смотря на то, свидѣтельствую вамъ, что Онъ, по милосердію своему, обитаетъ на Сіонѣ въ Скинии и во всякомъ храмѣ, посвященномъ Его имени, и, свидѣтельствуя сіе, имамъ свидѣтельство отъ самаго Бога,

избравшаго сіе мѣсто въ покоище Себѣ; ибо Онъ самъ глаголаше ко мнѣ: *Сіона избрахъ въ жилище Себѣ. Сей покой мой во вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко цзволхъ и* (псал. 131, 14). Знаю также, что не только какой либо храмъ, но и цѣлая вселенная слишкомъ тѣсна для безпредѣльнаго существа Божія, вся содержащаго и ничѣмъ не объемлемаго; ибо *велий Господь нашъ и величію Его нльсть конца*, но, не смотря на то, вѣрю и утверждаю, что Господь живетъ во храмѣ своемъ своею благодатию и своимъ благоволеніемъ, а потому смѣло называю его домомъ Господнимъ; благоговѣнно приступаю къ нему и поклоняюся Ему. *Вниду въ домъ Твой*, глаголю ко Господу въ молитвѣ моей, *и поклонюся ко храму святому твоему во страхъ твоемъ*. Не говорите ли вы и сами, что въ васъ самихъ обитаетъ Господь, но думаете ли вы, что ваше тѣло и даже душа ваша гораздо пространнѣе и достойнѣе для обитанія Господа, нежели храмъ рукотворенный? О, нѣтъ! несравненно тѣснѣе и непомѣстительнѣе его; ибо вы заблудили отъ пути правды и святыни, а всякая неправда не только не допускаетъ Бога вселиться въ насъ, но и приблизиться къ намъ. Какъ дымъ отгоняетъ отъ улья пчелъ, такъ и смрадъ грѣховный отгоняетъ отъ человѣка Бога всесвятаго.

Да и тѣлеса и души истинно святыхъ мужей не столь же ли малопомѣстительны для пріятія Бога безпредѣльнаго, какъ и все въ мірѣ сотворенномъ, и однакожь Богъ безпредѣльный дѣйствительно обитаетъ въ нихъ: *вселюся въ нихъ и похожду*, глаголетъ Господь. Какъ же помѣщается въ нихъ невмѣстимый Господь? Безъ сомнѣнія, не естествомъ и существомъ своимъ, а своею благодатною силою и своимъ особеннымъ благоволеніемъ къ нимъ. Такъ, возлюбленные братія, въ семъ же самомъ смыслѣ, а не въ другомъ какомъ либо, говоритъ апостоль Павель

христіанамъ, пріившимъ въ таинствѣ крещенія Духа Святаго: *не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Духа Святаго суть?* и въ другомъ мѣстѣ: *храмъ Божій есте вы и Духъ Божій живетъ въ васъ*. Въ семъ же смыслѣ называетъ и пророкъ Бога Господомъ, живущимъ въ Сіонѣ. Въ семъ же, наконецъ, смыслѣ говоримъ и мы, что Господь обитаетъ въ церквахъ или храмахъ христіанскихъ тѣмъ больше, что и самый Сіонъ, по изъясненію апостола Павла въ посланіи къ Евреямъ, означаетъ церковь христіанскую: *приступисте*, говорятъ онъ еврейскимъ христіанамъ, *къ Сіонстпй горѣ, торжеству и церкви первородныхъ, на небесъхъ написанныхъ* (Евр. 12, 22. 23). Но въ христіанскихъ храмахъ имѣется нѣчто и особенное и притомъ весьма важное, почему должно называть ихъ жилищемъ Божиимъ, и не только вступать и пребывать въ нихъ, но и приближаться къ нимъ не иначе, какъ съ крайнимъ благоговѣніемъ и достоуваженіемъ къ обитающему въ нихъ Господу. Что же это такое? Тѣло и Кровь Христовы, ежедневно предлагаемыя и выну пребывающія въ нихъ на безкровныхъ жертвенникахъ, въ вещественныхъ видахъ хлѣба и вина въ снѣдъ вѣрнымъ. Какъ во Христѣ Исусѣ, по словамъ Апостола, обитало Божество *тѣлеснъ*, почему онъ и называетъ Его великимъ Богомъ и Спасомъ нашимъ, такъ и въ вещественныхъ видахъ, дѣйствіемъ Духа Святаго предложенныхъ въ самое Тѣло и Кровь Его, та же полнота Божества обитаетъ во всей своей силѣ. Слѣд. и по сей одной причинѣ христіанскіе храмы суть таинственныя вмѣстилища Божества. О! сколь велико благоснисхождение къ намъ Господа, благоволившаго обитать не на небѣ только съ Ангелами, но и на землѣ съ человѣками, не на Сіонѣ только и въ Иерусалимѣ съ избраннымъ народомъ своимъ, но и на каждомъ мѣстѣ и въ каждомъ храмѣ, посвященномъ и освященномъ во имя Его,

съ нами, которые были нѣкогда тьма, а нынѣ содѣлались свѣтъ о Господѣ, прежде были дальними отъ Бога и чуждыми отъ завѣтовъ и обѣтованій Его, а нынѣ стали ближними къ Нему, были прежде естествомъ чадами гнѣва, а теперъ благодатию Христовою содѣлались сынами Божиими, *иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескיא, но отъ Бога родишася* (Іоан. 1, 13). Пойте убо и вы, братія, Господеви, живущему во храмахъ вашихъ, яко же въ Сіонѣ, или еще паче Сіона, добрѣ пойте Ему со восклицаніемъ не устъ только своихъ, но наипаче души и сердца вашего, да не будете подобни тѣмъ, о которыхъ сказалъ Господь чрезъ пророка своего: *приближаются Мнѣ людіе сіи усты своими и устнами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене*, да не лишитесь и вы, яко же они, благодатнаго общенія съ Нимъ.

Но пророкъ Израилевъ повелѣваетъ не только пѣть Господеви, но и возвѣщать начинанія Его во языцѣхъ, невѣдущихъ имени Его, для чего это? Для того, чтобы слава благопромыслительнаго смотрѣнія Божія о людехъ своихъ, подобно лучезарному солнцу, озарила всѣ концы земли и разсѣяла мракъ невѣденія языческаго. Потщитесь и вы, возлюбленные, не только сами славословить Господа, но и подвизать и поощрять кійждо искренняго своего — родители дѣтей, господа рабовъ, начальники подчиненныхъ своихъ на славословіе Господу, потщитесь всякимъ образомъ просвѣщать заблуждающихъ въ злобѣ, наставлять невѣжествующихъ и удерживать безчинствующихъ, да тако всѣ, какъ вы, такъ и они, они чрезъ васъ, а вы чрезъ нихъ, содѣлаетесь причастниками божественныя славы въ славномъ Царствіи Христовомъ. *Прославляющія Мя прославлю*, глаголетъ Господь. *Иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречетъся въ царствіи Отца Моего, иже на небесяхъ*. Помните, возлюбленные, и всегда,

по возможности, старайтесь исполнять утѣшительную заповѣдь апостола Іакова. *Братія*, говоритъ онъ въ заключеніи своего посланія, *если кто изъ васъ уклонится отъ истины, и обратитъ кто его: тотъ знай, что обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его, спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ своихъ и его*. Какая высокая награда за обращеніе единаго грѣшника! что же будетъ за обращеніе многихъ? И кому не лестно получить ее? *Гоните убо, да постыните, ищите и обряцете*. Господь силъ да совершитъ свою всемогущую силу въ немощи вашей и покоритъ сатану подъ нозѣ ваши.

Яко взыскай крови ихъ поману, не забы званія убоихъ (ст. 13).

Слова сіи составляютъ часть 13-го стиха, изъясненіе котораго вы слышали въ прошедшей бесѣдѣ нашей, и служатъ подтвержденіемъ предыдущей мысли пророка. Тамъ увѣщевалъ пророкъ прославлять Господа, живущаго въ Сіонѣ и возвѣщать дѣла Его даже среди язычниковъ, а здѣсь выставляетъ на то причину: *яко взыскай крови ихъ*, говоритъ онъ, *поману, не забы званія убоихъ*, т. е. потому должно прославлять Господа и возвѣщать дѣла Его, что Онъ взыскуетъ кровь убоихъ, помнить ее и не забываетъ ихъ призыванія. Но что значитъ: взыскивать кровь? Объясненіе на это выраженіе находимъ мы въ словахъ самаго Бога, сказанныхъ Ною и сынамъ его. *Крови вашей, душъ вашихъ*, глаголетъ имъ Богъ, *отъ руки всякаго зверя изыщу ея, и отъ руки человека брата изыщу ея. Проліявай кровь человекъ, въ ея мѣсто ея пролетѣтъ: яко во образъ Божій сотворишъ человека* (Быт. 9, 5. 6). Слѣд. взыскивать или изыскивать кровь, въ отношеніи къ Богу, означаетъ: требовать отчета въ пролитіи крови человѣческой, или, что то же, человеко-

убийствѣ, и мстить за то праведнымъ отмщеніемъ. Сей законъ правосудія Божія неизмѣнно соблюдается отъ самыхъ первыхъ дней міра. Такъ, едва Каинъ пролилъ неповинную кровь брата своего Авеля, какъ уже Богъ вопрошаетъ его: *гдѣ есть братъ твой Авель? что сотворилъ еси сіе: гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли* (Быт. 4, 9. 10), и вслѣдъ за симъ опредѣляетъ ему наказаніе. Едва также Давидъ, ослѣпленный своею страстію, совершилъ убійство несчастнаго Ури, какъ Богъ посылаетъ къ нему пророка Наана обличить его въ семь злодѣяній, и хотя Давидъ за искреннее свое раскаяніе получилъ прощеніе, однакожь не избѣжалъ наказанія, Посему-то и въ покаянной своей молитвѣ онъ молитъ Бога избавить его отъ кровей, т. е. отъ грѣха челоукоубійства. *Избави мя отъ кровей, Боже, Боже спасенія моего*, взывалъ онъ въ ней. Словомъ, всюду, гдѣ только проливалась кровь челоуческая, вслѣдъ затѣмъ являлось и скорое или медленное отмщеніе Божіе. Такъ, кровь Навуея вызвала мщеніе Божіе на Ахаава и весь домъ его; кровь Еврейскихъ младенцевъ—на Фараона и Египетъ, кровь Виелеемскихъ дѣтей и Иоанна Крестителя—на все племя Иродовъ, кровь І. Христа и апостоловъ—на весь народъ Израильскій, кровь христіанскихъ мучениковъ—на царей и властей языческихъ. Отсюда образовалось у Евреевъ выраженіе: мужъ кровей, т. е. челоукоубійца, самое поносительное. Посему и Семей—вѣроломный царедворецъ Давидовъ, когда Давидъ безоружный и полуобнаженный, съ горестію въ сердцѣ и со слезами на глазахъ, бѣжалъ отъ лица сына своего Авессалома, не нашелъ лучшихъ словъ для выраженія своей давней злобы, какъ сказавъ: *изыди, изыди, мужъ кровей и мужу беззаконный, возврати на тя Господь вся крови дому Сауля*. Самъ Давидъ многократно употребляетъ сіе выраженіе и всегда въ подобномъ смыслѣ

и съ подобнымъ чувствомъ отвращенія и негодованія. *Мужа кровей и льстива мушается Господь* (Псал. 5, 7), говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ. *Мужіе кровей и льсти не преполовятъ дней своихъ* (Псал. 54, 24), говоритъ въ другомъ. *Мужіе кровей, удалитесь отъ мене* (Псал. 138, 19), говоритъ въ третьемъ.

И такъ, когда пророкъ говоритъ о Богѣ, что Онъ есть взыскай крови убогихъ и помнитъ ее, то симъ хочетъ сказать онъ, что Богъ есть вѣрный мститель за кровь или убіеніе убогихъ и никогда не забываетъ ее, хотя, по долготерпѣнію своему, желая обращенія беззаконника отъ заблужденія пути его, или изъ уваженія къ нѣкоторымъ въ немъ останкамъ добродѣтели, часто откладываетъ наказаніе на многіе годы, а иногда даже и на цѣлую жизнь.

Выраженіемъ же: *не забы званія убогихъ*, пророкъ утѣшаетъ и предохраняетъ убогихъ отъ свойственного челоуческой слабости малодушія, по которому они, съ одной стороны изнемогая подъ бременемъ подавляющихъ ихъ бѣдствій, и самыя пламенныя молитвы свои къ Богу видя остающимися безъ успѣха, а съ другой,—усматривая гордость и наглость своихъ притѣснителей съ каждымъ днемъ возрастающими и благоденствіе ихъ возвышающимся, легко могли бы прійти и нерѣдко приходятъ къ мысли, что Богъ какъ будто забылъ ихъ, отвратилъ отъ нихъ лице свое и не внимлетъ болѣе ихъ моленію, а вмѣстѣ съ симъ, въ порывахъ сильной скорби и сѣтованія, близки бывають къ тому, чтобы завидовать участи нечестивыхъ и обвинять самаго Бога какъ-бы въ нѣкоторомъ потворствѣ имъ, или, по крайней мѣрѣ, жалуются на медленное шествіе гнѣва Божія противъ баззаконующихъ и вызываютъ Его мольбами своими на скорое отмщеніе. Самые св. мужи едва ли не всѣ болѣе или менѣе испы-

тывали сіе искусительное состояніе, хотя въ то же время, обращаясь къ мысли о нелицепріятномъ правосудіи Божіемъ, удерживали себя въ границахъ безусловной покорности премудрымъ и всеблагимъ Его планамъ и сами на себя изрекали осужденіе. Такъ праведный Іовъ, находясь въ подобномъ состояніи, говорилъ: *аще вспомяну, ужаснуся: обдержатъ бо плоть мою болъзны. Почто нечестивіи живутъ, состарьшася въ богатствѣ своемъ; съмя ихъ по души, чада же ихъ предъ очима, домове ихъ обильніи суть, страхъ же нищдѣ, раны же отъ Господа нѣсть на нихъ. Говядо ихъ не изверже, спасена же бысть имущая во чревь и не лшиися. Пребываютъ же яко овцы вѣчныя, дѣти же ихъ предыраютъ, взявшие псалтирь и гусли, и веселятся гласомъ пѣсни. Глаголютъ же Господеву: отступи отъ насъ, путей Твоихъ вѣдѣти не хоцемъ. Что, Всемогуцій, яко да поработаемъ Ему и кая польза, яко да възыцемъ Его? Въ рукахъ бо ихъ бляху благая, дълѣ же нечестивыхъ не надзираетъ Онъ. Но Іовъ, высказавъ скорбь свою такимъ образомъ, въ заключеніе присовокупилъ: *обаце и нечестивыхъ свѣтильникъ угаснетъ, найдетъ же имъ разореніе, болъзны же ихъ обымутъ отъ шьва, т. е. Божія Будутъ же, аки плевы предъ вѣтромъ, и аки прахъ, его же взя вихръ* (Іов. 21, 6—19). Съ подобнымъ вопросомъ обращался къ Богу и пророкъ Іеремія, и дабы слова его не показались непростительною дерзостію и настоящимъ ропотомъ, онъ предварительно исповѣдалъ правосудіе Божіе. *Праведенъ еси, Господи, вѣщаль онъ, яко отвѣщаю къ Тебѣ, обаце судьбы возлагаю къ Тебѣ: что яко путь нечестивыхъ спьется; угобзишася вси творящій беззаконія. Насадилъ еси ихъ и укоренишася; чада сотвориша, и сотвориша плодъ. И ты, Господи, собери ихъ, яко овцы на заколеніе, и очисти ихъ въ день заколенія ихъ. Доколь плакати имать земля и**

*трава вся сельная изсхнетъ отъ злобы живущихъ на ней. Въ такомъ же, безъ сомнѣнія, состояніи находился и писатель 72 псалма, когда, какъ примѣтно, послѣ жестокой внутренней борьбы съ самимъ собою, съ своими колеблющимися помыслами, воскликнулъ наконецъ: *коль блазъ Богъ Израилевъ правымъ сердцемъ. Мои же вмаль не подвижастся нозь, вмаль не проліяшася стопы моя. Яко возревновалъ на беззаконныя, миръ зрѣшиковъ зря; яко нѣсть восклоненія въ смерти ихъ, и утвержденія въ ранѣ ихъ; въ трудѣхъ челоувческихъ не суть, и съ челоувки не примутъ ранъ. Сего ради удержа я гордыня ихъ до конца: одѣяшася неправдою и нечестіемъ своимъ.**

Столь близкая опасность, угрожающая мужамъ правды, не могла быть не извѣстна и державному подвижнику правды, что, между прочимъ, видно изъ оставленнаго имъ увѣщанія въ псалмѣ 36-мъ. *Не ревнуй, говоритъ онъ тамъ, лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе, зане яко трава скоро изсхнутъ, и яко земіе злака скоро отпадутъ. Повинися Господеву и умоли Его, не ревнуй сплющему въ пути своемъ, челоувку творящему законопреступленіе. Престани отъ шьва и остави ярость, не ревнуй, еже лукавновати, зане лукавнующіи потребятся: терпящій же Господа, тѣи насльдятъ землю.* Зная же сію опасность, онъ предупреждаетъ ее для убогихъ, предваряя ихъ напоминаніемъ, что Господь не забываетъ званія убогихъ и рано или поздно сотворитъ отмщеніе крове ихъ.

Впрочемъ, слыша пророка, говорящаго о Богѣ, какъ готовомъ мстителѣ за кровь убогихъ, да не подумаетъ кто либо, что богатые исключены вовсе изъ круга дѣйствій благопромыслительнаго Его промысла. Нѣтъ; для Бога, какъ Творца богатыхъ и убогихъ, кровь тѣхъ и другихъ

равно драгоценна и равно взыскуеть Онъ ее своимъ праведнымъ судомъ и мщениемъ; ибо взыскуеть кровь человѣчу, яко во образъ Божій сотвори его; но здѣсь воспоминаются убогіе, а умалчиваются богатые во-первыхъ потому, что убогіе, какъ слабѣйшіе, чаще терпятъ обиды и притѣсненія и даже лишены жизни отъ насилія сильныхъ и славныхъ земли, нежели богатые; во-вторыхъ потому, что убогіе, какъ лишеные всякой посторонней помощи, въ несчастіяхъ своихъ обыкновенно прибѣгаютъ къ Богу съ молитвою о Его помощи и заступленію, между тѣмъ какъ богатые, привыкшіе въ богатствѣ своемъ находить все потребное для своихъ прихотей, и въ то время, какъ посѣщаютъ ихъ несчастія, прежде всего обращаются къ богатству своему, а потомъ уже къ Богу, когда увидятъ богатство свое или истощеннымъ или бесполезнымъ въ освобожденіи ихъ отъ несчастій, и въ такомъ случаѣ они входятъ въ составъ убогихъ; въ счастливыхъ же обстоятельствахъ, если не въ устахъ, то въ сердцѣ и дѣлахъ вы всегда можете подслушать внутренней голось ихъ самодовольствія и самонадѣянности: *богати есмь и обогатихомся, и ничесоже требуемъ*; въ третьихъ потому, что подъ именемъ убогихъ здѣсь разумѣются не просто убогіе или нищіе, т. е. неимущіе благъ временныхъ, но убогіе и нищіе духомъ, которыхъ ублажаетъ Иисусъ Христосъ; ибо имъ приписывается воззваніе къ Богу, смиреніе и терпѣніе, что и служить неложнымъ признакомъ нищеты или убожества духовнаго, а въ число убогихъ сего рода должны быть включены и всѣ тѣ богатые, которые не въ себя, а въ Бога богатѣютъ, вся содержаще и ничто же имущее и предпосылающе свои сокровища чрезъ руки меньшей братіи Христовой во влагалища неветшаемая на небеси. Что же касается до прочихъ богатыхъ, которые работаютъ мамонѣ, яко Богу, и для того присѣдять въ лови-

тельствѣ въ тайныхъ, еже восхитити нищаго и привлещи е, то ихъ должно отнести къ притѣснителямъ, а не къ притѣсненнымъ, и правосудный Богъ не ихъ крови отъ руки другихъ, но крови рабъ своихъ отъ руки ихъ принужденъ бываетъ изыскивать.

И такъ, не унывайте, убогіе, терпящіе обиды и притѣсненія, насилія и біенія отъ собратій своихъ; не изнемогайте духомъ и тѣломъ подъ тяжкимъ бременемъ золь, удручающихъ васъ; продолжайте взывать изъ глубины души къ Богу—помощнику вашему: званіе ваше не забыто у Бога, ни одна слеза, ни одинъ вздохъ вашъ не потерянь у Него. Если враги ваши еще живутъ и благоденствуютъ, а съ симъ вмѣстѣ умножаются и страданія ваши отъ ихъ дерзости и наглости необузданныхъ,—то это не значить, чтобы вы не были услышаны или отвержены, а значить только, что милосердый Господь еще долго терпитъ на нихъ, да не когда и они въ покаяніе придутъ. Потерпите еще мало, елико, елико, доколѣ мѣра долготерпѣнія Божія для нихъ исполнится и Господь не умедлитъ сотворити въ нихъ отмщеніе ваше.

Помилуй мя, Господи, виждь смиреніе мое отъ врагъ моихъ, возносяй мя отъ вратъ смертныхъ (ст. 14).

Молитва о помилованіи среди торжественно-благодарственной пѣсни за помилованіе не есть рѣдкое явленіе у праведниковъ; они обращаются съ молитвою къ Богу, помощнику своему, не въ то только время, когда находятся въ опасности, но еще болѣе тогда, когда рукою крѣпкою и мышцею высокою Господа силъ изъяты бывають отъ угрожавшей опасности. Такъ поступаетъ въ настоящемъ мѣстѣ и Давидъ. Будучи избавленъ отъ враговъ своихъ, и въ чувствѣ искренней благодарности воспѣвая и прославляя своего Избавителя, онъ не престаеть однакоже вопіять къ Нему: *помилуй мя, Господи, виждь*

смирение отъ врагъ моихъ. Такое смѣшеніе, или лучше сказать, быстрое преемство чувствъ для холоднаго разсудка непонятно, но въ сердцѣ человѣка, искренно благодарнаго, оно очень естественно; здѣсь избавленіе отъ одной опасности служитъ поводомъ и побужденіемъ къ тому, чтобы тѣмъ сильнѣе и тѣмъ усерднѣе умолять благодать Божию объ избавленіи отъ другихъ опасностей, которыхъ еще нѣтъ, но которыя легко могутъ случиться.

Но не за будущее только можно опасаться и нужно молиться человѣку, получившему избавленіе отъ бѣдствій и побѣду надъ врагами; для него не менѣе опасно и настоящее, и потому не менѣе также требуется и молитва. Люди опытные говорятъ, что труднѣе перенести счастье, нежели несчастіе. И не безъ основанія. Въ несчастіи самые враги наши служатъ обузданіемъ страстей нашихъ, научаютъ насъ бдительности и осторожности въ отношеніи къ себѣ и другимъ, предохраняютъ отъ безпечности и нерадѣнія, не даютъ ни на минуту забываться среди забавъ и удовольствій, среди нѣги и роскоши, содержатъ умъ нашъ въ непрестанномъ напряженіи, а волю во всегдашней готовности дѣйствовать, и чрезъ то, естественно, сближаютъ насъ съ нами самими, вводятъ въ самопознаніе, и поелику часто случается намъ терпѣть отъ нихъ поражение и чувствовать свое безсиліе, то симъ путемъ приводятъ насъ къ самоуничженію и смирению, а чрезъ самоуничженіе и смирение къ Богу; ибо *близъ Господь сокрушенныхъ сердець, и смиренныя духомъ спасетъ.* Въ счастья же, когда враговъ нашихъ не существуетъ, или они пресмыкаются во прахъ; когда все окружающее насъ или восхваляетъ насъ, или раболѣпствуетъ намъ, ничто не прекословитъ, ничто не удерживаетъ, а напротивъ все помогаетъ и все утѣшаетъ и успокоиваетъ, воодушевляетъ и возбуждаетъ насъ, мы бываемъ оставлены самимъ себѣ, своему произволу, своимъ страстямъ и наклонностямъ, и горе намъ, если въ

семъ искусительномъ состояніи мы не довольно бываемъ осторожны, если не призываемъ помощь свыше, если не ограждаемъ себя страхомъ Божиимъ: намъ не миновать бѣды, а, быть можетъ, даже и гибели. Съ одной стороны непримѣтными путями прокрадутся въ нашу душу безпечность и нерадѣніе, а съ другой—гордость и самонадѣянность, которыя въ скоромъ времени обольстятъ наше сердце, ослѣпятъ умъ, завладѣютъ чувствами и увлекутъ туда, куда въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, и взоромъ своимъ прикинуть не дерзнули бы—къ замысламъ постыднымъ, предпріятіямъ безчестнымъ, дѣйствіямъ богопротивнымъ. Сколько избранныхъ мужей пало на семъ скользкомъ и обманчивомъ пути, изъ коихъ одни невозвратно погибли, а другіе хотя и возстали, но не скоро, и притомъ съ глубокими язвами на душѣ и на тѣлѣ, которыя едва только долготѣнными подвигами слезъ и покаянія, при содѣйствіи благодати Божіей, вылечить могли, между тѣмъ какъ сіи же самые мужи не только безбѣдно, но и съ торжествомъ прошли сквозь огонь и воду бѣдствій и злоключеній. Израильтяне болѣе двухъ вѣковъ горѣли въ печи злобы Египетской, и не только не сгорѣли въ ней, но вышли изъ нея очищенные, яко злато въ горнилѣ, седмижды искушенное; но едва они ощутили прохладу, едва увидѣли гибель враговъ своихъ, какъ, забывъ Бога, проведшаго ихъ сквозъ Черное море, поклонились тельцу, ядущему траву, называя его богомъ, изведшимъ ихъ изъ работы египетскія, возроптали на вождей своихъ и нечествовали въ виду самой скіиніи. Чѣмъ же все это кончилось? Гнѣвъ Божій взыде на сонмъ Израилевъ и поразилъ ихъ тысящи и тьмы. Гробы похотѣнія, сокрывшіе кости законопреступниковъ, донинѣ свидѣтельствуютъ, что тѣ, которые устояли противъ долготѣннаго несчастія, не устояли и противъ кратковременнаго счастья. Самъ Давидъ когда испыталъ тяж-

кїа паденїя,—тогда ли, когда, преслѣдуемый злобою и ненавистїю Саула и отсюду окруженный врагами безчисленными, ни днемъ, ни ночью не имѣлъ покоя, превиталъ по горамъ, яко птица, уподоблялся неяснѣ пустынной, и былъ яко нощный вранъ на нырици,—или тогда, когда, будучи полновластнымъ обладателемъ всей Палестины, спокойно обиталъ въ кедровыхъ своихъ чертогахъ и однимъ мановенїемъ руки своея приводилъ въ движеніе цѣлыя милліоны народа и войска, ему подвластнаго? О, нѣтъ! въ первомъ случаѣ онъ вездѣ являлъ себя героемъ добродѣтели, недоступнымъ для порока, непомнящимъ обидъ, незнающимъ мщенїя, не дерзнувшимъ пролить крови даже врага своего, когда, по видимому, самъ Богъ предавалъ послѣдняго въ его руки, и когда спутники его не только оправдали бы его поступокъ, какъ достойное возмездїе несправедливому гонителю, но и сами вызывались совершить оный; тогда онъ страдалъ и бѣдствовалъ, но и среди страданїй своихъ былъ великъ предъ Богомъ и предъ людьми, самыхъ враговъ своихъ изумлялъ и пристыждалъ своимъ терпѣнїемъ и незлобїемъ, смиренїемъ и великодушїемъ; всего лишенный, скорбящїй, озлобленный вездѣ однакожъ встрѣчалъ дань хвалы и уваженїя себѣ, любовь и преданность истинныхъ служителей Бога Израилева. Напротивъ, въ послѣднюю эпоху жизни своей, быть можетъ, болѣе блестящую для свѣта, но имъ самимъ толикократно оплаканную, онъ не разъ ниспадалъ съ высоты прежняго величїя до постыднаго раболѣпства страстямъ и наконецъ до того допустилъ ослабѣть духу своему, что впалъ въ сугубый грѣхъ прелюбодѣянїя и челоуѣкоубїйства. Езекиа, царь Іудейскїй, доколѣ и ему и народу его угрожало тягостное иго иноземнаго владычества, былъ образцемъ благочестїя и праведности, примѣромъ кротости и смиренїя; но едва удивилъ на немъ Господь милость свою, поразивъ враговъ

его рукою Ангела, и прославилъ царство его во языцѣхъ, какъ въ сердцѣ царя кроткаго и смиреннаго, возникло тщеславное желанїе показать сокровища двора своего предъ послами иноземными, и за то въ то же время услышалъ опредѣленїе Божїе объ отнятїи сокровищъ и царства отъ его племени. Словомъ, во всѣ времена въ мїрѣ больше дѣлало зла счастье, нежели несчастье. Несчастье приводило къ Богу, а счастье отводило отъ Бога, несчастье укрѣпляло душу и тѣло, а счастье разслабляло то и другую. Пророкъ зналъ и испыталъ эту истину и на себѣ и на другихъ, и потому лучше одобряетъ несчастье, нежели счастье. *Блаію мнѣ*, говоритъ онъ въ молитвѣ своей къ Богу, *яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданїемъ Твоимъ*. А въ одномъ мѣстѣ даже самъ проситъ себѣ отъ Бога искушенїя. *Искуси мя, Боже*, говоритъ онъ, *разжжи утробы моя и испытай сердце мое, аще есть неправда во мнѣ* (Псал. 25, 2).

По сей причинѣ и въ настоящемъ псалмѣ пророкъ сколько радуется и благодаритъ Бога за ниспосланную ему помощь въ побѣжденїи враговъ своихъ, столько же страшится и ужасается самаго себя, своей слабости, чтобы сердце его не обольстилось и не обольстило его столь блестящею побѣдою, не возмечтало о своей силѣ и могуществѣ и не повергло его въ тяжкій грѣхъ гордости и самонадѣянности, и потому, предваряя сіе бѣдствїе, умоляетъ Господа не допускать его до онаго. *Помилуй мя, Господи*, взываетъ онъ, *виждь смиренїе мое отъ врагъ моихъ*.

Пророкъ, умоляя Бога, указываетъ на свое смиренїе, какъ на дѣйствительнѣйшее средство къ возбужденїю милосердїя Божїа: *виждь, Господи, смиренїе мое и помилуй мя*. Ибо ничто столь не сильно преклонитъ Бога на милость къ намъ, какъ наше смиренїе, равно какъ

ничто столько не способно вооружить Его противъ насъ и подвигнуть на гнѣвъ, какъ наша гордость и тщеславіе. Смиранный мытарь и при грѣхахъ своихъ услышанъ и помилованъ, а гордый фарисей и съ добродѣтелями своими навлекъ на себя осужденіе. Богъ ясно обѣщаетъ у Исаи свое благоволеніе только кроткому и смиренному: *на кого воззрю, говорятъ Онъ тамъ, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ моихъ. А гордымъ и непокоривымъ изрекаетъ ярость и гнѣвъ: непокаряющихся, угрожаетъ Онъ, погублю и всѣхъ гордыхъ смирю* (Ис. 1, 25), и въ другомъ мѣстѣ: *погублю укориизну беззаконныхъ и укориизну гордыхъ смирю* (гл. 13, 11). И у Іереміи: *се Азъ на тѣ, горде, глаголетъ Господь Богъ Вседержитель, и падетъ гордыня твоя и разрушится и не будетъ возставляя ю* (Іерем. 50, 34). Посему смиреніе св. Златоустъ называетъ колесницею для молитвы. Въ самомъ дѣлѣ, молитва, восходящая на сей колесницѣ, не можетъ не достигнуть до престола Божія и не быть услышанною. *Молитва смиреннаго, говоритъ премудрый сынъ Сираховъ, пройде облаки и дождеже приблизится, не утѣшится, и не отступитъ, дождеже постытитъ Вышній* (Сир. 35, 17). Напротивъ, гордость, подобно тяжкому бремени, не только не дозволяетъ молитвѣ подняться отъ земли и вознестись на небо, но и, пробивая землю, низвергаетъ молящагося въ бездны адовы.

Пророкъ, упоминая о смиреніи своемъ, не скрываетъ и того, какъ оно образовалось въ немъ. *Виждь, говоритъ онъ, смиреніе мое отъ врагъ моихъ. Вотъ важная польза отъ враговъ! Это суть учителя, безмездно обучающіе насъ смиренію и чрезъ то доставляющіе намъ блаженство на землѣ и царство Божіе на небѣ. Ибо блаженни, по словамъ обладающаго небомъ и землею, нищій духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное* (Матѣ. 5, 3).

Посему не скорбите и не досаждаете на враговъ вашихъ, не кляните и не мстите имъ, но благословляйте и любите ихъ, благотворите имъ и молитесь за нихъ. Они со вредомъ для себя поучаютъ васъ смиренію и, доставляя вамъ блаженство и царство, сами себя лишаютъ того и другаго: и здѣсь терзаются гнѣвомъ и мщеніемъ, угрызениями совѣсти и смущеніями духа, и тамъ—за гробомъ готовятъ себѣ вѣчныя мученія, и все это изъ-за васъ: не достойны ли они вашей благодарности и вмѣстѣ искренняго сожалѣнія!

Враги наши суть псы, лающіе на дворѣ небеснаго Домовладыки и лаемъ своимъ охраняющіе духовное сокровище Его отъ расхищенія, а сокровище это въ насъ и для насъ: *имамы, говоритъ Апостоль, сокровище сіе, сокровище Духа Святаго, въ скудельныхъ сосудахъ*. Не заслуживаютъ ли они опять нашего попеченія объ нихъ, а не гнѣва и мщенія, какъ бдительные стражи нашего стяжанія? Какой добрый хозяинъ не кормитъ и даже не ласкаетъ собакъ своихъ? Правда, они своимъ лаемъ и визгомъ нерѣдко нарушаютъ спокойствіе наше и прерываютъ сонъ ночной; но не лучше ли потерпѣть сіе безпокойствіе, нежели видѣть расхищеннымъ свое достояніе?

Враги наши суть бичъ въ рукахъ верховнаго Пастыря, которымъ Онъ заблудшихъ овецъ загоняетъ во дворъ овчій и тѣмъ спасаетъ жизнь ихъ. Не лучше ли опять для овецъ терпѣть удары бича сего, нежели достаться въ добычу волкамъ?

Возносяя мя отъ вратъ смертныхъ, говоритъ пророкъ далѣе. Значитъ, бѣдствія пророка, отъ которыхъ избавилъ его Господь, были и велики и многочисленны и слишкомъ близко касались его. Быть во вратахъ смерти то же означаетъ, что и быть, такъ сказать, въ самыхъ челюстяхъ смерти, и однакожъ Господь не только исторгъ его изъ сихъ челюстей, но и вознесъ. Таково свойство благодѣяній Божіихъ; они не ограничиваются только уда-

лениемъ зла, но и присовокупляютъ неожиданное благо. Не жизнь только даруетъ Господь, которая была въ опасности, но вмѣстѣ съ жизнью и славу и величіе; униженнаго до вратъ смертныхъ возноситъ Онъ на высоту своего благоволенія и удивленія предъ очами тѣхъ, которые почитали его погибшимъ.

Ставъ неожиданно на сію безмѣрную высоту и обративъ изумленные взоры свои окрестъ себя, пророкъ, вмѣсто того, чтобы кичиться своимъ величіемъ и, подобно надменному царю Вавилона, мечтать о восхожденіи на небо и водруженіи престола своего выше звѣздъ—рядомъ съ престоломъ Вышняго, вдругъ погружается во глубину самоуниженія, и, въ смиреніи сердца повергаясь предъ величіемъ давшаго ему сіе величіе, умоляетъ Его о помилованіи. *Помилуй мя, Господи, виждь смиреніе мое отъ врагъ моихъ, вознеси мя отъ вратъ смертныхъ. Виждь, яко не вознесся сердце мое Твоею милостію, ниже вознесосться очи мои; виждь, яко смиряюсь предъ врагами моими, хотя Ты и возносишь меня надъ ними; виждь ужасъ и трепетъ, объемлющіе мою душу при представленіи моего недостойнства и Твоего благоволенія, виждь, Господи, вся сія и помилуй мя: не даждь во смятеніе ногъ моя, да не воздремлетъ душа моя сномъ безпечности и нерадѣнія, ниже уснетъ въ гордости и самонадѣяніи.*

Смиряйтесь и вы, братія, подъ крѣпкую руку Божию и въ счастья и несчастія, да вознесетъ вы во время свое или поддержитъ на высотѣ вамъ дарованной. Молитесь о помилованіи и въ то время, когда помилованы уже, и въ то время, когда имѣете нужду въ помилованіи. Послѣдуйте гласу матери вашей—церкви, которая и утро и вечеръ, и въ полночь и въ полдень, и во дни печали и въ часы радости непрестанно взываетъ и научаеътъ взывать насъ къ сотворшему насъ: Господи помилуй, помилуй насъ, Господи!

Яко да възвѣщу вся хвалы твоя во вратѣхъ дщере Сіони: возрадуемъся о спасеніи Твоемъ (ст. 15).

Къ чему пророкъ прежде побуждалъ другихъ, то теперь самъ намѣревается исполнить. Прежде онъ говорилъ: *пойте Господеву, живущему въ Сіонѣ, възвѣстите во языцѣхъ начинанія Его* (ст. 12), а теперь общаетъ: *возвѣщу вся хвалы Твоя во вратѣхъ дщере Сіони. Причина и побужденіе къ сему одна и та же—милость Божія въ избавленіи отъ бѣдствій, только тамъ сію милость получилъ уже пророкъ; а здѣсь еще просить объ ней. Помилуй мя, Господи, вопіетъ онъ, виждь смиреніе мое отъ врагъ моихъ* (ст. 14), *яко да възвѣщу вся хвалы твоя во вратѣхъ дщере Сіони* (ст. 15).

Пророкъ даетъ обѣтъ Богу, за помилованіе свое възвѣщать хвалы Его, т. е. хвалить и прославлять Его, и не просто въ какомъ либо мѣстѣ, а во вратѣхъ дщере Сіони. Вамъ уже извѣстно, что подъ дщерію Сіона разумѣется въ писаніи Іерусалимъ, какъ столичный городъ Іудейскаго царства, построенный на горѣ Сіонѣ, а иногда все общество Іудеевъ и преимущественно правительственное ихъ сословіе или синагога, какъ имѣющія свое пребываніе въ Іерусалимѣ. О вратахъ же дщери Сіонской упоминается здѣсь потому, что въ древности предъ вратами знаменитыхъ городовъ производили судъ, посему и о премудрости сказано въ писаніи, что она *у вратъ сильныхъ присѣдитъ, во вратѣхъ же града дерзающе глаголетъ* (Притч. 1, 21). Посему также и пророки многократно то обличали въ обидахъ и притѣсненіяхъ, неправдахъ и мздоимствѣ, совершаемыхъ у вратъ, то побуждали къ возстановленію правосудія во вратахъ. Такъ, пророкъ Амосъ говорилъ къ сильнымъ Израилевымъ: *возненавидѣша у вратъ наказующаго и словомъ праведнымъ возгнушашася, попирающе праведнаго, приѣмлюще дары и убогія отъ вратъ отрѣяюще* (5, 10. 12); *но възвѣстите,*

продолжалъ онъ, добра, а не зла, и возставите у вратъ судъ, яко да помилуетъ Господь Богъ Вседержитель оставшая Иосифова (ст. 14. 15). Подобнымъ образомъ и пророкъ Захарія убѣждалъ возвратившихся изъ плѣна Іудеевъ: *глаголите истину кійждо искреннему своему, истину и судъ миренъ судите во вратяхъ вашихъ* (8, 16). Такой же смыслъ заключаетъ въ себѣ и наставленіе Приточника: *не насильствуй нищю, говоритъ онъ, и не досаждай немощному во вратяхъ, Господь бо имать судити его судъ* (Прит. 22, 22), слѣд. городскія ворота въ древности были сборнымъ публичнымъ мѣстомъ, куда во всякое время въ великомъ множествѣ стекался народъ искать себѣ суда и расправы, гдѣ обыкновенно объявляемы были во всенародное извѣстіе всѣ распоряженія правительства и всѣ учрежденія, относящіяся къ благоустройству общества, и гдѣ, наконецъ, можно было также слышать всякаго рода новости. Это-то мѣсто избираетъ пророкъ для возвѣщенія достохвальныхъ дѣлъ Божіихъ, т. е. не наединѣ только, но и среди всего сонма сыновъ Израилевыхъ хочетъ хвалить и прославлять Бога за Его благодѣянія. Такого рода дѣйствія у пророкоцарственного Давида не разъ встрѣчаются. Въ одно время, пораженный чувствомъ великихъ и неисчетныхъ благодѣяній Божіихъ, онъ въ недоумѣніи вопрошалъ самаго себя: *что воздамъ Господеву о всѣхъ, яже воздаде ми?* И потомъ, нашедши отвѣтъ въ своемъ сердцѣ, одушевленномъ Духомъ Божіимъ, онъ съ радостію сказалъ между прочимъ: вотъ что я сдѣлаю: *пожру жертву хвалы и во имя Господне призову, молитвы моя Господеву воздамъ предъ всеми людьми Его, во дворяхъ дому Господня, посредь тебе, Іерусалиме* (Псал. 115, 10).

И такъ хвалы и молитвы, публично, съ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ совершаемыя, пророкъ почитаетъ достойнымъ воздаяніемъ за благодѣянія Божія и,

въ частности, за избавленіе отъ бѣдствій, и такимъ образомъ онъ думаетъ не самъ по себѣ, не по своему только разумнію, хотя и его собственное разумніе, какъ мужа по сердцу Божію отъ юности своя, какъ человѣка, получавшагося въ законѣ Господни день и ночь и ходившаго въ заповѣдяхъ и оправданіяхъ Его безпорочно, для насъ было бы очень важно, и имѣло бы всю силу убѣжденія; но онъ думаетъ и говоритъ такимъ образомъ на основаніи бывшего ему особаго откровенія, въ которомъ Богъ вѣщаль ему: *призови Меня въ день бѣдствія, Я избавлю тебя, и ты прославь Меня. Въ жертву Богу принеси хвалу и соверши предъ Всевышнимъ обѣты твои* (Псал. 49, 14. 28). Тотъ чтитъ Меня, кто въ жертву приноситъ хвалу, и кто осмотрителенъ въ пути. Я покажу ему спасеніе Божіе. Словомъ, не Давидъ придумалъ сіе средство—выражать свою благодарность предъ Богомъ благодѣтелемъ, но самъ Богъ указалъ ему на сіе средство въ откровеніи. Иначе, какъ бы могъ осмѣлиться человѣкъ—сіе ничтожное твореніе, составленное изъ праха и брени, ползающее по землѣ какъ червь, и съ головы до ногъ покрытое струпями и язвами душевнаго растлѣнія, вознестися дерзновенною мыслию къ Тому, который, по видѣнію пророка, возсѣди на Херувимѣхъ превыше неба небесе, стопами ногъ своихъ касается самыхъ основаній земли; предъ которымъ всѣ народы земные, яко же пружи, и всѣ князи силы, яко ничто же суть, отъ лица коего во гнѣвѣ Его колеблется земля, тають горы, потрясаются небеса, мянутся стихіи, изсякають моря и рѣки, громы и молніи, огонь и градъ, бурные вѣтры и смертоносные мразы несутся, какъ крылатыя стрѣлы, къ преднамѣренной цѣли; предъ величіемъ коего со страхомъ и трепетомъ предстоятъ самыя горнія силы,—какъ, говорю, могъ бы осмѣлиться ничтожный человѣкъ предъ симъ существомъ всемогущимъ и высочайшимъ, предъ симъ

Богомъ великимъ и страшнымъ, не токмо предстать мыслию, но и открыть непотребныя уста свои на похвалу Его пресвятаго и неизреченнаго имени? И какими словами и какимъ языкомъ возгласилъ бы онъ хвалу Ему, когда и Ангельскіе умы недоумѣютъ, како или что возглаголати Ему, Но подивитесь, братія, неизреченной благодати и челоуѣколюбію Божию. Сей Богъ, великій и страшный, всесильный и вседовольный, самъ взыскуетъ хвалы отъ устъ этого ничтожнаго созданія, каковъ челоуѣкъ: *пожри Богови жертву хвалы, вѣщаетъ Онъ, и изму ты и прославиши Мя: жертва хвалы прославитъ Мя.* Сіе дозволеніе возносить Ему хвалу въ знакъ нашей благодарности за Его благодѣянія, не есть ли новое Его къ намъ благодѣяніе, которое раздѣляютъ съ нами только избранные Его Ангелы, окружающіе престолъ Его веледѣпныя славы? О! богодуховенный пѣвецъ Израила понималъ цѣну сего благодѣянія и умѣлъ имъ пользоваться. Не было времени, не было ни дня, ни ночи, ни часа, ни минуты, въ которыя бы не хвалилъ онъ Господа. *Седмерицею днемъ хвалихъ Тя, Господи, о судьбахъ правды твоея,* свидѣлствуетъ онъ предъ лицемъ самаго Господа. И въ другомъ мѣстѣ говорилъ онъ: *благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устьхъ моихъ.* Вотъ почему и въ разсматриваемомъ нами псалмѣ заботится онъ о возвѣщеніи всѣхъ хвалъ Господнихъ. *Возвѣщу,* говоритъ онъ, *вся хвалы твоя, Господи.*

Но пророкъ къ сему прибавляетъ: *во вратѣхъ дщере Сиони.* Значеніе сего выраженія вы уже знаете, т. е. пророкъ хочетъ хвалить Господа не наединѣ, а всенародно. Остается объяснить, почему онъ въ настоящемъ случаѣ хвалу Богу всенародную предпочитаетъ частной, или уединенной.

Разрѣшеніе на сей вопросъ мы находимъ въ словахъ древней притчи: *тайну цареву добро хранить, а дѣла Божія открывать,* и въ словахъ Иисуса Христа, который сказалъ: *иже исповѣсть Мя предъ челоуѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесахъ.* Исповѣдывать Господа предъ сонмомъ народа и возвѣщать чудныя дѣла Его въ многочисленномъ собраніи людей есть признакъ не только сердца благодарнаго, но и духа великаго: люди, отважные на все, какъ-то бываютъ робки и малодушны тамъ, гдѣ должно говорить о Богѣ и дѣлахъ Его. Но пророкъ заботится не о своемъ величій, а о величій Бога своего; Его достохвальныя дѣянія онъ хочетъ возвѣщать во вратахъ дщери Сионовой, да познаютъ вси слышашціи, коль благъ Онъ ко всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ и на Него надѣющимся, какъ Онъ блюдетъ и охраняетъ ихъ, какъ защищаетъ и избавляетъ ихъ отъ всякаго зла, и да научатся сами на Него единого возлагать надежду свою, отъ Него искать себѣ защиты и помощи, къ Нему обращаться во дни скорби и бѣдствія съ мольбами своими, и Его хвалить и прославлять, яко скорого помощника, защитника и избавителя, ибо самъ Онъ глаголаетъ: *призови Мя въ день скорби твоея, и изму ты, и прославиши Мя.*

Возрадуемся о спасеніи Твоемъ, говоритъ пророкъ далѣе. Значитъ, пророкъ съ хвалою Богу желаетъ соединить и радость о спасеніи Его. Въ сердцѣ мужа праведнаго одно отъ другаго неразлучно; праведникъ и хвалитъ Бога и радуется о спасеніи Его, т. е. радуется не столько о томъ, что онъ спасся отъ бѣдствія, сколько о томъ, что спасся чрезъ Бога, Его всесильною помощію и заступленіемъ. Здѣсь радость его усугубляется представленіемъ, что Богъ благоволитъ къ нему, что услышалъ молитву его, что самъ избавилъ его отъ обышедшихъ золь; ибо онъ знаетъ и чувствуетъ въ самомъ

себѣ, что онъ никого не просиль, ни отъ кого не ожидалъ себѣ помощи и защиты, кромѣ единого Бога, и что, наконецъ отнынѣ онъ безопасенъ, имѣя въ Богѣ всеильнаго себѣ помощника, а въ молитвѣ всегда свободный къ Нему доступъ.

И мы всѣ готовы радоваться о спасеніи; ибо кому не радостно избавиться отъ удручавшихъ его бѣдствій; но радоваться, какъ радуется пророкъ, не многіе способны: ибо не многіе, для избавленія себя отъ постигшихъ ихъ бѣдствій, прибѣгаютъ съ молитвою къ Богу, а всего скорѣе обращаются въ семь случаѣ къ ходатайству сильныхъ земли, къ пособію богатства своего, къ разнымъ хитростямъ и изворотамъ, ко лжи и обману, и даже къ волхвованіямъ и чародѣяніямъ, къ порокамъ и беззаконіямъ, которыми прежде гнушались. О! таковымъ, хотя бы они и избавились отъ угнетавшихъ ихъ золь, не радоваться, а плакать и скорбѣть должно. Ибо настоящее бѣдствіе несравненно выше того, отъ котораго они избавились. Быть отчужденнымъ отъ Бога есть зло паче всѣхъ золь злѣйшее, а можетъ ли Богъ пребывать съ тѣми, которые сами Его чуждаются и, пренебрегая Его помощію, ищутъ ее въ людяхъ и дѣлахъ противныхъ Ему? Несчастный! Тебя преслѣдовалъ начальникъ твой, а теперь ты у него въ милости, почему? потому, что ты рѣшился быть участникомъ въ его издоимствѣ, въ его притѣсненіяхъ, въ его развратѣ и нечестіи. И ты этому радуешься? радуешься, что онъ не беспокоитъ тебя болѣе своею злобою и ненавистію? А развѣ ты забылъ, что гнѣвъ Божій, тысящекратно ужаснѣйшій всякаго гнѣва человѣческаго, готовъ разразиться надъ тобою всею тяжестію временныхъ и вѣчныхъ мученій. Безстудная мать цѣломудренной дочери! тебя тяготила бѣдность и нищета, но ты, отдавъ свою дочь въ жертву разврата, теперь радуешься, что избавилась отъ мучительной бѣдности?

Жалкая твоя радость! Неужели ты не чувствуешь, что адскій огонь уже возгорѣлся въ твоей совѣсти и палитъ твою душу и сердце? а что ожидаетъ тебя за гробомъ? Приникни взоромъ твоимъ въ бездны адовы и прислушайся къ стонамъ и воплямъ, къ плачу и скрежету зубовъ тѣхъ несчастныхъ страдальцевъ, которыхъ указываетъ тебѣ Имущій ключи ада и смерти? Знаешь ли кто они? Это тѣ, которые въ жизни своей думали и дѣйствовали подобно тебѣ; такъ же рассуждали, какъ и ты, такъ же надѣялись, какъ и ты, но жестоко обманулись, и теперь бесплодно оплакиваютъ свое бѣдствіе. Внемлите, наконецъ, всѣ радующіеся и веселящіеся въ вѣкѣ семь! Если радость ваша не подобна радости пророка, если она не есть радость о Господѣ Спасѣ вашемъ, то радость ваша достойна слезъ и оплакиванія; ибо неложно слово Имущаго судити живыхъ и мертвыхъ: *горе вамъ смѣющіеся, яко восплачете и возрыдаете.*

Улыбоша языцы въ пагубь, юже сотвориша: въ стѣпи сей, юже скрѣша, увязе нога ихъ (ст. 16).

Преыдущая молитва пророка была выраженіемъ, можно сказать, побочнаго чувства, но весьма близкаго и сроднаго съ главнымъ, выражаемымъ въ цѣломъ псалмѣ. Чувство благодарности предъ Богомъ за избавленіе отъ бѣдствій угрожавшихъ пророку, возбужденное его къ прѣснопѣнію, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, обратило взоры его на самого себя и, показавъ ему съ одной стороны его немощь и безсиліе, а съ другой—ту высоту, на которую вознесла его всемогущая десница Божія, и степень униженія, которую готовили ему враги его, открыло въ немъ потребность молитвы къ Богу, помощнику и избавителю его, въ такой силѣ, что онъ, не могъ въ то же время не удовлетворить ей, не могъ не воззвать къ Нему изъ глубины души: *помилуй мя, Господи, виждь*

смирение мое и проч. И какимъ живымъ и пламеннымъ языкомъ высказалъ онъ свое преобладающее чувство! Теперь онъ снова обращается къ своему главному предмету и продолжаетъ описывать, какимъ образомъ совершилось его избавленіе отъ враговъ сильныхъ и многочисленныхъ.

Улыбоша, говорить онъ, языцы въ пагубѣ, юже сотвориша: въ сѣти сей, юже скрѣща, увязе нога ихъ. Т. е. народы, враждовавшіе противъ державнаго пророка, обрушились въ яму, которую ископали; въ сѣти, которую скрѣли, разумѣется, для пророка, запуталась нога ихъ.

Подобіе для изображенія гибели враговъ своихъ, можно сказать, отъ собственныхъ рукъ, пророкъ заимствуетъ отъ обычая звѣролововъ и птицелововъ, изъ коихъ первые для поимки звѣрей въ извѣстныхъ мѣстахъ выкапываютъ глубокія ямы и, прикрывъ оныя хворостомъ, гонятъ звѣрей въ такомъ направленіи, что они необходимо должны набѣгать на сіи мѣста и, обманутые хворостомъ, безопасно ступать на него и обрушиваться въ ямы, а послѣдніе съ подобною цѣлю въ удобныхъ мѣстахъ представляютъ сѣти и, прикрывъ ихъ искусно травой или древесными вѣтвями, различными средствами заманиваютъ туда птицъ, которыя, неосторожно порхая съ мѣста на мѣсто, непримѣтно запутываются въ сѣтяхъ сихъ и такимъ образомъ дѣлаются добычею птицелововъ. Но случается, впрочемъ, что и сами ловцы, по забвенію или по другимъ причинамъ, попадаютъ въ ямы, приготовленныя ими для звѣрей и тамъ погибаютъ, или запутываются въ сѣтяхъ, разставленныхъ для птицъ, и съ трудомъ отъ нихъ освобождаются.

Изображеніе живописное! Не такъ ли поступаютъ и хитрые и коварные люди съ простодушными собратіями своими, и какъ однакожь часто запутываются въ своихъ собственныхъ козняхъ и хитростяхъ и уловляются тѣмъ,

чѣмъ думали уловить другихъ? Какъ много людей, которые испытали и испытываютъ участь враговъ Давидовыхъ! Роютъ яму для брата своего, а сами первые низвергаются въ нее, готовятъ сѣти для друга своего, а сами первые увязаютъ въ нихъ, ставятъ претыканія для ближняго, а сами первые запинаются и падаютъ! Такъ обыкновенно бываетъ по благимъ и праведнымъ судьбамъ Бога всевидящаго и правосуднаго, который запинаетъ премудрыхъ въ коварствѣ ихъ и не дозволяетъ вѣчно торжествовать коварству надъ невинностію и простотою. Сямъ судьбамъ Божиимъ приписываетъ и Давидъ внезапную гибель враговъ своихъ и свое неожиданное торжество надъ ними; ибо вслѣдъ за симъ говоритъ онъ: *знаемъ есть Господь, судьбы творяй; въ длъхъ руку своею увязе грѣшникъ* (ст. 17).

Въ самомъ дѣлѣ, кто, кромѣ Бога, можетъ разрушить глубоко въ помыслахъ души сокрытыя, хитро придуманныя, искусно соображенныя и вѣрно разсчитанныя совѣты, намѣренія и предпріятія людей коварныхъ? И кто также, кромѣ Бога, можетъ избавлять простодушныхъ отъ козней и хитростей, столь удачно устроенныхъ, что гибель ихъ казалась неизбежною, между тѣмъ какъ они являются торжествующими? Для того, чтобы быть къ сему способнымъ, надобно знать мысли человѣческія по крайней мѣрѣ въ ту минуту, когда онѣ рождаются и когда созрѣваютъ; видѣть постепенный ихъ ходъ, взаимныя отношенія, предметъ и цѣль; читать въ душѣ человѣческой, какъ въ открытой книгѣ, все, что происходитъ въ ней и что можетъ произойти при извѣстномъ ея расположеніи, при такихъ или другихъ обстоятельствахъ. И поелику въ исполненіи предпріятій человѣческихъ весьма много участвуетъ и вишняя природа, ибо часто случается, что одно неблагоприятное дуновеніе вѣтра ниспровергаетъ самые отважные замыслы,—то для того, чтобы быть въ состояніи раз-

рушать или останавливать сіи предпріятія, когда захотимъ, или давать имъ направленіе, совершенно противоположное желаніямъ, намѣреніямъ и ожиданіямъ дѣйствующихъ, надобно не только знать силы внѣшней природы, ихъ свойства и дѣйствія, ихъ постоянные законы и случайныя уклоненія—взвѣсить воздухъ, измѣрять землю, изслѣдовать естество водъ, понять составъ и качество огня, опредѣлить движенія тѣлъ небесныхъ и ихъ частное вліяніе на человѣка, не только, говорю, всѣ сіи силы природы надобно знать и въ цѣломъ, и въ частяхъ, и въ отдѣльныхъ видахъ и во взаимномъ соединеніи при неизчетномъ множествѣ разнородныхъ условий, но и обладать тайною двигать и управлять ими по своему произволенію. Но такое познаніе свойственно единому только Богу; ибо Онъ одинъ, по словамъ пророка, знаетъ сѣданіе наше и возстаніе, разумѣетъ помышленія наша еще издавеча, изслѣдываетъ стези наши и вся пути наша провидитъ; знаетъ слова наши, прежде нежели они будутъ на языкѣ, видитъ дѣла, прежде нежели они сдѣлаются, и даже прежде, нежели мы сами появимся въ свѣтъ (Псал. 138, 2—4). Нѣтъ мудреца столь хитраго, который бы могъ хотя что либо сокрыть отъ Него; Его всевидящіе и тьмами темъ солнца свѣтлѣйшіе очи видятъ и во тьмѣ, какъ при полуденномъ свѣтѣ: *вѣсть Господь, говоритъ апостоль, помышленія мудрыхъ, яко суть суетна.* Равнымъ образомъ тайна постигать силы природы въ полнотѣ и совершенствѣ и управлять ими по своему произволенію, тщетно въ теченіи многихъ тысячелѣтій уловляемая мудрыми вѣка сего, но доселѣ остающаяся почти вовсе неуловимою, есть достояніе единаго Бога; ибо Онъ, какъ Творецъ, какъ правитель и вседержавный властелинъ всего сущаго на землѣ и на небѣ, одинъ вѣрно знаетъ весь составъ природы, ея силы, законы и движенія, потому что въ то время, когда она родилась, образовалась и стала тѣмъ, чѣмъ

мы ее видимъ нынѣ, никого кромѣ Его не было; въ Его всемогущей десницѣ ничто стало все, а свидѣтелей при томъ не было. Псалмопѣвецъ, согласно съ бытописателемъ мірозданія, говоритъ только: *Той рече, и быша, Той повелъ, и создашася,* а какъ все это создалось, объ этомъ умалчиваетъ: это тайна, непостижимая для ума человѣческаго. Посему-то Апостоль говоритъ: *впрюу разумъваемъ совершитися въкомъ глаголомъ Божиимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти* (Евр. 11, 3). Тайна также и то, какъ все это нынѣ состоитъ, на чемъ держится и чѣмъ движется. Мы знаемъ только отъ Апостола, что *всяческая создана Впостаснымъ Словомъ Божиимъ и всяческая въ Немъ состоитъ,* а какъ состоитъ, это неизвѣстно. Словомъ, внутренней составъ природы и образъ бытія вещей всегда были и будутъ тайною, недоступною для ума человѣческаго и довѣдомою единому Богу. А если Онъ одинъ знаетъ, то Онъ одинъ и можетъ употреблять способы природы одушевленной и неодушевленной для противодѣйствія злымъ замысламъ кознодѣйствующихъ и для низложенія ихъ кичливой гордости. И такъ, если случится видѣть вамъ, что всѣ возможные усилія злобы и нечестія погубить простодушную невинность не только остались тщетными, но и обратились къ славѣ и торжеству невинности; то внемлите и разумѣйте, яко не человѣкъ, а самъ Господь здѣсь творитъ судьбы своя; старайтесь открыть въ сей хитросплетенной сѣти разнообразныхъ козней и обаяній невидимый перстъ Божій, который въ то время, какъ человѣкъ неутомимо трудился соплетать сію сѣть, распутывалъ или расторгалъ многосложные узлы ея и освобождалъ неосторожную ногу отъ увязенія. Тогда вы поймете, какъ справедливы слова праведнаго Іова, который сказалъ, что *Господь расточаетъ совѣты лукавыхъ, да не сотворятъ руцъ ихъ истины; Господь уловляетъ премудрыхъ въ мудрости*

ихъ, созптъ же коварныхъ разорятъ, и тьмъ самымъ возноситъ смиренныя на высоту и погибшия воздвизаетъ во спасеніе (Лов. 5, 11—13).

Впрочемъ сія истина понятна не только для благочестія, но и для самаго нечестія. Ибо нечестивые ничѣмъ столько не приводятся къ познанію Бога правосуднаго, какъ низложеніемъ ихъ замысловъ, посрамленіемъ ихъ гордыни и возвышеніемъ тѣхъ, противъ коихъ они злоумышляли, и коихъ животъ хотѣли пограть въ землю и славу вселить въ персть. Всякое другое побужденіе для нихъ недействительно. Безчисленныя благодѣянія Божіи, ежедневно изливаемые на всѣ творенія и даже на нихъ самихъ, ни мало ихъ не трогаютъ, не приводятъ въ умиленіе, не возбуждаютъ въ нихъ чувства любви и благодарности къ Богу-благодѣтелю, но нерѣдко еще болѣе укрѣпляютъ и ожесточаютъ въ невѣдѣніи о Богѣ; ибо они сіи благодѣянія всегда умѣютъ объяснять для себя такъ, что въ умѣ своемъ обыкновенно приписываютъ оныя не Богу, а самимъ себѣ, своимъ личнымъ достоинствамъ, своей мудрости, своей силѣ и богатству, или просто—случаю, обстоятельствамъ и естественному теченію вещей. Ниспосылаетъ ли Богъ благотворный дождь на землю, благорастворяетъ ли воздухъ, угобжаетъ ли нивы, умножаетъ ли скотъ, ограждаетъ ли внутренняя и внѣшняя домовъ ихъ безопасностію? во всемъ этомъ видятъ они не больше, какъ предуставленный порядокъ природы, или дѣйствіе рожденія и ущербъ луны, или необходимое слѣдствіе ихъ дѣятельности и трудолюбія, ихъ бдительности и благоразумія, а Бога и Его вседѣтельнаго промысла отнюдь не видятъ, какъ будто не Богъ творецъ природы, и порядокъ ея образовался самъ собою, а не отъ Бога произошелъ, какъ будто луна въ своихъ дѣйствіяхъ не зависитъ отъ воли Божіей, и какъ будто, на-

конецъ, силы человѣческія, безсильныя поддержать самихъ себя, сильны и безъ содѣйствія Божія все произвести, все устроить—и насадить и возрастить, и сохранить и умножить. Водворяетъ ли Господь миръ и тишину въ семействахъ и обществахъ, даетъ ли силу и крѣпость оружію, распространяетъ ли промышленность и торговлю, возвышаетъ ли науки, искусства и художества, открываетъ ли новые источники богатствъ и благоденствія народнаго, благословляетъ ли успѣхами всѣ дѣла и предпріятія, о! здѣсь и не подозреваютъ они участія силы Божіей, вся во всемъ дѣйствующей и вся совершающей, а вездѣ и во всемъ встрѣчаютъ только самихъ себя, видятъ свою силу и могущество, свой разумъ, свое искусство, свою изобрѣтательность и, отсюда заимствуя новыя побужденія къ своей гордости и самонадѣянности, дерзаютъ глаголати на высоту, подобно царю Ассирійскому: *крѣпостію руки нашея сотворимъ и премудростію разума нашего отыметимъ предѣлы языковъ и силу ихъ плънимъ, сотрясемъ грады населенныя и вселенную всю обьемемъ рукою нашею, яко гнъздо, и яко оставленная птицею яица возьмемъ, и нльсть, иже убьжитъ насъ, или противу насъ речетъ, или отверзетъ уста и посмѣется (Исаи 10, 13. 14);* или подобно Фараону: *кто есть Богъ, его же послушаемъ (Исх. 5, 2);* или подобно надменному царю Вавилона: *нльсть ли сей Вавилонъ великій, его же азъ соградихъ въ домъ царства, въ державѣ крѣпости моея и въ честь славы моея. (Дан. 4, 27); на небо възду, выше звъздъ поставлю престолъ мой, и буду подобенъ Вышнему (Исаи 14, 13. 14).* Для того, чтобы потрясти и сокрушить, если не смягчить и не уврачевать, ожесточенное ихъ сердце, нужны средства совсѣмъ другаго рода, побужденія болѣе сильныя и дѣйствительныя, удары громоносныя, пораженія чрезвычайныя, стрѣлы, проходящія до раздѣленія души и тѣла, членовъ же и мозговъ,

язвы глубокия и горящія всежигаящимъ пламенемъ; тогда только приходятъ они въ чувство самопознанія и раскаянія, и то не всегда и не вдругъ, а постепенно и крайне медленно; тогда только начинаютъ усматривать невидимую руку Божию, столь жестоко карающую ихъ; тогда только отверзаютъ уста свои если не на похвалу, то, по крайней мѣрѣ, на исповѣданіе имени Бога небеснаго, творящаго судьбы своя на земли. Посмотрите на Фараона: онъ не прежде, какъ послѣ десяти жестокихъ казней, поразившихъ его царство и его самого, познаетъ Бога Израилева и покоряется Его велѣніямъ. Посмотрите также на Навуходоносора: онъ не прежде, какъ въ наказаніи за необычайную гордость свою, испытавъ скотоподобное состояніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъятіе царства, изгнаніе отъ общества людей, скитаніе по дебрямъ и пустынямъ и даже измѣненіе вида человѣческаго, начинаетъ хвалить Бога Данилова, именуя Его *Вышнимъ, вся творящимъ по воли своей въ силъ небесный и въ селеніи земнымъ, и нѣсть, иже воспротивится руцѣ Его, и вся ходящія въ гордости могущимъ смирити* (Дан. 4, 31—34). Посмотрите и на Іудіана богоотступника, когда онъ признаетъ побѣдоносную силу въ презираемомъ имъ доселѣ Галилеѣ, т. е. Іисусѣ? не тогда ли, какъ за богохульство и гоненіе церкви Христовой пораженный стрѣлою, ниспавшею съ неба, источаетъ послѣднія капли крови изъ нечестиваго своего сердца? Припомните, наконецъ, и Израильтянъ, когда они прилежно искали Бога своего и утреневали къ Нему,—тогда ли, когда Онъ рукою крѣпкою и мышцею высокою изводилъ ихъ изъ Египта, проводилъ сквозъ море, предшествовалъ въ столпѣ облачномъ и огненномъ, питалъ хлѣбомъ небеснымъ, поилъ водою чудесною, преклонялъ и покорялъ предъ ними народы земные и творилъ ихъ обладателями земли, точащей медъ и млеко,—или тогда, когда за беззаконія и неправды ихъ,

за идолослуженіе и плотоугодіе, за буйство и непокорность поражалъ ихъ тысящи, поглощалъ землю, умерщвлялъ змїями и предавалъ въ плѣнъ и рабство къ иноплеменникамъ? На сей вопросъ ясно отвѣтствуетъ пророкъ Израилевъ, который говоритъ: *егда убиваше я, тогда взыскаху Его, и обращахуся и утреневашу къ Богу, и помлнша, яко Богъ помощникъ имъ есть и Богъ Вышній избавитель имъ есть* (Псал. 77, 34. 35). Но для чего намъ искать свидѣтельствъ на сію истину въ отдаленной древности? вспомнимъ лучше о самихъ себѣ, когда мы усерднѣе работали Господу Богу нашему, вѣрнѣе исполняли святой Его законъ, чаще посѣщали Его храмы, ревностнѣе занимались молитвою, благоговѣйнѣе вели себя въ домѣ, искреннѣе обращались съ ближними, не клеветали и не притѣсняли другъ друга, а помогали и вразумляли, не на роскошь и непотребство иждивали время и имущество, но на дѣла любви и милосердія христіанскаго, не грабежемъ и мздоимствомъ обогащали себя, но полезнымъ трудомъ и святымъ воздержаніемъ,—не тогда ли наиболѣе, когда и внѣшнія бѣдствія и внутреннія скорби давали намъ чувствовать, что рука Господня тяготѣетъ надъ нами, и налагаетъ раны, но дѣломъ нашимъ? Такъ, братія моя, и прежде и нынѣ и всегда знаемъ бываетъ Господь, наипаче тогда, когда творитъ судьбы своя въ людехъ своихъ и когда совершаетъ казни надъ нечестивымъ. Облобызаемъ убо наказующую насъ руку Божию: она ведетъ насъ ко спасенію. Будемъ только внимательны къ ея движеніямъ и неуклонно послѣдуемъ ея указанію.

Знаемъ есть Господь судьбы творѣй (ст. 17).

Если праведные суды и наказанія Божіи вразумляютъ о Богѣ самыхъ ожесточенныхъ грѣшниковъ и иногда даже обращаютъ ихъ на путь истины и добродѣтели; то

естественно рождається вопросъ: для чего же Богъ, столько любящій правду и ненавидящій лжу, не часто совершаетъ сія суды и наказанія, хотя не рѣдко умоляютъ Его о томъ сами праведники и при жизни и по смерти, такъ много страждущіе и страдавшіе отъ буйства и дерзости нечестивыхъ? Такъ, напримѣръ, утомленный страданіями своими пророкъ Израилевъ взываетъ къ Нему: *вознесися, судяй земли и воздаждь воздаяніе гордымъ. Доколь грѣшницы, Господи, доколь грѣшницы восхвалятся, провъщаютъ и возлагодютъ неправду, возлагодютъ вси дѣлающіи беззаконіе? Люди твоя, Господи, смириша и достояніе Твое озлобиша; вдовицу и сира умориша и пришельца убиша* (Псал. 93, 2—6). *Доколь, Владыко святой и истинный, вопіють къ Нему души святыхъ, избіенныхъ за слово Божіе, доколь не судиши и не мстиши крови нашей отъ живущихъ на земли? Почему Отецъ небесный, всегда столько внимательный къ нуждамъ и прошеніямъ избранныхъ чадъ своихъ, здѣсь какъ-бы не внемлетъ моленіямъ ихъ и попускаетъ имъ лучше страдать и бѣдствовать отъ насилія и притѣсненія нечестивыхъ, нежели учащать свои суды и наказанія? Не лучше ли, по видимому, было бы каждое беззаконіе и каждое злодѣяніе преслѣдовать немедленно достойнымъ наказаніемъ, нежели терпѣть преобладаніе баззаконныхъ и откладывать ихъ наказаніе на неопредѣленное время? Тогда добродѣтель, всегда защищенная и поддержанная, имѣла бы достаточное побужденіе и поощреніе къ своимъ подвигамъ, а порокъ, всегда устрашаемый и обуздываемый, не имѣлъ бы возможности усиливаться и притѣснять добродѣтели. Почему же Богъ премудрый, всеблагій и правосудный не поступаетъ такимъ образомъ? Потому, отвѣтствуетъ св. Златоустъ, что Онъ желаетъ отъ насъ добродѣтели свободной, а не невольной, желаетъ, чтобы мы дѣлали добро по свободному нашему произволенію,*

а не по необходимости, не изъ страха наказанія за уклоненіе отъ добродѣтели, а по любви къ добродѣтели. Но лучше же, скажутъ, можетъ быть, иные, быть добрымъ по необходимости, нежели злымъ по свободѣ? На сіе предположеніе отвѣчаю: не можетъ быть добрымъ то, что бываетъ по необходимости. Заключение въ узахъ и темницѣ конечно не дѣлаетъ зла, а дѣлаетъ иногда и добро; но онъ не можетъ назваться добрымъ, потому что не останется таковымъ навсегда, а получивши свободу, вскорѣ обратится къ привычному для него пороку. Напротивъ тотъ, кто по свободному произволенію дѣлаетъ добро, есть истинно добръ, потому что онъ постояненъ въ добрѣ; сила воли крѣпче всякихъ узъ можетъ удерживать его отъ зла. Посему частые суды и наказанія Божіи конечно послужили бы къ обузданію и даже истребленію порока, но въ то же время весьма много повредили бы и успѣхамъ добродѣтели; тогда много было бы невольниковъ добродѣтели, но, быть можетъ, ни одного истинно-добродѣтельнаго; невольникъ же добродѣтели ничѣмъ не отличается отъ грѣшника; ибо *все, еже не отъ вѣры*, по словамъ апостола, *грѣхъ есть*, а вѣры въ невольникѣ, потому именно, что онъ невольникъ, быть не можетъ, такъ какъ вѣра есть дѣйствіе свободы, ея главное мѣсто въ сердцѣ: *сердцемъ*, говоритъ апостоль, *впруется въ правду*.

Но если, по свидѣтельству писанія, предъ очами Божіими единъ праведникъ лучше, нежели тысяща грѣшниковъ, то неудивительно, что премудрость Божія слишкомъ бережливо, т. е. нечасто и притомъ медленно и, такъ сказать, неохотно расточаетъ грозныя дѣйствія своего правосудія; въ этомъ заключается, можно сказать, мудрая экономія домостроительства Божія о спасеніи человѣческомъ. Для пріобрѣтенія и соблюденія тѣхъ немногихъ, ихъ же недостойнъ весь міръ, Богъ щадитъ терпѣливо

многихъ, давно уже достойныхъ не только суда и наказанія, но и совершеннаго потребленія отъ лица земли; для десяти праведниковъ не погубляетъ цѣлые грады нечестивыхъ, доколѣ не созрѣетъ правда праведниковъ и доколѣ беззаконія грѣшниковъ не превзойдутъ мѣру Его долготерпѣнія. Тѣмъ не менѣе однакожь, дабы нечестивые не подумали, что они могутъ вѣчно оскорблять Его благость и притѣснять своихъ ближнихъ ненаказанно, что Онъ не видитъ и не разумѣетъ, какъ они, ходя въ воляхъ сердецъ своихъ, безстрашно попираютъ законъ Его и еще хвалятся во злобѣ своей, снѣдаютъ люди Его въ снѣдь хлѣба, пьютъ потъ и кровь ихъ, яко вино, объедаютъ плоти ихъ, одираютъ кожи ихъ отъ костей ихъ и самыя кости ихъ содробляютъ, яко плоти въ конобѣ и яко мясо въ горницѣ, — Онъ даетъ имъ по временамъ чувствовать правду свою въ громахъ и молніяхъ, въ землетрясеніяхъ и наводненіяхъ, въ гладахъ и язвахъ и въ другихъ подобныхъ бѣдствіяхъ. Но сего не довольно.

Правосудный Богъ еще прежде своего суда и наказанія въ самыхъ дѣлахъ ихъ уготовляетъ имъ достойное наказаніе, такъ что они, по словамъ апостола, *возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, сами въ себѣ воспріемлютъ*. Посему-то и пророкъ, упомянувъ о судьбахъ Божіихъ надъ грѣшниками, т. е. о судѣ и наказаніяхъ, которыя Богъ совершаетъ надъ ними, упоминаетъ вмѣстѣ и о томъ, что они и въ собственныхъ дѣлахъ своихъ обрѣтаютъ для себя не меньшее наказаніе: *въ дѣлахъ руку свою узязе грѣшникъ*, продолжаетъ онъ.

Дѣла грѣшниковъ суть силокъ, или петля, въ которыхъ увязаютъ сами грѣшники. Вы видѣли уже, какъ хитрые и коварные люди упадаютъ въ яму, которую ископали для брата своего, и запутываются въ сѣтяхъ, которыя разостлали для друга своего. Но тоже, хотя и не столь примѣтно, случается и съ каждымъ грѣшникомъ;

всѣ они суть жалкіе страдальцы собственныхъ дѣлъ, суть несчастные узники, которые сами на себя наложили оковы, и вмѣсто того, чтобы стараться расторгнуть ихъ и освободиться отъ нихъ, только болѣе и болѣе укрѣпляютъ оковы. Посему видишь ли ты честолюбца? Не безпокой его, но пожалѣй объ немъ. Развѣ ты не замѣчаешь, что ненасытимое желаніе чести, подобно смертной петлѣ, опутало и сдавило ужаснымъ образомъ не только его шею, но и руки и ноги, и душу и тѣло, и умъ и языкъ? Взгляни на него пристальнѣе, не видишь ли, что онъ и ходитъ не такъ, какъ другіе, и сидитъ, какъ скованный, и говоритъ, какъ помѣшанный. Начни съ нимъ разговоръ о чемъ угодно, и онъ вѣрно сведетъ его на самого себя, на свои заслуги и достоинства, на свою неутомимую дѣятельность и безпримѣрное благоразуміе. Не удивляйся тому; честолюбіе тянетъ его въ эту сторону, и онъ не можетъ быть въ другой; онъ самъ въ себѣ не воленъ. Встрѣчаешь ли сребролюбца и любодѣя, завистника и ненавистника, лжеца и клеветника, притѣснителя и мздоимца, вора и пьяниду, и всѣхъ, подобныхъ имъ? Не смѣйся и не упрекай ихъ, но вздохни и поскорби объ нихъ въ молитвѣ предъ Богомъ. Не видишь ли, какъ они измучены, встревожены и растерзаны своими собственными дѣлами? У одного помутившіеся отъ бессонницы очи, трепещущіе отъ подозрѣнія и страха члены; у другаго безжизненные взоры, оледенѣвшія чувства, изможденное лице; у иныхъ впалые глаза, помертвѣвшее тѣло, одряхлѣвшія ланиты, голосъ гробовой, уста, изрыгающія желчь; у другихъ шаги нетвердые, взгляды боязливые, или безстыдные, движенія безцѣпныя, улыбка коварная, языкъ опаленный адскимъ пламенемъ; у всѣхъ вообще какая-то принужденность и связанность, недостатокъ свободы, отсутствие спокойствія, смущеніе совѣсти, волненіе души, червь нессыпашій въ сердцѣ. Это мученики безотрадные, кото-

рыхъ вмѣсто вѣнца ожидаютъ за гробомъ новыя нескончаемыя мученія ада. Надъ ними ли ты будешь издѣваться? Ихъ ли станешь порицать? Нѣтъ, лучше плачь и молись за нихъ, да избавить ихъ всемогущій Господь отъ узъ, которыя они сами для себя устроили и продолжаютъ устроить, и да изведетъ ихъ души изъ темницы, въ которой онѣ не видятъ свѣта дневнаго и не вкушаютъ радостей жизни, свободной отъ грѣха. О! если бы возможно было дать имъ почувствовать свободу чадъ Божіихъ, сколь она вождельнна и утѣшительна, и какими не оцѣненными благами надѣляетъ избранныхъ сыновъ своихъ, тогда они, вмѣсто злобы и ненависти, которыми теперь ихъ преслѣдуютъ, прилѣпились бы къ нимъ всѣмъ сердцемъ своимъ и, послѣдуя примѣру ихъ, стали бы удаляться грѣха, какъ яда смертоноснаго.

Убѣгайте убо, братія, и вы всякаго грѣха, да не увязнете въ дѣлѣхъ руку своею и не погибнете. *Оброцы бо грѣха смерть*, говоритъ апостоль.

Да возвратятся грѣшницы во адъ, вси языцы забывающіи Бога (ст. 18).

Возвращаться можно только туда, гдѣ прежде были, но откуда вышли. Значить, грѣшники и всѣ народы забывающіе Бога были уже во адѣ, но оттуда вышли; иначе пророкъ не могъ бы желать и просить Бога, чтобы они возвратились во адъ. *Да возвратятся грѣшницы во адъ, вси языцы забывающіи Бога*, говоритъ онъ. Когда же они и какимъ образомъ были во адѣ? Не на землѣ ли они родились, не на землѣ ли воспитались и выросли? Не на землѣ ли живутъ и дѣйствуютъ? Правда. Но если, по свидѣтельству апостола Павла, были и есть люди, которые, и пребывая на землѣ, обитали и обитаютъ на небѣ: *наше житіе*, говоритъ онъ о себѣ и о всѣхъ истинно-вѣрующихъ во Христа, *на небесѣхъ*

есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Иисуса Христа; то почему же не быть и такимъ, которые, живя вмѣстѣ съ ними на той же землѣ и, быть можетъ, подъ тѣмъ же кровомъ, обитаютъ во адѣ? Какъ же первые, живя на землѣ, въ то же время живутъ и на небѣ? Очевидно не тѣломъ, а духомъ, не плотію, а умомъ и сердцемъ—своими мыслями, желаніями, и надеждами и ожиданіями, непрестаннымъ туда стремленіемъ и постояннымъ исканіемъ благъ небесныхъ, о чемъ тотъ же апостоль ясно говоритъ, сказывая о самомъ себѣ и обо всѣхъ подобныхъ ему: *о семъ воздыхаемъ, въ жилище небесное облещися желающе*, или увѣщевая другихъ: *вышнихъ ищите, идѣже есть Христость, одесную Бога сѣдя, горяля мудрствуйте, а не земная: умросте бо и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ*. Возносясь на небо на молитвенныхъ крилахъ вѣры, надежды и любви, они большую часть времени проводятъ тамъ въ собесѣдованіи съ Богомъ и Его Ангелами, въ братолюбномъ обращеніи съ перворожденными сынами церкви торжествующей и въ созерцаніи благъ, имъ уготованныхъ, а на землю нисходятъ только по временамъ для удовлетворенія нуждъ тѣлесныхъ и для совершенія подвига, опредѣленнаго имъ до окончательнаго преселенія ихъ въ горнія селенія. Подобнымъ образомъ и послѣдніе—люди совершенно противоположныхъ свойствъ первымъ, живя на землѣ, большую часть времени проводятъ во адѣ. Конечно, ада самые грѣшники не желаютъ и никогда не хотѣли бы попасть туда; но ихъ порочныя мысли, беззаконныя желанія и преступныя дѣйствія, подобно жерновымъ камнямъ, обѣшеннымъ на выи ихъ, и на рукахъ и на ногахъ, невольно увлекаютъ и низвергаютъ ихъ въ бездны адовы къ отцу ихъ—діаволу, откуда уже являются на землѣ не какъ сыны Божіи, но какъ сыны діавола и вѣрные посланники его, не только сами

усердно исполняющіе волю его, но и другихъ къ тому ревностно возбуждающіе, поощряющіе и даже принуждающіе. Васъ, примѣтно, удивляетъ это? Но вспомните, что сказалъ Иисусъ Христосъ беззаконнымъ Іудеямъ, которые почитали себя сынами Божиими и дѣйствительно были нѣкогда таковыми: *вы отца вашего діавола есте, и похоти его хотите творити*, сказалъ Онъ имъ. Что же ихъ отторгло отъ Бога и усыновило діаволу? Беззаконныя дѣла ихъ, которыя Иисусъ Христосъ называетъ похотями діавола; ибо діаволъ ничего столько не желаетъ и ничего не жаждетъ, какъ беззаконія человѣческаго. Это есть высокое наслажденіе для ожесточенной его злобы противъ Бого-Творца человѣковъ и самихъ человѣковъ, предназначенныхъ занять со временемъ въ ряду горнихъ силъ его прежнее мѣсто, и вмѣстѣ важное для него пріобрѣтеніе, потому что чрезъ беззаконіе онъ пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ рабовъ и подданныхъ, или, лучше сказать, чадъ ему возлюбленныхъ: беззаконіе перераждаетъ человѣковъ изъ чадъ Божіихъ въ чадъ діавола. Оно, отчуждая ихъ отъ Бога, такъ какъ Богъ не любитъ беззаконія и потому ненавидитъ и не терпитъ беззаконниковъ предъ очами своими, въ то же время предаетъ ихъ во власть діавола; ибо здѣсь средняго ничего быть не можетъ: кто не съ Богомъ, тотъ съ діаволомъ. Вотъ почему апостолъ говоритъ: *всякъ творѣй грѣхъ отъ діавола есть, потому что грѣхъ есть беззаконіе*. Если же всѣ грѣшники отъ діавола или съ діаволомъ, то значитъ, что грѣшники бывають въ аду и выходятъ изъ ада; ибо гдѣ діаволъ, тамъ и адъ, равно какъ, гдѣ Богъ, тамъ и небо.

Съ другой стороны, если, по свидѣтельству тайновидца Іоанна Богослова, *Богъ есть свѣтъ, въ Немъ же нѣсть тьмы ни единыя, и обитаетъ во свѣтъ неприступномъ*, а грѣшники суть тьма и ходять во тьмѣ; то грѣшники, по необходимости, живя на землѣ, пребываютъ

въ аду и по временамъ только исходятъ изъ онаго. Ибо что такое адъ? По буквальному значенію сего слова въ греческомъ языкѣ, изъ котораго оно заимствовано, адъ есть невидимое, т. е. мѣсто, котораго и въ которомъ ничего видѣть нельзя, не потому впрочемъ, чтобы оно само по себѣ, по своему свойству, не способно быть видимымъ, а потому, что оно находится за предѣлами свѣта Божественнаго, посредствомъ котораго все видимое бываетъ видимымъ, иначе сказать, оно тамъ, гдѣ оканчивается область свѣта и начинается область тьмы. Посему-то писаніе не рѣдко называетъ его тьмою кромѣшною, или внѣшнею, т. е. такую тьмою, которая состоитъ внѣ всякаго свѣта, а потому и называется внѣшнею, или что то же кромѣшною. О тьмѣ кромѣшной мы нынѣ не можемъ составить себѣ достаточнаго понятія, потому что то, что мы принимаемъ нынѣ за тьму, и даже тьма осенней ночи, не есть собственно тьма, но смѣшеніе свѣта со тьмою, въ которомъ тьма преобладаетъ надъ свѣтомъ, такъ же какъ и нашъ нынѣшній день не есть настоящій день, а есть, можно сказать, только сумерки того великаго и просвѣщеннаго, единственнаго и нескончаемаго дня, въ которомъ вмѣсто солнца будетъ свѣтитъ самъ Богъ— свѣтъ несозданный, незаходимый и всеосвѣщающій. Наша ночная тьма болѣе или менѣе разрѣшается и просвѣщается лучами солнца, проникающими изъ-за другаго полушарія земли и въ свѣтѣ луны и звѣздъ иногда довольно ярко отражающимися, а иногда вовсе, по видимому, теряющимися въ густой мглѣ облаковъ, но тьмѣ не менѣе дѣйствующими и умѣряющими тьму; но тьма кромѣшная совершенно непричастна ни малѣйшему свѣту; это тьма осязаемая, тьма, которой образецъ въ маломъ размѣрѣ видѣли и испытали Египтяне, и при всемъ ожесточеніи своемъ не могли снести болѣе трехъ дней. Правда, писаніе даетъ въ сей тьмѣ мѣсто огню вѣчному, но этотъ

огонь будетъ только жечь, а не свѣтить. Грѣшники, отчуждая себя отъ свѣта благодати Божіей и чрезъ то дѣлаясь тьмою, какъ говоритъ объ нихъ апостоль: *блста иногда тьма*, сами себя естественно поставляютъ во тьму кромѣшную, слѣд. низводятъ во адъ; ибо внѣ свѣта Божія нѣтъ ничего, кромѣ тьмы кромѣшной или ада. Имѣяй уши слышати да слышитъ, что Духъ Божій глаголетъ сыномъ человѣческимъ въ предохраненіе и предостереженіе ихъ, да не придутъ на мѣсто мученія вѣчнаго, да искушаютъ духи, иже суть отъ Бога и иже отъ діавола, да не общаются дѣломъ неплоднымъ тьмы, паче же да обличаютъ оныя, да творя дѣла мира и любви, человѣколюбія и милосердія, и въ то же время избѣгая студныхъ дѣлъ злобы и лукавства, вражды и крамолы, сынове свѣта и сынове Божіи нарекутся и будутъ.

Премудрый Соломонъ говоритъ: *есть путь, иже мнитъя челоукомъ правъ быти, послѣдняя же его прихоятъ во дно ада*. Если же конецъ сего пути достигаетъ до дна ада; то очевидно, что начало его открывается при самомъ, такъ сказать, устьѣ ада, т. е. весь сей путь отъ начала до конца, не смотря на обманчивую благодность свою, есть адскій путь. Что же это за путь; столь погубельный и вмѣстѣ столь оболстительный? Это путь грѣшниковъ и всѣхъ забывающихъ Бога. Не вѣрите мнѣ? Такъ повѣрьте Богодухновенному испытателю и объяснителю писанія, мудрому сыну Сирахову. Вотъ что онъ говоритъ: *путь грѣшниковъ улажденъ отъ каменія, а на послѣдокъ его ровъ адовъ*. Впрочемъ, размыслите внимательнѣе, и вашъ собственный разумъ приведетъ васъ къ тому же печальному открытію. Что такое грѣхъ? Уклоненіе отъ Бога чрезъ нарушеніе Его закона. Значитъ, грѣшники съ той самой минуты, какъ дѣлаются грѣшниками, отвращаются отъ Бога, и Богъ отвращается

отъ нихъ; грѣхи ихъ становятся преградою между Богомъ и ими, о чемъ ясно говоритъ пророкъ Исаія: *грѣхи ваши разлучаютъ между Богомъ и вами*. Отвращаясь же отъ Бога, они, естественно, идутъ въ противоположную сторону. А что въ сей сторонѣ могутъ найти они? Ничего, кромѣ ада и врага—Божія діавола. Въ день послѣдняго суда скажетъ Богъ осужденнымъ: *отыдите отъ Мене, проклятіи*, куда же? *во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его*; ибо, отходя отъ Бога, некуда болѣе идти, какъ во адъ къ діаволу. Вотъ почему пророкъ Израилевъ едва только замѣтилъ, что Богъ отвратилъ отъ него лице свое, какъ понялъ всю опасность своего положенія и смутился: *отвратилъ еси лице Твое*, самъ онъ говоритъ о себѣ въ молитвѣ своей къ Богу, *и быхъ смущенъ*. Отъ чего же онъ смутился? Отъ того, что ставъ внѣ присутствія лица Божія, онъ вдругъ неожиданно увидѣлъ себя во вратахъ адовыхъ.

И такъ, грѣшники и всѣ забывающіи Бога, и живя на землѣ, не только бываютъ во адѣ, но и не могутъ не быть въ немъ, поколику суть грѣшники, отчужденные отъ общенія съ Богомъ, хотя, впрочемъ, въ настоящее время, до рѣшительнаго суда и осужденія надъ ними въ послѣдній день, не испытываютъ еще во всей полнотѣ мученій ада и имѣютъ свободу не только исходить изъ него, но и переходить чрезъ покаяніе и другія таинства вѣры въ царство благодати и славы, такъ же точно, какъ и праведники, хотя еще здѣсь на землѣ вкушаютъ уже начатки блаженства небснаго, но полнымъ блаженствомъ еще не наслаждаются до окончательнаго суда, и даже имѣютъ возможность чрезъ какой нибудь тяжкій грѣхъ ниспастъ изъ своего блаженнотворнаго состоянія до безднъ адовыхъ.

Псалмопѣвецъ говоритъ о себѣ: *рѣхъ согрѣшающимъ, не согрѣшайте, и беззаконнующимъ, не беззакон-*

нуйте. Хотѣли бы въ свою чреду сказать и мы самимъ себѣ и ближнимъ нашимъ, беззаботно предающимся грѣху: бѣдныя и неразумныя грѣшники! куда вы такъ быстро и стремительно, такъ охотно и весело идете? Остановитесь, несчастныя! путь вашъ есть путь погибельный: *послѣдняя его приходятъ во дно адово.*

Или, видя ожесточенныхъ между ними, безумно въ ослѣпленіи злобы своей вооружающихся противъ Бога всемогущаго и избранныхъ сыновъ Его, возмущающихъ благодатное Его на землѣ царство и преслѣдующихъ святую Его церковь своею завистію и ненавистію, своими кознями и соблазнами, своею клеветою и злословіемъ, мы хотѣли бы сказать имъ вмѣстѣ съ пророкомъ: *да возвратятся грѣшницы во адъ*, изъ котораго вышли, и да не исходятъ болѣе изъ онаго; или, нѣтъ, да обратятся лучше ко Господу Богу своему и да познають, яко прилѣплятся Ему благо есть, паче неже жити въ селеніяхъ грѣшничихъ—при адѣ, и о! если бы гласъ нашъ не былъ, яко гласъ вопіющаго въ пустыни!

Яко не до конца забвенъ будетъ нищій, терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца (ст. 19). Въ сихъ словахъ заключается причина на предыдущія: *да возвратятся грѣшницы во адъ* (ст. 18). Т. е. мысль пророка здѣсь слѣдующая: напрасно грѣшники исходятъ изъ ада возмущать царство Божіе, притѣснять бѣдныхъ и несчастныхъ, обижать вдовъ и сиротъ, оскорблять слабыхъ и немощныхъ, мучить и беспокоить неповинныхъ. Богъ, какъ Царь неба и земли, и Царь всемогущій и всевѣдущій, не попуститъ имъ долго своевольствовать въ Его царствѣ, не дозволитъ имъ вѣчно злоупотреблять Его терпѣніемъ, но рано или поздно услышитъ вопли и стenanія рабовъ своихъ, возстанетъ въ помощь имъ, облечется во всеоружіе правды своея, восприметъ мечъ гнѣва и

мщенія и поразить ихъ притѣснителей. И такъ, пусть сіи обидчики и притѣснители, мужи грѣшныя, забывающіе Бога, престанутъ заранѣе, прежде нежели настанетъ для нихъ день гнѣва и мщенія Божія, отъ лукавствъ своихъ; пусть прекратятъ свои злыя замыслы противъ собратій своихъ, и безъ того уже много пострадавшихъ отъ нихъ; пусть слезами покаянія омоютъ руки свои отъ крове ихъ и подвигами благочестія возвратятъ себѣ милость Божію, или пусть поспѣшно возвратятся во адъ, изъ котораго вышли, и не тревожатъ болѣе мирныхъ обитателей царства Божія.

Не до конца забвенъ будетъ нищій, терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца. Здѣсь воспоминаются нищія и убогія по той же причинѣ, по какой воспоминались они и выше, т. е. какъ люди, наиболѣе терпящіе отъ насилія и притѣсненія нечестивыхъ. Но вмѣстѣ говорится объ нихъ и то, что они не до конца будутъ забыты у Бога, и что терпѣніе ихъ не погибнетъ навсегда. Симъ означаетъ не то, чтобы нищія и убогія могли когда либо быть забыты у Бога: Богъ все и всегда видитъ, все и всегда слышитъ и знаетъ, и потому быть не можетъ, чтобы Онъ что-либо или кого-либо могъ хотя на одно мгновеніе забыть, а тѣмъ менѣе нищихъ и убогихъ, которые непрестанно напоминаютъ Ему о себѣ своими мольбами и стенаніями и своими даже страданіями. Египтяне озлобляютъ беззащитныхъ Израильтянъ, но Богъ видитъ и слышитъ озлобленіе сіе. *Видя видѣхъ, говоритъ Онъ Моисею, озлобленіе людей моихъ, иже во Египтѣ, и вопль ихъ услышахъ отъ дѣлъ приставниковъ: увѣдѣхъ бо болѣзнь ихъ, и снідохъ изъяти ихъ отъ руку Египетску.* Но словомъ забвеніе выражается только величіе долготерпѣнія Божія, по которому люди, особенно долго и безотрадно страдающіе, не постигая всей глубины премудрости и милосердія Божія, не рѣдко прихо-

дять къ мысли, что Богъ какъ будто забылъ ихъ за какия либо тяжкія преступленія, хотя и стараются отогнать ее отъ себя надеждою на неусыпный промыслъ Божій. Въ такомъ состояніи неоднократно бывалъ и самъ пророкоцарственный Давидъ. Такъ въ одно время говорилъ онъ о себѣ: *забвенъ быхъ яко мертвъ отъ сердца, быхъ яко сосудъ погубленъ*; въ другое вопіялъ въ гдрести сердца своего: *реку Богу: заступникъ мой еси, почто мя забылъ еси, и вскую стыя хожду, внигда оскорбляетъ врагъ?* Нечестивые же не только думаютъ такимъ образомъ, но и сообразно съ симъ дѣйствуютъ, изгоняя тѣмъ изъ сердца своего всякій страхъ суда и наказанія. Такъ объ одномъ изъ нихъ говоритъ Псалмонѣвецъ: *пристыдитъ въ ловительствѣ съ богатыми въ тайныхъ, еже убити неповиннаго. Рече бо въ сердце своемъ: забы Богъ, отврати лице свое, да не видитъ до конца.* То же должно замѣтить и о терпѣніи убогихъ: оно, собственно говоря, никогда не погибаетъ, т. е. не лишается плода своего—благовременной помощи и награды отъ Бога, если только не сопровождается ропотомъ и хулою на Бога, досадою и негодованіемъ на мнимыхъ или истинныхъ виновниковъ злополучія, какъ поступали Израильтяне въ пустынѣ, терпѣвшіе голодъ и жажду и въ то же время роптавшіе на Бога и вождя своего Моисея, а напротивъ соединяется съ душевнымъ смиреніемъ и святымъ благодушіемъ, съ безусловною покорностію волѣ Божіей и твердымъ упованіемъ на помощь Вышняго, какъ во дни бѣдствія своего и особенно во время бѣгства отъ лица Авессаломова поступалъ кроткій и праведный Давидъ, не роптавшій на Бога, но смиравшійся предъ Нимъ, и въ злобномъ даже Семеѣ, открыто оскорблявшемъ его, не врага своего видѣвшій, но посланника Божія, посланнаго проклинать Давида; и если, наконецъ, съ неизмѣннымъ постоянствомъ продолжается до конца опредѣлен-

наго свыше подвига. Но сіе самое терпѣніе для людей, не привыкшихъ прозрѣвать въ судьбы Божіи и благонадежно успокаиваться въ нихъ, иногда представляется какъ бы навсегда погибшимъ. Противъ сихъ-то людей, и вмѣстѣ въ отраду и утѣшеніе страждущихъ, и говоритъ пророкъ: *не до конца забвенъ будетъ нищій, терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца.* О! если бы родъ человѣчскій вѣрнѣе изучилъ сію истину, возвѣщаемую пророкомъ, глубже напечатлѣлъ ее въ своемъ сердцѣ, тверже содержалъ въ памяти и чаще обращался къ ней умомъ и размышленіемъ своимъ; тогда бы каждый изъ насъ при всѣхъ своихъ несчастіяхъ былъ тысящекратно счастливѣе самаго перваго счастливца міра. Тогда все, что ни случилось бы съ нами, мы принимали бы съ благодушіемъ, какъ даръ, ниспосылаемый отъ руки Господни, и терпѣливо выжидали бы проявленія судебъ Божіихъ въ судьбѣ нашей; тогда ничто насъ не могло бы ни сильно потревожить, ни тяжело огорчить; потому что были бы увѣрены, что находимся подъ благодѣтельнымъ кровомъ Отца небеснаго, Который одинъ знаетъ куда и какъ вести насъ, и непременно приведетъ насъ къ предназначенной цѣли, если только мы сами тому не воспрепятствуемъ; ибо имѣетъ Онъ и столько мудрости, чтобы избрать вѣрныя къ тому средства, и столько силы и могущества, чтобы привести въ исполненіе свои предначертанія, и столько любви и благоволенія къ намъ, чтобы во всѣхъ обстоятельствахъ жизни сберечь насъ для нашего блага. Посему-то одинъ изъ предавшихся Его водительство смѣло говоритъ: *Господь посетъ мя и ничто же мя лишитъ. Аще бо и пойду посредеъ стни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси. На Тя упова душа моя, и на стнь крилу Твоею надъюся.* Но мы всѣ болѣе или менѣе несчастны, не потому впрочемъ, чтобы несчастія наши были и чрезвычайны и многочисленны, а потому,

что не имѣемъ полнаго довѣрія къ водительству Божию, и принимаемъ за несчастія такія приключенія въ жизни своей, которыя готовятъ намъ существенное наше счастье, или, по слѣпотѣ своей, не усматриваемъ благаго конца своихъ несчастій.

Воскресни, Господи, да не крѣпится человекъ, да судятся языцы предъ Тобою (ст. 20).

Пророкъ, сказавъ выше, что нищіе и убогіе, обыкновенно притѣсняемые отъ сильныхъ земли, не забыты у Бога, и терпѣніе ихъ не погибнетъ до конца, теперь, для утвержденія истины словъ своихъ самымъ дѣломъ, возбуждаетъ Бога къ правосудію. Воскресни, Господи, говоритъ онъ, возстань и яви Твой судъ надъ нечестивыми, расточи лукавыя совѣты ихъ, сокруши гордые ихъ замыслы, удержи ихъ отъ насилія и притѣсненія рукою крѣпкою и мышцею высокою, вразуми ихъ наказаніями Твоими, да не крѣпится человекъ, и да судятся языцы, да познаютъ они, что и они человекѣ, столь же слабые и немощные предъ лицомъ Твоимъ, какъ и всѣ прочіе, и да уразумѣютъ народы, что Богъ вышній есть судія неба и земли. *Постави, Господи, законоположителя надъ ними, да разумѣютъ языцы, яко человекѣ суть (ст. 21).* Они въ нечестіи сердца своего давно уже свергли съ себя иго закона Твоего, давно расторгли узы совѣсти, связывавшія волю ихъ; теперь нѣтъ законоположителя надъ ними, нѣтъ ничего, что бы могло удерживать ихъ въ буйныхъ порывахъ необузданной ихъ гордости: однѣ постыдныя страсти свирѣпствуютъ въ сердцахъ ихъ и увлекаютъ ихъ на всякое беззаконіе; однѣ желанія плоти законодательствуютъ въ умахъ ихъ и самыя порочныя дѣйствія освящаютъ для нихъ именемъ добродѣтелей. Поставь убо, Господи, законоположителя надъ ними, пошли на нихъ судъ и наказаніе Твое. Пусть страхъ Твой будетъ вмѣсто закона для нихъ.

Вскую, Господи, отстоя далече, презираеши во благовременныхъ въ скорбѣхъ. Внегда гордится нечестивому, возгарается нищій; увязаютъ въ совѣтѣхъ, яже помышляютъ (ст. 23). Т. е. для чего Ты, Господи, медлишь Твоимъ судомъ и наказаніемъ, для чего не исходилъ съ правдою Твоею, карающею нечестивыхъ? Не видишь ли, что въ то время, какъ нечестивые гордятся возрастающими успѣхами злобы своея, нищіе и убогіе безотрадно томятся въ бѣдахъ и озлобленіяхъ, терпятъ скорби и хищенія и уловляются ухищреніями на нихъ вымышляемыми. *Воскресни, Господи, предвари я, и загни имъ.* Возстани, Господи, возстани въ помощь имъ, разсуди прю ихъ и не забуди убогихъ Твоихъ до конца.

Какой отецъ не услышитъ подобнаго, столь умиленнаго призыванія страждущихъ дѣтей своихъ! Отецъ ли небесный, несравненно болѣе любящій человекѣвъ, нежели самая нѣжная мать исчадіе чрева своего, не услышитъ онаго и не поспѣшитъ для нихъ судомъ своимъ? Не самъ ли Онъ увѣряетъ насъ въ сей утѣшительной истинѣ: *еда забудетъ жена исчадіе чрева своего, говоритъ Онъ у пророка Исаи, аще же и забудетъ сихъ жена, азъ же не забуду тебе.* Ей поспѣшитъ; ибо глаголетъ уже въ откровеніи Іоанновомъ: *се гряду скоро и мзда Моя со Мною.* И гдѣ обрящутся тогда нечестивые, весь день озлобляющіе праведника? Что станетъ съ тѣми, которые, въ надменіи сердца своего, говорятъ нынѣ: *прійдите, уловимъ праведнаго лестію, яко непотребенъ намъ есть, и противится дѣломъ нашимъ, и поноситъ намъ грѣхи закона и злословитъ намъ грѣхи ученія нашего?* О, какъ тяжка и несносна будетъ тогда участь ихъ!

Позавидуютъ мертвымъ и не умрутъ, пожелаютъ, чтобы горы и камни упали на нихъ и погребли ихъ живыхъ подъ своими развалинами, но ни горы, ни камни не послушаютъ ихъ и не исполнятъ ихъ жалкаго желанія.

айновидецъ Иоаннъ, изображая послѣдній день міра и вмѣстѣ страшнаго суда Христова, между прочимъ говоритъ: и видѣхъ, се небо отлучися, яко свитокъ свиваемо, и всяка гора и островъ отъ мѣстъ своихъ двинушася; и царіе земстїи, и вельможїи, и богатїи, и тыщцїицы, и сильнїи, и всякъ рабъ, и всякъ свободъ скрышася въ пещерахъ и каменїи горстѣмъ, и глаголаша гораѣмъ: падите на ны и покройте ны отъ лица Сѣдящаго на престолѣ, и отъ гнѣва Агнца, яко прїиде день великій гнѣва Его, и кто можетъ стати (Апок. 6, 14—17)? Между тѣмъ, какъ тѣ, которыхъ они въ жизни презирали и безчестили, притѣсняли и гнали незаслуженно, съ ожесточенїемъ и злобою непримиримыми, преслѣдовали обидами и насмѣшками, клеветами и укоризнами, услышатъ отъ Судїи, на престолѣ сѣдящаго, сей отрадный гласъ: *прїидите, благословенїи Отца моего, и наслѣдуйте уготованное вамъ царствїе отъ сложенїя міра*, гласъ, который и одинъ, самъ по себѣ, безъ приложенїя къ нему царствїя славы, вѣнцевъ безсмертїя и благъ нескончаемыхъ, *ихже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце челоуку не въздоша*, могъ бы ихъ на цѣлую вѣчность облаженствовать. О! какъ они тогда смянутся и устрашатся, вспомнятъ прежнюю жизнь свою и устыдятся самихъ себя. Тогда, свидѣтельствуемъ другой созерцатель будущихъ судебъ Божїихъ и челоуческихъ, тогда *станетъ праведникъ въ дерзновенїи мнози предъ лицемъ оскорбившихъ и отметающихъ труды его. Видящїи же смянутся страхомъ тяжкимъ и ужаснутся о преславномъ спасенїи его, и рекутъ въ себѣ, кающася и въ тѣсноту духа въздыхающе: сей бгъ, его же имъхомъ нѣкогда въ посмѣхъ и въ притчу поношенїя. Безумнїи житїе его вмѣнихомъ неистово и кончину его безчестну; но се онъ вмѣнися въ сынѣхъ Божїихъ и въ святыхъ жребїи его есть. Убо заблудихомъ отъ пути истин-*

наго и правды свѣтъ не облїста намъ, и солнце не возсія намъ; беззаконныхъ исполнихомся стезь и погибемъ, и ходихомъ въ пустыни непроходимыя, пути же Господня не увидѣхомъ (Премуд. 5, 1—7).

Постараемся же, возлюбленные, быть лучше гонимыми, нежели гонителями, лучше обидимыми, нежели обидчиками, лучше скорбящими, нежели оскорбителями, да сподобитъ и насъ Господь въ день суда своего всемірнаго услышать оный вожделѣнный гласъ: *радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небеси*: прїидите и наслѣдуйте; видите въ радость Господа вашего, яко наста день воздаянїя вашего, и насытитесь отъ тука дому Моего, яко слава лица Моего се уже сіяетъ и просвѣщаетъ лица ваши свѣтомъ невечернимъ. Еже буди, буди.

Яко хвалимъ есть грѣшнїи въ похотѣхъ души своя и обидѣи благословимъ есть (ст. 24).

Эта послѣдняя степень разврата и нечестїя челоуческаго. Челоукъ, стоящїй на первой степени разврата и нечестїя, допуская грѣхъ, стыдится еще самаго себя и своей собственной совѣсти, осуждающей и обличающей его; на второй страшится Бога, наказующаго всякое беззаконїе; на третьей стыдится и боится, по крайней мѣрѣ, людей, которые, при всемъ растлѣнїи нравовъ, не престають однакоже осуждать и посрамлять порокъ; на четвертой ни Бога не боится, ни людей не стыдится; на пятой и послѣдней не только ни кого не боится и не стыдится дѣлать всякаго рода беззаконїя, но и открыто хвалится ими, и не только самъ дѣлаетъ, но и другихъ, дѣлающихъ оныя, одобряетъ и поощряетъ. За сею степенью слѣдуетъ уже та роковая глубина золь, о которой говорить Премудрый, что какъ скоро прїидетъ въ нее нечестивый, не радить уже о себѣ и о своемъ спасенїи и внезапно находитъ ему безчестїе и поношенїе, а иногда

даже и погибель, разсѣченіе и сокрушеніе неисцѣльное. Тогда-то Богъ въ праведномъ гнѣвѣ своемъ посылаетъ на человѣковъ *духа умиленія и нечувствія*, такъ чтобы и видя не видѣли, и слыша не слышали, и сердцемъ своимъ не разумѣли, и вмѣстѣ съ симъ предаетъ ихъ *въ неискусенъ умъ творити неподобная*, въ похоти сердца и страсти безчестія, *во еже сквернитися тлѣсемъ ихъ въ себѣ самыхъ*. Это такое наказаніе Божіе, котораго тягчаѣ и гибельнѣе на землѣ не бываетъ: оно несравненно ужаснѣе всего того, чего только страшится человѣкъ—и глада, и язвы, и землетрясеній, и наводненій, и продолжительныхъ болѣзней, и внезапныхъ смертей и всякаго рода бѣдствій и злключеній, потому что оно всегда бываетъ вѣрнымъ признакомъ скорого и конечнаго оставленія Богомъ тѣхъ, на которыхъ оно ниспосылается. Такъ апостоль Павель, напомнивъ Иудеямъ, не увѣровавшимъ его проповѣди, о семъ наказаніи Божіемъ, постигшемъ ихъ, по предсказанію пророка Исаи (9, 9. 10), въ заключеніе всего присовокупилъ: *вѣдомо убо да будетъ вамъ, яко языкомъ послася спасеніе Божіе, сіи и услышатъ*. Т. е., да будетъ же вамъ извѣстно, что спасеніе Божіе отнынѣ отъ васъ отнято, и предоставлено язычникамъ, которые увѣровавши во Христа, мною проповѣдуемаго, и получаютъ оное. На то же печальное для Иудеевъ событіе многократно намекалъ и самъ Иисусъ Христосъ, указывая на исполненіе надъ ними пророчества Исаи. Сбывается, говорилъ Онъ, въ нихъ пророчество Исаиино, глаголющее: *слухомъ услышите, и не имате разумѣти, и зряще узрите и не имате видѣти. Отолетъ бо сердце людей сихъ, и ушима тяжело слышаша, и очи свои смъжиша, да не когда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю ихъ*. А наконецъ и ясно выразилъ послѣдующую за симъ судьбу ихъ: *се оставлется вамъ*, сказалъ Онъ имъ не задолго предъ своею смер-

тію, *домъ вашъ пустъ*. Сверхъ того, наказаніе сіе тѣмъ опаснѣе, чѣмъ менѣе чувствуютъ его поражаемые имъ, или, лучше сказать, оно въ томъ именно и состоитъ, чтобы поражаемые имъ не чувствовали своего ослѣпленія, не видѣли своего заблужденія и не понимали своего ожесточенія; за то тѣмъ вѣрнѣе и неизбѣжнѣе погибель ихъ. Посмотрите на Фараона и всѣхъ слугъ его и всѣхъ обитателей земли его въ то время, когда, по праведному суду Божію, непримѣтно для нихъ самихъ, уже совершалось надъ ними сіе наказаніе. Моисей старается вывести ихъ изъ сего опаснаго состоянія и словами и знаменіями, и угрожая и поражая, но на нихъ ничто не дѣйствуетъ, а если и дѣйствуетъ, то на самое краткое время, послѣ котораго они быстро возвращаются къ своему прежнему невѣрію и ожесточенію: они опять начинаютъ видѣть въ Моисеѣ не посланника Божія, а волхва, подобнаго своимъ волхвамъ, или нѣсколько только ихъ высшаго, хитреца и обманщика, котораго нужно скорѣе изгнать, дабы не возмущалъ болѣе спокойствія царства. Казалось бы, довольно было и одного такого чуда, каковы были Моисеевы, чтобы доказать противное ихъ мнѣнію и смягчить ихъ жестокосердіе, но для нихъ нужно было десять такихъ чудесъ, которыхъ еще не видала вселенная, и которыя впрочемъ успѣли произвести только то маловажное дѣйствіе, что Фараонъ на минуту смягчился и отпустилъ Израильтянъ, но не раскаялся совершенно и не обратился къ Богу Израилеву, а напротивъ, вскорѣ раскаялся въ томъ, что, по внушенію Моисея, такъ поспѣшно покорился велѣнію Божію. Посмотрите также и на Израильтянъ, находившихся въ подобномъ состояніи въ пустынѣ, и въ слѣдствіе того: не удостоенныхъ, за исключеніемъ только двухъ человѣкъ, не только наследовать, но и видѣть земли обѣтованной. Или, лучше, послушайте самого Моисея, что онъ говоритъ имъ. *Вы видѣте*, взываетъ онъ къ нимъ, *вся, елика сотвори*

Господь въ земли Египетстѣй предъ вами Фараону и всѣмъ слугамъ его, и всей земли его. Испушенія великая, яже видѣста очи твои, знаменія и чудеса великая оная, руку крѣпкую и мышцу высокую. И не даде Господь Богъ вамъ сердца разумѣти, и очесъ видѣти, и ушесъ слышати даже до дне сего.

Посмотрите, наконецъ, на тѣхъ же Израильтянъ и во дни Исуса Христа и апостоловъ; сколько сотворено было предъ ними силъ, сколько расточено чудесъ и знаменій, сколько исцѣлено больныхъ, разрѣшено бѣсноватыхъ, воскрешено мертвыхъ? Самъ Исусъ Христосъ засвидѣтельствовалъ это предъ ними: *горе тебѣ, Хоразиме, сказалъ Онъ нѣкогда, горе тебѣ Вивсаудо, яко аще въ Тиръ и Сидонъ быша были силы бывшія въ васъ, древле убо во вретници и пепель покаялися быша. И ты, Капернауме, иже до небесъ вознесыйся, до ада спидеши; зане аще въ Содомъхъ быша были силы бывшія въ тебѣ, пребыли убо быша до днешняго дне.* И однакожъ всѣ эти силы, всѣ многочисленныя и поразительныя знаменія и чудеса не произвели въ нихъ того дѣйствія, какого можно было ожидать и отъ меньшаго числа оныхъ, не возбуди въ нихъ вѣры въ Чудотворца! Отъ чего же это? Вѣрную на то причину представляетъ Евангелистъ Іоаннъ: *только знаменія, говоритъ онъ, сотворшу Исусу предъ нами, не впроваху въ Него. Сего ради, продолжаетъ онъ, не можяху впровати, яко рече Исаія; ослѣпи очи ихъ, и окаменихъ есть сердца ихъ, да не видятъ очима, ни разумють сердцемъ и обратятся и исцѣлю ихъ.* Т. е., отъ того всѣ знаменія и чудеса остались не дѣйствительными для Израильтянъ, что послѣдніе, по предреченію Исаи, уже напоены были духомъ умиленія и нечувствія. Состояніе ужасное и, можно сказать, отчаянное; ибо всегда почти предвѣщаетъ близкую гибель тѣхъ,

которые довели себя до сего состоянія. Вотъ почему пророкъ Исаія, когда ему сказано было отъ Бога: *иди и рцы людемъ симъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и видяще узрите, и не увидите,* въ страхѣ и трепетѣ вопрошалъ Бога: доколѣ, Господи? И тогда только нѣсколько успокоился, когда узналъ изъ отвѣта, что сія мѣра наказанія Божія для народа Его есть только временная, а не всегдашняя.

Между тѣмъ какъ отъ сего гибельнаго состоянія человѣкъ, безстыдно хвальнойся своими злодѣяніями и одобряющей оныя въ другихъ, не больше какъ на одинъ только шагъ. И потому неудивительно, что Псалмопѣвецъ Израиля, упомянувъ о человѣкѣ сего рода, съ наибольшею подробностію изображаетъ его свойства и дѣйствія: онъ симъ изображеніемъ старается возбудить въ насъ омерзѣніе и отвращеніе отъ людей съ подобными качествами, и тѣмъ насъ самихъ предостеречь отъ подражанія имъ. Теперь послушаемъ же, какъ Псалмопѣвецъ описываетъ одного изъ таковыхъ людей, уже стоящаго надъ глубиною золъ, упоминаемою Премудрымъ, и готоваго въ нее низринуться, а для большей удобопонятности всѣхъ и каждаго заставимъ его говорить языкомъ чисто русскимъ: *нечестивый, говоритъ онъ, хвалится похотию души своея, одобряетъ грабителя, въ дерзости своей пренебрегаетъ Господа, (говоря въ умъ своемъ): Онъ не смотритъ. Нытъ Бога во всѣхъ мысляхъ его. Во всякое время пути его кривы, чужды для него суды Твои, на всѣхъ враговъ своихъ онъ смотритъ съ презрѣніемъ, говоритъ въ сердце своемъ: не поколеблюсь, въ родъ и родъ не приключится мнѣ зла. Уста его полны злословія, обмана и жестокости, подъ языкомъ его мученіе и пауба. Сидитъ въ засадѣ за дворомъ; въ потаенныхъ мѣстахъ убиваетъ невиннаго; глаза его подсматриваютъ за бѣдными; сидитъ въ потаенномъ мѣстѣ, какъ левъ*

въ ловищѣ, сидитъ въ засадѣ, чтобы схватить бѣднаго; хватается бѣднаго, увлекаетъ въ стѣны свои. Притаивается, прилегается, и бѣдные падаютъ въ его сильныя когти. Говоритъ въ сердце своемъ: забылъ Богъ, закрылъ лице свое, не увидитъ никогда (Псал. 9; 24—32). И такъ, главные черты характера такого человѣка, по словамъ пророка, суть: въ отношеніи къ Богу—невѣріе и безстрашіе, грубое невѣжество и дерзкое заблужденіе; въ отношеніи къ ближнимъ—наглость и безстыдство, хитрость и пронырство, обманъ и коварство, насилія и притѣсненія, злословіе и жестокосердіе; а въ отношеніи къ самому себѣ—высокоуміе и надменіе, самоувѣренность въ своей силѣ и могуществѣ, и дерзкая отважность на всякія преступленія. Но не примѣчаете ли, слушатели, что сіи же самыя черты, если не въ полномъ составѣ, то, по крайней мѣрѣ, по частямъ встрѣчаются и въ насъ самихъ? Не составляютъ ли нынѣ злословіе и пересуды всеобщую приправу и нашихъ разговоровъ? Не водворились ли хитрости и обманы, насилія и притѣсненія и въ нашихъ обществахъ? Не тѣ ли у насъ и въ большей силѣ и славѣ, и въ большемъ уваженіи и почтеніи, которые успѣли больше награть? Не того ли почитаемъ мы и умнымъ и дѣловымъ человѣкомъ, кто хитрѣе и пронырливѣе, коварнѣе и безстыднѣе другихъ, или кто скорѣе и наглѣе можетъ обмануть другихъ? Не вошли ли ложь и ласкательство во всеобщее употребленіе и въ градахъ и весяхъ, и въ домахъ и на торжищахъ? Не говоримъ ли даже, что безъ нихъ и обойтись невозможно. Правда, нѣтъ еще у насъ невѣрія, но есть маловѣріе, нѣтъ безбожія, но есть многобожіе—непрерывное служеніе страстямъ нашимъ. Мы не говоримъ еще о Богѣ, что Онъ не смотритъ и никогда не увидитъ; но живемъ и дѣствуемъ такъ, что ясно выражаемъ сію именно мысль. Знайте же, братія, что и для насъ открыта глубина золь, упоминае-

мая Премудрымъ. А что въ ней? Духъ умиленія и нечувствія, и, быть можетъ, разсѣченіе и сокрушеніе неисцѣльное. *Блюдите убо, братія, како опасно ходите, не яко же не мудрии, но яко же премудрии. Искупите время, яко днѣ лукави суть.*

Воскреси, Господи Боже мой, да вознесетъ рука Твоя, не забуди убогихъ Твоихъ до конца (ст. 33).

Пророкъ, огорченный и утомленный безотраднымъ зрѣлищемъ угнетенной невинности, поруганной добродѣтели, гонимой и попираемой правды съ одной стороны, а съ другой—порока торжествующаго, нечестія преспѣвающего, незнающаго предѣловъ своему буйству и дерзости, святотатственно попирающаго законы Божескіе и человѣческіе и нагло устремляющагося на притѣсненіе слабыхъ и немощныхъ, бѣдныхъ и нищихъ, невольно отвращаетъ взоры свои отъ онаго, ищетъ предмета, который бы могъ облегчить его сердце и успокоить смятенный духъ, но не встрѣчая сего предмета на землѣ, естественно возводитъ слезящія очи свои къ небу, и тамъ, въ созерцаніи нелицеприятнаго правосудія Божія, выну готоваго на пораженіе нечестивыхъ и на защиту невинно-страждущихъ, обрѣтши отрадное убѣжище для своего упованія, благонадежно въ немъ успокоивается. Но успокоиваясь самъ, по искренней любви своей къ ближнимъ, имѣющимъ нужду въ подобномъ утѣшеніи, желаетъ, чтобы и другіе обрѣли такое же успокоеніе, и потому смѣло вызываетъ Бога правосуднаго, скорѣе явить правду свою на землѣ—обуздать нечестивыхъ сокрушеніемъ силы ихъ и утѣшить праведныхъ своею благовременною помощію и защитою. *Воскреси, Господи Боже мой, говоритъ онъ, да вознесетъ рука Твоя, не забуди убогихъ Твоихъ до конца.* Воскреси, т. е., возстань отъ своего долготерпѣнія и яви правду твою, достойно карающую нечестіе; ибо во

время долготерпѣнія Богъ представляется какъ-бы спящимъ, ничего невидящимъ и неслышащимъ,—невидящимъ, какъ сильные земли угнетаютъ слабыхъ, богатые притѣсняють бѣдныхъ,—неслышащимъ, какъ отъ утра до вечера вошютъ къ Нему угнетенные; по крайней мѣрѣ такъ думаютъ нечестивые, воображая, какъ мы видѣли выше, что Богъ отвращаетъ и закрываетъ лице свое отъ злодѣйствъ ихъ, чтобы никогда ихъ не видѣть, и потомъ засыпаетъ (ст. 32). Посему-то Псалмопѣвецъ, примѣняясь къ ихъ мыслямъ, взываетъ къ Богу: *востани, вскую спиши, Господи* (Псал. 43, 20). Напротивъ, когда Богъ наказуетъ нечестіе, являя имъ свое правосудіе, тогда самые нечестивые чувствуютъ и понимаютъ, что Богъ не спитъ, а бодрствуетъ, какъ это ясно показываютъ слѣдующія слова того же Псалмопѣвца: *воста, яко спя Господь, и порази враги своя вспять, поношеніе вѣчное даде имъ* (Псал. 77, 65. 66).

Пророкъ возбуждаетъ далѣе Бога вознести руку свою: *да вознесетъ рука Твоя*, говоритъ онъ опять примѣнительно къ понятіямъ нечестивыхъ, которые, не видя долго наказанія отъ Бога за свои преступленія и не умѣя постигать глубокой тайны безпредѣльнаго милосердія и долготерпѣнія Божія, приходятъ, наконецъ, къ той злополучной мысли, что будто Богъ и никогда не възыщетъ съ нихъ за сіи преступленія: *раздражи Господа грѣшный*, свидѣтельствуетъ пророкъ объ одномъ изъ таковыхъ, *рече бо въ сердце своемъ: не възыщетъ*, а потому представляютъ Бога какъ-бы опустившимъ руки свои для нихъ и не могущимъ, или не смѣющимъ наказывать ихъ. Вопреки сему, пророкъ убѣждаетъ Бога поднять руку свою и поразить враговъ своихъ, а тѣмъ самымъ исхитить убогихъ своихъ отъ ихъ хищническихъ и кровжадныхъ рукъ.

Замѣчательно, впрочемъ, что пророкъ заботится не

обо всѣхъ убогихъ, а только объ убогихъ Божіихъ: *не забуди, Господи*, говоритъ онъ, *убогихъ Твоихъ до конца*; ибо есть убогіе и не Божіе, а рабы и сотрудники врага Божія—дѣвола, и потому недостойные ни покровительства Божія, ни ходатайства пророка. Кто же они? Кто эти сугубо несчастные, отверженные міромъ и непріемлемые Богомъ?

Это суть 1) тѣ, которые сами бываютъ причиною своего убожества по своей лѣности и нерадѣнію, какъ говоритъ Премудрый: *богатства лѣнiviи скудни бываютъ*, и необходимо подлежать гнѣву и осужденію Божію, какъ ослушники закона Господня и противники воли Творца своего; ибо челоуѣкъ опредѣленъ Богомъ не на праздность, а на трудъ: *въ потъ лица твоего съиши хлѣбъ твой*, сказано ему было еще въ раю, и въ другое время: *шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя*; 2) тѣ, которые, при всей бѣдности и нищетѣ своей, богаты однакожъ гордостію и другими пороками, и потому Богомъ ненавидимы: *три виды возненавидѣ душа моя*, говоритъ премудрость Божія, и между сими тремя видами въ первомъ мѣстѣ—*убога горда*; 3) тѣ, которые несутъ бремя своего убожества не съ покорностію и благодареніемъ къ Богу, вся устрояющему во благое избраннымъ своимъ, но съ ропотомъ и малодушіемъ, съ ревностію и завистію, съ непрестанными жалобами и ежечасными воплями и стонами, а ропотники и завистники, по словамъ Апостола, не благоволенія Божія, но гнѣва и мщенія ожидать должны; 4) тѣ, которые, подъ предлогомъ убожества, обогащаются подаяніями другихъ, и потому сугубо согрѣшаютъ, и расхищая стяжанія ближнихъ своихъ и сокрывая богатство свое въ землѣ корыстолюбія, за то сугубое и наказаніе ожидаетъ ихъ у Бога—и какъ воровъ и похитителей, и какъ рабовъ неключимыхъ, сокрывшихъ данный имъ та-

ланть въ землѣ; мѣсто для тѣхъ и другихъ во тьмѣ кромѣшней, *идже будетъ плачь и скрежетъ зубомъ.* Но сего не довольно: они будутъ судимы и осуждены, какъ святотатцы; ибо все, что дается нищимъ, дается Богу: *милуй нищаго,* говоритъ Премудрый, *взаимъ даетъ Богови; елика сотвористе меньшей моей брати, Милъ сотвористе,* глаголетъ едиnorodный Сынъ Божій. Слѣд., нищѣ сего рода расхищаютъ достояніе не ближнихъ своихъ только, но и вмѣстѣ Божіе. Вотъ почему премудрый Соломонъ въ молитвѣ своей къ Богу не проситъ богатства, но не проситъ и нищеты: *богатства и нищеты не даждь ми,* говоритъ онъ, потому что то и другое опасно,—опасно богатство, поелику чаще затрудняетъ входъ въ царствіе Божіе, нежели облегчаетъ оный,—опасна и нищета, поелику чаще открываетъ путь къ порокамъ, нежели заграждаетъ оный. Вотъ также почему тотъ же Соломонъ ублажаетъ дающаго милостыню, паче приѣмлющаго оную: *блаженнѣе,* говоритъ онъ, *паче даяти, неже приимати.* Но если *проклятъ,* по Апостолу, *всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ,* то какъ же много согрѣшаютъ и какихъ проклятій не навлекаютъ на себя тѣ, которые употребляютъ имя Божіе не только съ небреженіемъ, но и съ преступнымъ намѣреніемъ—для обмана ближнихъ своихъ и своего обогащенія, для прикрытія своей лѣности и удовлетворенія своихъ прихотей, которые и сами по себѣ для Христіанина непростительны; ибо Апостоль христіанамъ заповѣдуетъ: *угодія плоти не творите въ похоти.* Если тяжкій грѣхъ призывать имя Божіе всуе, т. е. напрасно и легкомысленно, безъ уважительной причины и безъ крайней нужды, ибо въ законѣ сказано: *не приими имени Господа Бога твоего всуе,* то сколь тягчайшій грѣхъ призывать сіе великое и страшное имя во лжи и съ намѣреніемъ явно преступнымъ и богопротивнымъ? Нѣтъ, не о такихъ нищихъ и убогихъ ходатайствуетъ пророкъ

предъ лицемъ Божіимъ, но о нищихъ духомъ, убогихъ стяжаніями, но богатыхъ смиреніемъ и покорностію промыслу Божію, гонимыхъ и преслѣдуемыхъ, но не за свою вину, а за имя Божіе и ради славы Божіей; скорбящихъ и озлобленныхъ, но не стужающихъ си, не роишущихъ и не малодушествующихъ, и на Бога выну уповающихъ. Вотъ о какихъ убогихъ предстательствуетъ пророкъ предъ Богомъ и проситъ Его вспомнить объ нихъ и поспѣшитъ изыти къ нимъ съ своею помощію и заступленіемъ: *не забуди, Господи, убогихъ Твоихъ до конца.*

Но въ то же время, обращая свои взоры на ихъ притѣснителей, пророкъ приходитъ въ изумленіе отъ ихъ дерзости и своеволия, недоумѣваетъ самъ въ себѣ, какъ они могли до такой степени забыться, что отважились возстать на самого Бога и не побоялись оскорблять и раздражать Всемогущаго; ибо, притѣсня убогихъ, покровительствуемыхъ Богомъ, они возстаютъ на Бога, покровителя ихъ, и въ семъ недоумѣніи вопрошаетъ самого себя: *чесо ради прогнѣва нечестивый Бога,* т. е., какъ могло статься, что нечестивый, твореніе слабое и немощное, дерзнулъ оскорблять Бога. Какой же отвѣтъ услышалъ пророкъ на сей важный вопросъ отъ Духа, вѣщающаго въ немъ? Слѣдующій: *рече бо въ сердце своемъ: не възыщеть.* Вотъ почему нечестивый прогнѣвляеть Бога, вооружаясь на Него: онъ думаетъ, что Богъ не възыщеть.

Видиши, яко Ты бользнь и ярость смотриши, да преданъ будетъ въ руку Твою: Тебѣ оставленъ есть нищій, сиру Ты буди помощникъ (ст. 35).

Въ сихъ словахъ пророка заключается отвѣтъ на возраженіе, которое соплетаетъ нечестивый въ тайныхъ своихъ помыслахъ частію для оправданія путей своихъ, а еще болѣе для успокоенія тревожной своей совѣсти. Богъ не смотритъ, говоритъ онъ самъ въ себѣ, отважи-

ваясь на преступления, осуждаемая и возбраняемая законом Божиимъ и собственною совѣстію, Богъ не видитъ, и потому не взыщетъ. Вопреки сему пророкъ говоритъ обращаясь къ Богу: Ты видишь, Господи, ибо Ты зриаешь на обиды и притѣсненія, и написываешь ихъ на рукѣ. Тебѣ предаетъ себя бѣднѣй; сиротѣ Ты помощникъ. Истина утѣшительная для сиротъ и убогихъ, для обидимыхъ и притѣсняемыхъ! Имъ не нужно отыскивать свидѣтелей для доказательства обидъ и притѣсненій, которыя они терпятъ; самъ верховный Судія, Который имать судити вселеннѣй въ правдѣ и людямъ въ правотѣ, есть очевидный свидѣтель сихъ обидъ и притѣсненій, ибо видитъ оныя и дабы имѣть ихъ непрестанно предъ очами своими, написуетъ на рукѣ своей. Имъ нѣтъ также надобности прибѣгать къ защитѣ и помощи человѣческой, которую и трудно найти, и не безбѣдно получить, и которая, безъ воли и содѣйствія Божія, всегда суетна и ничтожна: у нихъ есть защитникъ и помощникъ, лучшій и надежнѣйшій всѣхъ человѣковъ, Который и хочетъ и можетъ помочь имъ,—это Богъ всемогущій, всеблагій и премудрый. Имъ не должно заботиться о томъ, какъ приступить къ своему благодѣтелю, съ чего начать повѣствованіе скорбей своихъ, съ какой стороны выгоднѣе представить свое бѣдственное положеніе, какъ трогательнѣе изобразить свои страданія: забота сія была бы вовсе излишняя; благодѣтель ихъ всегда при нихъ, все видитъ, все слышитъ, все знаетъ и даже больше, нежели они сами, потому что проникаетъ и внутренняя враговъ ихъ, зреть и не содѣянная, но замышляемая ими; одного только ожидаетъ Онъ, чтобы они или воззвали къ Нему, подобно апостоламъ: *Господи, спаси ны, погибаемъ*, или призвали Его на помощь, какъ Давидъ: *Боже, въ помощь нашу воиши, буди намъ въ Бога защитителя, и избави насъ отъ руки грѣшнаго*, и Его помощь и спасеніе готовы

для нихъ. Что же послѣ сего означаетъ безутѣшный плачь нашъ о сиротствѣ своемъ, что скорбь о нищетѣ и убожествѣ, что домогательство суда и расправы, а еще и того хуже—злоба и мщеніе за обиды и притѣсненія, причиненныя намъ? По меньшей мѣрѣ—малодушіе, на время забывающее обѣтованія Божіи, изреченныя въ писаніи, если не совершенное невѣріе писанію и глаголавшему въ немъ Духу Божію. О, сколь тяжко согрѣшаемъ мы, часто не думая нисколько согрѣшать! Не приучившись прежде размышлять о томъ, что и какъ дѣлаемъ, мы тѣмъ менѣе способны бываемъ размышлять тогда, когда обладаетъ нами страсть, слѣд., страсти у насъ замѣняютъ размышленіе, а страсти всегда слѣпы и безразсудны, отъ того и дѣйствія не могутъ не быть таковы же. Ибо, разсудите сами, о чемъ вы плачете, когда плачете о сиротствѣ и бѣдности своей? Не о томъ ли, что вы, лишившись родителей, остаетесь безъ покрова, безъ защиты, безъ средствъ къ содержанію? Но откуда вы узнали, и кто могъ поручиться вамъ, что родители ваши, если бы были живы, все это могли бы вамъ доставить? Не часто ли бываетъ, что родители отъ несчастій или болѣзней сами приходятъ въ безпомощное состояніе? Не встрѣчаются ли случаи, въ которыхъ родители и хотѣли бы, но не сильны защитить дѣтей своихъ? Не случается ли даже и того, что родители именно и бываютъ единственною причиною бѣдствія дѣтей своихъ и, что всего страннѣе, отъ излишней любви и привязанности къ нимъ и отъ неутомимой, повидимому, попечительности о ихъ воспитаніи и усовершенствованіи? Но это исключенія, скажете вы, которыя къ намъ не относятся? А кто увѣрилъ васъ, что сіи исключенія не пали бы ни на васъ, ни на родителей вашихъ. Родители ваши были человѣки, слѣд. все, что случается съ человѣками, могло бы случиться и съ ними. Но положимъ, что родители ваши не

подверглись бы сему злополучному жребію, и все, въ чемъ имѣете теперь нужду, вамъ бы доставили: что же? Отъ себя ли бы получили они все это, или отъ кого другого? Своимъ ли добромъ снабдили бы васъ, или чужимъ? Своею ли силою защитили бы васъ, или силою, данною отъ Бога? Человѣкъ ни въ себѣ, ни внѣ себя не имѣетъ ничего собственнаго, и все, что имѣетъ, имѣетъ отъ Бога. *Что имали, его же нѣси пріялъ?*—вопрошаетъ апостоль чело- вѣка, хвалившагося своими силами и преимуществами, — *аще же пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемый?* Но Богъ въ сиротствѣ и убожествѣ вашемъ самъ вы- зывается быть помощникомъ, защитникомъ и попечителемъ вашимъ, ибо, по словамъ пророка, Ему оставленъ нищій и сиротѣ Онъ помощникъ; и такъ не лучше ли получать вамъ прямо отъ Бога то, что получили бы отъ Него же чрезъ родителей? О чемъ же плакать и сокрушаться безутѣшно? Вы потеряли родителей земныхъ, а пріобрѣли себѣ Отца небеснаго, Который и ихъ самихъ питалъ и покоилъ, охранялъ и соблюдалъ. Вы лишились защитни- ковъ слабыхъ и немощныхъ, которые и сами себѣ не могли помочь въ день лють, а пріобрѣли себѣ защитника сильнаго и всемогущаго, Который, самъ не имѣя ни въ комъ нужды, всѣмъ даетъ потребное на пользу и въ наслажденіе. Вы утратили благодѣтелей, богатыхъ только желаніями, но бѣдныхъ исполненіемъ оныхъ, а пріобрѣли благодѣтеля, Котораго сокровищницы всегда полны и неистощимы, и Который вся, елика восхощетъ, сотворить и не закоснить. Умѣстенъ ли послѣ сего плачь вашъ? Не безразсудно ли сокрушеніе ваше?

Что опять дѣлаемъ мы, когда ищемъ удовлетворенія въ судѣ, или когда питаемъ злобу и мщеніе за обиды и притѣсненія, причиняемыя намъ? По крайней мѣрѣ дѣло не-христіанское. Христіанское дѣло—прощать обиды, пре-

давая оныя суду Божию, а не преслѣдовать обидчиковъ и притѣснителей судомъ и мщеніемъ. *Отнюдь вамъ срамъ есть, писалъ апостоль къ коринѣскимъ христіанамъ, яко тяжбы имате между собою. Почто, не паче обидими есте, почто не паче лишени бываете?* Тоже заповѣдывалъ намъ и самъ Христосъ, когда говорилъ: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть.* И для чего сіе искательство суда, для чего сія злоба и мщеніе, когда самъ Богъ видитъ и знаетъ наши обиды и притѣсненія и, по словамъ пророка, *написуетъ ихъ на рукъ своей;* а по словамъ св. Златоуста, какъ драгоценныя бисеры, полагаетъ ихъ предъ очами своими и устрояетъ намъ изъ нихъ, если только претерпимъ благодушно, вѣнецъ славы и безсмер- тія? Не должны ли даже больше дорожить и радоваться ими, нежели досадовать и злобствовать за нихъ, когда чрезъ нихъ мы обращаемъ на себя особенное вниманіе Божіе и дѣлаемъ предметомъ столь благоволительнаго попеченія Его объ насъ? Богъ видитъ наши обиды и притѣсненія, слѣд. мы безопасны; враги наши не могутъ повредить намъ болѣе, нежели сколько попуститъ имъ Богъ, а Богъ отецъ нашъ чадолубивый; Онъ не пошлетъ на насъ искушенія паче, неже можемъ понести мы, но со искушеніемъ сотворить и избытіе. Богъ написуетъ обиды и притѣсненія наши на рукъ своей, слѣд. не безъ причины поступаетъ Онъ такимъ образомъ; рано или поздно прочтетъ написанное и воздастъ воздающимъ намъ злая, по дѣломъ руку ихъ. Не напрасно вѣщаетъ Богъ: *Милъ отмщеніе, Азъ воздамъ.* Скорѣе небо и земля прейдуть, нежели іота едина отъ словесъ Его мимо идетъ: *Весь совътъ мой станеть,* говоритъ Онъ чрезъ пророка Исаію, *и вся, елика совътахъ, сотворю* (46; 10).

Зная сіе непреложное опредѣленіе Божіе, Псалмо- пѣвецъ благонадежно взываетъ къ Богу, вѣрному отмести-

телю въ гнѣвъ злое творящимъ: *сокруши мышцу грѣшному и лукавому: възвѣщется грѣхъ его и не обратится. Господь царь во вѣкъ и во вѣкъ вѣка: погибнете языцы отъ земли. Желаніе убогихъ услышалъ еси, Господи, уготованію сердца ихъ внятъ ухо твое. Суди сиру и смиренну, да не приложитъ ктому величаться человекъ на земли* (ст. 36—39). Замѣчательно, впрочемъ, что Псалмопѣвецъ, призывая мщеніе Божіе на лукавыхъ человекѣвъ, не желаетъ потребленія ихъ самихъ отъ лица земли, а желаетъ только, чтобы сокрушена была мышца ихъ, какъ орудіе грѣховной ихъ силы, и чрезъ то потребился грѣхъ такъ, чтобы самая память его исчезла отъ людей; чтобы познали, что Господь единъ есть царь вѣчный на землѣ, а язычники, признающіе боговъ своихъ обладателями и правителями земли, исчезли отъ земли; чтобы увѣровали, что Господь внемлетъ моленіямъ убогихъ, охраняетъ сирыхъ и защищаетъ смиренныхъ; и чтобы, наконецъ, обидчики и притѣснители, помня, что и они человекѣки, созданія бранныя и ничтожныя, не величались болѣе своимъ богатствомъ и славою, своею силою и могуществомъ. Такова молитва мужа праведнаго о врагахъ своихъ; такъ должны молиться и мы за творящихъ намъ напасть, да престанутъ отъ грѣха, да обратятся ко Господу Богу и да внидутъ въ общеніе благъ на небеси и на землѣ, уготованныхъ всѣмъ творящимъ волю Господню.

ПСАЛОМЪ 10.

На Господа уповахъ, како речете души моей: превитай по горамъ, яко птица? Яко се грѣшницы налякоша лукъ, уготоваша стрѣлы въ туль, сострѣляти во мращь правыя сердцемъ. Зане, яже Ты совершилъ еси, они разрушиша, праведникъ же что сотвори (ст. 1—3)?

Вѣщносный пѣснопѣвецъ Израиля всякое обстоя-

тельство жизни своей, въ извѣстномъ отношеніи замѣчательное, всякое событіе общественное или частное, всякое приключеніе, имѣвшее вліяніе на судьбу его или народа, имъ управляемаго, обыкновенно обращалъ въ предметъ молитвы, прошенія, благодаренія, хвалы и пѣснопѣнія Богу, вся въ мірѣ устрояющему по своему благоизволенію къ благой и премудрой цѣли мірозданія. Книга псалмовъ, какъ вы отчасти видѣли выше, а еще болѣе увидите въ послѣдствіи, составляетъ какъ-бы живой памятникъ сего благочестиваго и достойнаго обыкновенія мужа по сердцу Божію; отъ того и называется въ еврейскомъ подлинникѣ книгою хваленій Господу. По сей причинѣ и настоящій псаломъ, къ изъясненію котораго приступаемъ мы нынѣ, безъ всякаго сомнѣнія долженъ имѣть свое основаніе въ обстоятельствахъ жизни Псалмопѣвца; но къ какому именно періоду времени и къ какому особенно случаю сей, обильной знаменательными событіями, жизни его относится этотъ псаломъ, положительно неизвѣстно и толкователи о семъ разногласятъ. Кто знаетъ, что упованіе на Бога-защитника твердое и непоколебимое, при всѣхъ опасностяхъ и злключеніяхъ, постоянно преслѣдовавшихъ пророкоцарственнаго Давида отъ ранней юности до поздней старости, было въ немъ господствующимъ въ продолженіи всей его жизни чувствомъ, тотъ ни мало не удивится, что толкователи затрудняются найти точку времени въ сей его жизни, или особенный частный случай, къ которому псаломъ, проповѣдующій сіе упованіе, могъ бы исключительно относиться: сіи случаи у Давида были безчисленны, или, по крайней мѣрѣ, столь же многочисленны, сколь многочисленны минуты его долголѣтней жизни. Благочестивый Давидъ не по временамъ только уповалъ на Господа, но всегда и вездѣ, ежедневно и ежеминутно. Слѣд., много было случаевъ и обстоятельствъ въ его жизни, которыхъ не могла

и не должна обнять исторія, и которые потому остались для насъ неизвѣстными, но которыя тѣмъ не менѣе необходимо должны были отразиться въ его вдохновенныхъ пѣснопѣніяхъ. Посему бесполезный трудъ изысканія случая, по коему написанъ былъ псаломъ сей, предоставивъ другимъ, болѣе досужнымъ, нежели мы, обратимся лучше къ разсмотрѣнію самаго псалма; ибо наша цѣль состоитъ не въ удовлетвореніи суетному любопытству, а единственно въ пользѣ и назиданіи душъ, намъ ввѣренныхъ.

Здѣсь представляетъ пророкъ борьбу своего упованія на Бога съ совѣтами мнимыхъ или истинныхъ друзей своихъ, быть можетъ, въ существѣ своемъ добродушными и благонамѣренными, но въ настоящемъ случаѣ показавшимися пророку неумѣстными, отзывающимися малодушіемъ и маловѣріемъ, и потому имъ отвергнутыми. Друзья Давидовы, узнавъ объ опасностяхъ, угрожающихъ ему со стороны нечестивыхъ, примѣтно, совѣтовали ему бѣжать въ горы и тамъ укрываться отъ преслѣдованія ихъ. Въ другое время Давидъ употреблялъ сіе средство къ своему спасенію. Такъ онъ, по совѣту друга своего Ионаана, неоднократно спасался бѣгствомъ отъ злобы и мщенія Саулова, да и самъ Иисусъ Христосъ не пренебрегалъ симъ средствомъ, доколѣ не приспѣло время Его вольнаго страданія, и предписалъ оно даже апостоламъ: *аще гонятъ вы во градъ, скажалъ Онъ имъ, посылая на проповѣдь, бѣгайте въ другій.* И такъ, совѣтъ друзей Давидовыхъ, убѣждавшихъ его спастись бѣгствомъ, самъ въ себѣ нисколько не предосудителенъ, и въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ былъ бы, вѣроятно, безпрекословно имъ принятъ, но теперь онъ рѣшительно отвергаетъ оный и съ силою, свойственною мужу праведному. Вы, говоритъ онъ своимъ совѣтникамъ, убѣждаете меня бѣжать отъ враговъ моихъ въ горы, а развѣ забыли, что я уповаю на Господа, слѣд. я без-

опасенъ; развѣ не знаете, что враги мои суть грѣшники, слѣд. безсильны; развѣ не помните, что Господь на землѣ и на небѣ видитъ и знаетъ всѣ дѣла, и всегда вѣрный защитникъ неповинно страждущихъ, а я невиненъ, слѣд. не мнѣ, а врагамъ моимъ должно страшиться своей гибели; развѣ, наконецъ, не вѣрите, что Господь правосуденъ, и непременно поразитъ грѣшниковъ достойною казнію, чего же мнѣ бояться? Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе всего псалма. Но послушаемъ лучше самого Псалмопѣвца говорящаго.

На Господа уповахъ, говоритъ онъ, како речете души моей: преситай по горамъ, яко птица (ст. 1)?

Пророкъ сначала изумляется, какъ могло друзьямъ его прійти на мысль совѣтовать ему—искать спасенія въ бѣгствѣ, когда онъ въ упованіи на Господа имѣетъ безопаснѣйшее убѣжище. Я уповаю на Господа, возражаетъ онъ имъ, для чего же говорите вы душѣ моей: лети на гору, какъ птица. Вы знаете, что упованіе на Господа всего сильнѣе—это сила непреодолимая, пристань спокойная, крѣпость несокрушимая, оружіе непобѣдимое, средство всегда вѣрное избавиться отъ самыхъ тяжелыхъ опасностей и затрудненій. *Господь мнѣ помощникъ, какъ говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и не убоюся, что сотворитъ мнѣ человекъ. Господь мнѣ помощникъ, и азъ воззрю на врагъ мой. Благо есть надѣяться на Господа, нежели надѣяться на человека. Благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи (Псал. 117, 6—10).*

При Немъ и безоружные побѣждали вооруженныхъ, и слабыя жены мужей сильныхъ, и отроки, не умѣющіе владѣть оружіемъ, ратоборцевъ искусныхъ въ брани. И не враговъ только своихъ побѣждали они, но и самую природу. Для нихъ и стихіи, лишеныя сознанія, премѣняли свои естественныя свойства, и звѣри переставали

быть звѣрями, и раскаленные печи орошали ихъ. Упованіе на Бога все низлагаетъ, все усмиряетъ, все побѣждаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, остры были зубы у львовъ, къ коимъ вверженъ былъ Давидъ, тѣсно мѣсто, въ которомъ находились они, и естественная кровожадность и продолжительный голодъ побуждали ихъ пожрать пророка; уста ихъ столь близки были къ тѣлу его, что почти прикасались къ нему; ничто не раздѣляло и ничто не отгоняло ихъ отъ него; одна только надежда и упованіе на Бога, подобно браздамъ крѣпкимъ и несокрушимымъ, востягала ихъ челюсти, и смыкала уста ихъ,—и пророкъ оставался невредимъ. То же чувствовалъ и то же мыслилъ и Давидъ, когда тѣмъ, которые совѣтовали ему искать себѣ спасенія въ бѣгствѣ, говорилъ: *на Господа уповахъ, како речете души моей: превитай по горахъ, яко птица?* Что вы это говорите? Я имѣю на своей сторонѣ Того, Который есть Владыка вселенныя, имѣю защитника и помощника такого, Который все и вездѣ удобно совершаетъ, а вы посылаете меня въ землю необитаемую, заставляете искать безопасности въ пустынь? Уже ли я безопаснѣе буду въ пустынь, нежели при томъ, Который все можетъ, что только восхощетъ. Для чего вы меня, столь хорошо вооруженнаго, побуждаете бѣжать и скитаться по горахъ, какъ безоружнаго? Если бы вы кого либо увидѣли окруженнаго многочисленнымъ войскомъ, огражденнаго стѣнами, и съ головы до ногъ вооруженнаго, то, вѣроятно, не стали бы ему совѣтовать бѣжать въ пустыню, и, безъ сомнѣнія, показались бы смѣшными, если бы имѣли безразсудство дать такой совѣтъ; какъ же вы того, который имѣетъ съ собою неотлучнымъ спутникомъ и помощникомъ Господа вселенныя всемогущаго и всевѣдущаго, посылаете въ пустыню и заставляете уклоняться отъ брани, которою угрожаютъ ему грѣшники? *Како речете души моей: превитай по горахъ, яко птица?* Кромѣ

того, если Богъ помощникъ, а враги суть грѣшники, то не крайнее ли безуміе совѣтовать, чтобы, подобно робкимъ птицамъ, я укрывался отъ такихъ враговъ? Не видите ли, что оружіе и войско, противъ меня стоящее, слабѣе паутины? Если врагъ царя земнаго, гдѣ бы онъ ни былъ, живетъ въ опасности, боится и трепещетъ: то тѣмъ болѣе врагъ царя вселенныя—Бога. Куда бы онъ ни пошелъ, всюду имѣетъ враговъ себѣ, всѣ твари вооружены противъ него. И какъ друзей Божіихъ самыя стихіи бездушныя и звѣри безсловесныя боятся и уважаютъ; такъ и противъ враговъ Его вся природа вооружается и на каждомъ шагу поражаетъ и преслѣдуетъ. Отъ того къ отрокамъ еврейскимъ и въ то время, когда они находились въ печи Вавилонской, огонь не прикоснулся и даже пощадилъ одежды ихъ, между тѣмъ какъ тѣхъ, которые ввергали ихъ, и внѣ печи попалилъ и умертвилъ, равно какъ другихъ, которые ввержены были послѣ ихъ, прежде нежели достигли дна пещнаго, огонь восхитилъ ихъ и сожегъ въ пепель. То же дѣлали и звѣри со врагами Даниловыми. Пусть и мои враги имѣютъ у себя и лукъ и стрѣлы, и все приготовили на мое пораженіе: *се налякоша грѣшницы, говорите вы, лукъ, уготоваша стрѣлы въ туль, сострѣляти во мраць правья сердца* (ст. 2); но поелику враги сіи суть грѣшники, слѣд. враги Божіи, то ничего не успѣютъ противъ меня, и всѣ приготовленія ихъ останутся тщетными. Ибо, что въ томъ, что они имѣютъ лукъ и стрѣлы, но не имѣютъ силы, которая дается отъ Бога. Богъ же не за нихъ, а противъ нихъ. О! если бы подобная надежда и упованіе на Бога воодушевляли и насъ, братія! сколь мирно и безмятежно потекла бы и наша жизнь, и сколь мало стали бы страшиться и мы враговъ своихъ, а напротивъ сами были бы страшны для нихъ! Вы, я думаю, помните слова св. Дамаскина, которая вчера воспѣвала церковь во всенощ-

номъ бдѣніи: *надъющися на Господа врагомъ страшии и всѣмъ дивни; горь бо зрятъ.* Слова сіи истинны, какъ вѣщаніе Духа истины. Но увы! мы грѣшники, слѣд. можемъ и должны страшиться, только не челоуѣковъ, а Бога, Котораго оскорбляемъ по вся дни. Воспринемъ убо отъ сна грѣховнаго и всѣмъ сердцемъ и душею нашею обратимся ко Господу Богу, и Онъ обратитъ лице свое на насъ и помилуетъ насъ: *очи Господни, по свидѣтельству Духа Божія, вся вѣдущаго и глубины Божія, на праведныя и уши Его въ молитву ихъ* (Псал. 33, 16). Возопіють къ Нему отъ скорби и туги сердца своего и Онъ услышитъ ихъ и въ защиту ихъ подвигнетъ всѣ силы неба и земли на поражение сопротивныхъ. *Коснется горамъ и воздымятся, блеснетъ молнію, и разженетъ силы сопротивныя, послетъ стрѣлы и смететъ я* (Псал. 103, 5. 6); речеть водамъ, и разверзутся бездны и поглотятъ ихъ; повелитъ вѣтрамъ, и развѣютъ ихъ, яко прахъ отъ лица земли; возглаголетъ громамъ, и во мгновение ока поразятъ ихъ и сожгутъ въ пепель; повелитъ, — и хладъ, и зной, и снѣгъ, и дождь, и огонь, и жупель изыдутъ на погубленіе ихъ. Спобореть же съ Нимъ весь міръ на безумныя.

Зане, аже Ты совершилъ еси, они разрушиша, праведникъ же что сотвори (ст. 3)?

Вотъ уже и основанія, т. е. законы Божіи, на которыхъ, какъ на основаніяхъ, зиждется и утверждается міръ физическій и нравственный, разрушены; что же дѣлать праведнику?—продолжаютъ говорить совѣтники Давидовы. По мнѣнію сихъ суемудрыхъ совѣтниковъ, ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ искать спасенія въ бѣгствѣ, а по мнѣнію Давида, всеяся на упованіи Божіемъ, спокойно почивать на немъ, никого не страшась, и ни о чемъ не заботясь. На Господа уповаю я, говорить

онъ, какъ же вы совѣтуете мнѣ спастись бѣгствомъ? *Како речете души моей: превитай по горамъ, яко птица?* Но враги твои, говорятъ вы, забывъ страхъ Божій, попрали и разрушили законы Его. Тѣмъ хуже для нихъ, а лучше и благонадежнѣе для меня. Если они возстали не противъ меня только, но и противъ Бога, дерзновенно разрушивъ законы Его, то тѣмъ менѣе они опасны для меня; но что я говорю: менѣе опасны? они теперь нисколько не опасны; ибо тѣмъ самымъ, что они возстали противъ Бога-законодателя, который, по Апостолу, *порушаемъ не бываетъ*, они воздвигли уже для меня безопасное убѣжище, а самихъ себя побѣдили и низложили, ибо лишили себя всѣхъ средствъ противоборствовать мнѣ. Правда, есть у нихъ лукъ и стрѣлы, есть козни и хитрости, есть злоба въ душѣ и мщеніе въ сердцѣ; но для того, чтобы дѣйствовать первыми и удовлетворить послѣднимъ, потребны силы и содѣйствіе или поущеніе Божіе; ибо челоуѣкъ безъ Бога есть не больше, какъ прахъ и пепель, увядшій цвѣтъ и изсохшая трава; но гдѣ они возьмутъ себѣ силы, когда заградили для себя единственный источникъ силы—Бога крѣпкаго во бранѣхъ, возставивъ Его противъ себя нарушеніемъ законовъ Его? Какъ могутъ склонить Его содѣйствовать себѣ, когда сами прежде вооружились противъ Него? Могутъ ли, по крайней мѣрѣ, надѣяться, чтобы Богъ попустилъ имъ совершить свои коварные замыслы надъ рабами Его, когда они сіи самые замыслы обратили прежде противъ Него Самого? Нѣтъ, нѣтъ, они теперь слабѣе паутины, безсильнѣе трости, вѣтромъ колеблемой, а я, напротивъ, крѣпокъ и силенъ, непобѣдимъ и несокрушимъ, ибо Богъ всемогущій—мой защитникъ, а ихъ—противникъ. Возставъ противъ Него, они заставили Его перейти на мою сторону, а это безъ труда съ моей стороны совершенная надъ ними побѣда.

Но чтобы сильнѣе опровергнуть всѣ возраженія не-

разумныхъ совѣтниковъ своихъ и окончательно довершить поражение ихъ, вѣнчанный пророкъ говоритъ далѣе: *Господь во храмъ святѣмъ своемъ. Господь, на небеси престолъ Его; очи Его на нищаго призираетъ, вѣжди Его испытаетъ сыны человеческія. Господь испытаетъ праведнаго и нечестиваго: любяй же неправду, ненавидитъ свою душу* (ст. 3—5). Т. е., чего вы боитесь? Почто малодушествуете? Для чего отсылаете меня въ пустыню, когда я и здѣсь, подъ кровомъ Божиимъ, могу быть гораздо безопаснѣе, нежели въ самой отдаленной пустынѣ? Не говорите мнѣ обыкновенную вашу присловицу: до Бога высоко и далеко. Высоко обитаетъ Господь, но и долу пребываетъ со всѣми боящимися Его и благоугождающими Ему. Далеко, несравненно далѣе, нежели куда могутъ простираться взоры ваши не токмо тѣлесные, но и духовные, жилище Его; не смотря на то и близко: очень близко пребываетъ Онъ къ тѣмъ, которые призываютъ Его въ пламенной молитвѣ своей на помощь себѣ и отъ всей души надѣются на Него: *близъ Господь сокрушеннымъ сердцемъ и смиреннымъ духомъ спасетъ* (Псал. 33, 19). *Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его, всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ. Волю боящихся Его сотворитъ, и молитву ихъ услышитъ и спасетъ я* (Псал. 144, 18. 19). Едва успѣютъ они сказать Ему слово свое, а иногда даже и не успѣютъ еще, а только обратятся къ Нему мыслию своею, какъ Онъ уже и отвѣщаетъ имъ: се Азъ; или: что вопіете ко Мнѣ? *Господь во храмъ святѣмъ своемъ*. Престолъ Его на небѣ, а очи и уши на землѣ отверсты выну для бѣдныхъ и угнетенныхъ, вѣжди Его испытываютъ сыновъ человеческихъ. Господь испытываетъ праведнаго, испытываетъ и нечестиваго, любящаго же неправду и притѣсненія ненавидитъ душа Его.

Если же Господь во храмѣ своемъ, то не въ пустыню бѣжать мнѣ должно для своего спасенія, а во

храмъ прибѣгать съ мольбою къ Нему. Если Онъ испытываетъ праведнаго и нечестиваго, и перваго любить, а послѣдняго ненавидитъ, то не мнѣ должно страшиться за судьбу свою, а врагамъ моимъ, которые возбудили противъ себя Его гнѣвъ и ненависть; ибо страшень Господь во гнѣвѣ своемъ и нѣсть иже укроется отъ Него. *Одождитъ Господь на грѣшники сѣти: огонь и жупель и духъ буренъ часть чаши ихъ. Яко праведенъ Господь и правды возлюби, правоты видѣ лице Его* (ст. 6—7). Вотъ чего должны страшиться они, страшиться участи Содома и Гоморры, потребленныхъ огнемъ, а я укроюсь подъ щитомъ Его, потому что я на Него уповаю. Ибо Господь праведенъ, и воздастъ по правдѣ своей праведнымъ и нечестивымъ.

Видите, братія, какъ державный пророкъ ободряетъ и успокоиваетъ себя среди явныхъ опасностей, и какъ отражаетъ неразумные совѣты мнимыхъ или истинныхъ доброжелателей своихъ. Ему представляютъ, что враги его сильны и многочисленны, хитры и коварны, дерзки и нечестивы; что они дружною толпою засѣли уже въ тайномъ мѣстѣ и все приготовили для того, чтобы соединенными силами напасть на него и поразить его, и что ему ничего не остается послѣ сего дѣлать, какъ бѣжать въ пустыню и тамъ искать себѣ спасенія. Всякій другой на мѣстѣ пророка, вѣроятно, принялъ бы благовидный совѣтъ сей и поспѣшилъ бы ему послѣдовать; но пророко-царственный Давидъ нашель его безразсуднымъ и для себя вовсе ненужнымъ. Зачѣмъ мнѣ бѣжать, говорилъ онъ своимъ совѣтникамъ: я на Господа уповаю. Враги мои сильны и многочисленны; но Господь—мой защитникъ, на Котораго я надѣюсь, сильнѣе всѣхъ ихъ въ совокупности, ибо Онъ всемогущъ. Враги мои хитры и коварны; но премудрость Божія обыкновенно запинаетъ коварныхъ

въ коварствѣ ихъ, слѣд. они вполонину уже побѣждены— своимъ коварствомъ и хитростію. Враги мои дерзки и нечестивы, слѣд. они не страшны, а жалки; ибо дерзость, соединенная съ нечестіемъ, всегда бываетъ вѣрнымъ признакомъ скорой гибели нечестующихъ. Не я буду сражаться съ ними, но Богъ, противъ Котораго они вооружились своимъ нечестіемъ,—дхнетъ на нихъ духомъ гнѣва своего, поразить и истнить ихъ, яко стебліе, а мнѣ достанется только воспѣть надъ ними пѣснь побѣдную, какъ древле Израилю при Черномъ морѣ надъ водами, покрывшими Фараона со всѣмъ его воинствомъ: Давидъ не говоритъ здѣсь ни о своей силѣ и могуществѣ, которыя извѣстны были во Израили и доказаны многочисленными опытами, ни о своей мудрости, которая способна бы была разрушить козни враговъ, ни о своей славѣ, которая могла бы привлечь къ нему тысячи людей, ему преданныхъ, для противудѣйствія насилію, ни о своемъ богатствѣ, ни о своихъ связяхъ и знакомствахъ, въ которыхъ онъ, конечно, не имѣлъ недостатка и которыя легко бы могъ употребить для ниспроверженія враждебныхъ противъ него замысловъ или, по крайней мѣрѣ, для открытія себѣ безопаснаго убѣжища, а говоритъ только о своемъ упованіи на Бога и въ немъ успокоивается: *на Господа уповахъ, како речете души моей: превитай по горамъ, яко птица?*

Постигнутъ ли и насъ, братія, несчастія и злоключенія, срѣтять ли бѣды и опасности, возстанутъ ли и противъ насъ враги сильные и многочисленные, окружаютъ ли насъ своими кознями и хитростями, похитятъ ли наше имущество, помрачатъ ли славу, вознесутъ ли клевету: не будемъ ни въ комъ и ни въ чемъ болѣе искать себѣ защиты и помощи, кромѣ единаго Бога; на Него единаго возложимъ всю надежду нашу; ибо *благо есть надѣяться на Господа, нежели надѣяться на человека; благо*

есть уповати на Господа, нежели уповати на князи. Надѣющіися на Господа, яко гора Сионъ, не подвижутся во вѣкъ. Ибо неподвиженъ Тотъ, на Кого они положились. Азъ Ягова, глаголетъ Господь чрезъ пророка своего, и не измѣняюсь.

ПСАЛОМЪ Ц.

Спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный, яко умалишася истины отъ сыновъ человеческихъ (ст. 2).

Сколько чувствъ и мыслей глубокихъ и сильныхъ предшествовало сему умилительному восклицанію пророка! Вѣроятно не разъ вращалъ онъ печальные взоры свои сюду и сюду, желая видѣти, *еще есть разумѣвай и взыскай Бога*, вѣроятно не разъ принималъ онъ пытливымъ окомъ своимъ въ города и села, на стогны и торжища, въ чертоги и хижины, взыскавъ мужей творящихъ судъ и правду и ходящихъ въ заповѣдяхъ и оправданіихъ Господнихъ безпорочно; но нигдѣ не обрѣтая ихъ, или встрѣчая ихъ столь же рѣдко, сколь рѣдко встрѣчаются класы на нивѣ по окончаніи жатвы, наконецъ, съ тяжкою скорбію и болѣзненнымъ стenanіемъ сердца, изъ глубины души растерзанной, воззвалъ онъ къ Богу Спасителю: *спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный, яко умалишася истины отъ сыновъ человеческихъ*. Какъ много сказано въ сихъ немногихъ словахъ пророка! Мнѣ кажется, что вся страждущая душа его со всѣмъ обиліемъ чувствъ своихъ мгновенно вылилась здѣсь и пролилась потокомъ божественнаго пѣснопѣнія. Раскроемъ подробнѣе внутреннее значеніе сихъ словъ. *Спаси мя, Господи*, вѣщаетъ пророкъ, *яко оскудѣ преподобный*.

Подъ словомъ преподобный разумѣется человекъ святой, или по крайней мѣрѣ, стремящійся къ святости, какъ такому качеству, которое уподобляетъ его Богу и къ

которому всё мы обязаны стремиться, по заповѣди Божіей: *святи будите*, глаголетъ Господь, *яко же и Азъ святъ есмь*. Чѣмъ кто точнѣе, полнѣе и выразительнѣе осуществляетъ въ себѣ, въ своихъ т. е. мысляхъ и чувствованіяхъ, въ словахъ и дѣйствіяхъ, или, что то же, въ образъ жизни внѣшней и внутренней идею святости, тѣмъ тотъ болѣе приближается къ Богу и чрезъ то становится подобнымъ Ему, такъ что мѣра приближенія къ святости есть мѣра и уподобленія Богу. Но поелику не всё стоятъ на равной степени святости и не всё одинакимъ путемъ стремятся къ ней; то естественно, что объ одномъ можно сказать, что онъ въ нѣкоторомъ отношеніи только подобенъ Богу, а о другомъ, сравнительно съ первымъ, что онъ подобнѣе его или преподобенъ. На семъ основаніи, людямъ, которые для удобнѣйшаго достиженія святости расторгли союзъ съ міромъ, презрѣли удовольствія плоти и посвятили себя исключительно на служеніе Богу, каковы суть монахи и отшельники, церковь преимущественно усволяетъ имя преподобныхъ, точно такъ же, какъ писаніе всѣхъ христіанъ именуетъ святыми, хотя между ними всегда были и есть и грѣшныя, именуетъ же ихъ такимъ образомъ по отношенію къ цѣлому человѣческому роду, изъ среды котораго они, по особенному смотрѣнію Божію, избраны и отдѣлены чрезъ таинство крещенія на служеніе Богу истинному. А потому и называются у апостола родомъ избраннымъ, царскимъ священіемъ и народомъ святымъ. Собственно говоря, никто кромѣ Бога, даже Ангелы, не могутъ быть названы ни святыми, ни преподобными въ полномъ смыслѣ словъ сихъ; ибо какъ, по словамъ Христовымъ, *никто же благъ токмо единъ Богъ*, такъ и никто же святъ и преподобенъ, какъ только единъ Богъ: не смотря на то, само же слово Божіе и Ангеловъ и человѣковъ называетъ святыми и преподобнымъ сравнительно первыхъ съ Ангелами падшими и человѣками,

стоящими на низшей степени духовнаго совершенства, а послѣднихъ—съ подобными имъ челоѣками, ведущими жизнь, несообразную съ правилами вѣры Христовой, которая одна только можетъ приблизить насъ къ Богу; ибо *впрюу*, по апостолу, *имамы приведеніе къ Богу*, слѣд. жизнь не только не возводящую ихъ къ богоподобию, но и нерѣдко низводящую даже до состоянія безсловесныхъ животныхъ, какъ совершенно ясно говоритъ объ одномъ изъ таковыхъ пророкъ Израилевъ: *человѣкъ въ чести сый не разумъ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ*, и какъ поразительнымъ образомъ доказалъ это примѣръ надменнаго царя вавилонскаго. И такъ, пророкъ въ настоящемъ псалмѣ, говоря объ оскуднѣніи преподобныхъ и умаленіи истины отъ сыновъ челоѣческихъ, говоритъ, что между людьми не стало святыхъ и мало встрѣчается вѣрныхъ. Но говоря сіе, онъ скорбитъ и сѣтуетъ, болѣзнуетъ и страшится, ибо взываетъ о помощи къ Богу: *спаси мя, Господи*, говоритъ онъ, *яко оскудѣ преподобный, и яко умалилася истины отъ сыновъ челоѣческихъ*.

О чемъ бы, кажется, ему здѣсь скорбѣть и сѣтовать? О чемъ сокрушаться и болѣзновать? Не надлежало ли, напротивъ, ему радоваться и веселиться, что онъ, яко цвѣтъ въ терніи, и среди окружающаго разврата и нечестія сохранилъ себя цѣлымъ и невредимымъ, соблюлъ вѣру отцевъ своихъ въ той же чистотѣ, въ какой пріялъ ее отъ нихъ, и остался вѣрнымъ Богу, Которому они служили до смерти своей? Не радуются ли мудрые вѣка сего, когда не встрѣчаютъ вокругъ себя опасныхъ соперниковъ? Не веселятся ли богачи, когда видятъ оскудѣвшихъ своихъ часъ отъ часу приходящихъ въ большую бѣдность? Не торжествуютъ ли сильные земли, когда все, что окружаетъ ихъ, смиренно преклоняется предъ ними?

Не то же ли долженъ былъ, повидимому, чувствовать и пророкъ, когда видѣлъ самого себя преслѣваемымъ въ подвигахъ благочестія и спѣшно восходящимъ на высоту добродѣтелей, а своихъ современниковъ претыкающимися долу во прахъ земной суеты и попеченій житейскихъ и непрестанно углубляющимися въ тину пороковъ и беззаконій? Не могъ ли бы, по крайней мѣрѣ, подобно упоминаемому въ нынѣ чтенномъ евангеліи фарисею, съ чувствомъ внутренняго самоуслаждения хвалить и благодарить Бога, что онъ *нѣсть, яко же прочіи челоуѣцы—хитицицы, неправедкицы, прелюбодѣи* и проч. Но сердце и чувства Давидовы были не похожи на сердце и чувства фарисеевы, отъ того и языкъ его былъ совсѣмъ иной. Не горделивую хвалу Богу, отзывавшуюся презрѣніемъ къ ближнимъ своимъ, но скорбь и сожалѣніе о злополучной участи собратій своихъ, утопающихъ въ безднѣ нечестія, и вмѣстѣ страхъ и трепеть за самого себя и за свое спасеніе, по причинѣ множества соблазновъ и искушеній, его окружающихъ, слышимъ мы изъ устъ его. Не: *Боже, хвалы моя воздаю, яко нѣсмь, яко же прочіи челоуѣцы*, но: *Спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный и яко умалшася истицы отъ сыновъ челоуѣческихъ*, вопіеть отъ глубины сердца чистаго и духа сокрушеннаго.

Отъ чего же умоляетъ Пророкъ спасти его?

Во-первыхъ, отъ соблазновъ и искушеній, которые и для самыхъ праведниковъ не безопасны, ибо и они подвержены паденіямъ, и которыхъ увлекающую силу пророкъ не разъ уже испыталъ и на самомъ себѣ. Посему-то и апостоль хотя хвалить вѣру и добродѣтели коринтскихъ христіанъ, но въ то же время пишетъ къ нимъ въ предосторожность: *боюся, да не како, яко же змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ разумы ваши отъ простоты, яже о Христвѣ*. Посему также и

самъ Богъ, по свидѣтельству Премудраго, восхищаетъ иногда мужей праведныхъ отъ среды живущихъ на земли, *да не злота измѣнитъ разума ихъ*.

Во-вторыхъ, отъ неправдъ и беззаконій челоуѣческихъ, которыя, какъ ржавчина желѣзо, снѣдаютъ праведную душу его, сокрушаютъ бодрый духъ его, возмущаютъ внутренній покой его, изнуряютъ въ непрерывной брани силы его душевныя и тѣлесныя. Нѣтъ скорби столь мучительной и столь убійственной, какъ скорбь праведника, взирающаго на возрастающее нечестіе и умаляющееся благочестіе, на преобладающую неправду и подавляемую истину, на невинность страждущую и прокъ торжествующій. Только болѣзни раждающей, муки предсмертныя и мученія адскія могутъ сравниться съ сею скорбію. Она раждается отъ двухъ причинъ—и отъ пламенной любви къ ближнимъ, невозвратно погибающимъ,—и отъ сильной ревности ко славѣ Божіей, ежедневно оскорбляемой и безчестуемой, и потому сугубую оказываетъ силу и дѣйствіе на челоуѣка, одержимаго ею; одна для него отрада въ семъ случаѣ, одно врачество, если не совсѣмъ исцѣляющее сію мучительную болѣзнь, то, по крайней мѣрѣ, успокоивающее и утишающее жестокость ея, это—молитва къ Богу крѣпкому. Посему-то Пѣснопѣвецъ Израиля говоритъ: *объяша мя болѣзни смертныя, бѣды адры обрѣтоша мя, скорбь и болѣзнь обрѣтохъ и имя Господне призвахъ*. И въ другомъ мѣстѣ: *видѣхъ неразумѣвающія и истаяхъ, яко словеса Твоихъ не сохраниша*. *Истаяла мя есть ревность Твоя, яко забыша словеса Твоя врази мои*. И еще: *ревность дому Твоего снѣде Мя* (Псал. 114, 3. 118, 158. 139. 68, 10). Сіи послѣднія слова произнесъ отъ своего лица Иисусъ Христовъ, когда, по той же ревности къ славѣ Божіей, изгонялъ изъ храма безчинствующихъ. Равнымъ образомъ писатель апостольскихъ Дѣяній—св. Еванге-